

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Материалы Всероссийской конференции

6–7 апреля 2021 года
г. Екатеринбург

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЫЦИНА
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Материалы Всероссийской конференции

6–7 апреля 2021 года
г. Екатеринбург

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 316.334.3(063)
ББК С90я43
С69

С69 Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства : материалы Всероссийской конференции, 6–7 апреля 2021 года, г. Екатеринбург, Российская Федерация / редакционная коллегия: Старшинова А. В., Беляева Е. А., Сухова О. В. ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 392 с. : ил. — ISBN 978-5-7996-3367-7. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7996-3367-7

Материалы конференции посвящены рассмотрению актуальных вопросов социальной работы в XXI веке. Современные исследования социальной сферы, приведенные в сборнике, могут быть полезны для руководителей, работников сферы социального обслуживания, СО НКО, а также преподавателей и студентов высших и средних профессиональных образовательных учреждений.

УДК 316.334.3(063)
ББК С90я43

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Кафедра социальной работы департамента политологии и социологии УрФУ им. Первого Президента Б. Н. Ельцина в 2021 отметила 20-летний юбилей.

Важной вехой в развитии факультета политологии и социологии стало открытие кафедры социальной работы, которую возглавила А. В. Старшинова, в настоящее время доктор социологических наук, профессор, за заслуги в области образования награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Деятельность кафедры в значительной мере влияет на характер оказания социальных услуг населению в пределах Уральского региона путем формирования научной базы и реализации прикладных методик социального обслуживания населения, а также через подготовку высококвалифицированных специалистов для органов государственной власти и различного рода некоммерческих организаций.

Кафедра представлена высококвалифицированными специалистами в области изучения социальной работы и ее отраслевых направлений. Научно-исследовательские интересы кафедры связаны с изучением актуальных практик социальной работы: волонтерство, социальное сопровождение, краудсорсинг, социальное партнерство.

Кафедрой были успешно реализованы и реализуются в настоящее время несколько крупных исследовательских проектов, в том числе по заказу администрации г. Екатеринбурга и Министерства социальной политики Свердловской области. Эти исследования проводятся при непосредственном участии преподавателей кафедры в сотрудничестве со студентами и магистрантами. Политика кафедры направлена на сотрудничество с ведущими вузами России, с зарубежными партнерами. Преподаватели кафедры неоднократно стажировались в университетах Великобритании, Голландии, Германии, Дании, Норвегии, Канады, а также принимали участие в конференциях как российского, так и международного уровня.

Дорогие коллеги!

Благодарим Вас за проявленный интерес к конференции!

С уважением, коллектив кафедры социальной работы

А. В. Акимова,
*студентка кафедры теории и технологии социальной работы,
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева,
Самара*
e-mail: anna.akimova2014@gmail.com
Научный руководитель: канд. соц. наук, доцент Е. А. Миронова

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА ПО ПАТРОНАТНОМУ ВОСПИТАНИЮ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «патронат» и «патронатное воспитание» с другими формами устройства детей в Российской Федерации. Автором представлен анализ нормативно-правовых документов, в которых встречается термин «патронат». В статье выделено актуальное направление социальной политики, а также приведена положительная динамика развития патронатного воспитания на примере опыта Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области.

Ключевые слова: патронат, патронатная семья, социальная политика, формы устройства детей.

A. V. Akimova,
*student of the Department of Theory and Technology of Social Work,
Samara National Research University named after Academician S. P. Queen,
Samara*
e-mail: anna.akimova2014@gmail.com
Scientific adviser: Cand. social Sci., Associate Professor E. A. Mironova

RELEVANCE OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL EXPERIENCE IN PATRONAL EDUCATION

Abstract. The article deals with the concept of “patronage” and “foster care” with other forms of children’s education in the Russian Federation. The author presents an analysis of the normative legal documents in which the term “patronage” occurs. The article highlights the current direction of social policy, and also shows the positive dynamics of the development of foster care on the ex-

ample of the experience of the Ministry of Socio-Demographic and Family Policy of the Samara region.

Keywords: patronage, foster family, social policy, forms of living arrangement.

В современной России актуальным остается вопрос о формах устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому одной из основных задач нашего государства является реализация наиболее эффективных форм семейного устройства, которые могли бы заменить ребенку кровную семью, подготовили их к самостоятельной жизни в современном обществе, а также оказывали им психологическую, материальную, медицинскую и педагогическую помощь.

С реформированием законодательства, в том числе Семейного кодекса РФ, наряду с такими приоритетными формами устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья, появилась возможность использования и патронатной семьи в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации [1, с. 29].

В настоящее время патронатное воспитание регулируется лишь законами ряда регионов, так как в федеральное законодательство оно пока не вошло. Перейдем к терминологии и проанализируем перечисленные понятия на примере законодательных актов РФ (табл. 1).

Проанализировав данные, можно сказать, что современное федеральное российское законодательство, регулирующее социальную заботу о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, не дает определения термина «патронат» на федеральном уровне, но он используется в законах РФ, указах президента и постановлениях правительства. В частности, базовые термины — «патронат» и «патронатное воспитание» — имеют несколько трактовок.

В действующем Семейном кодексе Российской Федерации [2] и Федеральном законе от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [3] договор о патронатной семье фактически приравнен к такой форме устройства, как опека и попечительство. Так, под термином «патронат» следует понимать форму временного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в семью

Рассмотрение определений в федеральном законодательстве

Термин	Определение	Источник
Усыновление	Является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей	Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021). Ст. 124 п. 1
Опекунство	Форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия	Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве». Ст. 2
Попечительство	Форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать	Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве». Ст. 2

Термин	Определение	Источник
Приемная семья	согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации Опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре	Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021). Ст. 152, п. 1
Пагронат	Особая форма устройства детей, не сводимая к опеке или попечительству на возмездной основе	Указ Президента РФ «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 28.12.2012 г., № 1688

профессиональных воспитателей без наделения их статусом законных представителей с целью обеспечения условий их воспитания и гармоничного развития.

Что касается термина «патронатное воспитание», то под ним понимается вид патроната, форма устройства в семью патронатного воспитателя или форма опеки (попечительства) над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, которая устанавливается на основе договора о патронатном воспитании [4, с. 32].

Как отмечалось ранее, понятиями «патронат» и «патронатная семья» оперирует Указ Президента РФ № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 28.12.2012 г. В указе термин «патронат» трижды используется в одном ряду с терминами «опека», «попечительство» [4, с. 35].

На этом основании можно сказать, что патронат рассматривается как особая форма устройства детей, которая не сводится к опеке или попечительству на возмездной основе.

На сегодняшний день один из важных вопросов, который требует правового урегулирования, — вопрос о круге требований, предъявляемых к гражданам, выразившим желание стать патронатными воспитателями. В законодательстве субъектов РФ нет однозначных критериев отбора данной категории замещающих родителей.

В регионах РФ нет единого подхода к субъектам — участникам договора о патронатном воспитании. В некоторых регионах, согласно законодательству, должны подписываться трехсторонние договоры (между органами опеки, учреждением и воспитателем), в других — двусторонние, только между воспитателем и органами опеки или между воспитателем и учреждением [5].

Рассмотрим региональный опыт по патронатному воспитанию на примере Самарской области. В настоящее время вопросами осуществления государственного управления в сфере комплексного социального обслуживания семьи и детей, обеспечения государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству над несовершеннолетними занимается Министерство социально-демографической и семейной политики Самарской области [6].

В 2012–2013 гг. на воспитание в семью передано детей, оставшихся без попечения родителей (рис. 1):

- на усыновление 153 ребенка, из них 11 — иностранным гражданам (2012 г. — 172, из них 25 — иностранным гражданам);
- в приемные семьи — 398 детей (2012 г. — 317);
- на патронатное воспитание — 31 ребенок (2012 г. — 1).

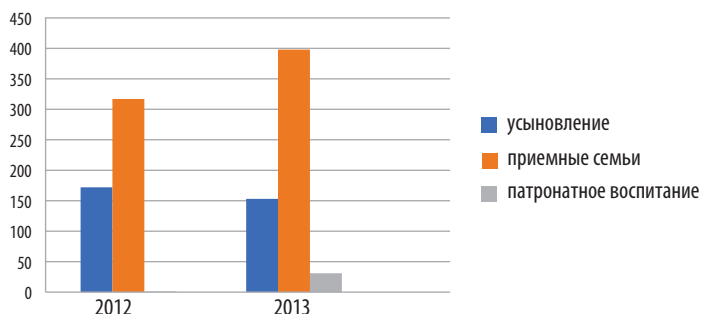

Рис. 1. Формы устройства детей 2012–2013 гг.

Развитие института замещающих семей позволит замедлить негативную тенденцию воспроизводства социального сиротства и уменьшить количество воспитанников детских домов, социальных приютов. Результатом развития патронатного воспитания то, что за последнее время в Самарской области значительно сократилось число детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в детских домах.

Как результат положительной динамики можно отметить, что с 2000 г. закрыто 3 детских дома и 3 школы-интерната для детей, оставшихся без попечения родителей.

Мы соглашаемся с Тасеевым В.Б., что в настоящее время федеральные и региональные органы государственной власти работают над реализацией семейной политики в целях создания условий для развития патронатного воспитания, о важности которого можно судить из количества патронируемых детей в России. Развитие института замещающих семей позволяет приостановить негативную тенденцию воспроизводства социального сиротства, уменьшить

количество воспитанников детских домов, социальных приютов и сократить количество учреждений несемейного воспитания [7, с. 133].

В завершение настоящей статьи отметим, что без решения правовых вопросов по патронатному воспитанию на федеральном уровне затруднено развитие института замещающих семей. Развитие патронатной семьи покажет лучшую динамику в регионах и в масштабах всей страны только с установлением единых требований к участникам договора, что является эффективным инструментом защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Литература

1. *Шамина А. И.* Проблемы правового регулирования патронатного воспитания в Российской Федерации. Анапа : Научное сообщество XXI века, 2019. С. 28–33.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ 2008. № 17. Ст. 1755.
4. *Асадуллина Г. Р., Бурханова Ф. Б.* Патронатная семья в современной России : кол. монография / под ред. Ф. Б. Бурхановой. Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. 276 с.
5. *Косова О. Ю.* Развитие законодательства о патронате // Вестн. ОмГУ. Серия. Право. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-zakonodatelstva-o-patronate> (дата обращения: 21.03.2021).
6. Правительство Самарской области : [офиц. сайт]. URL: <http://www.samregion.ru>.
7. *Тасеев В. Б.* Развитие региональной модели социальной политики в интересах семьи и детей // Вестн. СамГУ. 2014. № 4 (115). С. 132–134.

References

1. *Shamina A. I.* Problems of legal regulation of foster care in the Russian Federation. Anapa : Scientific community of the XXI century. 2019. P. 28–33.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995. № 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. P. 16.
3. Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ “On Guardianship and Guardianship” // Collected Legislation of the Russian Federation 2008. No. 17. P. 1755.

4. *Asadullina G. R., Burkhanova F. B.* Foster family in modern Russia: a collective monograph / ed. by F. B. Burkhanova. Ufa : RITs BashGU, 2016. 276 p.

5. *Kosova O. Y.* Development of legislation on patronage // Bulletin of OmSU. Series. Right. 2010. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-o-patronate> (date of access: 03.21.2021).

6. Government of the Samara region: official site. URL: <http://www.sam-region.ru>.

7. *Taseev V. B.* Development of a regional model of social policy in the interests of families and children // Bulletin of SamSU. 2014. No. 4 (115). P. 132–134.

Э. Р. Гафарова,

*студентка 4-го курса кафедры социальной работы,
e-mail: elina-gafre@yandex.ru*

Е. Б. Архипова,

*доцент кафедры социальной работы
e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru*

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

ПРИМЕНЕНИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Аннотация. В статье приводится характеристика новой для российского некоммерческого сектора формы привлечения ресурсов для решения внутренних задач организаций. Авторами предпринята попытка разграничить значение терминов «интеллектуальное» и «pro bono» волонтерство, а также сделать описательный анализ онлайн-платформ, представляющих собой

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемом в СПбГУ.

площадку для взаимодействия НКО и квалифицированных специалистов различных сфер деятельности.

Ключевые слова: онлайн-платформы интеллектуального волонтерства, pro bono волонтерство, профессиональная поддержка некоммерческих организаций.

E. R. Gafarova,

4th year student of the Department of Social Work,

e-mail: elina-gafre@yandex.ru

E. B. Arkhipova,

Associate Professor of the Department of Social Work

e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Ural Federal University

named after First President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg

USING ONLINE PLATFORMS OF INTELLECTUAL VOLUNTEERING FOR ACTIVITY OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS*

Abstract. The article describes a new form of attracting resources for solving internal tasks of organizations for the Russian non-profit sector. The authors attempt to differentiate the meaning of the terms “intellectual” and “pro bono” volunteering, also they make a descriptive analysis of online platforms that represent a special area for interaction between non-profit organizations and qualified specialists in various fields of activity.

Keywords: online platforms of intellectual volunteering, pro bono volunteering, professional support of non-profit organizations.

Некоммерческие организации являются важным элементом гражданского общества, стимулирующим активность населения при решении социальных проблем.

* This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation on the theme of the project “Challenges of the transformation of Welfare State in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services”; project No. 19-18-00246, implemented at SPbU.

СОНКО имеют ряд положительных характеристик, среди которых самостоятельность в организации деятельности, выборе технологий и методов работы. Благодаря отсутствию тесных рамок, ограничивающих свободу этого выбора, и меньшей регламентации внутреннего функционирования некоммерческие организации обладают большим инновационным потенциалом. Социально ориентированные НКО более склонны, чем государственные учреждения, применять в своей работе новейшие практики, в т. ч. привлечения сторонних ресурсов. Они активно используют социальные сети, технологии фандрайзинга, аутсорсинга и другие технологии, способствующие повышению эффективности и качества предоставляемых услуг.

При этом в условиях трансформации «третьего сектора» с возрастанием требований открытости ограниченность внутренних ресурсов некоммерческих организаций часто является непреодолимым барьером на пути их развития, что обуславливает необходимость использовать различные формы поддержки НКО как со стороны государства, так и со стороны коммерческого сектора и гражданского общества. Так как НКО выступают в качестве участников отношений в социальной среде, деятельность которых направлена на благо общества, то появляется возможность взаимодействия и получения поддержки от других участников этих отношений. Например, организация, имеющая недостаточно сотрудников для реализации какого-либо проекта, может привлекать к своей деятельности волонтеров. С 2011 года численность волонтеров, задействованных в социально ориентированных некоммерческих организациях, увеличилась более чем в 2 раза, составив к 2018 году 2937,3 тыс. человек [1, с. 3–4].

В последние годы активно развивается новая форма волонтерства — интеллектуальное волонтерство, в рамках которого социально ориентированная некоммерческая организация может получить безвозмездную квалифицированную поддержку при решении внутренних организационных задач.

В основе интеллектуального волонтерства лежит идея *pro bono* волонтерства, т. к. его целью является оказание профессиональной помощи некоммерческим организациям на безвозмездной осно-

ве. Изначально этот вид волонтерства был наиболее востребован в сфере юридической поддержки в США, но со временем ряд предоставляемых услуг значительно расширился, а американский опыт взаимодействия представителей бизнес-среды и некоммерческого сектора был успешно перенят экспертами разных стран.

Возможность применения *pro bono* волонтерства является ресурсом социально ориентированных некоммерческих организаций, т. к. позволяет оптимизировать затраты. Согласно результатам опроса, проведенного исследовательским центром НИУ ВШЭ [2, с. 4–5], 56 % опрошенных организаций становились получателями услуг профессиональных волонтеров, при этом 96 % СОНКО выразили полную удовлетворенность качеством предоставляемых услуг. 43 % руководителей, принявших участие в опросе, отметили, что их социально ориентированные некоммерческие организации, безусловно, нуждаются в квалифицированной и безвозмездной помощи частных лиц и компаний. Частично именно востребованность среди некоммерческих организаций профессиональной помощи обуславливает развитие интеллектуального волонтерства.

Тем не менее следует разграничить эти понятия, отметив, что в случае интеллектуального волонтерства предполагается предоставление услуг, ценность которых заключается в использовании интеллектуальных ресурсов волонтеров. В то время как *pro bono* волонтерство допускает применение как интеллектуальных, так и практических навыков: например, профессиональный таксист может безвозмездно предоставлять услугу перевозки некоммерческим организациям. Если *pro bono* волонтерство тесно связано с профилем трудовой деятельности, то в интеллектуальном волонтерстве специалист может оказывать услуги в любой сфере, в которой обладает необходимыми знаниями, вне зависимости от того, связана ли с этим его профессиональной деятельностью. Более того, отличительной чертой *pro bono* волонтерства является предоставление услуг исключительно на безвозмездной основе, а в случае небольшого поощрения данный вид волонтерства преобразуется в *low bono* [3, с. 3]. Однако по данному признаку *pro bono* и интеллектуальное волонтерство разграничивают только исследователи, а сами коммерческие компании и квалифицирован-

ные специалисты, которые помогают НКО, воспринимают данные понятия как тождественные.

Таким образом, интеллектуальное волонтерство наравне с другими видами волонтерства и технологиями привлечения внешних ресурсов является не устоявшейся в российской действительности практикой, однако уже имеет свои характерные отличия. Как правило, интеллектуальное волонтерство возможно в удаленном формате благодаря существующим онлайн-платформам. Анализ таких платформ, как Todogood, ProCharity, «IT-волонтер», «Пасека», «Теплица социальных технологий», позволит сформировать представление о развитии интеллектуального волонтерства в современных российских условиях.

Todogood — платформа «социальных изменений», цель которой — «популяризовать культуру pro bono в России и создать сообщество молодых талантливых лидеров, способных решать масштабные социальные проблемы» [4]. На платформе реализованы десятки проектов, в рамках которых квалифицированные специалисты оказывали услуги в сфере стратегического планирования, маркетинга, права, организационного управления различным общественным организациям, благотворительным фондам, автономным некоммерческим организациям и т. д. Так, например, в рамках одного из проектов предусмотрен сбор команды из маркетолога, бизнес-аналитика, финансиста, финансового аналитика, PR-специалиста для разработки стратегии корпоративного фандрайзинга. В результате проекта автономная некоммерческая организация «Я тебя слышу» получит сформированный список компаний — потенциальных спонсоров, а также формат представления деятельности организации и материалы для продвижения. Таким образом, АНО повышает свои возможности на получение финансовой поддержки коммерческих компаний, представленных в регионе.

Платформа ProCharity [5] была запущена с целью привлечения коммерческих компаний к оказанию помощи организациям «третьего сектора» благотворительным фондом «Друзья», деятельность которого направлена на поддержку НКО. Платформа является своеобразным инструментом для поиска некоммерческими организациями интеллектуальных волонтеров. В отличие от приведенной

выше платформы, ProCharity из принятых на рассмотрение заявок СОНКО формирует не проекты, а задания. Так, с 2017 года было выполнено 2280 заданий, 58 заданий открыты для выполнения. Наиболее востребованные среди открытых заданий относятся к сфере дизайна и верстки — таких заданий 19, также организациям требуется помощь в сфере маркетинга — заданий из данной области 10, чуть менее популярны услуги IT-специалистов — их помощь ожидается в 9 случаях. Труд интеллектуальных волонтеров оценивается бонусами компаний-партнеров, предлагающих взамен бесплатные билеты на каток, выставки, музеи, аттракционы, скидки на билеты в кинотеатре, бесплатные электронные книги и многое другое. Таким образом, подкрепляется мотивация 2 120 волонтеров, изъявивших желание оказать профессиональную помощь 459 социально ориентированным некоммерческим организациям.

Стоит отметить, что особое внимание уделяется благотворительным фондам, которых в общем количестве организаций — подавляющее большинство. Так, благотворительный детский фонд «Мы вместе», деятельность которого направлена на поддержку детей с онкологическими и другими тяжелыми заболеваниями, проживающих в Свердловской области, разместил на платформе 2 задания. В 2020 году организация получила помощь волонтеров из Москвы и Рубцовска в выполнении аудита социальных сетей и дизайне сайта. Одно из преимуществ использования платформ интеллектуального волонтерства заключается в возможности волонтеров предоставлять услуги в удобное для них время удаленно, а также в возможности некоммерческих организаций не ограничиваться в выборе подходящего специалиста для выполнения задания территорией, на которой она расположена.

«IT-волонтер» — онлайн-платформа, благодаря которой волонтеры смогут реализовать свой потенциал с пользой для общества [6]. Платформа является проектом «Теплицы социальных технологий» — инструмента, цель которого «сделать некоммерческий сектор России сильным и независимым с помощью информационных технологий» [7]. Теплица социальных технологий предоставляет обучающие статьи и видеоуроки по краудсорсингу и краудфандингу, дизайну, аналитике и другим направлениям, конструктор сайтов

и другие бесплатные или льготные возможности в сфере программного обеспечения. Платформа «IT-волонтер» объединяет 7108 специалистов из области информационных технологий, помогающих выполнить более 1300 заданий по созданию и продвижению сайтов, чат-ботов, мобильных приложений, монтажированию видеороликов, написанию текстовой рекламы и т. д. Наиболее распространенным запросом социально ориентированных некоммерческих организаций на платформе являются задания в сфере дизайна и оформления — их количество составляет 809, следующими по востребованности являются задания в области веб-сайтов и разработки — их 727, по маркетингу и коммуникации размещено 114 заданий.

В отличие от проекта ProCharity, разработчики данной платформы не предусматривают вознаграждения за труд волонтеров, но приводят в пример символические подарки, интересные события и впечатления, полезные услуги, отзывы и продвижение или небольшое денежное вознаграждение в качестве возможной оплаты труда. В конечном счете ответственность за мотивирование специалистов лежит на самих некоммерческих организациях, ожидающих помощь в решении своих задач. Несмотря на сложность заданий, высокие требования к качеству, сжатые сроки выполнения, осложненные поздней подачей заданий, организации в большинстве случаев в качестве вознаграждения предпочитают благодарственные письма или упоминание волонтера в благодарности на сайте организации. Вследствие этого возможно формирование взаимного недоверия специалистов и организаций друг другу и платформе интеллектуального волонтерства.

«Теплица социальных технологий» имеет несколько проектов, способствующих развитию некоммерческого сектора. Одним из них является «Пасека» — платформа, на которой представлен реестр коммерческих компаний, готовых к сотрудничеству с представителями «третьего сектора» на условиях *pro bono* или *low bono* волонтерства [8]. Некоммерческие организации, которым требуются услуги дизайнера, маркетолога, аналитика и других специалистов, могут выбрать из представленных компаний соответствующую их требованиям и потребностям и сделать запрос о возможности выполнения определенной задачи. Пример такого сотрудниче-

ства — разработка компанией “Pushkeen” фирменного стиля для АНО «Дом удивительных людей 77», деятельность которой направлена на сопровождение и социализацию людей с особенностями здоровья и развития, в том числе с ментальной инвалидностью, на территории Москвы. В результате работы организация получила логотип, шаблоны презентаций, документов и шрифты, используемые некоммерческой организацией на печатной продукции, сайте и в социальных сетях.

Удобство применения платформ интеллектуального волонтерства заключается также в отсутствии территориальных рамок: как волонтеры, так и некоммерческие организации могут располагаться в различных регионах и при этом иметь одинаковые возможности. Также интеллектуальное волонтерство позволяет снизить нагрузку на сотрудников коммерческих компаний, предоставляющих услуги в классической форме pro bono волонтерства, т. к. привлекает к выполнению задач НКО только заинтересованных в этом специалистов, самостоятельно выбирающих, какие услуги, когда и какой организации они готовы оказать.

На сегодняшний день осуществляется поиск оптимальных условий для взаимодействия и обеспечения взаимовыгодных условий для всех участников интеллектуального волонтерства. Так, в условиях популяризации идеи непрерывного образования, получения дополнительного профессионального опыта и развития собственных компетенций интеллектуальное волонтерство становится все более актуальным. Волонтеры, принимающие участие в проектах по поддержке некоммерческих организаций, получают возможность приобрести опыт и повысить компетенции, тем самым повысив свою потребность на рынке труда. Большое значение имеет мотивация волонтеров и предприятий способствовать решению социальных проблем через предоставление помощи социально ориентированным некоммерческим организациям.

В то время как государство поддерживает функционирование «третьего сектора» внесением изменений в нормативно правовые акты, регулирующие его деятельность, выделением грантов и субсидий, организацией мероприятий для обмена опытом и повышения компетенций сотрудников НКО и другими мерами, бизнес-сектор

восполняет возникшие пробелы в поддержке некоммерческих организаций. Квалифицированные сотрудники коммерческих компаний помогают некоммерческим организациям соответствовать условиям функционирования, продиктованным государственным сектором. Так, например, для повышения доверия клиентов, деятельность некоммерческих организаций — поставщиков социальных услуг должна быть открытой и прозрачной. Однако компетенций сотрудников может быть недостаточно для создания сайта и продвижения организации в социальных сетях, в таком случае в соответствии с этими потребностями ИТ-волонтеры, представители различных компаний, могут безвозмездно оказать услуги. Таким образом, коммерческие компании создают условия для преодоления барьеров в развитии некоммерческих организаций благодаря участию в модернизации их деятельности.

На наш взгляд, идея активной помощи бизнес-сектора в развитии некоммерческих организаций указывает на гуманизацию общества и укрепление связей между социальными институтами. Интеллектуальное волонтерство — это качественно новый уровень развития pro bono волонтерства, инновационность которого заключается в информатизации взаимодействия бизнес-сектора, некоммерческих организаций и гражданского общества, создании онлайн-платформ, повышающих эффективность этого процесса.

Литература

1. *Мирончук В. А.* Анализ современного состояния некоммерческих организаций в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-nekommercheskih-organizatsiy-v-rossii> (дата обращения: 21.01.2021).
2. *Мерсиянова И. В.* НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nko-kak-postavschiki-sotsialnyh-uslug-verifikatsiya-slabyh-storon> (дата обращения: 13.02.2021).
3. Аналитический отчет по результатам исследовательского проекта «PRO BONO: российские практики и вектор развития». URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/cb0/cb03ed676099dff7376a45f71ac1b603.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

4. Платформа интеллектуального волонтерства Todogood. URL: <https://todogood.com/abouts> (дата обращения: 13.02.2021).
5. Платформа интеллектуального волонтерства ProCharity. URL: https://procharity.ru/about_project/ (дата обращения: 15.02.2021).
6. Платформа интеллектуального волонтерства «ИТ-волонтер». URL: <https://itv.te-st.ru/> (дата обращения: 16.02.2021).
7. Платформа «Теплица социальных технологий». URL: <https://te-st.ru/about/> (дата обращения: 16.02.21).
8. Платформа интеллектуального волонтерства «Пасека». URL: <https://paseka.te-st.ru/> (дата обращения: 16.02.2021).

Referenses

1. *Mironchuk V. A.* Analysis of the current state of non-profit organizations in Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-nekommercheskih-organizatsiy-v-rossii> (date of access: 21.01.2021)
2. *Mersiyanova I. V.* NPOs as social service providers: verification of weak sides. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nko-kak-postavschiki-sotsialnyh-uslug-verifikatsiya-slabyyh-storon> (date of access: 13.02.2021)
3. Analytical report on the results of the research project “PRO BONO: Russian practices and vector of development”. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/cb0/cb03ed676099dff7376a45f71ac1b603.pdf> (date of access: 12.02.2021)
4. Platform of intellectual volunteerism Todogood. URL: <https://todogood.com/abouts> (date of access: 13.02.2021)
5. ProCharity Intelligent Volunteering Platform. URL: https://procharity.ru/about_project/ (date of access: 15.02.2021)
6. Platform of intellectual volunteering IT-volunteer. URL: <https://itv.te-st.ru/> (date of access: 16.02.2021)
7. Platform “Greenhouse of social technologies”. URL: <https://te-st.ru/about/> (date of access: 16.02.2021)
8. Platform of intellectual volunteerism “Paseka”. URL: <https://paseka.te-st.ru/> (date of access: 16.02.2021)

Д. И. Баклагина,

*студент 1-го курса магистратуры
кафедры социальной работы,
e-mail: dasha_baklagina@mail.ru*

Е. Б. Архипова,

*доцент кафедры социальной работы,
e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru
Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: СУЩНОСТЬ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к определению понятия «социальное предпринимательство» российских и зарубежных авторов. Наличие множества подходов к определению сущности социального предпринимательства говорит об актуальности данного явления у исследователей. На основании терминологического анализа были определены критерии социального предпринимательства, адаптированные к российским условиям.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, предприниматель, социальный бизнес, социальный эффект.

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемом в СПбГУ.

D. I. Baklagina,

*1st year Master's student of the Department of Social Work,
e-mail: dasha_baklagina@mail.ru*

E. B. Arkhipova,

*Associate Professor of the Department of Social Work,
e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru*

Ural Humanitarian Institute

Ural Federal University

named after First President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: ESSENCE, DEFINITIONS AND KEY FEATURES*

Abstract. The article investigates the approaches to the definition of the concept of "social entrepreneurship" by Russian and foreign authors. The wide range of approaches to defining the essence of social entrepreneurship means that this phenomenon is interested by researchers. Based on the terminological analysis, the criteria for social entrepreneurship, adapted to Russian conditions, were determined.

Keywords: social entrepreneurship, entrepreneur, social business, social effect.

Исторически предпринимательство являлось движущей силой инновационного развития рыночной экономики, а предприниматель воспринимался как новатор и генератор идей по улучшению инфраструктуры общества.

Уже в XIX в. в разных странах существовали практики, которые можно отнести к социальному предпринимательству. Например, в нашей стране более чем в 20 губерниях было открыто 142 дома трудолюбия, где каждый нуждающийся мог найти себе работу, получить приют и заботу [1]. Однако в советский период данный вид деятельности по объективным причинам потерял свою акту-

* This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation on the theme of the project "Challenges of the transformation of Welfare State in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services"; project No. 19-18-00246, implemented at SPbU

альность. Термин «социальное предпринимательство» стал активно использоваться в российской науке и практике уже только в XXI в. и завоевал свою популярность, также как и данный вид деятельности. На 2020 год, по данным Торгово-промышленной палаты РФ, в России насчитывается около 50 тысяч социальных предприятий [2], для сравнения в Великобритании в 2019 году насчитывалось свыше 70 тысяч [3].

Развитие социального предпринимательства и актуальность его изучения на современном этапе обусловливается обострением социальных проблем, влекущих за собой социальное неравенство, диспропорцией в отношении уровня заработных плат, безработицей, сокращением расходов бюджета на образование и здравоохранение. В этих условиях социальное предпринимательство может выступать эффективным способом решения общественных проблем, предоставляя населению рабочие места и услуги, влияя на изменение социально-экономических условий, сглаживая социальную напряженность между различными общественными группами.

Современные исследователи активно изучают эволюцию социального предпринимательства, анализируют его сущность и понятие, определяют его особенности и характеристики, разрабатывают классификации видов социального предпринимательства.

Базой концепции социального предпринимательства выступают труды зарубежных авторов, таких как Г. Диз [4], Дж. Боши [5], Дж. Томпсон [6], Р.Л. Мартин, С. Осберг [7], Дж. Мэйр, И. Марти [8], М. Юнус [7].

Классическим считается определение, данное американским экономистом Грегори Дизом [4]. Он определяет социальное предпринимательство как применение практик традиционного предпринимательства для достижения социальных целей или выполнения социальной миссии.

Джерр Боши дополнил его определение, подчеркивая необходимость баланса между нравственными нормами и стремлением к прибыли [5].

С позиции некоммерческого сектора подходит к определению Дж. Томпсон. Он говорит, что учреждения некоммерческого сектора

считаются социальными предприятиями, если применяют в деятельности навыки ведения традиционного бизнеса [6].

Исследователи Р.Л. Мартин и С. Осберг описывают миссию и роль социального предпринимателя. По их словам, предприниматель стремится принести обществу или его части значительные трансформирующие выгоды [7].

Дж. Мэйр и И. Марти отмечают, что социальные предприниматели не всегда действуют из альтруистических целей. Другим стимулом может быть личное удовлетворение [8].

М. Юнус говорит о том, что у определения «социального предпринимательства» нет границ. Любая инновационная деятельность, цель которой — помочь людям, может считаться социальным предпринимательством. Здесь на первый план выходит такой критерий как инновации [7].

Отечественные авторы, такие как Д. Борнштейн [9], В. Глушков [10], В.Н. Якимец [11], Н. Зверева [12], также предпринимают попытки определить концептуальные рамки данного вида деятельности. До 2019 года законодательно в России не было закреплено определение «социального предпринимательства», поэтому российские исследователи при трактовке понятия опирались на анализ уже существующих зарубежных подходов и обосновывали необходимость законодательного закрепления понятия «социальное предпринимательство». После научный вектор сместился в сторону критики принятого закона и обсуждению его проблемных зон.

Д. Борнштейн определяет социальное предпринимательство как новаторскую деятельность, которая направлена на решение или смягчение общественных социальных проблем на условиях самокупаемости и устойчивости [9]. Схожего подхода придерживается исследователь В. Глушков [10].

В.Н. Якимец определяет социальное предпринимательство как закреплённую юридически деятельность, нацеленную на производство благ и/или услуг, целью которой является решение социальной проблемы для целевой группы или местного сообщества [11]. Он акцентирует внимание на государственно-частном партнерстве, когда предприниматель выступает активатором социальных перемен,

решая насущные социальные проблемы общества и осуществляя роль государства.

Н. Зверева — директор фонда «Наше будущее», одного из первых социальных предприятий России, — выделяет следующие признаки социального предпринимательства :

- самоокупаемость и финансовая устойчивость (способность социального предприятия решать проблемы до тех пор, пока это необходимо, и за счет доходов, получаемых от собственной деятельности);

- предпринимательский подход (способность предпринимателя видеть провалы рынка, находить возможности, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения);

- масштабируемость и тиражируемость (увеличение масштаба деятельности социального бизнеса и распространение опыта для увеличения социального воздействия на общество);

- инновации (применение новых, неповторимых подходов, позволяющих увеличить социальное воздействие);

- социальное воздействие (целевая направленность на решение существующих социальных проблем, устойчивые позитивные измеримые социальные результаты)[12].

В 2019 году вступил в силу Закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”», который дает трактовку понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», тем самым закрепляя их на национальном уровне [13].

Так, к социальным предприятиям относятся те субъекты МСП, которые соответствуют хотя бы одному из критериев:

- осуществление деятельности, направленной на достижение общественно-полезных целей и способствующей решению социальных проблем (например, организация отдыха и оздоровления детей);

- обеспечение занятости социально уязвимых категорий граждан (например, инвалиды, пенсионеры и пр.);

- обеспечение реализации товаров и услуг для социально уязвимых категорий граждан и осуществление деятельности по производству товаров (работ, услуг).

В результате проведенного анализа социального предпринимательства можно сформулировать критерии данного феномена, наиболее подходящие к условиям российской экономики.

1. Инновационность. Без инноваций социальное предприятие не может предложить обществу решение социальных проблем. Предприниматель — это новатор, чьи идеи способны изменить негативные социальные вопросы в положительные ответы. Инновациями в данном случае считаются новые стратегии, концепции, продукты и подходы, удовлетворяющие социальные потребности группы или общества.

2. Масштабируемость. Возможность предприятия расти и распространять свой опыт на другие территории и аудитории для увеличения социального эффекта.

3. Социальная направленность — это главное отличие от традиционного предпринимательства. Данный критерий говорит о возможности социального бизнеса решать сложившиеся проблемы общества и помогать незащищенным слоям населения в преодолении кризисных ситуаций.

4. Самоокупаемость и финансовая устойчивость. Предприятие должно быть способно обеспечивать работу за счет доходов от собственной деятельности, а не только от получения субсидий от государства. Роль предпринимателя здесь состоит в продумывании грамотной стратегии по активизации ресурсов компании.

5. Риск — это обязательное условие, сопутствующее созданию и деятельности любой предпринимательской организации. Предприниматель рискует своим имуществом, честью и авторитетом при неблагоприятном исходе.

6. Трансляция положительных ценностей. Чтобы предприятие было успешным с точки зрения привлечения ресурсов и видимого социального эффекта, предприниматель должен разделять ценности своего бизнеса, быть его идейным вдохновителем, транслировать ценности и миссию обществу. Своей деятельностью подавать положительный пример другим бизнесам.

7. Добровольность. Предприниматель создает бизнес, исходя из собственных желаний, а не по принуждению. Так же, как и во-

лонтеры, которые помогают организации, или крупные бизнесы, спонсирующие благотворительные проекты.

8. Долгосрочность. Конечная цель социального предпринимательства — это долгосрочные глубокие перемены в жизни общества. Кроме того, сам бизнес должен иметь долгосрочные планы по развитию и масштабируемости.

9. Ответственность. Предприятие берет на себя ответственность за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду и соответствует законодательству своей страны.

10. Поддержка государственных органов. Связи с муниципалитетом и прямые контакты с государственными деятелями упрощают процессы регистрации и субсидирования социальных предприятий.

Подводя итог, отметим, что на современном этапе существует большое количество определений социального предпринимательства. Наличие множества подходов к определению сущности социального предпринимательства и его отличительных черт свидетельствует о сложности и многогранности данного феномена, разнообразии форм и направлений деятельности. В научный дискурс включаются исследователи из самых различных предметных областей (от экономики до социальных наук), что усложняет академическое закрепление данной предметной области и развитие практики социально-предпринимательской деятельности, в том числе и в современных российских условиях.

Литература

1. Грищенко Ю. И. Развитие социального предпринимательства в России // Ведомости Московской городской думы. 2014. № 1. С. 183–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21825950&> (дата обращения: 04.03.2021).
2. В России работают около 50 тыс. социальных предприятий. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9054185> (дата обращения: 04.03.2021).
3. «Бизнес существует для того, чтобы менять жизнь людей». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010907> (дата обращения: 04.03.2021).
4. Dees G. J. The Meaning of “Social Entrepreneurship” // Duke Innovation & Entrepreneurship. Reformatted and revised: May 30, 2001. URL: <https://entrepreneurship.duke.edu/news-item/the-meaning-of-social-entrepreneurship/> (date of access: 04.03.2021).

5. *Boschee J.* Merging Mission and Money: A Board Member's Guide to Social Entrepreneurship. Washington, D. C. : National Center for Nonprofit Boards. 1998.

6. *Thompson J.* The world of the social entrepreneur // International Journal of Public Sector Management. 2002. Vol. 15, No. 5. P. 412–431.

7. *Martin R., Osberg S.* Social Entrepreneurship: The Case for Definition // Stanford Social Innovation Review. 2007. No. 5. P. 29–39.

8. *Mair J., Marti I.* Social Entrepreneurship Research: A Source of Explanation, Prediction and Delight // Journal of World Business. 2006. Vol. 41, iss. 1. P. 36–44.

9. *Борништейн Д.* Как изменить мир: Социальное предпринимательство и сила новых идей. М., 2016. 499 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/95698> (дата обращения: 04.03.2021).

10. *Глушков В.* Социальное предпринимательство в России. Начало пути // Российский микрофинансовый центр. 2011. URL: <http://www.rm-center.ru/about/news/2907/> (дата обращения: 18.03.2021).

11. *Якимец В. Н., Никовская Л. И.* Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. Том 26, № 4. С. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>.

12. *Зверева Н. И.* Создание успешного социального предприятия. М., 2017. 260 с.

13. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2019. № 30. Ст. 4147.

References

1. *Grishchenko Yu. I.* Development of social entrepreneurship in Russia // Vedomosti of the Moscow City Duma. 2014. No. 1. P. 183–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21825950&> (date of access: 04.03.2021).

2. There are about 50 thousand social enterprises operating in Russia. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9054185> (date of access: 04.03.2021).

3. Business exists to change people's lives. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010907> (date of access: 04.03.2021).

4. *Dees G. J.* The Meaning of “Social Entrepreneurship” // Duke Innovation & Entrepreneurship. Reformatted and revised: May 30, 2001. URL: <https://entrepreneurship.duke.edu/news-item/the-meaning-of-social-entrepreneurship/> (date of access: 04.03.2021).

5. *Boschee J.* Merging Mission and Money: A Board Member’s Guide to Social Entrepreneurship. Washington, D. C. : National Center for Nonprofit Boards. 1998.

6. *Thompson J.* The world of the social entrepreneur // International Journal of Public Sector Management. 2002. Vol. 15, no. 5. P. 412–431.

7. *Martin R., Osberg S.* Social Entrepreneurship: The Case for Definition // Stanford Social Innovation Review. 2007. No. 5. P. 29–39.

8. *Mair J., Marti I.* Social Entrepreneurship Research: A Source of Explanation, Prediction and Delight // Journal of World Business. 2006. Vol. 41, Iss. 1. P. 36–44.

9. *Bornstein D.* How to change the world: Social entrepreneurship and the power of new ideas. M., 2016. 499 p. URL: <https://e.lanbook.com/book/95698> (date of access: 04.03.2021).

10. *Glushkov V.* Social entrepreneurship in Russia. The beginning of the path // Russian Microfinance Center. 2011. URL: <http://www.rmcenter.ru/about/news/2907> (date of access: 04.03.2021).

11. *Yakimets V. N., Nikovskaya L. I.* Mechanisms and principles of inter-sectoral social partnership as a basis for the development of public-public administration. 2018. Vol. 26, № 4. P. 15–25. DOI : <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>

12. *Zvereva N. I.* Creation of a successful social enterprise. M., 2017. 260 p.

13. Federal Law No. 245-FZ of 26.07.2019 “On Amendments to the Federal Law” On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation “regarding the consolidation of the concepts of “social entrepreneurship”, “social enterprise” // Sobranie zakonodatelstva RF. 29.07.2019. No. 30. St. 4147.

Д. А. Березовская,
*студент 1-го курса магистратуры
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург
e-mail: berezovskaja.daria@yandex.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена изучению приоритетных направлений деятельности по развитию кадрового, научно-методического, медико-биологического обеспечения адаптивной физической культуры и спорта. На примере государственного учреждения и некоммерческих организаций Свердловской области было рассмотрено, какими методами осуществляется физкультурно-оздоровительная деятельность и как она влияет на физическое и моральное состояние спортсменов с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, субъективное благополучие, адаптивный спорт, люди с ограниченными возможностями здоровья.

D. A. Berezovskaya,
*1st year master's student
Ural Federal University
named after the First President Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg
e-mail: berezovskaja.daria@yandex.ru*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN MODERN SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. The article is devoted to studying the priority directions of activities for the development of personnel, scientific-methodological, medical-biological support of adaptive physical culture and sports. On the example of a state institution and non-profit organizations of the Sverdlovsk region, it was considered

by what methods physical culture and health-improving activities are carried out and how it affects the physical and moral state of athletes with disabilities.

Keywords: adaptive physical education, subjective well-being, adaptive sports, people with disabilities.

В настоящее время современная ситуация общественного развития направлена на построение социально ориентированной модели экономики, которая, в свою очередь, гарантирует достойный уровень благосостояния граждан; соответствие установленным государственным стандартам и требованиям характеристики качества жизни; эффективное социальное обеспечение, а также решение задач охраны жизни и здоровья. Одним из показателей социально ориентированного общества является его отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья. За последние несколько лет можно отметить положительную динамику в расположении к лицам с инвалидностью. На государственном уровне активно принимаются меры для снижения уровня инвалидизации благодаря медицине, но нельзя не отметить роль адаптивной физической культуры в этом вопросе. Последние результаты Паралимпийских игр показали, что нашим спортсменам нет равных.

В Российской Федерации масштаб, роль и значение адаптивного спорта значительно возросли благодаря государственным программам развития адаптивной физической культуры и адаптивного спорта. Россия стала одним из мировых лидеров Паралимпийского и Сурдлимпийского движения. В целом тенденции развития адаптивного спорта в России позитивны. Задачи развития спорта инвалидов рассматривается на всех уровнях государственной власти, идет активная пропаганда здорового образа жизни, а проблемы адаптивной физической культуры, стоящие перед страной, постепенно решаются.

Исходя из Стратегии развития адаптивной физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года и государственной программой Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта», к 2020 году наше правительство планирует увеличить долю лиц с ограниченными возможностями здоровья, регулярно занимающихся физической культурой и профессиональ-

ным спортом. По предварительным данным, 20 % от общего числа инвалидов будут вовлечены в спортивную жизнь общества. Для реализации данной программы государство поставило следующие задачи:

- развитие комплексного подхода к улучшению физического воспитания людей с инвалидностью;
- создание условий для открытия учреждений спортивной направленности по адаптивной физической культуре и спорту;
- совершенствование мер по достижению высоких результатов спортивными сборными командами России на соревнованиях мирового масштаба [1].

Однако на сегодняшний день на региональном и муниципальном уровне существуют некоторые барьеры в реализации данного проекта. Так, неоснащенность спортивных площадок, недостаток спортивных снаряжений, отсутствие в большинстве учреждений физической реабилитации массажных столов, шведских стенок, резиновых бинтов, булав осложняет организацию физической реабилитации инвалидов, препятствуют проведению полноценных тренировок и, как следствие, сводит шансы к минимуму участие в спортивных состязаниях.

Также можно отметить, что в регионах наблюдается низкий уровень обеспечения материальной базой, несоответствующая современным требованиям окружающая среда, которая не приспособлена для инвалидов, отсутствие специального инвентаря и оборудования являются основными сдерживающими факторами развития адаптивной физической культуры и спорта на региональном и муниципальном уровнях [2, с. 180–183]. Эпизодичность и системный характер управления адаптивной физической культурой также являются сдерживающим фактором. Нет слаженной системы взаимодействия всех органов исполнительной власти, отвечающих за социальную адаптацию инвалидов и лиц с ограниченными возможностями, недостаточно выстроена координация действий государственных, общественных организаций, учреждений, занимающихся вопросами развития адаптивной физической культуры и спорта. Низкая популярность занятием физической культурой среди инвалидов существенно снижает качество их жизни, поэтому

популяризация адаптивной физической культуры является актуальным направлением в деятельности по развитию адаптивного спорта в нашей стране.

По мнению С. П. Евсеева, для решения мотивационной и финансовой проблемы развития адаптивного физического движения в регионах, на законодательном уровне следует принять ряд мер, которые будут содержать следующие пункты:

- необходимо создавать благоприятные условия для учреждений, которые помогают в организации программ, направленных на развитие адаптивной физической культуры и спорта для людей с ограниченными возможностями здоровья;

- поддержка спонсоров, финансирующих своими средствами развитие адаптивной физической культуры и спорта инвалидов, подготовку спортсменов-инвалидов к различным соревнованиям российского и международного уровня, включая Паралимпийские игры, Сурдлимпийские игры [3, с. 3–6].

Важнейшим этапом в деятельности по развитию адаптивной физической культуры является постоянное совершенствование ее основных научных принципов, выраженных в педагогике, медицине и биологии. Исходя из этого, можно выделить приоритетные направления деятельности по развитию кадрового, научно-методического, медико-биологического обеспечения адаптивной физической культуры и спорта:

- 1) осуществлять целенаправленную работу по привлечению молодых специалистов, тренеров, людей с инвалидностью в развитие адаптивной физической культуры, создавая новые рабочие места и возможность повышения квалификации;

- 2) организовывать научно-практические конференции, проводить семинары по вопросам развития адаптивной физической культуры и спорта;

- 3) анализировать и перенимать опыт западных специалистов по адаптивной физической культуре и внедрять в отечественную систему;

- 4) выпускать методические рекомендации по вопросам адаптивной физической культуры и спорта;

5) внедрять эффективные физкультурно-спортивные технологии, модернизировать систему научно-методического, медико-биологического, психолого-педагогического обеспечения тренировочно-соревновательной деятельности отдельных спортсменов-инвалидов, сборных команд, спортивного резерва по адаптивным видам спорта;

6) привлекать к деятельности по развитию адаптивной физической культуры и спорта научный потенциал высших учебных заведений [4].

Средства массовой информации в современном мире играют большую роль в популяризации и развитии адаптационного спорта. Как отмечает Л. Ш. Апциаури, непосредственное взаимодействие спортивных организаций со средствами массовой информации влияет на успешное развитие адаптационного спорта в регионе [5, с. 12–14]. Транслирование по телевидению передач об адаптивной физической культуре и спорте инвалидов, новости об успехах и достижениях спортсменов на соревнованиях, начиная с районного, заканчивая международным уровнем, будут способствовать повышению интереса населения к данной категории людей. Публикации в газетах и на интернет-порталах о действующих спортивных секциях для лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, вызовут интерес у маломобильных групп населения к физкультурно-спортивной деятельности.

На современном этапе развития политики адаптационного спорта уделяется большое внимание регионам и муниципальным образованияам. Так, например, в соответствии со ст. 38 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» финансирование адаптивного спорта относится к обязательствам субъекта Российской Федерации. Закон также определяет включение на региональном и муниципальном уровне программ по адаптивной физической культуре и спорту с целью повышения политики заинтересованности в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья [6]. Необходимость в реализации государственной политики по развитию адаптивной физической культуры и спорта на региональном уровне, обосновано наличием существующих проблем

в финансировании и управлении, а также низкой эффективностью принимаемых мер по их разрешению.

Свердловская область является одним из главных спортивных регионов, где формируются сборные команды России для участия в Паралимпийских, Сурдлимпийских играх, Всемирных играх Специальной Олимпиады, поэтому учреждениям, осуществляющим физкультурно-спортивную работу с лицами с ограниченными возможностями здоровья, в регионе уделяется особое внимание.

В этом направлении нами было проведено исследование на основе вторичного анализа данных, представленных в открытых источниках. Полученные результаты позволят оценить уровень развития адаптивной физической культуры в организациях города Екатеринбурга, а также дать практические рекомендации по их улучшению.

Рассмотрим на примере государственного учреждения и некоммерческих организаций Свердловской области, какими методами осуществляется физкультурно-оздоровительная деятельность и как она влияет на физическое и моральное состояние спортсменов с ограниченными возможностями здоровья. Одним из основных учреждений на территории Свердловской области, оказывающим услуги по физической реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья является государственное автономное учреждение Свердловской области «Областной центр реабилитации инвалидов». Согласно уставу учреждения, предметом деятельности автономного учреждения является социальное обслуживание граждан, реализация основных направлений реабилитации граждан, формирования доступной среды жизнедеятельности маломобильных групп населения. Основными видами деятельности, которые автономное учреждение осуществляет в соответствии с целями, для достижения которых оно создано, оказание социально-бытовых услуг, социально-медицинских услуг, социально-психологических услуг, социально-педагогических услуг, социально-трудовых услуг, социально-правовых услуг, услуг в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов. В учреждении работают отделения:

- отделение социально-психологической и социально-педагогической реабилитации;
- отделение социально-бытовой и социально-средовой реабилитации;
- отделение социально-медицинских услуг;
- отделение адаптивной физической культуры.

В отделении происходит восстановление (в том числе коррекция и компенсация) нарушенных или временно утраченных функций организма человека с использованием средств и методов адаптивной физической культуры и адаптивного спорта. Организация восстановительного лечения и реабилитации, выбор методики лечения, длительность лечения во многом зависят от вида заболевания, наличия осложнений и наличия сопутствующих заболеваний. Важное социальное значение деятельности отделения заключается в использовании в коррекционных целях ортопедических приспособлений и тренажеров комплексного и локального воздействия. Данные методики позволяют повысить эффективность лечения. Для каждого клиента рассчитываются индивидуально дозированные нагрузки различной направленности и мощности. Это способствует полному или частичному восстановлению функций опорно-двигательного аппарата, что позволит инвалиду самостоятельно расширять границы жизнедеятельности тем самым, повышая качество своей жизни. Отделение адаптивной физической культуры включает в себя несколько спортивных залов, бассейн, зал высокотехнологичной реабилитации, тренажерный зал и уличную спортивную площадку.

В последнее время Екатеринбург стал площадкой для обсуждения вопросов развития адаптивного спорта в России. В уральской столице прошел форум, посвященный Специальной Олимпиаде России «Здоровье семьи».

Генеральный директор Специальной Олимпиады России Егор Лебедев отметил, что Свердловская область была выбрана для организации и проведения мероприятия как лидирующий регион, реализующий программы Специальной Олимпиады.

Основная стратегическая задача Специальной Олимпиады России — привлечение большого количества людей с нарушенным интеллектом к занятиям спортом по специальным олимпийским

программам. При этом ставится цель их реабилитации — повышение физических способностей и социальная адаптация. Именно эти задачи ставились как приоритетные для российского форума «Здоровье семьи».

Проанализировав деятельность центра, представленную на главном сайте Областного центра реабилитации инвалидов, можно сделать вывод, что отделение адаптивной физической культуры направлено на лечение и замещение утраченных функций организма, развитие физических качеств. Пройдя полный курс физической реабилитации по средствам адаптивной физической культуры, индивид улучшает свои двигательные навыки, поднимает самооценку и избавляется от внутренней стигматизации, тем самым повышая субъективное благополучие. Также можно отметить, что адаптивная физическая культура является базовой основой для других видов реабилитаций.

Свердловская область считается одним из лидирующих регионов в развитии адаптивного спорта и имеет позитивный опыт в деятельности СО НКО в различных сферах, от охраны окружающей среды до здравоохранения. Во многом динамичный рост стал возможным благодаря решению задач адаптивной физической культуры на всех уровнях государственной власти, а также государственная политика в сфере признания адаптивного спорта приоритетным направлением для обеспечения активного участия лиц с ограничениями по здоровью во всех значимых сферах общественной деятельности. Несмотря на это, нами было выделено лишь несколько проектов, направленных на развитие спорта людей с ограниченными возможностями здоровья.

Одним из таких успешно развивающихся проектов является секция по занятию следж-хоккеем для детей с ДЦП. Проект «Сильные духом» реализуется благотворительным фондом «С миром и любовью» при поддержке Фонда президентских грантов и регионального министерства физической культуры и спорта. В Екатеринбурге церебральный паралич был диагностирован почти 600 детей в возрасте до 14 лет. Нарушение опорно-двигательного аппарата диагностировано у более пяти тысяч детей. Данная статистика указывает о необходимости принятия мер по реализации

реабилитации, адаптации и как следствие интеграции детей с особенностями в социальную среду. Занятия следж-хоккеем являются одним из способов для их самореализации. Благодаря тренировкам повышается самооценка индивида и сила, вырабатывается выносливость, улучшается состояние здоровья.

«Дети становятся более коммуникабельными и обретают друзей и единомышленников. У них появляются новые цели, смыслы, радость жизни», — рассказала исполнительный директор благотворительного фонда Виктория Гриченко [7].

Вышеперечисленные проекты подтверждают нашу гипотезу исследования. Действительно, занятия адаптивной физической культурой, приводя к качественным изменениям в жизни человека с ограниченными возможностями здоровья, повышают его субъективное благополучие. Адаптивный спорт зачастую становится единственной возможностью человека с инвалидностью вернуться в социум, адаптироваться к трудовой деятельности.

Адаптивная физическая культура позволяет удовлетворить потребности личности в самоактуализации. На основе качественных показателей, представленных на сайте вышеперечисленных проектов, можно сделать вывод о том, что социализация спортсменов с ограниченными возможностями здоровья происходит как на мировом, так и на национальном уровне через важнейший социальный феномен современности, каковым является спорт. Такая ситуация позволяет активизировать свою жизнедеятельность и добиться обеспечения должного и максимально высокого качества жизни, а также достижения психического равновесия, чувства уверенности и уважения к себе, восстановления утраченных контактов с окружающим миром.

Подводя итог, хочется отметить, что государством на разных уровнях были приняты меры по развитию адаптивной физической культуры и спорта. Подписан федеральный закон, разработаны стратегии и государственные программы как на федеральном, так и региональном уровне, направленные на развитие и поддержку спорта инвалидов в России. Однако существуют общие проблемы, выраженные в недостаточном количестве специалистов по адаптивной физической культуре, низкой мотивации самих инвалидов, фи-

нансовом обеспечении и неприспособленности окружающей среды. Данные проблемы необходимо решать, применяя системный подход. Реформирование бюджетного процесса предусматривает смещение акцентов на переход преимущественно к программным методам бюджетного планирования. Что же касается научно-методических разработок по физической реабилитации инвалидов в нашей стране, то они успешно находят свое применение на мировом уровне. Тем не менее недостаточное участие специалистов Свердловской области в работе общероссийских семинаров, предполагает проведение конференций, дискуссионных площадок по проблемам развития адаптивной физической культуры на региональном уровне. Развитие научной деятельности в каждом отдельном регионе повышает возможности внедрения в работу лучших российских и международных практик. Активизация работы с инвалидами в области физической культуры и спорта, несомненно, способствует гуманизации самого общества, изменению его отношения к этой группе населения, и тем самым имеет большое социальное значение.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта». URL: <http://base.garant.ru/70852372/> (дата обращения: 08.03.2021).
2. Абдулхакова Г. З., Гончарова О. Л. Исследование влияния реализации государственной программы «Доступная среда» на качество жизни инвалидов // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–2. С. 180–183.
3. Евсеев С. П. Мировое Паралимпийское движение и социальные процессы // Адаптивная физическая культура. 2006. № 4. С. 3–6.
4. Евсеев С. П., Бриский А. В., Передерий А. В. Адаптивный спорт. М. : Сов. спорт, 2010. 316 с.
5. Анципури Л. Ш. Спорт как социальное явление и фактор социализации личности // Теория и практика физической культуры. 2003. № 1. С. 12–14.
6. Закон РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями на 21.07.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (дата обращения: 30.01.2021).

7. Сайт благотворительного фонда «С миром и любовью». URL: <https://fondsmirom.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).

References

1. The State program of the Russian Federation “Development of physical culture and sports”. URL: <http://base.garant.ru/70852372> (date of access: 08.03.2021).

2. *Abdulkhakova G. Z., Goncharova O. L.* Research of the impact of the implementation of the state program “Accessible environment” on the quality of life of disabled people // Theoretical and applied aspects of modern science. 2014. P. 180–183.

3. *Evseev S. P.* The world Paralympic movement and social processes. Adaptive Physical Culture Magazine. 2006. No. 4. P. 3–6.

4. *Evseev S. P., Brisky A. V., Perederiy A. V.* Adaptive sport. Sport, 2010. 316 p.

5. *Aptsiauri L. Sh.* Sport as a social phenomenon and a factor of personality socialization // Theory and practice of physical culture. 2003. No. 1. P. 12–14.

6. The Law of the Russian Federation “On Social Protection of disabled people in the Russian Federation” (as amended on 21.07.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (date of access: 30.01.2021).

7. Website of the charity foundation “With peace and love”. URL: <https://fondsmirom.ru/> (date of access: 12.03.2021).

Э. Н. Везилов, Д. Ю. Ефимова, П. А. Панина,

студенты Института социальных наук кафедры социальной работы

Иркутский государственный университет, Иркутск

e-mail: vezirov1000@mail.ru, darya-efimova@bk.ru, polpanina@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена изучению сферы занятости инвалидов в условиях современного государства. Целью статьи является рассмотрение основных причин, из которых вытекает проблема трудоустройства инвалидов. Авторы статьи анализируют основные виды государственной и негосударст-

венной поддержки инвалидов, социальное предпринимательство. Результатом исследования является выявление мер, которые способствовали бы обеспечению занятости инвалидов.

Ключевые слова: инвалид, занятость, социальное предпринимательство.

E. N. Vezirov, D. Yu. Efimova, P. A. Panina,

students of the Institute of Social Sciences of the Department of Social Work

Irkutsk State University, Irkutsk

e-mail: vezirov1000@mail.ru, darya-efimova@bk.ru, polpanina@gmail.com

THE PROBLEM OF EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE IN THE MODERN STATE

Abstract. The article is devoted to the study of the sphere of employment of disabled people in the conditions of the modern state. The purpose of the article is to consider the main reasons that lead to the problem of employment of disabled people. The authors of the article analyze the main types of state and non-state support for disabled people, social entrepreneurship. The result of the study is to identify measures that would contribute to the employment of persons with disabilities.

Keywords: disabled person, employment, social entrepreneurship.

На данный момент времени социальные структуры российского общества переживают значительные изменения, например мы можем наблюдать появление нового явления социальной общности — инвалиды без занятости. Распространенность проблем, связанных с ограниченными возможностями людей, а также обязательный характер их приоритетного решения предопределены устойчивой тенденцией к росту доли инвалидов в структуре населения. На рынке труда в России, не модернизируется и остается неизменной возникшая при переходе к рынку тенденция сокращения количества работающих инвалидов. Люди с ограниченными возможностями встречаются с разными проявлениям дискриминации в свою сторону в сфере занятости. Большинство работодателей и работников считают инвалидов коммерчески не выгодными сотрудниками для своего предприятия [1, с. 1].

Необходимо учитывать, что для человека трудовая деятельность является важным условием полноценной жизнедеятельности. Среди инвалидов имеется много тех, кто хотел бы трудиться и быть независимым, но его физические ограничения не дают ему реализовывать свой потенциал. Несмотря на прогрессивность общества в сфере инновационных технологий, люди с ограниченными возможностями здоровья испытывают проблемы трудоустройства, а точнее сказать, что человеку, имеющему тяжелую инвалидность, практически невозможно устроиться на работу.

В официальной статистике Росстата приведены данные об инвалидах, которые официально трудоустроены. В соответствии с приведенными данными можно увидеть, что доля работающих инвалидов составляет 14,0 (табл. 1) [2].

Таблица 1

Сведения о работающих инвалидах, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации (по состоянию на 1 января) [2], тыс. человек

Показатель	Год								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации	17,7	18,4	19,1	19,8	20,5	16,9	14,3	14,7	14,0

Низкий уровень занятости инвалидов следует из ряда причин. Основными из них являются:

1. Сложность получения образования для инвалидов.
2. Ограниченное количество рабочих мест на бирже труда, которые были бы приспособлены под физические возможности инвалидов.
3. Невысокая конкурентоспособность инвалидов на бирже труда.

4. Низкая заработная плата возможных рабочих мест.

5. Асоциализация инвалидов и т. д.

Государство старается активно участвовать в решении проблем инвалидов, касающихся трудоустройства. Существует Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который предполагает ряд мер, что способствовали бы обеспечению занятости инвалидов:

1. «Установление в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества рабочих мест для инвалидов.

2. Резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов.

3. Стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов.

4. Создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, абилитации инвалидов.

5. Создание условий для предпринимательской деятельности инвалидов.

6. Организация обучения инвалидов новым профессиям» [3].

Данный закон демонстрирует нам, что государство активно занимается проблемой инвалидов, что очень важно, т. к. если этому не оказывать должное внимание, не принимать достаточное количество мер, то социальное положение инвалидов будет ухудшаться с каждым годом.

Также активное участие в борьбе с проблемами занятости инвалидов принимает социальное предпринимательство. Оно решает и смягчает социальные проблемы с помощью использования бизнес-решений, развития методов и их деятельности, которые связаны с извлечением прибыли и помощи людям с ограниченными возможностями. Яркой особенностью социального предпринимательства, позволяющей воспринимать инвалидов как полноценного сотрудника и размыть между этими понятиями границу, является креативность, или инновационность. В соответствии с этим, по мнению научного сообщества, социальные предприниматели — это

новаторы, т. к. они занимаются открытием и продвижением абсолютно новых для общества сфер деятельности, а также разработкой новейших моделей и методов работы в своих организациях и учреждениях [4, с. 2].

Примером социального предпринимательства в России являются специализированные предприятия, предоставляющие рабочие места инвалидам, к ним можно отнести «Картонажно-переплетную фабрику» в Волгограде, где инвалиды упаковывают продукцию [5]. Салон бытовых услуг «Березень» в Туле, где горожан обслуживают инвалиды [6]. Подобные организации положительно сказываются на ситуации в обществе, они помогают инвалидам не только получать доход, но и реализовывать свой потенциал и дают возможность для общения с другими людьми. Это означает, социальное предпринимательство способно улучшить как финансовое положение инвалида, так и социальное.

Рассматриваемая проблема на сегодняшний день остается также актуальной. Она нуждается в особом внимании как со стороны государства, так и со стороны индивидуальных предпринимателей и негосударственных учреждений. Развитие социального предпринимательства в Российской Федерации влияет на обеспечение эффективной занятости населения, в частности организации дополнительных обустроенных рабочих мест для инвалидов.

Литература

1. Бубеев Н. С. Проблемы занятости людей с ограниченными возможностями (Республика Бурятия) // Вестн. БГУ. 2010. № 14. С. 130–134.
2. Сведения о работающих инвалидах, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-1.doc> (дата обращения: 19.03.2021).
3. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 19.03.2021).
4. Захарченко О. А. Социальное предпринимательство — новый инструмент трудоустройства людей с ограниченными возможностями // Вестн. ИрГТУ. 2012. № 2 (61). С. 216–219.

5. ООО «Картонажно-переплетная фабрика». URL: <https://www.spark-interfax.ru/volgogradskaya-oblast-volgograd/ooo-kartonazhno-perepletnaya-fabrika-inn-3445012849-ogrn-1023403854077-6eed159752474fbc81346c7a1d5003ea> (дата обращения: 19.03.2021).

6. Центр социальной реабилитации инвалидов «Березень». URL: <http://www.berezen.ru/> (дата обращения: 19.03.2021).

Referenses

1. *Bubeev N. C.* the employment of people with disabilities (Republic of Buryatia) // Vestnik BSU. 2010. No. 14. P. 130–134.

2. For information about working with disabilities who are registered in the Pension Fund of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-1.doc> (date of access: 19.03.2021).

3. “On the social protection of disabled people in the Russian Federation” : Federal Law of 24.11.1995 № 181-FZ (latest edition) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (date of access: 19.03.2021).

4. *Zakharchenko O. A.* Social entrepreneurship — a new tool for employment of people with disabilities // Bulletin of IrSTU. 2012. № 2 (61). P. 216–219.

5. LLC “Kartonazhno-bookbinding factory”. URL: <https://www.spark-interfax.ru/volgogradskaya-oblast-volgograd/ooo-kartonazhno-perepletnaya-fabrika-inn-3445012849-ogrn-1023403854077-6eed159752474fbc81346c7a1d5003ea> (date of access: 19.03.2021).

6. Center for Social Rehabilitation of disabled people “Berezen”. URL: <http://www.berezen.ru/> (date of access: 19.03.2021).

А. О. Векшина,
*студент кафедры социальной работы УГИ,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ МАЛОИМУЩИХ СЕМЕЙ

Аннотация. В статье анализируются такая мера государственной поддержки малоимущим семьям как социальный контракт, который появился в России сравнительно недавно. Социальный контракт как одна из форм государственной социальной помощи призван повысить уровень и качество жизни малоимущих слоев населения, способствовать сокращению бедности и преодолению ее негативных социальных последствий. В статье рассматривается опыт его применения в России, его востребованность и барьеры в массовом применении.

Ключевые слова: социальный контракт, малоимущие семьи, социальная работа, государственная социальная помощь.

A. O. Vekshina,
*student of the Department of Social Work of the UGI,
Ural Federal University
named after the First President B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg*

SOCIAL CONTRACT AS A MECHANISM FOR OVERCOMING THE POVERTY OF POOR FAMILIES

Abstract. The article analyzes such a measure of state support for low-income families as a social contract, which appeared in Russia relatively recently. The social contract as a form of state social assistance is designed to improve the level and quality of life of the poor, to help reduce poverty and overcome its negative social consequences. The article examines the experience of its application in Russia, its relevance and barriers to mass use.

Keywords: social contract, low-income families, social work, state social assistance.

Система государственных мер по преодолению бедности в Российской Федерации главным образом направлена на предоставление материальной поддержки малоимущим людям. Подобные меры применяются не только в России, но и в других странах. Проблема такой помощи заключается в том, что она не активизирует потенциал личности, не повышает уровень самомотивации на преодоление бедности. В большинстве случаев, по мнению социальных работников, материальная поддержка населения способствует росту иждивенчества. Людям легче, когда социальная служба решает все их проблемы, чем самим пытаться с помощью социальной службы выйти из трудной жизненной ситуации. Именно такая позиция становится главной причиной, определяющей отношение к возможностям роста собственного благосостояния. Такое отношение не предусматривает возложения ответственности за благополучие семьи на себя (главу семьи, трудоспособных членов семьи) как на главного гаранта обеспечения достойного уровня жизни своей семьи. Из-за такой ситуации социальные службы решили пересмотреть порядок и форму оказания материальной помощи малоимущему населению. Таким образом появилась идея социального контракта. С начала двухтысячных годов стали проводиться эксперименты (главным образом в северных регионах РФ) по внедрению социального контракта, а также разрабатываться и дополняться условия его предоставления [1]. Данная инициатива принадлежала органам местного самоуправления как наиболее приближенным к проблемам населения и понимающим потребности граждан.

«Социальный контракт — соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина и в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин — реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации» [2].

Социальный контракт как форма государственной социальной помощи предусматривает оказание адресной социальной помощи на условиях заключения социального контракта (социального договора) в целях содействия активизации адаптивных способностей

взрослых членов малоимущей семьи для самостоятельного повышения семейного дохода и выхода из трудной жизненной ситуации, улучшение своего социально-экономического положения. То есть сущность социального контракта состоит в заключении договора между органом социальной защиты населения и малоимущей семьей, в котором оговариваются взаимные обязательства по выводу семьи на самообеспечение и решению ее социально-бытовых проблем. С 2013 г. данная форма введена на всей территории страны в целях улучшения материального положения граждан Российской Федерации. Оказание услуг по социальному контракту осуществляется органами субъекта Российской Федерации на основании письменного заявления гражданина.

«Субъектами социальной помощи на основании социального контракта являются органы социальной защиты субъектов Российской Федерации, органы исполнительной власти Российской Федерации, органы службы занятости населения, органы местного самоуправления, а также сами получатели государственной социальной помощи» [3]. «Объектами (получателями) социальной помощи являются признанные малоимущие граждане, семьи, которые по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте РФ» [4]. Так, Холостова Е. И. выделяет следующие задачи социального контракта: создание возможностей для самостоятельного выхода гражданами из трудной жизненной ситуации; создание условий и возможностей для полноценного участия в жизни общества малоимущих граждан; повышение уровня ответственности малоимущих граждан за себя и членов своей семьи; обеспечить воспитательный эффект для детей из малоимущих семей по формированию ответственного отношения за свою жизнь; интегрировать малообеспеченные семьи в хозяйственную деятельность, предоставить им возможность для появления самостоятельности и инициативы [5].

Основными критериями реализации социального контракта являются индивидуальный подход, целевая направленность поддержки, ответственность получателя социального контракта, самоактуализация получателя.

Тем не менее проведенное нами пилотажное исследование среди малоимущих семей Свердловской области показало, с одной стороны, высокую заинтересованность социальным контрактом, с другой — нежелание проявлять личную инициативу и брать на себя ответственность за собственное финансовое обеспечение. Также часть информантов указала на сложность бюрократической процедуры получения социального контракта. Таким образом, данная мера государственной поддержки требует распространения информации о процедуре и возможностях получения социального контракта, а также упрощения процедуры получения и отчетности.

Литература

1. *Поддубная Т. Н.* Социальная защита семьи и детства в Российской Федерации : справочник социального педагога и социального работника. Ростов-на-Дону, 2015. 198 с.
2. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О государственной социальной помощи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 24.12.2020).
3. *Холостова Е. И., Климантова Г. И.* Социальный контракт: от заключения до исполнения. М. : Дашков и К, 2014. С. 32.
4. Федеральный закон от 05.04.2003 № 44-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41647/ (дата обращения: 25.12.2020).
5. *Холостова Е. И.* Технологии социальной работы по преодолению бедности. М. : Дашков и К, 2010. С. 155.

References

1. *Poddubnaya T. N.* Social protection of the family and childhood in the Russian Federation : handbook of social pedagogue and social worker. Rostov-on-Don, 2015. 198 p.
2. Federal Law No. 178-FZ of 17.07.1999 (as amended on 24.04.2020) “On State Social Assistance”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (date of access: 24.12.2020).

3. *Kholostova E. I., Klimantova G. I.* Social contract: from conclusion to execution. M. : Dashkov & K, 2014. P. 32.

4. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2003 (as amended on 24.04.2020) “On the procedure for accounting for income and calculating the average per capita income of a family and the income of a single citizen for recognizing them as poor and providing them with state social assistance”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41647/ (date of access: 25.12.2020).

5. *Kholostova E. I.* Technologies of social work for overcoming poverty. M. : Dashkov & K, 2010. P. 155.

С. Н. Испулова,

*канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы
и психолого-педагогического образования
e-mail: sispulova@mail.ru*

Е. В. Олейник,

*канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы
и психолого-педагогического образования,
e-mail: oleynik.ev@mail.ru*

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В настоящее время на территории Российской Федерации успешно функционируют различные благотворительные организации и фонды, реализующие деятельность в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста. В силу индивидуальности специфики каждого из них авторы провели анализ, позволяющий выделить и обобщить основные направления их деятельности в указанной сфере. Изучению подверглись такие благотворительные организации как, Благотворительный фонд (далее — БФ) помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость»,

БФ поддержки пожилых людей «Достоинство», БФ «Долголетие», БФ «Дари заботу», БФ «Металлург» и др.

Ключевые слова: граждане пожилого возраста, благотворительная организация, социальное обслуживание.

S. N. Ispulova,

*Cand. ped. Sciences, Associate Professor
of the Department of Social Work
and psychological and pedagogical education,
e-mail: sispulova@mail.ru*

E. V. Oleinik,

*Cand. ped. Sciences, Associate Professor
of the Department of Social Work and Psychological and Pedagogical Education,
e-mail: oleynik.ev@mail.ru
Magnitogorsk State Technical University them. G. I. Nosova,
Magnitogorsk*

FEATURES OF SOCIAL SERVICES FOR ELDERLY CITIZENS AGE IN THE CONTEXT OF A CHARITABLE ORGANIZATION

Abstract. Currently, various charitable organizations and foundations that implement activities in the field of social services for elderly citizens are successfully functioning on the territory of the Russian Federation. Due to the individual specifics of each of them, the authors conducted an analysis that allows us to identify and summarize the main directions of their activities in this area. The study included such charitable organizations as the Charity Fund (hereinafter referred to as the Charity Fund) for Helping the Elderly and Disabled people "Old Age in Joy", the Charity Fund for Supporting the Elderly "Dignity", the Charity Fund "Longevity", the Charity Fund "Give Care", the Charity Fund "Metallurg", etc.

Keywords: senior citizens, charitable organizations, social services.

Крупнейшей благотворительной организацией является благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость», созданный в 2006 году и курирующий на сегодняшний день 150 домов-интернатов в 25 российских регионах. Основной целью деятельности рассматриваемого фонда является улучшение

жизни пожилых граждан, проживающих в условиях домов престарелых и отделениях сестринского ухода, а также создание условий для их социально-психологической адаптации к среде стационарного учреждения путем реализации ряда программ:

1) «Праздник общения», содержанием которой предусмотрена организация поездок в дома престарелых с целью проведения концертов и мероприятий с участием звезд;

2) «Внуки по переписке» (письма одиноким пожилым людям);

3) «Ежедневный уход», предусматривающая осуществление подбора и обучения дополнительного персонала, а также обеспечение средствами ухода, гигиены и реабилитации пожилых граждан, полностью утративших способность к самообслуживанию и передвижению и находящихся в отделениях «Милосердия»;

4) «Уютный дом», направленная на проведение косметического и капитального ремонта домов престарелых;

5) «Медицина», в рамках которой осуществляются мероприятия по обследованию и лечению пожилых граждан в ведущих клиниках РФ;

6) «Досуг», направленная на оказание психологической поддержки и создание условий для самореализации пожилых граждан, проживающих в условиях стационарного учреждения, средствами арт-терапии, творчества и ремесла [1].

Помимо перечисленных выше программ, деятельность благотворительного фонда реализуется в форме проектов:

— «Один день счастья», являющийся приоритетным краудфандинговым проектом фонда, в рамках которого осуществляется найм дополнительного персонала для домов престарелых по уходу и организации досуга;

— «Связь поколений», проект совместной деятельности фонда и фармацевтической компании “Stada” по вовлечению граждан в программы фонда «Внуки по переписке» и «Поздравить открыткой» по поддержанию психологического статуса пожилых людей, проживающих в домах престарелых;

— «Вера Васильевна», представляющий собой чат-бот, разработанный BRM-агентством Convergent Media Group и предоставляющий пожилым гражданам информацию о проживании в домах-ин-

тернатах и видах помощи, предоставляемых добровольцами. Также данный проект выступает связующим в реализации программы «Внуки по переписке»;

- «Новогодний сбор подарков», направленный на сбор подарочных комплектов или частей для подарков для граждан пожилого возраста, проживающих в домах-интернатах.

Благотворительный фонд поддержки пожилых людей «Достоинство», функционирующий на территории Московской области, создан в форме некоммерческой благотворительной организации, реализующей программы и проекты по созданию достойных условий жизни пожилых граждан и решения их социальных проблем за счет взносов учредителей, пожертвований организаций и частных лиц, а также собственных средств.

Основными направлениями деятельности рассматриваемой благотворительной организации являются:

- разработка и реализация программ и проектов по предоставлению материальной помощи и социальной поддержки лицам пожилого возраста, не способных реализовывать свои законные права и интересы по причине нарушений физического и психического здоровья;

- оказание адресной помощи пожилым гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

- предоставление пожилым гражданам услуг социальной реабилитации;

- оплата услуг психологической, информационно-правовой и медицинской помощи, предоставляемой пожилым гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

- создание общедоступной информационной базы данных организаций, оказывающих социальную, материальную и медицинскую помощь гражданам пожилого возраста, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

- участие в реализации целевых программ по строительству и модернизации домов престарелых;

- оказание всесторонней и комплексной помощи домам престарелых [2].

Вся осуществляемая деятельность благотворительного фонда «Достоинство» подразделяется на несколько проектных потоков [2]:

1) проекты, направленные на решение проблем, связанных с улучшением физического и психического здоровья пожилых граждан, и включающие:

- проведение комплексной диагностики состояния здоровья пожилых граждан;

- реализацию мероприятий по профилактике возрастных заболеваний и снижение воздействия имеющихся хронических болезней;

- предоставление лекарственных препаратов и медицинского оборудования для индивидуального пользования;

- содействие в более полном получении медицинских услуг, в том числе на основе помощи и взаимодействия с местными региональными медицинскими учреждениями;

- пропаганду здорового образа жизни и создание условий для его ведения;

2) проекты, направленные на улучшение бытовых условий жизни пожилых граждан, предусматривающие:

- предоставление приборов и оборудования бытового назначения;

- проведение ремонтных и восстановительных работ в жилых помещениях и хозяйственных постройках;

- оказание помощи при проведении сезонных работ в личных хозяйствах;

3) проекты, направленные на улучшение финансового положения пожилых граждан путем оказания:

- прямой финансовой поддержки;

- содействия в трудоустройстве на приемлемые рабочие места, в том числе с обучением и переобучением;

- содействия в организации индивидуального предпринимательства;

4) проекты, направленные на социальную реабилитацию и улучшение досуга через:

- создание условий для полноценного общения и досуга;

- организацию и проведение туристических и культурных мероприятий;

— реализацию мероприятий по восстановлению и развитию внутрисемейных отношений.

Широкий спектр направлений в сфере социального обслуживания пожилых граждан представлен в деятельности благотворительного фонда «Долголетие», созданным для оказания помощи и профессионального ухода пожилым гражданам, нуждающимся в постоянном уходе и имеющим тяжелые заболевания (ветераны войны, труда, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС).

Деятельность фонда реализуется по следующим направлениям:

1) оказание адресной помощи пожилым гражданам, остро нуждающимся в финансовой и материальной поддержке и оказавшимся в сложной жизненной ситуации;

2) создание универсальных реабилитационных центров, обеспечивающих достойный уровень жизни и максимальную реабилитацию лицам пожилого возраста, нуждающимся в долгосрочном специализированном уходе.

Реализация выделенных направлений деятельности осуществляется в рамках действующих программ:

1) «Ценим прошлое, строим будущее», являющаяся совместной благотворительной программой фонда, Финансового университета при Правительстве РФ и колледжа информатики и программирования Финансового университета и направленная на привлечение студентов к участию в волонтерских акциях и проектах помощи пожилым гражданам, проживающих в домах-интернатах, по улучшению качества их жизни через:

— внедрение современной системы поиска специализированных учреждений и контроля качества;

— расширение круга социального общения пожилых граждан средствами современных мобильных систем;

— обеспечение домов-интернатов компьютерными и телекоммуникационными средствами;

— обучение пожилых граждан навыкам использования компьютера, сети Интернет, современных мобильных систем, приложений и электронных игр;

— повышение качества ухода за пожилыми гражданами средствами реализации совместных социальных программ;

— обеспечение пожилых граждан правовой поддержкой и доступом к получению бесплатных юридических онлайн-консультаций по вопросам получения мер социальной поддержки;

— разнообразие досуга пожилых граждан;

2) «Оплата проживания и ухода», цель которой заключается в оказании адресной помощи (в том числе материальной) для получения профессиональной помощи лицами пожилого возраста, проживающими в домах-интернатах и нуждающихся в постоянном уходе, путем сбора средств на оплату проживания и обслуживания;

3) «Долголетие», направленная на продление активного долголетия и качества жизни лиц старших возрастов через укрепление их физического и психического здоровья, а также создание условий для их самореализации средствами:

— организации прогулок по благоустроенной территории площадками для проведения спортивных игр и оборудованной садами и огородами с теплицами для выращивания овощей;

— организации приема регулярных солнечных ванн;

— организации посильной трудовой деятельности в области разведения цветов, выращивания овощей, ловле рыбы в пруду, расчищения дорожек от снега в зимнее время;

— организации посильных форм досуга (занятия скандинавской ходьбы, садоводством, огородничеством, творчеством);

— реализации реабилитационных мероприятий после перенесенных заболеваний или операций;

4) «Имеют право», предусматривающая оказание пожилым гражданам услуг информационно-правовой помощи в разрешении трудной жизненной ситуации, в том числе услуг по информированию граждан о реализуемых социальных программах и услугах, предоставляемых домами-интернатами и пансионатами, через:

— организацию встреч-консультаций с пожилыми гражданами и их родственниками по юридическим аспектам;

— организацию интернет-канала для старшего поколения с освещением медицинских, психологических и юридических вопросов;

— создание специальной программы юридической и правовой помощи пожилым гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в постоянном уходе;

5) «Дедкин сад», позволяющая размещение пожилых граждан на дневное социальное обслуживание в пансионатах, состояние здоровья которых не требует постельного режима. В рамках программы пожилым гражданам предоставляется полноценное социальное обслуживание в форме социально-бытовых, социально-реабилитационных и социально-медицинских услуг, а также услуг по организации отдыха и досуга;

6) «5+2», направленная на создание наиболее благоприятных условий для семьи, желающей обеспечить престарелому родственнику безопасные и комфортные условия во время рабочей недели с сохранением привычных условий пребывания и общения путем размещения пожилых граждан в пансионатах на пять рабочих дней;

7) «Старость в радость», предполагающая поиск творческих людей, готовых посещать пожилых граждан, проживающих в пансионатах и домах-интернатах, а также творческих коллективов для организации культурно-досуговых мероприятий;

8) «Дом престарелых за пенсию», нацеленная на улучшение качества жизни малоимущих пожилых граждан путем оплаты проживания в частных домах престарелых и пансионатах, а также оказания финансовой и материальной помощи для приобретения медикаментов и товаров первой необходимости;

9) «Поддержка нуждающихся в лечении людей», направленная на оказание помощи пожилым гражданам, остро нуждающимся в лечении и реабилитации путем предоставления им материальной помощи, в том числе на приобретение технических средств реабилитации;

10) «Старость не в тягость», направленная на улучшение качества и обеспечения комфортной жизни пожилых граждан путем их размещения в пансионатах и домах-интернатах [3].

Деятельность по улучшению качества жизни одиноких пожилых граждан, проживающих в учреждениях стационарного социального обслуживания, осуществляется также Межрегиональным общественным благотворительным фондом «София» и включает направления по:

— предоставлению услуг социально-бытового характера, в том числе услуг по предоставлению питания и ухода;

- предоставлению услуг социально-медицинского характера;
- организации посильной трудовой деятельности в форме корпоративных субботников;

- организации и проведению мероприятий культурной направленности, в том числе клубов общения и клуба ветеранов [4].

Благотворительный фонд «Дари заботу» создан для оказания помощи пожилым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в посторонней помощи. В настоящее время вся деятельность анализируемого фонда осуществляется в рамках трех программ:

1) «Забота», направленной на оказание материальной помощи одиноким малоимущим гражданам пожилого возраста, помощи в обеспечении продуктами питания, предметами первой необходимости, одеждой и лекарственными средствами, ремонте аварийных и антисанитарных помещений, организации выхода из дома и передвижения, а также иной социально-бытовой помощи на дому;

2) «Радость», направленной на решение вопросов, связанных с отдыхом и досугом, общением и культурным развитием пожилых граждан путем организации культурно-массовых мероприятий, в том числе по посещению театров, музеев, кинотеатров и проведению праздничных вечеров;

3) «Дом», целью которой является строительство домов престарелых с обеспечением круглосуточного медицинского наблюдения [5].

Направлениями деятельности Общероссийского общественного объединения Российский благотворительный общественный фонд помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» в сфере социального обслуживания лиц пожилого и старшего возрастов являются:

- обеспечение участников ВОВ, ветеранов труда и пенсионеров продуктами питания и промышленными товарами по сниженным ценам;

- приобретение и раздача указанным категориям граждан ценных подарков, приуроченных к праздникам и памятным датам;

- оказание бесплатных и на льготных условиях социально-правовых услуг в сфере защиты законных прав и интересов граждан пожилого возраста [6].

Благотворительный фонд «Подари шанс» реализует программу в сфере социального обслуживания пожилых граждан, включающую такие направления, как:

1) обеспечение продуктами питания, предметами первой необходимости и медикаментами;

2) обеспечение медицинским оборудованием и техническими средствами реабилитации (костылями, тростями, сидениями, инвалидными креслами);

3) оказание услуг социально-медицинского обслуживания, в частности услуг по измерению температуры, давления, обработке ран, массажа;

4) оказание содействия в решении бытовых вопросов, в том числе связанных с уходом и оплатой сиделок для тяжелобольных пожилых граждан [7].

Значимой в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста является деятельность гуманитарно-благотворительного фонда «Сострадание», предусматривающая оказание профессиональных социальных и медицинских услуг уникальной группе граждан — жертвам сталинских и гитлеровских концлагерей по направлениям:

— предоставление надомных услуг социальными работниками и медицинскими специалистами (врачами и медицинскими сестрами) лежачим и малоподвижным престарелым гражданам;

— оказание психологической помощи пострадавшим в ГУЛАГе и НАЦИ при посттравматической депрессии, направленной на снижение психотравмирующего влияния от воспоминаний о пережитом в концлагерях;

— оказание консультативной помощи по вопросам получения гарантированных государством льгот и компенсаций для пострадавших от сталинских репрессий, по вопросам получения компенсаций от немецкого правительства — для пострадавших от нацистского плена;

— функционирование «Станции сострадания», предоставляющей услуги прачечной, благотворительного кафе, кабинета экстренной медицинской помощи, мини-лаборатории экспресс-анализов, кабинета медицинского педикюра, пункта проката ортопедического

оборудования, пункта благотворительной раздачи лекарственных и перевязочных средств [8].

Все перечисленные направления деятельности фонда реализуются в формате программ:

1) «Помощь на дому», направленная на оказание медицинской, психологической и социальной помощи нуждающимся гражданам из числа целевых категорий, в том числе для малообеспеченных граждан в виде лекарственной и продуктовой помощи;

2) «Медсестринская паллиативная помощь», представляющая собой мероприятия по уходу на дому за умирающими престарелыми гражданами, мероприятия психологической помощи членам семей престарелых, находящихся в терминальной стадии заболевания, а также мероприятия по обучению уходу за престарелыми членами семьи.

На территории города Магнитогорска при поддержке Магнитогорского металлургического комбината (ПАО «ММК») благотворительный фонд «Металлург» реализует благотворительные программы по социальной защите неработающих граждан пожилого возраста города Магнитогорска и десяти близлежащих районов Челябинской области.

Основными целями деятельности благотворительного фонда в сфере социального обслуживания пожилых граждан являются:

— социальная поддержка и защита пожилых граждан, в том числе улучшение их материального положения, социальная реабилитация пожилых лиц, которые в силу своих физических и интеллектуальных особенностей и иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовывать свои законные права и интересы;

— оказание содействия в деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья пожилых граждан, а также улучшения их морального и психологического состояния;

— оказание бесплатной юридической помощи и правового просвещения [9];

Предметом деятельности БФ «Металлург» в области социального обслуживания лиц пожилого возраста является реализация следующих направлений:

— оказание социальной, психологической и материальной поддержки ветеранам и пенсионерам;

- предоставление социального обслуживания на дому;
- предоставление услуг в стационарной и полустационарной формах;
- оказание социально-бытовых услуг по поддержанию жизнедеятельности граждан пожилого возраста в быту;
- оказание социально-медицинских услуг, направленных на поддержание и сохранения здоровья пожилых людей путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за пожилыми людьми для выявления отклонений в состоянии их здоровья;
- взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также с юридическими и физическими лицами с целью эффективного решения вопросов, связанных с улучшением качества жизни пожилых людей;
- оказание информационно-справочной поддержки пожилым людям в вопросах инвалидности, социальной защиты и реабилитации;
- участие в реализации муниципальных, региональных и федеральных программ и проектов, направленных на решение социальных проблем граждан пожилого возраста;
- участие в реализации целевых программ по строительству, модернизации, обслуживанию и содержанию домов престарелых;
- участие в реализации досуга граждан пожилого возраста [10].

В своей структуре БФ «Металлург» имеет отделы, осуществляющие социальное обслуживание категории граждан пожилого возраста:

- социальный отдел, реализующий деятельность по работе с неработающими пенсионерами и инвалидами труда;
- фармацевтический отдел, представленный «Социальной аптекой», обслуживающей одиноких пожилых граждан;
- специализированный дом «Ветеран», предназначенный для проживания одиноких граждан пожилого возраста с предоставлением социально-бытового и социально-медицинского обслуживания;
- Центр медико-социальной защиты, являющийся первым геронтологическим центром в Челябинской области, оказывающий квалифицированную медицинскую помощь по бесплатному

лечению, а также предоставляющий услуги медицинской, социальной и психологической реабилитации граждан пожилого возраста. В среднем за год лечение в центре получают около 1400 человек;

— столовая «Ветеран», созданная для обеспечения бесплатными обедами малообеспеченных граждан пожилого возраста.

Численность штата сотрудников БФ «Металлург» составляет около 100 человек. Кроме этого, к деятельности благотворительного фонда привлекаются волонтеры, что позволяет своевременно оказывать социальное обслуживание пожилым людям, нуждающимся в социальных услугах учреждения.

В настоящее время в БФ «Металлург» гражданам пожилого возраста предоставляется социальное обслуживание в следующих формах в соответствии с ГОСТ Р 52880–2007 «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов»:

1) проживание одиноких пенсионеров в специализированном доме «Ветеран», открытом в рамках реализации программы «Забота» и представляющим собой стационарное учреждение социального обслуживания;

2) услуги социальной аптеки, а именно предоставление 15 % скидки на дорогостоящие лекарственные средства, отпуск медикаментов дому-интернату для престарелых и пенсионерам, проживающим в специализированном доме «Ветеран»;

3) обслуживание в дневном стационаре при Центре медико-социальной защиты. Спектр предоставляемых услуг центром категории пожилых людей включает в себя физиотерапевтическое лечение (в том числе лазеротерапия); кислородный коктейль; медикаментозное лечение (таблетированные и инъекционные препараты); массаж; стоматологическое лечение; лечебная физкультура;

4) обслуживание бесплатными обедами малообеспеченных пожилых людей. Для пожилых людей, испытывающих трудности в передвижении, обеспечивается доставка на дом обедов в виде полуфабрикатов собственного производства. Также предоставляется скидка на обеды для тяжелобольных граждан [11].

Не менее важное место в системе социального обслуживания категории граждан пожилого возраста занимает реализация бла-

готовительной программы комплексной социальной поддержки «Забота», направленной на решение проблем граждан пожилого возраста, таких как ухудшение состояния здоровья, снижение способности к самообслуживанию, неблагоприятное материальное положение, утрата привычного социального статуса.

При фонде в рамках обозначенной программы функционируют социально-бытовая и социально-медицинская комиссии, рассматривающие заявления на оказание материальной помощи пожилым гражданам, например выделения бесплатного направления на получение обедов, проведения высокотехнологичных операций. Кроме этого, фонд предоставляет средства реабилитации — инвалидные кресла, слуховые аппараты, выделяются средства на проведение регулярных курсов оздоровления и профилактического лечения в санаториях, профилакториях, геронтологическом центре фонда.

Специализированный дом «Ветеран» представляет собой структурное подразделение БФ «Металлург», расположенное в 14-этажном доме, рассчитанном на 131 однокомнатную квартиру площадью в 36 м², предназначенных для проживания одиноких пожилых граждан, частично или полностью сохранивших способность к самообслуживанию и нуждающихся в создании условий по реализации основных жизненных потребностей. Данное учреждение создано на средства иностранных грантов и ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» в 1996 году и рассчитано более чем на 120 одиноких пенсионеров.

На первом этаже дома расположены административные и служебные помещения, а именно:

- круглосуточный диспетчерский пункт, оснащенный системой наружного видеонаблюдения, внутренней связью с квартирами и служебными помещениями, пультом пожарной сигнализации и «тревожной кнопкой»;

- прачечная, оборудованная стиральными машинами-автоматами;

- медицинский пункт, включающий рабочий кабинет для приема пациентов, процедурный кабинет, оснащение которого соответствует всем предъявляемым требованиям;

— книжный фонд библиотеки, содержащий более 2,5 тысяч единиц печатных изданий;

— комната отдыха, оснащенная телевизором, видеомагнитофоном и музыкальным центром, что позволяет проводить массовые мероприятия;

— домовая часовня, в которой проводятся службы в дни церковных праздников, а также беседы с проживающими гражданами.

Проживание одиноких пожилых граждан в специализированном доме «Ветеран» осуществляется в рамках реализации подпрограммы «Милосердие» благотворительной программы комплексной социальной поддержки «Забота» на основе:

1) договора пожизненного содержания с иждивением, на основании которого получатель ренты передает в собственность благотворительного фонда свою приватизированную однокомнатную квартиру, а фонд предоставляет квартиру для проживания в специализированном доме с обеспечением потребности пожилых граждан в жилище и уходе;

2) договора найма жилого помещения с оказанием социально-бытовых и медицинских услуг одному или двум людям, заключаемого сроком от одного месяца до одного года с возможной пролонгацией.

В соответствии с перечисленными договорами пожилым людям предоставляются следующие виды услуг:

1) техническое обслуживание, включающие столярные, сантехнические, электротехнические и ремонтные услуги;

2) услуги диспетчерского пункта, предполагающие обеспечение домофонной связью, системами видеонаблюдения и пожарной сигнализации, «тревожной кнопкой»;

3) социально-бытовые услуги, предусматривающие:

— закуп продуктов питания и доставку горячих обедов из кафе «Ветеран» в квартиру по заявке 2 раза в неделю за счет собственных средств нанимателя;

— уборку жилого помещения 1 раз в неделю по графику;

— доставку и стирку белья из расчета 2 раза в месяц по 5 кг;

— выполнение различных санитарно-гигиенических процедур;

4) социально-медицинские услуги, в том числе оказание содействия в:

— организации медицинской помощи государственными и муниципальными лечебными учреждениями, госпитализации, выполнении лечебных процедур, предоставлении консультаций врачей-специалистов;

— обеспечении техническими средствами ухода и реабилитации;

— осуществлении приобретения и доставки лекарственных средств за счет собственных средств проживающих;

5) культурно-развлекательные услуги, предполагающие проведение государственных, профессиональных, семейных праздников, пользование библиотекой и видеотекой, организация экскурсий и загородных поездок;

6) правовые услуги, включающие оказание помощи в оформлении документов и решении вопросов пенсионного обеспечения, а также оказание содействия в получении мер социальной поддержки, установленных действующим законодательством [12, с. 159].

Необходимо отметить, что весь комплекс услуг социального обслуживания оказывается проживающим в специализированном доме «Ветеран» на бесплатной основе. Помимо этого, все расходы, связанные с оформлением документов, перевозкой личных вещей и обустройством в новой квартире, несет благотворительный фонд. Наряду с этим проживающим в специализированном доме «Ветеран» сохраняется выплата государственной пенсии и пособий, а жильцы, заключившие с фондом договор ренты с пожизненным содержанием, полностью освобождаются от оплаты за жилье и коммунальные услуги.

Представленный анализ деятельности крупнейших российских благотворительных организаций и фондов свидетельствует о высокой степени практической значимости и наличии огромного потенциала по реализации ими направлений в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста. Преимущественными формами реализации выделенных направлений являются социальные проекты и программы, направленные на улучшение качества жизни лиц старших возрастов. В числе наиболее распространенных направлений социального обслуживания, реализуемых в рамках деятельности благотворительных организаций, являются предоставление социально-бытовых, социально-медицинских, социаль-

но-правовых, социально-экономических и социокультурных услуг, а также услуг социально-психологической адаптации, оказываемых гражданам пожилого возраста, проживающим в условиях стационарных учреждений (домах-интернатах и пансионатах).

Литература

1. Благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость» : [офиц. сайт]. URL: <https://starikam.org/> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Благотворительный фонд поддержки пожилых людей «Достоинство» : [офиц. сайт]. URL: <https://dignity-fund.ru/> (дата обращения: 21.02.2021).
3. Благотворительный фонд помощи нуждающимся в постоянном уходе «Долголетие» : [офиц. сайт]. URL: <https://fond-dolgolet.ru/> (дата обращения: 21.02.2021).
4. Благотворительный фонд «София» : [офиц. сайт]. URL: <https://sofi-fond.ru/> (дата обращения: 21.02.2021).
5. Благотворительный фонд «Дари заботу» : [сайт]. URL: <https://vk.com/darizabotu> (дата обращения: 21.02.2021).
6. Общероссийское общественное объединение Российский благотворительный общественный фонд помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» : [офиц. сайт]. URL: <https://www.victoria-1945.ru/> (дата обращения: 04.03.2021).
7. Благотворительный фонд «Подари шанс» : [офиц. сайт]. URL: <https://chance.su/> (дата обращения: 21.02.2021).
8. Гуманитарно-благотворительный фонд «Сострадание» : [офиц. сайт]. URL: <http://childpsy.ru/organizations/> (дата обращения: 21.02.2021).
9. Благотворительный общественный фонд «Металлург» : [офиц. сайт]. URL: <http://fondmetallurg.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
10. Фокин В. А. Концептуальные подходы к теоретическим и технологическим основам социального обслуживания граждан пожилого возраста в контексте новых социальных реалий современной России // Отеч. журнал соц. работы. 2019. № 3. С. 105–118.
11. ГОСТ Р 52880–2007 «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 14.03.2021).

12. Олейник Е. В. Деятельность Магнитогорского городского благотворительного общественного фонда «Металлург» в области социальной защиты граждан пожилого возраста // Социальное развитие региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С. 156–161.

References

1. The official website of the Charity Fund for the Elderly and Disabled “Old age in joy”. URL: <https://starikam.org/> (date of access: 20.02.2021).
2. Charity Fund for the Support of Elderly People “Dignity” : [official website]. URL: <https://dignity-fund.ru/> (date of access: 21.02.2021).
3. Charity Fund for Assistance to those in need of constant care “Longevity” : [official website]. URL: <https://fond-dolgolet.ru/> (date of access: 21.02.2021).
4. Charity Foundation “Sofia” : [official website]. URL: <https://sofiafond.ru/> (date of access: 21.02.2021).
5. Charity Fund “Dari zabotu” : [website]. URL: <https://vk.com/darizabotu> (date of access: 21.02.2021).
6. All-Russian Public Association Russian Charitable Public Fund for Assistance to Disabled People and participants of the Great Patriotic War “Victoria-1945” : [official website]. URL: <https://www.victoria-1945.ru/> (date of access: 04.03.2021).
7. Charity Fund “Give a Chance” : [official website]. URL: <https://chance.su/> (date of access: 21.02.2021).
8. Humanitarian and Charitable Foundation “Compassion” : [official website]. URL: <http://childpsy.ru/organizations/> (date of access: 21.02.2021).
9. Charitable Public Foundation “Metallurg” : [official website]. URL: <http://fondmetallurg.ru/> (date of access: 17.02.2021).
10. Fokin V. A. Conceptual approaches to the theoretical and technological foundations of social services for elderly citizens in the context of new social realities of modern Russia // Domestic Journal of Social Work. 2019. No. 3. P. 105–118.
11. GOST R 52880–2007 “Social service of the population. Types of social service institutions for elderly and disabled citizens”. URL: <http://docs.cntd.ru/> (date of access: 14.03.2021).
12. Oleynik E. V. Activity of the Magnitogorsk city Charitable Public Foundation “Metallurg” in the field of social protection of elderly citizens // Social development of the region: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Tyumen, 2009. P. 156–161.

В. А. Карпов,

*магистрант кафедры теории и технологии социальной работы,
Самарский национальный исследовательский университет*

имени академика С. П. Королева,

Самара

e-mail: shaqill-1997@mail.ru

КИДАЛТИЗМ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. Статья направлена на раскрытие понятия и характеристики такого нового социального явления, как кидалтизм. Современные тенденции изменения привычных социальных институтов, норм и паттернов поведения привели к возникновению новых поведенческих практик, которые требуют изучения и исследований. Кидалтизм является наиболее растущим из таких практик, поэтому возникает вопрос о возможных положительных и отрицательных последствиях данного явления.

Ключевые слова: кидалтизм, инфантилизм, социальный институт, социокультурные изменения.

V. A. Karpov,

*Master's student of the Department of Theory and Technology of Social Work,
Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,*

Samara

e-mail: shaqill-1997@mail.ru

KIDALTING AS NEW CALL IN SOCIAL WORK SPHERE

Abstract. Article is directed to uncover the definition and characters such social phenomena as kidalting. Modern tendencies of changing usual social institutes, rules and patterns of behavior lead to emergence new behavior practices which are needed to be researched. Kidalting is one of the most growing of that kind of practices, so the question is in possible positive and negative effects of that phenomena.

Keywords: kidalting, infantilism, social institute, socio-culture changes.

Культура поведения людей в современном мире постоянно подвергается все большему изменению. Происходит возникновение новых норм, практик и институтов. Существенно меняется и социальная сфера: происходит изменение социальной структуры, формируются новые социальные группы и субкультуры. Все это осуществляется на стыке культурной и социальной сфер.

Возникновение институтов, норм и практик невозможно без изменения самих членов общества. Новые идентичности появляются на основе ребилдинга гендера, национальностей, различных идеалов и т. д. Немаловажной изменяющейся категорией является возраст.

Традиционно культура предусматривала строгую последовательность возрастных этапов и набор институтов, норм и поведенческих практик, которые им соответствовали. Так было и в России до 90-х годов XX века — взрослые трудятся на содержание своих детей, дети познают «правила жизни», обучаясь в детских садах, школах и усваивая традиционные нормы поведения.

Но после 90-х вместе с общеизвестными событиями в России, происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности, и культуры поведения в том числе. С изменениями в культуре меняются представления о возрасте. Разрушается непоколебимость традиционных институтов, норм и поведенческих практик, и вместе с тем ослабевает влияние данных институтов, норм и практик на жизнь индивида и его социализацию, и появляется возможность по-разному организовывать жизнь взрослого человека.

Взрослые индивиды сталкиваются с необходимостью принимать важные для жизни решения без какой-либо опоры и безотносительно к наличию или отсутствию внутренних ресурсов и возможностей для этого. Все это превращает современное поколение взрослых (от 18 лет) в поколение «растянутой юности». Отсутствие каких-либо ориентиров побуждает индивида к продлению собственной юности, увеличению периода невхождения в экономические или семейные связи и отрицанию взросления как такового. В такой системе нет обязательных к исполнению предписаний вести себя «по-взрослому»: заводить семью, воспитывать детей, идти работать или вообще иметь образование. На фоне этого и возникает

кидалтинг как социальное явление, что определяется Дж. Коте как *arrested adulthood* — «скованная зрелость» [1].

Возникновение кидалтизма привело к появлению уникальных моделей поведения, нуждающихся в исследовании и изучении.

Одно из более точных определений к такому индивиду, как «кидалт» (приверженец кидалтизма) дал современный английский психолог Алекс Калькутт: кидалт — это, «как правило, представители среднего класса, преимущественно офисные работники, со средним или высоким уровнем IQ, холостые» [2, р. 206]. Психологи употребляют другой термин для определения такого типа индивидов — “*pueraeternus*” (дословно с латинского — «вечный ребенок»). Немалый вклад в изучение нового явления сделала философ и ближайшая коллега знаменитого ученого К. Г. Юнга Мария-Луиза фон Франц, выделившая отдельную категорию «мужчин-пуэр», которые слишком долго сохраняют подростковую психологию. Другими словами, те черты характера, которые обычно встречаются у 17–18-летних юношей, Мария-Луиза фон Франц отметила и у взрослого «пуэра» [3, с. 7–8]. Современный исследователь кидалтизма, профессор кафедры политологии в Перуджи (Италия) Дж. БернардINI, давая характеристику данному новому социальному явлению, пишет: «Современные взрослые выбирают путь так называемой осознанной незрелости, т. е. осознанного ухода от полагающейся ответственности, анахронической модели жизни» [4, р. 32]. Взрослость для кидалтов превращается из модели поведения в недостижимый идеал, а новые поведенческие паттерны не только поддерживаются «взрослыми детьми», но и принимаются всеми возможными социальными институтами.

Среди черт, которые были выделены учеными разных областей знаний, можно выделить небольшую высокомерность, чувство собственной неполноценности, тягу к экстремальным видам спорта, а также азарту. Помимо этого, у кидалтов было отмечено иллюзорное отношение к собственной жизни, своему будущему. Тем не менее кидалты легко находят социальный контакт с другими людьми, «многим из них присуще очарование молодости и волнующая притягательность, действующая на людей подобно глотку шампанского» [5, с. 7–8]. Среди кидалтов не редко встречаются

индивиды, которые «предпочитают жить сегодняшним днем». Такие кидалты любят менять работу и увлечения в погоне за новыми, острыми ощущениями и не связывать себя никакими обязательствами, что касается в том числе и собственного дома — у таких людей отсутствует желание приобретения собственного жилья. Однако научные исследования кандидата культурологии НИУ ВШЭ М. А. Манокينا показывают и парадоксально обратное: вследствие ощущения тревоги из-за столкновения с внешним миром кидалт нуждается в собственном убежище, крыше над головой, месте, где он спокойно может оставаться собой, не будучи потенциально осужденным членами общества. Именно поэтому кидалты зачастую стремятся время от времени вернуться в родной дом, и не потому, что родителям нужна помощь, а в связи с тем, что семья представляет собой безопасную в эмоциональном плане нишу.

Стоит отметить, что роль данного «убежища» для кидалта обязательно должны играть родительский или собственный дом: эту функцию может исполнять клуб по интересам или дом друга, собственно, любое место, в котором кидалт чувствует себя комфортно или с которым связаны теплые воспоминания. Наличие и отстаивание суверенности такой «собственной» территории позволяет кидалту реализовывать еще одну важную ценность — ценность свободы и индивидуализма, которая «заключается также в защите собственного статуса и наименования» и «проявляется в негативных или ироничных реакциях на оценку своих действий» [1].

По мнению психолога В. А. Хриптович, в современном мире крайне сложно с первого взгляда понять, является человек кидалтом или нет. Здесь стоит отметить, что для многих индивидов использование детских практик в своем поведении (игра, коллекционирование и т. д.) является скорее одномоментной психологической разрядкой, неимеющей постоянства и цикличности. В то же время кидалты практикуют свои детские увлечения, пропагандируя собственные занятия как стиль жизни. Также для кидалтизма присуще совмещение роли взрослого и ребенка, когда индивид выбирает, кем быть в определенной ситуации и принимать соответствующую ответственность на себя: «я прикольный, но могу и посерьезничать» [6].

Все вышесказанное представляет логичным сделать вывод, что кидалтизм имеет те же предпосылки для существования, что и инфантилизм, выделяемый психологами как патология. В данном суждении стоит сделать ремарку: кидалтинг — это не патологически отклоняющееся поведение, ведущее к психологическим проблемам (как инфантилизм), а определенный стиль жизни, идеология, которую индивид выбирает сам.

Однако, как показывают вышеперечисленные факты и характеристики кидалтов, кидалтизм имеет способности нести за собой ряд негативных явлений для индивида, в частности может развиваться до инфантилизма, характерными чертами которого являются не-самостоятельность, нежелание отвечать за свои поступки и жизнь в целом. У кидалтов может наблюдается тенденция к отсутствию стремления развиваться, могут теряться жизненные ориентиры. Совершаемый сдвиг в жизненных ценностях и понятии морали может привести к негативным последствиям. Также кидалты часто самоизолируются, теряя какие-либо социальные контакты с внешним миром. Такой вид кидалтизма является отрицательным для его «приверженцев» и обязан подвергаться профилактики и лечению.

Стоит отметить, что характерные черты «негативного» кидалта совпадают с чертами еще одной группы людей, в которых прослеживается проблема современного общества, а именно геймеров. Как отмечают современные исследователи, игроки склонны с радостью отказываться от реального человеческого существования. Реальные человеческие отношения как для геймеров, так и для «негативных» кидалтов заменяются отношениями онлайн или и вовсе ликвидируются. Реальность со своими как благами, так и сложностями отодвигается в сторону. Происходит нивелирование себя как личности, несущей свои социальные роли, статусы и значимости для общества. Данное нежелание социализации и участия в социальной жизни приводят к атрофированию имеющихся социальных навыков.

Все вышесказанное, несомненно, ставит необходимостью разработки мер по профилактике кидалтизма. Здесь стоит сказать, что так как имеется общее сходство «негативных» кидалтов и геймеров, то и меры по профилактики могут применяться идентичные.

Успешная профилактика негативного кидалтизма должна не только лечить поведение пациента, но и помогать индивиду держаться стратегии нормальной социализации и развития личности. Профилактика кидалтизма должна сосредоточиться не только на подавлении физиологической зависимости от игровых и детских практик поведения, но и на эффективном решении психологических проблем кидалта и привитии ему социальных навыков, необходимых для выстраивания нормальной системы построения самооценки и жизни. Чтобы социальная и психологическая профилактика кидалтизма стала успешной, меры по ее реализации должны быть комплексным и должны учитывать множество факторов, среди которых большинство пока что остаются вне изученного поля современных ученых, в чем еще раз подтверждается важность поднятой темы.

Таким образом, кидалт — это взрослый индивид, который применяет детские практики поведения. Как правило, кидалты используют следующий ряд детских практик поведения: коллекционирование и игра в игрушки, компьютерные и ролевые игры, потребление детских продуктов питания, чтение комиксов и некоторые другие. Кидалты могут смотреть мультфильмы [7], сделанные специально для детей и подростков, надевать яркую, характерную для детей и подростков одежду, покупать и собирать конструкторы для детей и т. д.

Кидалту необходимо включение в систему взаимоотношений с людьми, так как современный мир, предоставивший человеку свободу выбора и действия, каких не было раньше, в то же время снизил значимость ранее устойчивых и авторитетных социальных институтов (таких, например, как религия и семья) и подверг значительной перестройке ценностные ориентации, гендерные установки, межпоколенческие и межнациональные связи. «Постепенное вымывание ориентиров взрослой идентичности разочаровывает молодых в их стремлении перейти на следующую жизненную ступень» [8, с. 70]. Из-за этого члены современного общества вынуждены принимать жизненно важные решения, практически не имея возможности опереться на ранее непоколебимые нормы, принципы и ценности. Новая реальность, позволяющая человеку становиться и быть тем,

кем ему хочется, формировать собственное «добро» и «зло» без оглядки на общественное мнение, а также неограниченное число возможностей построения идентичности, оказывает влияние на развитие такого феномена, как кидалтизм. Данные изменения приводят к тому, что кидалтизм, имеющий свойство быть как положительным, несущим негативные последствия, может быть и отрицательным явлением, влекущим за собой социальные проблемы для приверженцев данной поведенческой модели. «Пока он не тратит последние деньги на фигурку Железного Человека вместо того, чтобы заплатить за квартиру, беспокоиться не о чем» [9, с. 209].

Литература

1. *Côté J. E.* Arrested Adulthood: The Changing Nature of Maturity and Identity. N. Y., 2000. P. 30–35.
2. *Calcutt A.* Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood. London : Cassell, 1998. 262 p.
3. *Франц М.-Л.* Вечный юноша. Puer aeternus. М., 2009. 384 с.
4. *Bernardini J.* The Role of Marketing in the Infantilization of the Postmodern Adult // UTA.EDU : site of University of Texas. 2013. URL: https://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/10_1/bernardini10_1.html (date of access: 06.10.2018).
5. *Фуко М.* Использование удовольствий. Введение // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 280.
6. *Горалик Л.* Маленький Принц и большие ожидания // LINORG.RU : Интернет-ресурс. URL: http://linorg.ru/little_prince.htm (дата обращения: 20.10.2019).
7. *Bauman Z.* Freedom and Security: the Unfinished Story of a Tempestuous Union // Individualized Society. Cambridge : Polity Press, 2001. P. 41–56.
8. *Манокин М. А.* Ценности городской культуры «возвратившихся в детство» // Вестн. Перм. гос. ин-та искусства и культуры. 2012. № 13–14. С. 69–76.
9. *Ярская-Смирнова Е. Р., Карпова Г. Г., Ворона М. А.* «Веселые, непонимающие и бессердечные?» О феномене Питера Пэна // MAGAZINES. RUSS.RU : журнальный зал. 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ia14-pr.html> (дата обращения: 06.10.2018).

References

1. *Côté J. E.* Arrested Adulthood: The Changing Nature of Maturity and Identity. N. Y., 2000. P. 30–35.
2. *Calcutt A.* Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood. London : Cassell, 1998. 262 p.
3. *Franz M.-L.* The Eternal Youth. Puer aeternus. M., 2009. 384 p.
4. *Bernardini J.* The Role of Marketing in the Infantilization of the Postmodern Adult // UTA.EDU : site of University of Texas. — 2013. — URL: https://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/10_1/bernardini10_1.html (date of access: 06.10.2018).
5. *Foucault M.* The use of pleasure. Introduction // The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and sexuality. Works of different years. M. : Castal, 1996. P. 280.
6. *Goralik L.* The Little Prince and great expectations // LINORG.EN : Internet resource. URL: http://linorg.ru/little_prince.htm (date of access: 20.10.2019).
7. *Bauman Z.* Freedom and Security: the Unfinished Story of a Tempestuous Union // Individualized Society. Cambridge : Polity Press, 2001. P. 41–56.
8. *Manokin, M. A.* The values of urban culture “returned to childhood” // Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture. 2012. No. 13–14. P. 69–76.
9. *Yarskaya-Smirnova E. R., Karpova G. G., Vorona M. A.* “Funny, incomprehensible and heartless?” On the phenomenon of Peter Pan // MAGAZINES. RUSS.EN : magazine hall. 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ia14-pr.html> (date of access: 06.10.2018).

П. В. Кирпиченко,

студент кафедры социальной работы,

Институт социальных наук, Иркутский государственный университет,

Иркутск

e-mail: kirpichenkopasha@yandex.ru

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСТВА В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В наше время волонтерская (добровольческая) деятельность становится популярной, и с каждым годом число волонтеров растет. Волонтерская деятельность — один из действенных способов решения социально значимых задач государства. В статье рассмотрена роль добровольческой деятельности в социально ориентированных некоммерческих организациях, поясняется необходимость добровольческой инициативы граждан. А также проводится анализ актуальности явления волонтерства в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, и приводятся примеры организаций-волонтеров.

Ключевые слова: добровольчество (волонтерство), некоммерческий сектор, гражданское общество, пандемия, самоизоляция.

P.V. Kirichenko,

Student of the Department of Social Work,

Institute of Social Sciences, Irkutsk State University,

Irkutsk

e-mail: kirpichenkopasha@yandex.ru

THE ROLE OF VOLUNTEERISM IN SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Abstract. In our time, volunteer activities are becoming popular, and every year the number of volunteers is growing. Volunteer activity is one of the most effective ways to solve socially significant problems of the state. The article considers the role of voluntary activity in socially oriented non-profit organizations, explains

the need for voluntary initiative of citizens. The article also analyzes the relevance of the phenomenon of volunteerism during the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19, and provides examples of volunteer organizations.

Keywords: volunteerism, non-profit sector, civil society, pandemic, self-isolation.

В современной социологии принято выделять три сектора социальных групп гражданского общества: государственный (публичный), коммерческий (частный) и некоммерческий, так называемый «третий сектор». И именно некоммерческие организации являются важным институтом гражданского общества, который стимулирует процесс развития общества и является помощником государства в решении общественных проблем.

«Во время сложных социальных проблем актуальным становится вопрос привлечения внутренних ресурсов общества. Наиболее ярким примером такого ресурса является добровольчество (волонтерство). Волонтер в переводе с латинского *voluntarius* — доброволец» [1, с. 54–61]. То есть это человек, который без какого-либо умысла и выгоды оказывает помощь другим. В Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» дается следующее определение: «Под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 настоящего Федерального закона» [2]. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Добровольчество (волонтерство) является деятельностью в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций» [3].

В нашей стране добровольчество имеет многовековую историю, например в православных монастырях, где верующие работали безвозмездно. Активная добровольческая деятельность велась

и в тяжелые годы войны. А в Советском Союзе представителями добровольчества были пионеры и комсомольцы. И лишь в середине 1990-х гг. сформировался институт добровольчества. Добровольчество сегодня является показателем уровня гражданской активности и развития демократии в стране.

«Добровольчество охватывает все сферы общества, поэтому и является уникальным явлением в обществе. Основой волонтерского движения во всем мире считается принцип: “Хочешь почувствовать себя человеком — помоги другому”» [4, с. 73–79]. Быть волонтеров может быть абсолютно любой человек, неважно, сколько тебе лет, какой ты национальности, кем ты работаешь или какие у тебя политические и религиозные взгляды. Главное, что есть желание помочь просто так, несмотря на свои проблемы и невзгоды.

В современном мире при наличии альтернативных социальных практик именно добровольческая деятельность является сильным ресурсом для решения проблем, но почему-то его недооценивают. Однако именно волонтеры приходят первыми на помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций трудных жизненных ситуациях, что характерно для цивилизованного общества и государства.

Добро всегда начинается с маленького события и потом перерастает во что-то большее. Весной 2020 г. наблюдался колоссальный подъем добровольческого движения во всех странах мира. 11 марта 2020 г. в связи со вспышкой новой коронавирусной инфекции COVID-19 Всемирной организацией здравоохранения была объявлена пандемия. Большинство стран объявило жесткий локдаун. В этот период большинство людей оказались в безвыходной ситуации. Для оказания помощи гражданам начали активно формироваться команды социальных волонтеров. «21 марта Всероссийское общественное движение “Волонтеры-медики”, Ассоциация волонтерских центров (АВЦ) и Общероссийский народный фронт запустили всероссийскую акцию #МыВместе» [5, с. 130–135]. В ходе этой акции была открыта горячая линия адресной поддержки пожилых людей, был разработан сайт myvmeste2020.rf, с помощью которого любой неравнодушный человек в возрасте от 18 до 35 лет мог оперативно предложить свою помощь нуждающимся и стать участником волонтерского штаба своего региона. Каждый день количество

желающих увеличивалось. Согласно данным официальной статистики сайта, на территории Российской Федерации продолжают свою работу уже более 185 тыс. добровольцев. По данным сайта, волонтерскую поддержку получили уже более 4900 618 человек по всей России [6]. Пандемия сплотила людей, и, несмотря на риск для своего здоровья, волонтеры не перестали проявлять искреннее желание помогать людям.

Несмотря на сложное время, именно в период пандемии сложилось новое волонтерское объединение «волонтеры культуры», которое внесло свой вклад в социально-культурную деятельность. Волонтеры культуры не только решали проблемы бытового вопроса лиц, находящихся на самоизоляции, но и пытались организовать досуг населения и оказать психологическую поддержку, взаимодействуя с учреждениями культуры, которые до этого практически не нуждались в волонтерах. Совместная работа учреждений культуры и волонтеров стала важным инструментом социализации и гражданского воспитания молодежи и поддержки пожилых людей. Так, например, в Астраханской области был запущен проект «Заряжены культурой», волонтеры в онлайн-формате активно информировали жителей о ярких событиях региона. В Самарской области волонтеры культуры совместно с Хрящевской детской школой искусств запустили онлайн-проект «Уроки на безопасном расстоянии». Цель проекта заключается в освоении навыков сценической речи и мастерства публичных выступлений, не выходя из дома. Любой желающий мог посмотреть ряд видеоуроков и усвоить что-то важное для себя. Работа всех учреждений культуры перешла в онлайн-формат, свою популярность обрели видеотрансляции мероприятий, а волонтеры культуры активно оказывали поддержку учреждениям в распространении рекламы о мероприятии в социальных сетях. Таким образом, напряженное время борьбы с коронавирусом подтверждает тот факт, что волонтерская деятельность — это надежная опора государства в решении ряда социальных проблем.

В июле 2020 г., в ходе общероссийского голосования, была внесена очень важная поправка в ст. 114 Конституции РФ, где отражены функции Правительства РФ. Теперь Правительство РФ на законодательном уровне обязано поддерживать волонтерскую деятельность.

Данная поправка повышает значимость работы волонтеров, так как способствует привлечению к добровольчеству все большего внимания не только со стороны общества, но и со стороны государственных институтов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что трудно представить, как мир обошелся бы без добровольцев, особенно во время пандемии, когда требуется больше помощи, чем обычно. В результате волонтерство является важным ресурсом и с каждым днем становится все более актуальным. Поэтому для социально ориентированных некоммерческих организаций становится очень важным поддерживать инициативы граждан и продвигать позитивный имидж деятельности, приносящей пользу обществу.

«А девизом добровольчества XXI в. справедливо могут стать слова голландского врача-хирурга XVI–XVII вв. Николаса Тюльпа, который предложил сделать их девизом самоотверженных врачей-лечителей, которые лечили больных и раненых в горячих точках, спасая других, они рисковали собственной жизнью, а символом врачей сделать горящую свечу: “Светя другим — сгораю сам”» [5].

Литература

1. Зайцева И. А. Волонтерство как форма молодежного движения в развитии социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестн. ЗабГУ. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-forma-molodezhnogo-dvizheniya-v-razvitii-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy> (дата обращения: 21.03.2021).

2. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» : Федеральный закон РФ от 11.08.1995 № 135-ФЗ (последняя редакция) // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 20.03.2021).

3. Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2018 г. № 2950-р // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (дата обращения: 20.03.2021).

4. Семенова И. Ю. Волонтерство (добровольчество) как элемент механизма гражданского общества и правового государства // Oeconomia et

Jus. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-dobrovolchestvo-kak-element-mehanizma-grazhdanskogo-obschestva-i-pravovogo-gosudarstva> (дата обращения: 21.03.2021).

5. Паклина Е. А. Организация волонтерской деятельности в период пандемии COVID-19 // Вестн. СПбГИК. 2020. № 4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-volonterskoy-deyatelnosti-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 20.03.2021).

6. #МыВместе. URL: <https://мывместе.рф/> (дата обращения: 20.03.2021).

References

1. Zaitseva I. A. Volunteerism as a form of youth movement in the development of socially oriented non-profit organizations // Bulletin of ZabGU. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-forma-molodezhnogo-dvizheniya-v-razvitii-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy> (date of access: 21.03.2021).

2. “On charitable activities and volunteerism (volunteerism)” : Federal Law of the Russian Federation of 11.08.1995 No. 135-FZ (last edition) // Consultant Plus-reliable legal support. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (date of access: 20.03.2021).

3. On the approval of the Concept of the development of volunteerism (volunteerism) in the Russian Federation until 2025 : Order of the Government of the Russian Federation of 27.12.2018 No. 2950-r // Consultant Plus-reliable legal support. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (date of access: 20.03.2021).

4. Semenova I. Yu. Volonterstvo (volunteerism) as an element of the mechanism of civil society and the rule of law // Oeconomia et Jus. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-dobrovolchestvo-kak-element-mehanizma-grazhdanskogo-obschestva-i-pravovogo-gosudarstva> (date of access: 21.03.2021).

5. Paklina E. A. Organization of volunteer activities during the COVID-19 pandemic // Vestnik SPbGIK. 2020. No. 4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-volonterskoy-deyatelnosti-v-period-pandemii-covid-19> (date of access: 20.03.2021).

6. #МыВместе. URL: <https://мывместе.рф/> (date of access: 20.03.2021).

Я. А. Киселева,

*студент кафедры теории и технологии социальной работы,
Самарский национальный исследовательский университет*

имени академика С. П. Королева,

Самара

e-mail: yana-yana.kiseleva@yandex.ru

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. В данной статье актуализируется проблема суицидального поведения как предмет деятельности специалиста социальной работы. Представлены результаты исследования уровня суицидального риска у взрослого населения, позволяющие обозначить недостатки в организации поддержки людей с высоким суицидальным риском как важнейший фактор развития проблемы суицида в современном российском обществе.

Ключевые слова: самоубийство (суицид), суицидальное поведение, суицидальный риск, социальный работник, психолог, психотерапевт.

Ya. A. Kiseleva,

student of the Department of Theory and Technology of Social Work,

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,

Samara

e-mail: yana-yana.kiseleva@yandex.ru

SUICIDAL BEHAVIOR OF DIFFERENT AGE GROUPS. SURVEY ANALYSIS ON SUICIDAL RISK

Abstract. In this article, the problem of suicidal behavior is actualized as the subject of the activity of a specialist in social work. The article presents the results of a study of suicidal risk in the adult population, which allow identifying shortcomings in the organization of support for people with a high suicidal risk as the most important factor in the development of the problem of suicide in modern Russian society.

Keywords: suicide, suicidal behavior, suicidal risk, social worker, psychologist, psychotherapist.

Самоубийство является одной из вечных проблем общества на любом этапе его развития. Этот феномен существует столько же, сколько существуют на Земле люди, и главным в определении самоубийства можно выделить осознанность предпринимаемых людьми действий [1].

Термины «самоубийство» и «суицид» впервые встречаются в 1663 году в работе Т. Брауна «Религиозная медицина». В русском языке эти понятия появляются в 1704 году в «Лексиконе триязычном», составленном редактором первой русской газеты и директором Московской типографии Ф. П. Поликарповым-Орловым.

Одним из первых ученых, инициировавших научное исследование проблемы самоубийства, стал классик французской социологии Э. Дюркгейм, определивший самоубийство как «каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим индивидом, если последний знал об ожидающих его последствиях» [2, с. 10]. В данном определении подчеркивается, что самоубийство является осознанным и совершается людьми по своей воле.

Таким образом, суицидальное поведение можно определить как осознанные действия, направленные на добровольное лишение себя жизни [3]. Как любая совокупность действия, некоторая активность, суицидальное поведение обуславливается разными факторами и причинами. Возраст накладывает свой отпечаток на особенности суицидального поведения. В кризисные периоды жизни, такие как юность или старость, суицидальная активность возрастает [4]. Самоубийства как социальный феномен невозможно рассматривать в узком направлении, у каждой возрастной категории будут свои мотивы, предпосылки и факторы развития суицидального поведения.

Суицидальное поведение среди детей носит ситуационно-личностный характер, то есть связано не с самим желанием смерти, а со стремлением избежать стрессовых ситуаций или наказаний. Исследователи полагают, что суицидальность у детей с 7 до 12 лет чаще всего связана с семейными дисфункциями, физическим или сексуальным насилием. С 14 лет суицидальная активность резко воз-

растает. По данным исследований А. Г. Амбрумовой, из 770 опрошенных детей с высоким суицидальным риском большинство составили девочки (80,8 %). Наиболее популярными способами у мальчиков стали порезы вен и повешение, у девочек — отравления.

Большинство ученых сошлись во мнении, что концепция смерти у детей приближается к адекватной только к 11–14 годам. Только после этого ребенок по-настоящему начинает осознавать всю серьезность совершаемых действий, приводящих к смерти [5].

Одной из вероятных причин, подталкивающих молодых и зрелых людей к самоубийству, по мнению А. Лучиной, являются средства массовой информации. СМИ особенно влияют на молодежь, так как они находятся на этапе формирования системы ценностей. Помимо вышеуказанного, одним из основных факторов, провоцирующих суицидальное поведение молодежи, является семейное неблагополучие [6].

В возрастной группе людей пожилого возраста высокий суицидальный риск определяется низким уровнем материальной обеспеченности. В настоящее время пенсионеры не получают даже половины суммы прежнего заработка, они являются одними из наиболее ущемленных в материальном соотношении слоев населения. Недостаток денежных средств влечет за собой многие проблемы: невозможность оплатить медицинские услуги, затруднения при оплате за транспорт при передвижении по городу и за его границы и т. д. Существует и ряд других факторов, негативно влияющих на количество суицидальных попыток среди лиц пожилого возраста. Среди социально-психологических причин можно выделить стереотипы старости и старения, геронтофобию, возрастные соматические риски, удаленность места проживания и т. д. Помимо этого у многих людей затруднена адаптация к новым социальным статусам и ролям пенсионера, бабушки, дедушки, вдовы, вдовца, инвалида. Также увеличить риск суицидальных попыток среди пожилых людей могут тяжелые болезни [7].

В 2020 году в рамках исследования суицидального поведения нами был проведен опрос, целью которого являлось выявление уровня суицидального риска среди взрослого населения. Выборка исследования составила 87 человек в возрасте от 16 до 47 лет.

Анкета содержала несколько блоков. Первый блок вопросов был направлен на оценку эмоционального состояния, уровня самооценки и уверенности, зависимости от мнения окружающих, возможности справляться с проблемами самостоятельно. Второй блок вопросов предполагал выявление отношения к суициду. Третий блок вопросов был посвящен проблемам внешней поддержки в ситуации риска суицидального поведения.

Результаты анализа опроса позволили охарактеризовать эмоциональное состояние 39,1 % опрошенных как «среднее»; 34,5 % — как «хорошее»; 12,6 % — как «прекрасное»; 6,9 % — как «плохое» и 5,7 % — как «ужасное». 60,9 % опрошенных отметили свой уровень самооценки и уверенности в себе как «достаточно уверен/а в себе»; 20,7 % — как «не очень и средне уверен/а в себе»; 11,5 % — «очень уверен/а в себе»; по 2,3 % — как «не уверен/а в себе» и «крайне не уверен/а в себе». 48,3 % опрошенных отметили зависимость от мнения окружающих как «иногда зависим/а»; 21,8 % — как «зависим/а»; 9,2 % — как «не зависим/а». Очень сильно зависящих от мнения окружающих среди опрошенных не оказалось. 43,7 % респондентов считают, что самоубийство не относится к «грехам» в контексте религиозной интерпретации, 27,6 % опрошенных считают самоубийство грехом; 23 % опрошенных затруднились ответить на вопрос. 58,6 % опрошенных ответили, что их когда-либо посещали мысли о самоубийстве; 41,4 % респондентов ответили, что их никогда не посещали мысли о самоубийстве. 9,2 % опрошенных ответили, что когда-либо совершали попытку самоубийства; 83,9 % опрошенных ответили, что никогда не совершали попыток самоубийства. 6,6 % опрошенных осознанно причиняли/причиняют вред своему физическому здоровью. 65,5 % опрошенных почти всегда справляются со своими проблемами сами; 18,4 % опрошенных всегда справляются со своими проблемами сами; 16,1 % опрошенных зачастую нуждаются в помощи для решения своих проблем. 66,7 % никогда не посещали психолога/психотерапевта; 32,2 % опрошенных когда-либо посещали психолога/психотерапевта. 81,6 % опрошенных никогда не принимали сильнодействующие успокоительные/антидепрессанты/транквилизаторы; 18,4 % опрошенных когда-либо принимали сильнодействующие успокоительные/антидепрессанты/

транквилизаторы. 72,4 % не нуждается в психологической/психотерапевтической помощи на данный момент; 26,4 % опрошенных нуждается в психологической/психотерапевтической помощи.

Во время прохождения опроса 71,3 % респондентов были абсолютно спокойны; у 13,8 % опрошенных иногда возникало нежелание отвечать на вопрос; у 10,3 % опрошенных возникало чувство неловкости; 2,3 % опрошенных испытывали дискомфорт. Обратим внимание, что на вопросы, в которых необходимо выбрать отметку на шкале, самый большой процент опрошенных во всех случаях выбирал среднее значение или же немного выше среднего.

Особо отметим, что 51 респондент заявил, что их посещали мысли о совершении самоубийства, они совершали попытки самоубийства или же осознанно причиняли вред своему здоровью. Обращались к специалистам только 28 человек из всех опрошенных, а 73 человека ответили, что всегда или почти всегда справляются со своими проблемами самостоятельно. Только 23 респондента заявили, что нуждаются в психологической/психотерапевтической помощи на данный момент.

Резюмируя результаты исследования, можно констатировать, что в нашей стране до сих пор остается недостаточно распространенной практика обращения за помощью к квалифицированным специалистам в случае возникновения трудных жизненных ситуаций, даже тех из них, которые потенциально или реально угрожают жизни и здоровью. При возникновении жизненных проблем, в том числе и проблем с психическим/эмоциональным состоянием, потенциальные клиенты социальных служб независимо от возраста и пола предпочитают справляться с затруднительными ситуациями самостоятельно. Особенно превалирует данная тенденция в возрастной группе молодежи [8].

Результаты исследования позволили обозначить причины выявленных тенденций. Одной из причин отказа от квалифицированной помощи могут являться достаточно высокие цены за приемы у частных психологов на территории нашей страны. К примеру, в нашем городе (Самара) средняя стоимость приема у психолога за час составляет 1500 рублей и варьируется от 1 000 до 5 000 рублей в зависимости от квалификации специалиста. При этом в муници-

пальных и бюджетных учреждениях, в том числе и образовательных, где данные услуги можно получить бесплатно, отмечается нехватка специалистов или недостаточный уровень их квалификации. Также причиной, по которой люди не пользуются услугами не только специалистов социальной работы, психологов, но и психиатров, может быть то, что при посещении психиатров на территории нашей страны человеку выдают справку и сообщают об этом в места учебы и/или работы. Публичное признание наличия проблемы становится серьезным препятствием на пути обращения за внешней поддержкой. Выявленные причины могут стать предметом дальнейшего серьезного анализа в рамках научно-исследовательской деятельности.

Литература

1. Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии Московского НИИ психиатрии МЗ РФ. 1978 С. 6–28.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
3. Глоссарий суицидальных терминов / У. Билле-Браге, А. П. Чуприков, Г. Я. Пилягина, В. Ф. Войцех, Л. А. Крыжановская, С. В. Жабокрицкий, Г. Т. Сонник // ФГБНУ НЦПЗ : [офиц. сайт]. URL: [http://www.psychiatry.ru/lib/56/book/110/chapter/2#:~: text \(дата обращения: 19.03.2021\)](http://www.psychiatry.ru/lib/56/book/110/chapter/2#:~:text=(дата%20обращения:19.03.2021).).
4. Бздоян Г. С., Сушков А. В. Возрастные особенности суицидального поведения подростков // 12 Международ. студ. науч.-практ. конф. «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»» : сб. материалов. 2016. С. 54–55.
5. Лапшин В. Е. Суицид в молодежной среде и проблемы его профилактики // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1. С. 99–102.
6. Лучина А. А. Роль СМИ в формировании суицидальной настроенности молодежи и ее превенции // Суицидология scholar. 2011. № 2. С. 36–38.
7. Лузуева С. Н. Один из факторов ухудшения уровня жизни населения: статистика суицидов // Актуальные вопросы современной экономики. 2014. № 4. С. 62–471.
8. Кострова Ю. А. Средства социальной поддержки молодежи в деятельности организаций социальной сферы // Актуальные тенденции со-

циальных коммуникаций: история и современность : сб. науч. ст. Ижевск : Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. С. 1011–1020.

References

1. *Ambrumova A. G., Tikhonenko V. A.* Suicide as a phenomenon of socio-psychological disadaptation of the individual // Actual problems of suicidologists of the Moscow Research Institute of Psychiatry of the Ministry of Health of the Russian Federation. 1978. P. 6–28.
2. *Durkheim E.* Suicide: a sociological etude. M. : Mysl, 1994. 399 p.
3. Glossary of suicidal terms / U. Bille-Brahe, A. P. Chuprikov, G. Ya. Pilyagina, V. F. Voitskh, L. A. Kryzhanovskaya, S. V. Zhabokritsky, G. T. Sonnik // FGB-NU NCPZ : [official website]. URL: [http://www.psychiatry.ru/lib/56/book/110/chapter/2#:~:text=\(date of access: 19.03.2021\)](http://www.psychiatry.ru/lib/56/book/110/chapter/2#:~:text=(date%20of%20access%3A%2019.03.2021).).
4. *Bgdoyan G. S., Sushkov A. V.* Age features of suicidal behavior of adolescents // 12th International Student scientific and practical conference “Center for Scientific Cooperation ‘Interactive Plus’” : collection of materials. 2016. P. 54–55.
5. *Lapshin V. E.* Suicide in the youth environment and problems of its prevention // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2014. No. 1. P. 99–102.
6. *Luchina A. A.* The role of mass media in the formation of suicidal mood of youth and its prevention // Suicidology scholar. 2011. No. 2. P. 36–38.
7. *Lugueva S. N.* One of the factors of deterioration of the standard of living of the population: statistics of suicides // Current issues of the modern economy. 2014. No. 4. P. 62–471.
8. *Kostrova Yu. A.* Means of social support for youth in the activities of social organizations // Current trends in social communications: history and modernity : a collection of scientific articles. Izhevsk : Publishing Center “Udmurt University”, 2020. P. 1011–1020.

Г. Ю. Козина,

канд. соц. наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы

e-mail: galina-sura@bk.ru

В. А. Якунина,

студент

e-mail: calerywhite@gmail.com

Пензенский государственный университет, Пенза

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Статья посвящена становлению и формированию профессиональной подготовки специалистов по социальной работе. Обоснованная актуальность подготовки кадров сферы социального обслуживания. Приведены примеры становления подготовки кадров за рубежом, в частности США, а также отечественный опыт. Описаны инновационные подходы университетской подготовки будущих специалистов по социальной работе и инновационные технологии социальных служб.

Ключевые слова: социальная работа, специалист по социальной работе, подготовка кадров сферы социального обслуживания, инновационные технологии подготовки кадров.

G. Yu. Kozina,

Candidate of Social Sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and Social Work

e-mail: galina-sura@bk.ru

V. A. Yakunina,

student

e-mail: calerywhite@gmail.com

Penza State University, Penza

RELEVANCE OF TRAINING FOR SOCIAL SERVICES IN THE REGION

Abstract. The article is devoted to the formation and formation of professional training of specialists in social work. Justified relevance of training in the field

of social services. Examples of the formation of personnel training abroad, in particular the United States, as well as domestic experience are given. Innovative approaches of university training of future specialists in social work, as well as innovative technologies of social services are described.

Keywords: social work, social work specialist, social service personnel training, innovative training technologies.

Социальная работа как наука в нашей стране находится еще на стадии становления и осмысления. Но, невзирая на этот факт, на сегодняшний день повсеместно осуществляется подготовка специалистов по социальной работе в разных направлениях (существует дифференциация специалистов на так называемых «генералистов», социальных работников, не ограниченных определенной сферой, и «клиницистов», которые в своей профессиональной деятельности пользуются определенным набором методов, техник и технологий). В регионах при университетах открываются кафедры, готовящие специалистов по социальной работе, а также появляются новые кандидаты и доктора наук, вкладывающие большое значение в развитие отечественной теории социальной работы. Публикуется множество новых работ, создаются новые теории о той или иной стороне социальной работы.

Подготовка кадров для сферы социального обслуживания имеет большое значение в современном обществе, характеризующимся форсированным развитием самого общества. Экономическое развитие страны порождает малообеспеченную прослойку населения. Развитие промышленности, недобросовестная утилизация многих отходов наносит значительный урон экологии, которая, в свою очередь, пагубно влияет на здоровье человека. Инвалидизация населения в настоящее время остается на относительно высоком уровне вследствие врожденных патологий или несчастных случаев. Научно-технический прогресс оставил многих людей без работы, заменив их на машины, выполняющих большой объем работы. Уровень безработицы остается прежним на протяжении нескольких лет и составляет 4,8 % для мужчин и 4,4 % для женщин за 2019 год. Численность пожилых людей составляет 23–25 % от общего числа населения Российской Федерации. По данным Министерства здра-

воохранения, число россиян с алкогольной зависимостью снизилось до 1,3 млн человек, в то же время смертность от алкоголя возросла. По состоянию на 30 сентября 2020 г. (по предварительным данным) среди граждан Российской Федерации было зарегистрировано 1 476 023 человека с диагнозом «ВИЧ-инфекция».

По данным многочисленных статистик, можно сделать вывод, что число нуждающихся в социальной помощи и поддержке растет с каждым годом, а предоставлять эту помощь могут по большей части специалисты по социальной работе. Вследствие этого можно смело говорить об актуальности подготовки кадров системы социального обслуживания.

На наш взгляд, одной из приоритетных функций государства является социальное обеспечение граждан, особенно в условиях социально-экономического кризиса современного общества. Основываясь на географических, климатических, исторических и социокультурных факторах, каждое государство берет свое направление в социальной политике, выявляя наиболее острые проблемы. Первые законы стали появляться в конце XIX века в Германии, во время деятельности канцлера Бисмарка. На основе этого появляются модели социальной политики, которые имеют множество классификаций. Теоретическим моделям социального обеспечения населения большое внимание в своих работах уделили такие зарубежные исследователи, как Роберт Пинкер, Ричард Титмус, Н. Меннинг, Геран Терборн, Госта Эспинг Андерсон и др. [1, с. 53–54]. Содержание и основа сущностных характеристик рассмотренных моделей могут лежать в основе отличительных особенностей системы подготовки специалистов помогающих профессий, и в первую очередь социальных работников, осуществляющих свою профессиональную деятельность внутри соответствующих моделей социальной защиты населения.

Рассматривая опыт подготовки специалистов для сферы социального обслуживания в зарубежных странах, на наш взгляд, интересным оказался опыт США, где присутствует такой принцип, как «ученичество». Морозов Е. А. отмечает, что суть данного принципа состоит в том, что к опытному социальному работнику прикрепляли начинающего специалиста, который должен был черпать от своего

старшего коллеги неоценимый профессиональный опыт, окунуться в профессиональную деятельность с головой. Но такая форма имеет свои недостатки (например, молодые специалисты не могут применить полученные знания в ином социальном контексте). Данная форма подготовки социальных работников являлась основной вплоть до начала XX века. На смену этой модели пришли образовательные программы, отводящие теории социальной работы особое место, чтобы погрузиться во все модели, техники и технологии профессиональной социальной работы. В тот период «ученичество» хотя и продолжало использоваться в качестве одной из форм подготовки кадров, но она продолжала оставаться пережитком прошлого [2, с. 124].

На смену привычным способам предоставления образовательных услуг приходят инновационные методики. Благодаря этому обучающиеся начинают видеть новые грани в процессе обучения, раскрывается их внутренний потенциал, а также учреждения становятся конкурентоспособными на рынке образовательных услуг. Цель преподавания — донести до обучающегося значимость в дальнейшей жизни и профессиональной деятельности содержание той или иной научной дисциплины.

Также стоит рассмотреть опыт отечественных учебных заведений, которые осуществляют подготовку специалистов по социальной работе. Например, в Дагестанском государственном университете кафедры социальной медицины при изучении медико-социальных дисциплин применяют различные методы при подготовке студентов. В ходе проведения занятий применяются разнообразные формы и методы обучения, среди которых демонстрация видеофильмов и презентаций, использование компьютерных обучающих программ, мультимедийных учебных пособий, электронных атласов, интерактивных энциклопедий. Большое значение уделяется решению ситуаций, которые предстают в виде задач. Они помогают увидеть все возможные разветвления экстренных ситуаций, которые требуют вмешательства специалиста [3, с. 63–65].

Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета осуществляет подготовку кадров с использованием инновационных техник. У студентов формируют навыки науч-

но-исследовательской деятельности, студенты во время аудиторных и самостоятельных занятий занимаются подготовкой заданий с элементами научной деятельности. После проведенной проверки работы оформляются в уникальную авторскую статью и в дальнейшем публикуются. Студенты принимают участие в международных и российских научных проектах. Учащиеся ориентированы на профессиональный рост через коллегиальное общение и совместную с практиками работу [4, с. 163–165].

В данной статье нам хотелось бы уделить внимание опыту подготовки специалистов для сферы социального обслуживания на кафедре теории и практики социальной работы Пензенского государственного университета. В ходе своего обучения студенты в рамках занятий используют инновационные виды заданий, которые помогают критически мыслить, использовать свои знания не только в теории, но и на практике, искать возможные пути решения тяжелых жизненных ситуаций. В рамках таких дисциплин, как «Социология семьи», «Социология управления» и «Социально-бытовая реабилитация», студенты учатся анализировать видеоматериалы со стороны проблем социальной работы, находить скрытые от глаз зрителей проблемы человека, прорабатывать пути решения и возможные последствия.

На лабораторных занятиях по дисциплине «Технология социальной работы» студенты разрабатывают собственные проекты профилактических бесед, учатся оформлять социальный паспорт семьи, осуществляют анализ видеоматериалов. Изучая такие дисциплины, как «Социальная геронтология», «Социальная экология», студенты активно учувствуют в семинарах-конференциях. Студенты во время практических занятий по «Технологии консультирования в социальной работе» моделируют ситуации, где в игровой форме проводят работу с различными категориями клиентов. Консалтинг является одной из важных технологий социальной работы, во время беседы специалист узнает важную информацию о клиенте и его проблеме.

Стоит отметить такую дисциплину, как «Психосоциальная работа с клиентами социальных служб». На практических занятиях будущие специалисты осваивают методики, которые смогут применять в своей профессиональной деятельности: выявлять тип

темперамента, уровень социальной фрустрированности, проводить профессиональные опросники, которые помогут выявить у клиента предпочтения в той или иной сфере деятельности, изучают основы и условия проведения тренингов.

На наш взгляд, одной из важных составляющих образовательного процесса является обыгрывание ситуаций, их всеобщее обсуждение, нахождение возможных «пустых» мест или написанного «между строк», представляя и анализируя тяжелые жизненные ситуации, обучающиеся прибегают к критическому мышлению, которое сможет оказать значительную помощь в дальнейшей профессиональной деятельности. Именно применяя изученный материал на лекциях, студенты учатся применять его непосредственно на практике.

Кроме индивидуальной и локальной помощи, обучающиеся пытаются создавать инновационные социальные проекты в рамках таких дисциплин, как «Социальные инновации» и «Экономическая социология и технология социально-экономической поддержки населения». Проекты детально разрабатываются, проводятся социологические исследования, а также презентуются готовые проекты, которые подробно разбираются на групповом обсуждении вместе с преподавателем.

Но с инновациями мы встречаемся не только при подготовке будущих специалистов. Рассматривая опыт инновационных технологий помощи клиентам социальными службами, можно обратить внимание на опыт Иркутской области. Согласно данным Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, учреждения этой местности используют такие инновационные технологии, как:

1. Методика «Ретротерапия (терапия воспоминаниями) для пожилых людей и инвалидов», разработанная ОГБУСО «Ново-Ленинский дом-интернат для престарелых и инвалидов». По словам составителя программы, в ходе работы пожилые люди начинают воспринимать и осознавать свой опыт как значимый и яркий.

2. Программа «Кукольный театр “Теремок”». Эта программа рассчитана на клиентов с психическими заболеваниями. В ходе работы развиваются коммуникабельные способности, улучшается эмоционально-психологическое состояние, поддержание интереса к жизни.

3. Социальный проект «Диалог поколений». В ходе взаимодействия учащихся и пожилых формируется активная гражданская позиция, усиливается чувство патриотизма и повышается уважение к истории и старшему поколению.

Несмотря на множество положительных фактов, в системе подготовки специалистов существуют и кризисные моменты. Один из таких моментов — практика, осуществляемая студентами. Социальные учреждения не имеют специальных сотрудников, которые могли бы проводить практику для обучающихся вузов, поэтому загруженные аудиторными занятиями руководители практик буквально разрываются между студенческими группами [6, с. 64].

В заключении хотелось бы отметить, что в истории становления социальной работы как направления подготовки происходили серьезные изменения, обусловленные объективными причинами. На смену практическому обучению (примером послужил опыт США в XIX в.) приходили образовательные программы, появлялись все новые теории, появлялись новые исследователи, приносящие в нашу сферу все новые техники и методики. С каждым днем социальная работа обрывает все новые идеи и подходы к обучению. Важную роль стала играть технологизация всех сфер жизни общества. На учебных занятиях повсеместно используются интерактивные доски и компьютерные программы. Значимость информационных технологий значительно возросла во время коронавирусного кризиса, который принудил каждого самоизолироваться. Этот период еще больше показал, насколько важно подготавливать высококвалифицированных специалистов в сфере социального обслуживания. Инновационные способы изучения материала практически безграничны и могут принимать любую форму осуществления. Но главной целью по-прежнему остается подготовка кадров для сферы социального обслуживания на высоком уровне.

Литература

1. Морозов Е. А. Изучение зарубежных моделей социального обеспечения населения как фактор подготовки специалистов // Человек и образование. 2012. № 4. С. 53–58.

2. Морозов Е. А. Становление и развитие системы подготовки кадров в области социальной работы в США в конце XIX века // Вестник ТГПУ. 2012. № 5. С. 120–125.

3. Магомедова С. А., Магдиева Н. Т., Мусаева С. Д. Инновационные образовательные технологии в подготовке специалистов по социальной работе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. № 2. С. 63–65.

4. Воронова Е. А. Инновации при подготовке профессиональных кадров по социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 3. С. 118–128.

5. Нестеренко О. Ю. Проблемные аспекты организации практики бакалавров направления 39.03.02 «Социальная работа» // Педагогический институт им. В. Г. Белинского: традиции и инновации : сб. ст. науч. конф., посвящ. 78-летию Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, 19 декабря 2017 года). Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. С. 145–149.

References

1. Morozov E. A. The study of foreign models of social security of the population as a factor of training specialists. 2012. No. 4. P. 53–58.

2. Morozov E. A. Formation and development of the personnel training system in the field of social work in the USA at the end of the XIX century // Bulletin of TSPU. 2012. No. 5. P. 120–125.

3. Magomedova S. A., Magdieva N. T., Musaeva S. D. Innovative educational technologies in training specialists in social work // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psychological and pedagogical sciences. 2013. No. 2. P. 63–65.

4. Voronova E. A. Innovations in the preparation of professional personnel for social work // Otechestvenny zhurnal sotsialnoy raboty. 2012. No. 3. P. 118–128.

5. Nesterenko O. Yu. Problematic aspects of the organization of the practice of bachelors of the direction 39.03.02 Social work // V. G. Belinsky Pedagogical Institute: Traditions and Innovations : Collection of articles of the scientific conference dedicated to the 78th anniversary of the V. G. Belinsky Pedagogical Institute of PSU (Penza, December 19, 2017). Penza : PSU Publishing House, 2017. P. 145–149.

П. А. Коптева,

студентка 1-го курса магистратуры кафедры социологии и социальной работы,

Петрозаводский государственный университет,

Петрозаводск

e-mail: 2302pkopteva@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РЫНКА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы социального предпринимательства в социальном обслуживании населения в Республике Карелия. Рассмотрены подходы к понятию «социальное предпринимательство», обозначены связанные с ним преимущества и риски. На примере разведывательного социологического исследования спроса на рынке социальных услуг, проведенного методом онлайн-опроса в Республике Карелия, были выдвинуты гипотезы, включающиеся в себя перспективы развития данного феномена в регионе. Например, выдвинуто предположение о низком уровне информированности населения о возможностях социального обслуживания.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предпринятия, социальное обслуживание, социальная услуга, Республика Карелия.

P. A. Kopteva,

1st-year master's student of the Department of Sociology and Social Work,

Petrozavodsk State University,

Petrozavodsk

e-mail: 2302pkopteva@gmail.com

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CASE OF ANALYSIS OF SOCIAL SERVICES MARKET IN THE REPUBLIC OF KARELIA

Annotation. The article discusses the prospects for social entrepreneurship in the field of social services. We have considered approaches to the concept of "social entrepreneurship", identified the associated benefits and risks. Using

the example of exploratory research of the demand in the social services market, carried out by the online survey method in the Republic of Karelia, we put forward hypotheses that include the prospects for the development of this phenomenon in the region. For example, it has been suggested that there is a low level of public awareness of the possibilities of social services.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, social service, social work, Republic of Karelia.

Социальное обслуживание в России

Российская Федерация по статье 7 Конституции является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1].

Центральной задачей социального государства в лице органов государственной власти всех уровней становится обеспечение достойного существования граждан. При социальном государстве создана и эффективно работает правовая система защиты социальных интересов населения, а экономическая и политическая составляющая направлены на решение острых социальных проблем [2, с. 91].

Одной из важнейших отраслей социального государства является система социального обслуживания населения. Она оказывает помощь миллионам жителей России. Данная система особенно значима во время социально-экономической и политической неустойчивости.

В настоящее время от системы социального обслуживания требуется решение новых глобальных задач. Эти задачи включают в себя отступление от патерналистских принципов по отношению к определенным категориям населения и взаимодействие через либеральные идеи с адаптированными к рынку гражданами [3, с. 4].

Социальное обслуживание — это деятельность по предоставлению социальных услуг населению [4]. Соцобслуживание представляет собой систему, в которой существует множество различных связей и взаимоотношений между многочисленными компонентами, блоками и частями, обладающими специфическими функциями. Сами связи между элементами характеризуются определенным

порядком, направленностью на выполнение функций социальной адаптации, ресоциализации и социальной реабилитации.

Цели социального обслуживания определяются потребностями общества в конкретный исторический момент и потребностями отдельных социальных групп. Реализация целей, в свою очередь, зависит от ряда факторов, начиная социально-экономическими и политическими, заканчивая морально-этическими и экологическими. Социальное обслуживание становится социальным институтом только тогда, когда каждый человек может удовлетворить свои потребности через социальные услуги [5, с. 170].

Продолжающийся переход российского общества к инновационному подразумевает под собой разработку новых критериев определения уровня и качества жизни населения. Однако остаются и усиливаются такие социальные проблемы, как социальная поляризация, дифференциация доходов населения, депривация отдельных категорий граждан и многие другие. Отсутствие эффективного решения данных проблем приводит к снижению темпов социально-экономического развития, что ведет к политической неустойчивости. Одним из способов по решению комплекса проблем является модернизация системы социального обслуживания населения, которая должна включать в себя активное развитие института социального предпринимательства [6, с. 196–197].

Понятие «социальное предпринимательство»

В научных кругах понятие «социальное предпринимательство» рассматривается уже более трех десятилетий, однако это не привело к выделению единого понятия. Существует несколько классификаций подходов к данному понятию. Одна из самых часто встречающихся классификаций — деление на англо-американский и европейский подходы к социальному предпринимательству.

При англо-американском подходе истоками социального предпринимательства являются определенные общественные ценности, такие как частная инициатива, благотворительность, независимость гражданского общества от государства. При данном подходе инициатива по созданию исходит или от бизнеса, или от некоммерческого сектора.

При европейском подходе социальное предпринимательство является институционально зрелой формой межсекторного партнерства государства, частного бизнеса и некоммерческого сектора.

Таким образом, в европейском подходе центральную позицию занимает кооперативное движение, которое предполагает участие всех в процессе управления, а также долгосрочное планирование.

Можно выделить одно из главных отличий подходов: американские предприятия ориентируются на производство «социального продукта», который предоставляет социально уязвимым группам либо бесплатно, либо по ценам ниже рыночных, а в Европе такие предприятия нацелены на обеспечение рабочих мест представителям уязвимых групп со сниженной конкурентоспособностью. Однако в обоих случаях можно встретить предприятия, которые подходят под оба подхода: потребители социальных услуг со временем могут стать сотрудниками или волонтерами данного предприятия. Это является процессом реинтеграции, когда человек из иждивенца становится самодостаточным гражданином, который решает не только свои проблемы, но и помогает людям, оказавшимся в похожей трудной жизненной ситуации.

Описанные выше различия, безусловно, являются преувеличенными, однако это сделано для акцентирования на существенных отличиях, которые влияют на наличие разных интерпретаций социального предпринимательства.

Известный в сфере социального предпринимательства исследователь Г. Дис (Dees) утверждает, что социальное предпринимательство выполняет роль агента изменений в социальной сфере:

- 1) берет на себя миссию по созданию и поддержанию социальных ценностей;
- 2) постоянно использует новые возможности для обеспечения обозначенной миссии;
- 3) участвует в процессе непрерывных инноваций, их адаптации и обучении;
- 4) не ограничивается имеющимися ресурсами;
- 5) публикует подробную отчетность перед потребителями услуг по достигнутому результату [7].

По итогу социальное предпринимательство включает в себя процессы, связанные с разработкой инноваций, принятием на себя социальной миссии, мобилизацией ресурсов и подготовкой подробной отчетности для разных социальных групп.

В 2019 году вступила в силу поправка к Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209, которая на правовом уровне закрепила понятия «социальное предприятие» и «социальное предпринимательство». Теперь субъекты малого и среднего предпринимательства могут приобрести статус «социальное предприятие», если они оказывают услуги, перечисленные в законе. Среди способов поддержки от государства: финансовая, консультационная, информационная и другие [8].

Можно предположить, что государство стало серьезнее рассматривать социальное предпринимательство в роли одного из путей по развитию социальной сферы при меньших затратах из бюджета.

Социальное предпринимательство как инструмент оказания социальных услуг

Социальное предпринимательство обладает потенциалом решения острых и «вечных» социальных проблем с минимальным участием государства. При этом возрастает адресность услуг, повышается их разнообразие и качество вместе со снижением бюджетных затрат.

Социальные предприятия принесут множество результатов, социально-экономических изменений, например:

1. Увеличение занятости социально уязвимых групп населения. Улучшение социально-экономического статуса таких групп — более эффективная помощь, чем «пассивные» пособия.

2. Рост конкуренции на рынке социальных услуг вследствие увеличения объема услуг. Это приведет к повышению эффективности социального обслуживания населения.

3. Увеличение доли профессионалов в сфере решения социальных проблем в негосударственном секторе.

4. Активное развитие новых подходов к решению устойчивых социально проблем (безработица, инвалидность, бездомность,

наркомания и пр.). Социальные инновации и вовлечение в рыночный оборот нерыночных ресурсов (волонтеры, экономия материалов и др.) [9, с. 3–4].

Решение социальных проблем через развитие социального предпринимательства не исключает рисков [10, с. 107]. Так, увеличение числа социальных предприятий может привести к раннему прекращению федеральных и государственных социальных программ, а также к прекращению ведению государством целостной социальной политики. Несмотря на это, социальное предпринимательство может стать катализатором долгосрочных общественных трансформаций и способствовать повышению конкурентоспособности социальных секторов отечественной экономики.

По данным на март 2021 года, в Республике Карелия официально зарегистрировано 15 социальных предприятий, в других регионах СЗФО, например в Мурманской области и Республике Коми — 40 и 43 социальных предприятия соответственно. Среди предоставляемых данными организациям услуг в Карелии преобладают медицинские услуги [11].

Подводя итог, можно сказать, что социальное предпринимательство становится дополнительным институтом по обеспечению населения социальными услугами. Данные услуги могут быть более вариативными, более современными, улучшенными и разнообразными, что приведет к более качественному и эффективному потреблению населением услуг, что, в свою очередь, приведет к социальному и экономическому развитию.

Результаты исследования «Рынок социальных услуг Республики Карелия»

Для выдвижения более конкретных, приближенных под регион перспектив социального предпринимательства, было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Целью исследования стало определение перспектив социального предпринимательства в Республики Карелии через изучение спроса среди населения на более качественные и разнообразные социальные услуги.

Был составлен ряд исследовательских вопросов:

1. В каких социальных сферах жители Карелии чаще всего приобретают бесплатные и платные социальные услуги?
2. Как оценивают свою удовлетворенность полученными социальными услугами в разных общественных сферах жители Республики Карелия?
3. Доверяют ли жители Республики Карелия различным поставщикам социальных услуг решение социальных вопросов?
4. Насколько население Карелии информировано о социальном предпринимательстве?

Было проведено разведывательное исследование с целью сбора первичных данных для дальнейшего формирования гипотез о перспективах развития социального предпринимательства в регионе для репрезентативного исследования, а также для апробации инструментария.

Исследование представляло собой онлайн-опрос населения на платформе Google Forms, в его распространении был задействован таргетинг рекламы в социальной сети «ВКонтакте». Сбор данных происходил с 12 по 14 марта 2021 года.

Научной новизной являются новые полученные знания о сфере социальных услуг в Республике Карелия, об отношении жителей региона к основным поставщикам социальных услуг и об их степени удовлетворенности полученными услугами.

Анкета представляла собой совокупность вопросов по трем направлениям: бесплатное государственное социальное обслуживание, платные социальные услуги, информированность о социальном предпринимательстве и отношение к нему. Для дополнительной проверки таргета рекламы по региону в анкете первым вопросом выступил вопрос-фильтр «Проживаете ли Вы в Республике Карелия?».

В онлайн-опросе приняло участие 109 жителей Республики Карелия. В табл. 1, 2 представлено более подробное описание респондентов.

Перейдем к основным результатам исследования. Что касается популярных социальных сфер по предоставлению услуг, то среди бесплатных и платных услуг лидирует сфера здравоохранения. Бо-

лее половины опрошенных отметили, что пользовались данными видами услуг: 79 % — бесплатными и 95 % — платными.

Таблица 1

**Демографические показатели респондентов исследования
и жителей Карелии (по данным Карелиястата за 2020 г.)**

Показатель	В исследова- нии	Данные Карелиястата за 2020 г. [12]
Мужчины	44 %	45,6 %
Женщины	56 %	54,4 %
Средний возраст мужчин, лет	37	37,8
Средний возраст женщин, лет	43	43,9

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили Ваше
сегодняшнее материальное положение?», в %**

Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	5,5
На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна	24,8
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели — для нас проблема	32,1
Мы можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет	21,1
Мы можем без труда купить автомобиль, но на большее — квартиру, дачу — денег нет	5,5
Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое	2,8
Затрудняюсь ответить	8,3

Была обнаружена взаимосвязь между переменными «материальное положение» и «платные услуги в сфере здравоохранения» (табл. 3): Pearson Chi-Square = 37,453a, Asymp. Sig. = 0,000; Cramer's V = 0,451, Appr. Sig. = 0,000, что говорит о наличии средней силы связи между переменными (при $p = 5\%$).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Пользовались ли Вы услугами частных или некоммерческих организаций в сфере здравоохранения?» по некоторым категориям материального положения респондентов

Пользовались ли Вы услугами частных или некоммерческих организаций в сфере здравоохранения?	В %		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	0 %	100	0
На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна	21	71	8
Мы можем без труда купить автомобиль, но на большее — квартиру, дачу — денег нет	83	0	17
Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое	100	0	0

Однако сфера здравоохранения также лидирует в ответах на вопрос о том, какие сферы сильнее всего нуждаются в развитии и улучшении (рис. 1).

Более половины опрошенных (59 %) отмечают, что сфера социального обслуживания требует развития. По сравнению со сферой

Рис. 1. Какие из нижеперечисленных сфер требуют улучшения, развития и увеличения перечня предоставляемых услуг больше всего?, в % (несколько вариантов ответов)

здравоохранения, платными услугами в сфере социального обслуживания респонденты пользовались намного реже: всего 17 % от опрошенных.

Среди платных услуг в сфере социального обслуживания респонденты пользовались услугами сиделок для престарелых, а также домами-пансионатами, содействием в трудоустройстве и помощью при оформлении документов.

Половина опрошенных знает или что-то слышала о социальном предпринимательстве, однако почти 40 % слышали об этом в первый раз (рис. 2). Почти половина респондентов (45,9 %) считают, что социальные предприятия скорее не смогут заменить государство при предоставлении социальных услуг, чем смогут.

Гипотеза о влиянии возраста на доверие социальным предприятиям по решению социальных вопросов требует дальнейшего подтверждения или опровержения: молодые люди доверяют социальным предприятиям чаще, чем более взрослые поколения (Pearson Chi-Square = 9,393a, Asymp. Sig. = 0,024; Cramer's V = 0,294, Appr. Sig. = 0,024 при $p = 5\%$).

Можно выдвинуть предположение, что ответы респондентов связаны с отсутствием у них информации о социальном предпринимательстве. Это можно частично доказать тем, что после вопроса: *Знаете ли Вы, слышали, либо слышите сейчас впервые о социальном предпринимательстве?* — в анкете было дано определение и при-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы, слышали, либо слышите сейчас впервые о социальном предпринимательстве?», в %

меры социальных предприятий. После чего на вопрос: *Кому еще, кроме государства, Вы доверили бы решение социальных вопросов, оказание социальных услуг в социальных сферах?* (рис. 3) социальные предприятия отметила почти половина опрошенных (46 %).

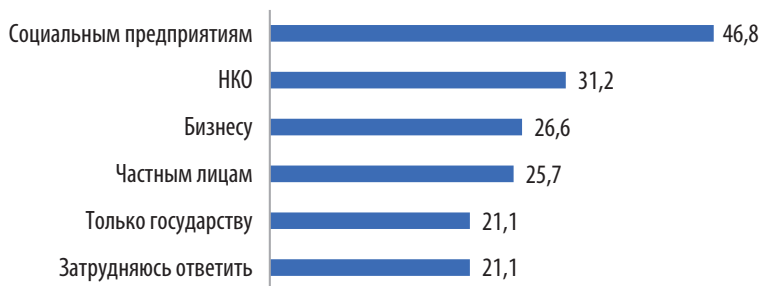

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Кому еще, кроме государства, Вы доверили бы решение социальных вопросов, оказание социальных услуг в социальных сферах?», в % (несколько вариантов ответа)

Выводы

Социальное обслуживание населения — одно из важнейших направлений деятельности социального государства. В России сфера соцобслуживания требует изменений. Одним из возможных путей по развитию сферы социальных услуг является социальное предпринимательство.

Социальное предпринимательство представляет собой производство товаров или оказание услуг с целью решения какой-либо социальной проблемы или создания пользы для общества, а не максимизации прибыли для владельцев предприятия. Например, общественная столовая, в которой работают волонтеры, и в которой нуждающиеся (малообеспеченные, бездомные и др.) могут питаться бесплатно.

По итогам проведенного нами разведывательного исследования можно сказать о существовании спроса на социальные услуги среди жителей Карелии. Нами были сделаны выводы в виде гипотез для дальнейшего репрезентативного исследования.

1. Больше половины жителей Республики Карелия не знают о возможностях социального обслуживания.

2. Низкий уровень доверия социальным предприятиям связан с низкой информированностью о данных организациях среди населения Республики Карелия.

3. Социальные предприятия Республики Карелия в сфере здравоохранения могут составить конкуренцию частным организациям в сфере платных услуг из-за более низкой цены, а бюджетным организациям — за счет более качественных услуг.

4. Молодые люди (до 23 лет) доверяют социальным предприятиям чаще, чем более взрослые поколения.

Литература

1. Конституция. Статья 7 / Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2021).

2. *Галустова К.* Проблемы становления социального государства в Российской Федерации // *Право и управление. XXI век.* 2008. № 1. С. 91–96.

3. *Холостова Е. И., Малофеев И. В.* Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд : монография. М. : Дашков и К°, 2016. 368 с.

4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» : принят Государственной Думой 23 декабря 2013 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года // «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2021).

5. *Малофеев И. В.* Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки.* 2012. № 8. С. 169–172.

6. *Петровская Ю. А., Клочкова К. А.* Социальное предпринимательство как субъект социального обслуживания населения в контексте инновационного развития российского общества (на примере Республики Карелия) // *Регион: экономика и социология.* 2019. № 3. С. 195–215.

7. Dees J. G. Enterprising nonprofits // Harvard Business Review, 1998. № 76. URL: <https://hbr.org/1998/01/enterprising-nonprofits> (дата обращения: 17.03.2021).

8. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»: принят Государственной Думой 11 июля 2019 года: одобрен Советом Федерации 23 июля 2019 года // «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2021).

9. Москвская А. А. Актуальность социального предпринимательства в современном государстве // Бюллетень «Мир социального предпринимательства». 2019. № 11. С. 3–8. URL: [https://socentr.hse.ru/data/2019/07/25/1481286843/Бюллетень № 11 2019.pdf](https://socentr.hse.ru/data/2019/07/25/1481286843/Бюллетень%20№%2011%202019.pdf) (дата обращения: 17.03.2021).

10. Москвская А. А., Соболева И. В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. Т. 27, № 6. С. 103–111.

11. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 17.03.2021).

References

1. The Constitution. Article 7 / The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // “ConsultantPlus”. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 17.03.2021).

2. Galustova K. Problems of the formation of the social state in the Russian Federation // Law and administration. XXI century. 2008. No. 1. P. 91–96.

3. Kholostova E. I., Malofeev I. V. System of social service of the population: historical excursion and modern view: Monograph. M.: Dashkov and Co, 2016. 368 p.

4. Federal Law No. 442-FZ of 28.12.2013 “On the basics of Social services for citizens in the Russian Federation”: adopted by the State Duma on 23 December 2013: approved by the Federation Council on 25 December 2013 // “ConsultantPlus”. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 17.03.2021).

5. *Malofeev I. V.* Razvitie sistemy sotsialnykh uslug dlya naseleniya: opyt i problemy [Development of the system of social services for the population: experience and problems]. Series: Sociological Sciences. 2012. No. 8. P. 169–172.

6. *Petrovskaya Yu. A., Klochkova K. A.* Social entrepreneurship as a subject of social service of the population in the context of innovative development of Russian society (on the example of the Republic of Karelia). Region: Economics and Sociology, 2019. No. 3. P. 195–215.

7. *Dees J. G.* Enterprising nonprofits // Harvard Business Review, 1998. No. 76. URL: <https://hbr.org/1998/01/enterprising-nonprofits> (date of access: 17.03.2021).

8. Federal Law No. 245-FZ of 26.07.2019 “On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation” regarding the consolidation of the concepts of “social entrepreneurship”, “social enterprise”: adopted by the State Duma on July 11, 2019: approved by the Federation Council on July 23, 2019 // “ConsultantPlus”. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 17.03.2021).

9. *Moscowskaya A. A.* Relevance of social entrepreneurship in the modern state // Bulletin “The World of social entrepreneurship”, 2019. No. 11. P. 3–8. URL: <https://socentr.hse.ru/data/2019/07/25/1481286843/Бюллетень № 11 2019.pdf> (date of access: 17.03.2021)

10. *Moscowskaya A. A., Soboleva I. V.* Social entrepreneurship in social policy: international experience and prospects for Russia // problems of forecasting, 2016. — Vol. 27, no. 6. P. 103–111.

11. Unified Register of Small and medium-sized businesses // Federal Tax Service. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (date of access: 17.03.2021).

Ю. А. Кострова,
*старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы,
Самарский национальный исследовательский университет
им. ак. С. П. Королева, г. Самара
e-mail: kostrovaju@mail.ru*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- СЕРВИСНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье анализируется процесс институционализации социальной работы в условиях трансформации государства социального обеспечения в социально-сервисное государство. Определены критерии внешней и внутренней институционализации социальной работы. В структуре современной социальной работы актуализируется научное обоснование практической деятельности специалиста. Институционализация научного познания социальной работы определяется как важнейший фактор развития социальной работы в современном обществе.

Ключевые слова: институционализация, институционализация социальной работы, научное познание в социальной работе, теория социальной работы.

Yu. A. Kostrova,
*Senior Lecturer of the Department of Theory and Technology of Social Work,
Samara National Research University named after S. P. Korolev,
Samara
e-mail: kostrovaju@mail.ru*

INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL WORK IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A SOCIAL SERVICE STATE

Abstract. The article analyzes the process of institutionalization of social work in the context of transformation of the social security state into a social service state. The criteria for external and internal institutionalization of social work are determined. In the structure of modern social work, the scientific substantia-

tion of the practical activity of a specialist is updated. The institutionalization of scientific knowledge of social work is defined as the most important factor in the development of social work in modern society.

Keywords: institutionalization, institutionalization of social work, scientific knowledge in social work, theory of social work.

В настоящее время процесс институционализации социальной работы в современном российском обществе остается по-прежнему незавершенным в силу неопределенности ее научного статуса. Если социальная работа как самостоятельная профессиональная деятельность вызывает все меньше вопросов, более того, ее социальная значимость все чаще получает государственную легитимацию, то социальная работа как отрасль научного знания признается научным сообществом крайне неохотно.

Вместе с тем если обратиться к принятым в социальной науке основным показателям оформления той или иной области знания в научную отрасль, то наглядно можно увидеть достаточность содержательных характеристик социальной работы для присвоения ей научного статуса.

Все существующие в современной социальной теории концепции условно можно разделить на две группы. Первая из них представлена системными или структурными концепциями. Нормы и базовые характеристики общественного поведения рассматриваются в рамках этих теорий как внешние по отношению к отдельным элементам системы, принятые макроструктурами, институтами и иными общественными образованиями, которые не контролируются и не определяются отдельными людьми, хоть изначально ими создаются. Вторую группу образуют теории социального действия или интерпретационные концепции, в центре внимания которых отдельный человек (отдельная социальная группа) как актор, субъект процесса воспроизводства общественных структур. Теории, представленные в первой группе, опираются в своей основе на идеи Э. Дюркгейма и К. Маркса. Вторая группа теорий развивает идеи М. Вебера, предложившего микроподход к описанию социального поведения.

В рамках системного (структурного) подхода наука в целом рассматривается как социальный институт, охраняющий ее автономию

и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания. Функции науки — публикация научных результатов и установление отношений между учеными по поводу этих результатов. В рамках данного подхода выделяют следующие критерии институционализации науки, которые условно можно разбить на два уровня: внешняя и внутренняя институционализация [1].

Внешнюю институционализацию составляет последовательное развитие таких направлений, как появление и рост разного рода публикаций по социальной работе, создание специализированных периодических изданий; включение социальной работы в систему образования, введение в качестве обязательного предмета в учебные планы различных типов учебных заведений (университетов, колледжей, лицеев), создание в высших учебных заведениях отделений и кафедр по социальной работе, выпуск учебников и учебных пособий по социальной работе, создание как национальных, так и межнациональных обществ и ассоциаций профессиональных социальных работников [1].

Процесс внутренней институционализации, в свою очередь, предполагает:

1. Наличие общей цели, появление определенных средств и учреждений для достижения цели, которые могут быть как материальными, так и идеальными, символическими. Материальными средствами выступают кафедры в университетах, образовательные и исследовательские центры, Интернет, в рамках которого создан ряд специализированных сайтов, посвященных проблемам социальной работы. Символическими средствами являются научная терминология, научная символика, а идеальными — логика и методология научного познания. В социальной работе разработан достаточно обширный терминологический аппарат, методология и методика социологических исследований.

2. Совершенствование организационной структуры научной отрасли: в социальной работе активно разрабатываются и реализуются всероссийские и международные научные проекты; получают развитие магистерские программы обучения.

3. Формирование устойчивой системы социальных ролей, благодаря чему все остальные представители научной отрасли знания

имеют достаточно надежные и обоснованные ожидания. В литературе выделяют четыре роли, соответствующие разным функциям деятелей науки: «исследователь», «учитель», «администратор», «эксперт». Если в какой-либо области знания эти роли появились и закреплены, то мы можем говорить о ее институционализации. В социальной работе сформированы все базовые роли [1].

Таким образом, соответствие социальной работы критериям институционализации научной отрасли знания позволяет обосновать ее оформление в качестве самостоятельной науки. Вместе с тем такое обоснование не всегда является весомой аргументацией в области профессиональной практики как смежных с социальной работой специальностей, так и самой социальной работы, особенно ее законотворческой отрасли [2]. При этом, как правило, научный статус социальной работы открыто не оспаривается, но и не заявляется в качестве значимого элемента в организации социэкономической практики. Данное обстоятельство нередко приводит к ярко выраженным негативным последствиям, которые зачастую никак не связывают с отсутствием научного обоснования организации социальной работы.

Сказанное актуализирует необходимость наглядной демонстрации связей и взаимовлияний теории и практики социальной работы. Данному аспекту приходится уделять особое внимание в рамках профессиональной подготовки, что позволяет у студентов формировать понимание отличия между спонтанно совершенным действием специалиста по социальной работе и научно обоснованной деятельностью по изменению ситуации клиента.

Приведем несколько примеров, позволяющих увидеть связи между теорией и практикой социальной работы. В последнее время все чаще специалистами в области социальной работы озвучивается необходимость перевода отдельных категорий людей с ограниченными возможностями психического здоровья из стационарных учреждений социального обслуживания на обслуживание на дому. Безусловно, проживание в домашних условиях в окружении ближайших родственников более благоприятно влияет на состояние любого человека. Вместе с тем инициаторами данного новшества совершенно не учитывается, что подобная форма социальной

работы осуществляется в рамках сетевой модели и предполагает серьезную работу с теми, кто входит или будет входить в социальную сеть клиента.

Обратим внимание, что неотъемлемым компонентом теории социальной работы является история ее развития, знание которой помогает не только понять, как и почему возникли те ли иные принципы, закономерности, критерии, но и, как бы банально это ни звучало, позволяет «не изобретать колесо заново». В разбираемом примере история социальной работы играет ключевую роль. Деинституционализация стационарных учреждений социального обслуживания людей с ограниченными возможностями психического здоровья как технология социальной работы имеет достаточно непростую историю. В США данная технология стала внедряться с 60-х гг. XX в. Более того после 20 лет ее внедрения в практику проводились масштабные исследования, целью которых было выяснить, действительно ли данная технология достаточно эффективна.

Результаты этих исследований были совершенно неожиданными. Большая часть людей с ограниченными возможностями психического здоровья, переведенных из стационарных учреждений домой терпели жестокое обращение со стороны окружающих (соседи, почтальоны, продавцы магазинов и т.д.), в том числе физическое насилие, многие подвергались разным формам насилия со стороны родственников, с которыми они совместно проживали, некоторые даже вынуждены были вести уличный образ жизни. Таким образом, вместо показателей положительной динамики состояния исследуемой категории специалисты социальной работы получили ужасающие по своим масштабам и содержанию цифры, показывающие серьезное ухудшение положения группы людей с ограниченными возможностями психического здоровья. Именно полученные результаты стали основой для создания посреднических агентств в социальной работе и в целом усиления посреднической роли специалиста социальной работы.

В результате такого негативного опыта была установлена необходимость соблюдения требования подготовки социальной сети к принятию человека с ограниченными возможностями психического здоровья. Такая подготовка предполагает серьезную рабо-

ту по информированию, консультированию, организации среды и патронажу. Если не предусмотреть подобную работу, то можно с большой степенью вероятности прогнозировать негативные результаты от внедрения технологии деинституционализации.

Отсутствие теоретического знания как непосредственный фактор ухудшения ситуации клиента, к сожалению, не редкость сегодня в социномической практике. Для демонстрации данного аспекта часто приходится приводить студентам в пример следующую ситуацию. Специалист районного Пенсионного фонда забывает осуществить перерасчет пенсии пожилой женщине в возрасте 80 лет и, не желая переделывать документы, решает переоформить все в следующем месяце. В результате женщина получает пенсию в два раза меньше, чем обычно, ей не хватает средств приобрести лекарства, серьезно переживая, что ей придется просить родственников о помощи, она попадает в больницу с инфарктом. Студенты, конечно, сразу спрашивают, какое отношение незнание теории имеет к данной ситуации. Ответ очень прост: специалист Пенсионного фонда не обладала знаниями об особенностях пожилого возраста, а соответственно, не могла прогнозировать подобное развитие ситуации. Конечно, не всегда примеры настолько показательны, но именно отсутствие знаний об особенностях клиента, чаще всего приводит к ухудшению его ситуации. Именно данное обстоятельство формирует образ специалиста по социальной работе как «безличного, социально отдаленного и связанного законом служащего» [3, с. 440].

Отметим, что теория социальной работы не только влияет на создание идей, но гораздо чаще и в большем размере она способствует отбору, закреплению идей, обеспечивая преимуществами одним из них в сравнении с другими. Примером может служить наличие в теории различных критериев, определяющих необходимость оказания семье социальной поддержки. Вместе с тем на практике специалисты социальной работы по-прежнему руководствуются таким критерием, как уровень дохода семьи. При этом данный критерий используется не только при назначении материальных форм помощи, но и многих других видов социальной поддержки. Тогда как многочисленные результаты исследований показали, что часто процедура оценки уровня дохода семьи дает недостоверные результаты в силу наличия

различных форм нерегистрируемых доходов и ресурсов. Безусловно, данное обстоятельство не только снижает эффективности всей социальной работы с семьей, но и обуславливает недовольство клиентов. Семьи, действительно нуждающиеся в поддержке, остаются без внимания со стороны социальных служб.

Приведем другой пример. Функциональная модель социальной работы развивалась на базе критики диагностической и предлагала наибольшее внимание уделять установлению доброжелательных отношений с клиентом. В качестве одного из методов решения данной задачи представители данной модели предлагали заключать с клиентом контракт. Основная цель заключения контакта состояла в обсуждении с клиентом и достижении согласия с ним по поводу самых разных аспектов (в зависимости от ситуации) будущей совместной деятельности по преобразованию жизненной ситуации.

В современной отечественной практике социальной работы контракт используется достаточно часто, особенно в области социального обслуживания граждан на дому. Но фактически оказывается, что контракт решает исключительно задачи правового обоснования практической деятельности специалиста и не имеет никакого отношения к внедрению идей функциональной модели социальной работы. Процедура заключения контракта включает следующие элементы: социальный работник зачитывает условия обслуживания, знакомит клиента с перечнем услуг, клиент подписывает контракт, выражая согласие с навязанными ему извне правилами.

Таким образом, контракт в той форме, в которой он существует сегодня на практике, совершенно не решает изначально поставленные перед ним задачи, а соответственно, не может предотвращать конфликты в отношениях «социальный работник — клиент». В подтверждение можно привести тот факт, что одним из самых распространенных вопросов социальных работников на курсах повышения квалификации является вопрос о предотвращении конфликтов с клиентом в процессе его социального обслуживания на дому. Приведенный пример показывает, несколько другой аспект взаимосвязи теории и практики социальной работы: в данной ситуации речь идет не об отсутствии знания, а о неправильном его применении. Поэтому крайне важно не только наличие у специалиста знаний,

но и способности фиксировать взаимосвязи и взаимовлияния разных элементов процесса оказания социальной поддержки клиенту.

Наконец, нельзя не сказать о превентивной роли теории социальной работы. Социальная работа как профессиональная деятельность обладает такими важными особенностями, как интегральность, целостное восприятие ситуации клиента, универсальность. Именно эти особенности обуславливают определение социальной работы как самостоятельного вида профессиональной деятельности и требуют от теории социальной работы междисциплинарности. И как специалист, и как исследователь, социолог способен фиксировать взаимовлияние процессов в разных сферах общества. Данное обстоятельство формирует серьезный превентивный потенциал социальной работы, который простирается за границы собственной профессии. Примером может служить введение обязательного изучения иностранного языка для учащихся начальной школы. Если обратиться к результатам исследований в области коррекционной педагогики, нельзя не обратить внимание на увеличение числа детей в возрасте 7 лет, имеющих отклонения в развитии речи разной степени и формы. С другой стороны, те же исследования аргументированно обосновывают нежелательность изучения иностранного языка детьми, имеющими нарушения речи. В результате введение обязательности изучения иностранного языка в начальной школе, где по разным данным от 20 до 40 % учащихся имеют те или иные нарушения развития речи, увеличивает риск развития у данной категории детей серьезных нарушений и ограничений здоровья [4, с. 101]. Прогнозируя дальнейшее развитие ситуации, нетрудно предугадать возникновение проблемы невозможности успешного освоения основной образовательной программы значительной в численном выражении группой детей. Уже сегодня можно предотвратить необходимость открывать дополнительные коррекционные классы, возможно, целые школы, не говоря уже о преодолении проблемы социальной эксклюзии данной категории детей. Теория социальной работы в силу своей междисциплинарности способна фиксировать подобные причинно-следственные связи и тем самым предотвращать появления целых групп — носителей новых социальных проблем.

В системе профессиональной подготовки специалистов социальной работы формирование научного мышления может осуществляться в рамках развития самостоятельной исследовательской деятельности. В процессе научно-исследовательской деятельности будущие специалисты социальной работы «имеют возможность самостоятельно выявлять сущность изучаемых явлений путем постановки проблемы, выделения объекта и предмета исследования, формулировки цели, гипотезы, задач, уточнения терминов и понятий, что в совокупности определяет методологические основания исследования» [5, с. 46].

Развитие научного познания в социальной работе в процессе общей институционализации социэкономической деятельности позволяет предотвратить ее регрессивное развитие. Становление социальной работы в российском пространстве общественных отношений длительное время развивалось в направлении расширения границ проблемного и профессионального поля социэкономической деятельности. Специалисты социальной работы осваивали новые области реализации своих профессиональных компетенций: работа с мигрантами, адаптация осужденных и бывших осужденных, социальная профилактика негативных форм зависимостей, социально-медицинская работа и многие другие. С введением нового законодательства в области социального обслуживания населения из документов, регулирующих деятельность специалистов социальной работы, были исключены ряд ключевых понятий, среди которых и понятие «клиент социальной службы». В практику социальной работы повсеместно внедряется другой термин — получатель социальных услуг. Вместе с тем наблюдаемая на практике тенденция в качестве клиентов социальной работы рассматривать исключительно получателей социальных услуг приводит к сужению смыслового наполнения социальной работы в целом. Социальная работа все чаще фактически отождествляется с социальным обслуживанием. Предотвратить подобные негативные тенденции в развитии социальной работы, обусловленные особенностями функционирования социально-сервисного государства, позволяет институционализация научного познания социэкономической деятельности, одним из структурных элементов которой является формирование устойчивого категориально-понятийного аппарата.

Приведенные примеры, конечно, не охватывают всей совокупности наглядных демонстраций значимости теоретического обоснования социэкономической практики. Данную задачу и невозможно решить в рамках отдельной статьи. Размышления, представленные в данной работе, скорее призывают читателей задуматься над тем, что спонтанные действия специалиста социальной работы, неподкрепленные теоретическим обоснованием, способны не только ухудшать ситуации отдельных людей, но и формировать новые социальные проблемы, охватывающие значительные по численности социальные группы. Данное утверждение имеет силу как для действий специалиста при непосредственном общении с клиентом, так и для деятельности по установлению норм и правил социэкономической практики. Утверждая нормативный документ, подписывая приказ, отдавая устное распоряжение специалист социальной работы должен помнить о том, какое влияние оказывает его деятельность на социальную ситуацию.

Литература

1. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–182.
2. Албегова И. Ф. Институционализация социальной работы как междисциплинарное пространство современного социального знания // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 8–13.
3. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 379–448.
4. Емелина Д. А., Макаров И. В. Нарушения речевого развития у детей // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Т. 27, № 4. С. 101–105.
5. Куриленко Л. В. Условия профессионально-личностного развития будущего специалиста социальной работы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 4 (216). С. 46–50.

References

1. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Social construction of gender // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. № 3/4. P. 171–182.

2. *Albegova I. F.* Institutionalization of social work as an interdisciplinary space of modern social knowledge // Bulletin of Social and Political Sciences. 2013. No. 12 2013. P. 8–13.

3. *Merton R.* Explicit and latent functions // American Sociological thought : texts / ed. by V.I. Dobrenkov. M. : Moscow State University Publishing House, 1994. P. 379–448.

4. *Emelina D. A., Makarov I. V.* Violations of speech development in children // Social and clinical psychiatry. 2017. Vol. 27, no. 4. P. 101–105.

5. *Kurylenko L. V.* Conditions of professional and personal development of the future specialist of social work // Bulletin of the Orenburg State University. 2018. № 4 (216). P. 46–50.

Е. В. Кривцова,

*канд. психол. наук, доцент кафедры социологических наук,
Кемеровский государственный университет,*

Кемерово

e-mail: evgeniya_k@bk.ru

К. М. Грабчук,

*доцент кафедры социальной работы, психологии
и педагогики высшего образования,*

Кубанский государственный университет,

Краснодар

e-mail: grabchuk_k@bk.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЕДЕНИЕ СЛУЧАЯ В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ МОНОРОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ

Аннотация. В статье говорится об особенностях монородительской семьи. Указывается, что профилактика в монородительских семьях помогает на ранней стадии обнаружить неблагополучную ситуацию, разобраться в ней и оказать семье конкретную адресную поддержку, в контексте которой особое место занимает междисциплинарное ведение случая. Обозначены

особенности междисциплинарного ведения случая, задачи, структурные элементы. Рассмотрены актуальные для монородительских семей проблемы и пути их профилактики.

Ключевые слова: монородительская семья, социальная работа, семейное неблагополучие, профилактика, междисциплинарное ведение случая.

E. V. Krivtsova,

*Ph. D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Sociological Sciences,
Kemerovo State University,
Kemerovo
e-mail: evgeniya_k@bk.ru*

K. M. Grabchuk,

*Associate Professor of the Department of Social Work, Psychology and
Pedagogy of Higher Education,
Kuban State University,
Krasnodar
e-mail: grabchuk_k@bk.ru*

INTERDISCIPLINARY CASE MANAGEMENT IN THE ORGANIZATION OF SOCIAL WORK FOR THE PREVENTION OF FAMILY DYSFUNCTION IN SINGLE-PARENT FAMILIES

Annotation. The article talks about the features of a single-parent family. It is indicated that prevention in single-parent families helps at an early stage to detect an unfavorable situation, understand it and provide the family with specific targeted support, in the context of which interdisciplinary case management takes a special place. The features of interdisciplinary case management, tasks, structural elements are outlined. Issues relevant for single-parent families and ways of their prevention are considered.

Keywords: single-parent family, social work, marital trouble, prevention, interdisciplinary case management.

Сегодня существует достаточно количество семей с одним родителем, и со временем их число будет только увеличиваться. Жизнь

в семье с одним родителем, хотя и обычно, может быть довольно стрессовой для взрослых и детей.

Монородительская семья — семья (малая группа) с частичными, неполными связями, где нет традиционной системы отношений: мать — отец, отец — дети, дети — бабушки и дедушки [1]. Такая семья имеет ряд особенностей. По причине отсутствия одного из родителей на второго ложиться большое количество проблем, решение которых обеспечивает выживание семьи. Высокая нагрузка, обусловленная необходимостью выполнять совокупность обязанностей, изначально разделяемых на двух человек, сказывается на эмоциональной устойчивости личности. Ко всему этому добавляется усиливавшаяся воспитательная роль при взаимодействии с ребенком или детьми, возникают трудности восполнения дефицита воспитательного влияния на детей. Поскольку одновременно выполнять перечисленные функции достаточно трудно, возникают проблемы, связанные с материально-бытовыми трудностями, педагогическими, эмоциональными проблемами.

В монородительских семьях формируется психологический климат, основанный на болезненных переживаниях, постоянных проблемах в процессе жизнедеятельности, возникших после потери одного из родителей. Фактически большая часть монородительских семей возникает по причине ухода отца, что вызывает сильные переживания у матери, раздражение и множество негативных эмоций по отношению к нему, которые редко удается скрыть: происходит и так, что разочарование и недовольство матери неосознанно проецируется на общего ребенка.

Может происходить иначе, когда оставшийся родитель старается восполнить недостаток родительской заботы. Такие действия часто являются избыточными, забота становится фактором, затрудняющим развитие ребенка, отрицательно сказывается на становлении личности ребенка [2].

Еще одной проблемой, детерминированной отсутствием одного из родителей, является затруднение формирования естественного стереотипа поведения, присущего своему полу. Для ребенка приоритетными становятся те поведенческие особенности, которыми обладает оставшийся родитель. При уходе из семьи отца мальчик

перенимает женские черты, а в случае ухода отца ребенок женского пола может не в полной мере развиваться в психосексуальном аспекте, что приведет к противоречиям. Перечисленные факторы воздействуют и на образование детей, что вызывает более низкую успеваемость при освоении учебных программ, менее стабильное и соответствующее общепринятым нормам поведение, порой противоправное.

Несмотря на перечисленные проблемы и трудности, с которыми сталкивается монородительская семья, она не всегда является неблагополучной. Эмоциональное благополучие, неразрывно связанное с благополучной психологической атмосферой, играет крайне важную роль, это подтверждается и обратным примером, актуальным в условиях неблагополучия полной семьи, обусловленным эмоциональной бедностью и слабой развитостью взаимоотношений между ее членами, что вызывает серьезные психологические проблемы у детей. Подобная ситуация делает жертву родителей, потерявших эмоциональную близость, бессмысленной.

Неблагополучная семья — это семья, потребности которой не удовлетворены и это негативно сказывается на состоянии и развитии ее членов, нарушены внутренние и внешние взаимоотношения, отсутствует атмосфера комфорта и благополучия. Профилактическая деятельность помогает на ранней стадии обнаружить неблагополучную ситуацию, разобраться в ней и оказать семье конкретную адресную поддержку.

Рассматривая профилактику семейного неблагополучия в монородительских семьях, в первую очередь необходимо обратить внимание на ключевой принцип исследуемой технологии социальной работы — превентивность, заблаговременность. Такой подход позволяет не допустить появления факторов, способствующих формированию неблагополучия, предупредить создание условий, нарушающих психологический комфорт [3]. Профилактика семейного неблагополучия подразумевает применение методов, направленных на обучение родителя новым умениям, навыкам.

При осуществлении социальной работы в монородительских семьях, существует несколько ключевых направлений, на которые в наибольшей степени нацелены действия специалистов и служб:

решение актуальных бытовых проблем, возникающих регулярно; налаживание позитивных коммуникативных связей между членами семьи, укрепление взаимоотношения для повышения психологического и эмоционального комфорта; восстановление и активизация внутренних ресурсов семьи; привлечение внешних ресурсов для повышения динамики восстановления полного функционирования семьи; закрепление достигнутых позитивных изменений. Важное место при работе с монородительской семьей занимает междисциплинарное ведение случая.

Междисциплинарное ведение случая — это последовательный ряд действий, осуществление которых производится коллективом профильных специалистов, их состав определяется характером и содержанием решаемой проблемы [4]. Рассматриваемое направление предусматривает взаимодействие профессионалов не только в масштабах одной организации, но и привлечение специалистов из других учреждений для достижения планируемого результата, стабилизации жизнедеятельности получателя социальных услуг, роста его материального и нематериального благополучия, защиты интересов и прав. Междисциплинарное ведение случая отвечает современным вызовам, позволяет решать множество проблем, актуальных для социальной работы на текущем этапе ее развития. Также такой подход положительно сказывается на привлечении получателей социальных услуг к сотрудничеству с учреждениями социальной защиты, поскольку предполагает активный поиск нуждающихся в помощи граждан.

Особое значение междисциплинарный подход имеет при работе с семьями. Через информирование учреждений социальной защиты, образовательные организации, в которых находится ребенок, могут своевременно и эффективно выявлять проблемные семьи, по тем или иным причинам, находящиеся в состоянии социального неблагополучия или потенциально способные потерять статус благополучных. Междисциплинарное ведение случая включает:

- первостепенность актуальных потребностей получателей социальных услуг в решении проблемной ситуации;

- стремление специалиста вовлечь получателя социальных услуг в процесс взаимодействия, с целью решения проблем и удовлетворения потребностей;

- побуждение подопечного к изменению поведения и актуализация для него активного решения проблем, формирование запроса на получении помощи;

- рассмотрение и анализ проблем получателя социальных услуг исходя из актуального для него состояния; особенностей среды, в которой он находится; его психологического и эмоционального самоощущения;

- широкое взаимодействие с иными учреждениями, организациями и специалистами, применение межведомственного подхода ведения случая;

- координация работы и сотрудничество различных органов, учреждений, организаций и специалистов, т. е. межведомственный подход к ведению случая [5].

Метод междисциплинарного ведения случая апробирован в международной практике и признан действенным и экономически оправданным в работе монородительской семьей. Данный метод предполагает реализацию специалистом по социальной работе следующих функций:

- Диагностическая (раннее выявление семей группы риска, определение актуального статуса семьи, изучение ее основных характеристик, отличительных черт, выявление ее явных и скрытых ресурсных возможностей для предстоящего восстановления).

- Защитная (юридическая консультация и поддержка семьи, защита прав и интересов, предоставление социальных гарантий, формирование необходимой среды для реализации прав и свобод).

- Организационно-культурная (создание условий для взаимодействия членов семьи, их эмоционального сближения, качественного и полезного досуга, в целях решения актуальных проблем, содействие раскрытию творческого и интеллектуального потенциала семьи, повышение инициативности семьи в аспекте совместного времяпрепровождения).

- Психолого-педагогическая (консультация членов семьи по педагогическим вопросам, разъяснение различных этапов развития

детей, просвещение касательно кризисных ситуация, связанных с возрастом, повышение педагогической и психологической грамотности семьи, оказание срочной психологической помощи, профилактика проблемных ситуаций).

— Прогностическая (прогнозирование проблемных ситуаций, последствий тех или иных решений и процессов в семье, проектирование возможных путей решения, способов достижения желательного результата, разработка программ помощи и индивидуальной работы с предварительным моделированием проблемной ситуации для повышения эффективности и качества созданных комплексов мероприятий).

— Координационная (налаживание межведомственного взаимодействия, установление и оптимизация, объединение ресурсов и управленческих возможностей учреждений для решения конкретных задач и улучшения общей социальной обстановки, обмен информацией и опытом между департаментами и иными структурами) [6].

Наличие у разных ведомств общих принципов и инструментов позволяет оптимизироваться процесс взаимодействия, при этом различие в профиле учреждений помогает оказывать получателю социальных услуг квалифицированную помощь, снижая общее количество времени, затрачиваемое на работу и снижая вероятность замедления процесса решения проблемы, наилучшим образом активизируя внутренние ресурсы человека [4].

В целях подробного изучения межведомственного подхода требуется проанализировать задачи, которые решает и предполагает его внедрение:

1. Создание системы эффективного взаимодействия между организациями, учреждениями, ведомствами и специалистами, организация социального партнерства при профилактике семейного неблагополучия.

2. Формирование комплекса мероприятий для осуществления ранней профилактики семейного неблагополучия через работу с детьми в образовательных учреждениях, с целью возрождения института семьи и брака, сохранения нормальных семейных отно-

шений, ориентации на здоровый образ жизни для профилактики социального сиротства.

3. Проведение диагностики, определение части населения, находящейся в группе риска, формирования семейного неблагополучия, на которое воздействуют факторы, прямо и косвенно вызывающие упадок материального и нематериального благосостояния семьи.

4. Создание программ работы с семьями из группы риска для последующей коррекции факторов риска и усовершенствования актуальных программ профилактики семейного неблагополучия.

5. Повышение качества системы комплексных мер, состоящих из психологических, социальных, медицинских, профессиональных, юридических, экономических способов воздействия на проблемные семьи с целью оптимизации процесса оказания помощи.

6. Анализ эффективности проводимых мероприятий и внесение на его основе изменений в процесс реабилитации и функционирования разработанной модели.

Семья, в актуальной на данный момент социальной-экономической ситуации, сталкивается с большим количеством проблем, с одной стороны, связанных с повседневной, бытовой жизнедеятельностью, стандартными действиями по воспитанию детей, поддержке недееспособных и лишенных различных возможностей, а с другой — обеспечением психологического комфорта, эмоциональной устойчивости своих членов, экономической, социальной, психологической, физической защищенности. Поддержка семей сейчас является приоритетным направлением социальной политики, так как полноценное раскрытие потенциала участников семьи, реализация функций, возложенных обществом, затруднена рядом обстоятельств, особенно сильно воздействующих на монородительские семьи [5].

Сущность социального обслуживания семьи заключается в деятельности профильных социальных служб по налаживанию бытовой ситуации, в случае необходимости — проведению медицинских и психолого-педагогических мероприятий, правовой помощи получателям социальных услуг, оказание материальной поддержки, а также прочих форм такого рода помощи.

Межведомственное взаимодействие предполагает установление устойчивых и эффективных контактов со следующими структурами:

1. Органы прокуратуры.
2. Комиссия по делам несовершеннолетних и свободе несовершеннолетних;
3. Органы опеки и попечительства.
4. Органы управления социальной защитой населения.
5. Органы внутренних дел.
6. Органы управления здравоохранением.
7. Органы управления образованием.
8. Органы по делам молодежи.

Важную роль при междисциплинарном ведении случая играет социальный педагог, осуществляющий следующие действия в процессе профессиональной деятельности с монородительской семьей:

1. Получение начальной информации о семье, ее характерных чертах и особенностях деятельности при проведении комплекса мероприятий, а также сведений о принятых в ней моделях взаимодействия между членами и привычных нормах поведения, ценностях.

2. Исследование семьи на предмет тенденций педагогических отношений, воспитательных возможностей, маршрутах и методах улучшения ситуации в ней.

3. Налаживание контактов со всеми активными членами семьи, влияющими на ее жизнедеятельность и устройство, традиции и привычки.

4. Создание подробной программы работы с семьей по ликвидации недостатков семейного воспитания.

5. Важным условием проведения всех необходимых мероприятий является поведение социального педагога, он должен быть доброжелателен и этичен, а также настойчив и целеустремлен, одновременно создавая положительное впечатление о себе и при этом поэтапно идя к поставленной цели, несмотря на встречающееся сопротивление со стороны семьи, в первую очередь, ставя интересы семьи во главе всего процесса.

6. Требуется осуществлять прогноз результатов для повышения точности и более правильного пути их достижения.

7. Воздействовать на отношения между детьми и родителями, улучшать их как качественно, так и количественно.

8. Поддержание межведомственного взаимодействия при работе с семьей.

9. Поддержка инициативы родителей через демонстрацию достигнутых результатов воспитания ребенка.

10. Стимулирование родителей путем демонстрации положительных результатов в воспитании ребенка [7].

Профилактика семейного неблагополучия в работе с монородительской семьей существенно различается в зависимости от проблем, с которыми сталкивается семья. Необходимые меры требуется подбирать в соответствии с выявленной проблемой, только тогда удастся добиться устойчивого роста благополучия получателей социальных услуг. Далее рассмотрены актуальные проблемы и программы их решения.

1. Распад семьи, начало процесса развода или его необратимость, семья после развода. Алгоритм действий для решения обозначенной проблемы: наблюдение за изменением поведения ребенка, процессами в семье, их отражением на состоянии детей. Консультации родителей со стороны специалистов для уменьшения негативного воздействия на ребенка и снижение эмоциональной напряженности в семье. Поддержка ребенка со стороны его ближайшего окружения. Проведение мероприятий для разъяснения родителям характера того воздействия, которое на данный момент оказывается на ребенка, сильно может изменить его отношение к себе, семье и миру, привлечение их к семинарам по вопросам психологии детей, перенесших психологическую травму. Использование дополнительных мер влияния, через создание благоприятной досуговой деятельности, приносящей ребенку радость и создающей атмосферу психологического комфорта, а также способствующей его личностному становлению и развитию в культурном плане.

2. Образование монородительской семьи. Действия специалиста по социальной работе: формирование позитивных представлений у ребенка о семейных отношениях и ролях в ней; создание условий, в которых ребенок бы получал представления о поведении, актуальном в полной семье. Наблюдение за ребенком с целью выявления различных отклонений от нормы на раннем этапе, определения трудностей в развитии, в случае необходимости — проведение

консультации по проблемным темам. Важное место при работе с детьми из монородительских семей отводится дополнительному образованию, так как через создание особых средовых условий ребенок легче освоится и выработает умения и навыки, стереотипы поведения, отсутствующие в привычной для него среде (семейной). Просвещение оставшегося родителя, информирование его о тех проблемах, с которыми сталкивается ребенок, оказание ему поддержки, консультирование в области актуальных материальных выплат, предусмотренных законодательством. Развитие у родителя навыков воспитания, методов, способствующих компенсации недостатка отсутствия второго родителя. Постановка семьи на учет в учреждения и органы социальной защиты.

3. Низкий уровень педагогической грамотности при образовании, воспитании, социальном и бытовом взаимодействии с ребенком. Алгоритм действий для решения обозначенной проблемы: в первую очередь, требуется провести наблюдение за семьей, ее особенностями и выявить ключевые проблемы, провести консультации ее членов с психологами, педагогами, социальными педагогами для углубления понимания проблем семьи и совместной выработки решения. Далее требуется провести с родителями ряд занятий, способствующих повышению их педагогической грамотности, что позволит родителям самостоятельно заниматься воспитанием.

4. Жесткое, неправомерное обращение с ребенком, нарушающее допустимые нормы. Действия специалиста по социальной работе: выявление проблемы через наблюдение со стороны субъектов воспитательного процесса в учреждениях, которые посещает ребенок, подвергшийся насилию. Разъяснительные беседы с родителем, консультации с психологами, врачами, педагогами, юристами с целью выработки понимания недопустимости осуществляемых в семье действий по отношению к детям. Подача сигнальных листов в органы опеки и попечительства. Обязательное привлечение родителя к прохождению курса лекций и семинаров, беседам о последствиях подобного типа воспитания для детей и самих родителей. Лишение родительских прав, если положительных изменений не наблюдается.

5. Отчужденность родителя от воспитания, нарушение эмоциональной связи с детьми в связи с занятостью. Действия специа-

листа по социальной работе: организация сопровождения ребенка во внеучебное время, компенсация недостающего общения с родителями через беседы с профильными специалистами. Наблюдение за ребенком с целью выявления различных отклонений от нормы на раннем этапе, определения трудностей в развитии, в случае необходимости — проведение консультации по проблемным темам. Включение ребенка в состав круглосуточной группы, работа с психологом по этому поводу для недопущения снижения эмоционального состояния. Организация консультаций родителей или родителя по поводу доступных материальных форм поддержки, помощь в сборе необходимых документов. Привлечение родителей к работе с психологом для разъяснения тех проблем, с которыми столкнется ребенок, если продолжит испытывать трудности в связи с малым количеством общения/взаимодействия с родителями.

6. Монородительская семья, где оставшийся родитель зависим от алкоголя. Действия специалиста по социальной работе: актуализация лечения зависимости для пьющего родителя при помощи бесед, консультаций, тренингов. Наблюдение за ребенком с целью выявления различных отклонений от нормы на раннем этапе, определения трудностей в развитии, в случае необходимости — проведение консультации по проблемным темам. Если ребенок не усваивает программу образовательного учреждения, требуется углубить работу с психологом и направить его на психолого-медико-педагогическую комиссию для определения программы обучения и типа образовательного учреждения. В случае отсутствия положительной динамики, постановка вопроса о лишении и лишение родительских прав через органы опеки и попечительства.

7. Домашнее насилие. Алгоритм действий специалиста по социальной работе: изучение среды, тех обстоятельств, в которых проживает ребенок и существует семья, знакомство с ближним окружением. Оценка жизненного уровня, уровня благополучия семьи. Выявление причин насилия, определение отношения членов семьи к противоправным действиям. Обследование жилищно-бытовых условий проживания семьи, психологической и эмоциональной атмосферы, комфорта ее членов. Организация взаимодействия со всеми субъектами социальной работы. Составление программы

работы по оказанию помощи жертвам насилия, работы с конкретной семьей. Регулярные текущие и контрольные посещения семьи.

Таким образом, профилактика семейного неблагополучия с монородительскими семьями обладает рядом особенностей, без их учета невозможно эффективное осуществление профилактических мер. Большое значение здесь играет междисциплинарное ведение случая, качество выстраивания которого во многом определяет конечный результат работы с исследуемой категорией населения, так как оно сказывается на выделении проблемных групп, темпе установки с ними взаимодействия и получения первичной информации о потенциальном объекте воздействия. Также благодаря оптимальному выстраиванию межведомственных связей удастся своевременно привлечь профильных специалистов и как можно скорее оказать помощь неблагополучной семье, а от быстроты осуществления профилактики, как было сказано ранее, зависит успешность осуществляемых мероприятий. Следующим важным компонентом профилактики семейного неблагополучия является правильное выстраивание работы с конкретным случаем, в зависимости от проблемной ситуации подбирается алгоритм решения проблемы. При взаимодействии с разными проблемами семьи требуется применять подходящие способы воздействия на ее членов, чтобы добиться наилучшего результата и изменить статус на благополучный.

Литература

1. Кантемирова Г. А., Кесаева Ж. Э. Социальный статус монородительской семьи // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2012. № 2. С. 241–245.
2. Гурко Т. А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 94–109.
3. Кривцова Е. В., Кияшко Е. Н. Анализ реализации технологии социальной профилактики семейного неблагополучия в работе с монородительской семьей // Концепт. 2020. № 5 (май). С. 175–184.
4. Маишкова И. Ю., Семакова Е. В. Семейная профилактика аддиктивного поведения у детей на основе междисциплинарного ведения случая // Профилактика расстройств поведения: семейный аспект биопсихосоцио-

духовного подхода : материалы Рос. науч.-практ. конф. с международ. участием / под ред. Г. И. Копейко. 2020. С. 120–123.

5. Халова К. А., Пустовойт Н. В. Междисциплинарное ведение случая как технология профилактики семейного неблагополучия // Правовестник. 2019. № 6 (17). С. 32–34.

6. Антонов А. И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5 (121). С. 68–74.

7. Добрыгина О. А., Чудова С. Г. Инновационное содержание деятельности специалиста по социальной работе при реализации технологии «Междисциплинарного ведения случая» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Смоленск. 2013. № 5. С. 163–169.

References

1. Kantemirova G. A., Kesaeva Zh. E. The social status of the monogenerator family // Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 2012. No. 2. P. 241–245.

2. Gurko T. A. Life styles of Russian parents: dynamics, regional, age and professional characteristics // Sociological science and social practice. 2018. No. 2. P. 94–109.

3. Krivtsova E. V., Kiyashko E. N. Analysis of the implementation of the technology of social prevention of family problems in working with a monoproducer family // Concept. 2020. No. 5 (May). P. 175–184.

4. Mashkova I. Yu., Semakova E. V. Family prevention of addictive behavior in children on the basis of interdisciplinary case management // Prevention of behavioral disorders: the family aspect of the biopsychosociospiritual approach : materials of the Russian scientific and practical conference with international participation / ed. by G. I. Kopeyko. 2020. P. 120–123.

5. Halova K. A., Pustovoit N. V. Interdisciplinary case management as a technology for preventing family problems // Pravovednik. 2019. № 6 (17). P. 32–34.

6. Antonov A. I. Modern trends of family childhood and goals of family and demographic policy // Economic strategies. 2014. № 5 (121). P. 68–74.

7. Dobrygina O. A., Chudova S. G. Innovative content of the activity of a specialist in social work in the implementation of the technology of “Interdisciplinary case management” // Sociology in the modern world: science, education, creativity. Smolensk. 2013. No. 5. P. 163–169.

Е. Р. Крылов,

студент

*Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКО

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы цифровизации социальных услуг в некоммерческом секторе. Представлены основные цифровые технологии, которые используют некоммерческие организации. Приведены примеры российского и зарубежного опыта реализации цифровых технологий в деятельности НКО.

Ключевые слова: цифровизация, социальные услуги некоммерческие организации, краудфандинг, фандрайзинг.

E. R. Krylasov,

student

*Ural Federal University
named after First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg*

DIGITALIZATION OF SOCIAL SERVICES IN THE FRAMEWORK OF NON-PROFIT ORGANIZATIONSX

Abstract. The article deals with the main issues of digitalization of social services in the non-profit sector. The main digital technologies used by non-profit organizations are presented. Examples of Russian and foreign experience in implementing digital technologies in the activities of NGOs are given.

Keywords: digitalization, social services non-profit organizations, crowd-funding, fundraising.

Процесс внедрения цифровых технологий является важной чертой в экономике, промышленном производстве и в социуме. В настоящее время во всем мире, в том числе и в России, преобладает

тенденция к цифровизации всех сфер жизни общества. Не обошло это и сферу социального обслуживания.

Одним из игроков в поле предоставления социально значимых услуг для социально уязвимых групп граждан стали некоммерческие организации. Некоммерческая организация (НКО) — это организация, не предполагающая извлечение прибыли от результатов своей деятельности [1]. Начиная с января 2021 года, некоммерческие организации получают доступ к системе государственного заказа на оказание социальных услуг населению по тому же принципу, что и государственные учреждения [2]. В своей деятельности они активно используют различные цифровые технологии. Рассмотрим некоторые из них.

Важнейшим инструментом продвижения НКО являются социальные сети. Благодаря им можно создать быстрый канал коммуникации между всеми заинтересованными лицами и решить множество вопросов, начиная от освещения деятельности организации в публичном пространстве, заканчивая поиском новых партнеров и спонсоров. Социальные сети также способствуют развитию гражданского общества в целом, повышают активность населения и дают возможность своевременного решения социальных проблем. Грамотно выстроенная коммуникация с населением позволяет некоммерческим организациям оперативно способствовать индивидуальной и групповой включенности в процесс решения социальных проблем [3, с. 158].

Помимо Интернета и социальных сетей, появилась возможность ведения блога. В России такой формат приобрел небывалую популярность. Блогеры по степени известности и авторитета обгоняют многие СМИ. Блог может быть как в текстовом, так и в видеоформате. Ведение блога позволяет освещать текущие события организации и привлечь внимание к ее деятельности [4].

Период пандемии вынудил некоторые НКО перейти в частично дистанционный режим работы и предпринять активные действия по освоению цифровых технологий. Так, можно привести примеры успешной деятельности по внедрению и использованию цифровых технологий некоторых некоммерческих организаций. Например, в инклюзивном центре «Вместе весело шагать» до эпидемии

COVID-2019 специалисты занимались реабилитацией и абилитацией особых детей. Во время всеобщего режима самоизоляции центр оказался под угрозой исчезновения. Тогда и была разработана программа дистанционного взаимодействия детей и их родителей с необходимыми специалистами. Подобные дистанционные программы реализует патронажная служба «Милосердие». Одним из онлайн-проектов является «Виртуальный детский сад». Такая форма оказания услуг предполагает общение детей с ДЦП в игровом обучающем пространстве [5].

Развитие цифровизации дало возможности некоммерческим организациям освоить краудфандинговые платформы. Краудфандинг — это вид деятельности по финансированию или реализации различных проектов. Благодаря этой технологии некоммерческая организация может привлечь для поддержания своей деятельности необходимые материальные и кадровые ресурсы. Примерами таких платформ могут служить французская краудфандинговая платформа “Ulule”, основанная в 2010 году. На этой платформе собирают деньги на творческие, инновационные и иные проекты. Белорусские платформы «Улей» (Ulej) и «Талакакошт» (Talaka), привлекают средства на проекты культурной, а также социальной направленности [6]. “Crowdculture” (Швеция) — эта платформа позволяет привлекать денежные средства от инвесторов и государственных структур. Интересным в этой краудфандинговой платформе является метод финансирования. Проект может привлекать деньги как частных инвесторов, так и средства из государственного фонда. Доля государственных средств зависит от количества голосов, набранного проектом среди участников платформы. Платформа “Goteo” (Испания) предполагает не только непосредственное финансирование проекта, но и материальные средства на его последующую доработку. Сбор средств проходит в два этапа. Первый этап предполагает сбор средств, необходимых для реализации проекта. На втором этапе привлекаются средства для улучшения и доработки проекта.

Анализ опыта российских НКО в привлечении средств через краудфандинговые платформы показывает существенно увеличившуюся активность организаций в данной сфере. В цифровом пространстве осваиваются новые технологии фандрайзинга. Бла-

готворительным фондом «Выход в Петербурге» на краудфандинговой платформе “Planeta.ru” было собранно 1,5 миллиона рублей на поддержку центра творчества по обучению и реабилитации людей с аутизмом. Известный российский фонд «Вера» — некоммерческая организация, которая занимается поддержкой хосписов и их пациентов — оказывает помощь неизлечимым больным, а также их семьям как в период болезни, так и после утраты близких, — запустил на сайте Planeta.ru самое большое число кампаний среди НКО — 26 [7].

Таким образом, очевидно, что цифровизация существенно расширила горизонты для фандрайзинга, краудфандинга и реализации других технологий в некоммерческом секторе.

Литература

1. Халын В. Г. Социально-ориентированные некоммерческие организации: опыт развития и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-orientirovannye-nekommercheskie-organizatsii-opyt-razvitiya-i-perspektivy> (дата обращения: 21.03.2021).

2. НКО вместо «собеса». В России стартует эксперимент по привлечению НКО к оказанию гос.услуг в социальной сфере. URL: <https://spektr.press/nko-vmesto-sobesa-v-rossii-startuet-eksperiment-po-privlecheniyu-nko-k-okazaniyu-gosuslug-v-socialnoj-sfere/> (дата обращения: 21.03.2021).

3. Миронова М. В., Кириллова А. Социальные сети как инструмент коммуникации НКО с внешней средой в современных условиях. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44579507_17550027.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

4. Володина О. И. Инструменты продвижения некоммерческих проектов в сети интернет: современные тренды. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-prodvizheniya-nekommercheskih-proektov-v-seti-internet-sovremennye-trendy> (дата обращения: 21.03.2021).

5. Виртуальная жизнь НКО: кто прошел испытание онлайн. URL: <https://www.asi.org.ru/2020/11/09/virtualnye-nko/> (дата обращения: 21.03.2021).

6. Краудфандинговые площадки для финансирования культурных инициатив. URL: <https://www.culturepartnership.eu/en/article/10-crowdfund-ing-platforms> (дата обращения: 21.03.2021).

7. 8 российских НКО, успешно работающих в фандрайзинге. URL: <https://te-st.ru/2014/05/15/successful-fundraising/> (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. *Khalyn V. G.* Socially-oriented non-profit organizations: experience of development and prospects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-orientirovannyye-nekommercheskie-organizatsii-opyt-razvitiya-i-perspektivy> (date of access: 21.03.2021).

2. NGO instead of “sobes”. In Russia, an experiment is being launched to attract NGOs to the provision of state services in the social sphere. URL: <https://spektr.press/nko-vmesto-sobesa-v-rossii-startuet-eksperiment-po-privlecheniyu-nko-k-okazaniyu-gosuslug-v-socialnoj-sfere/> (date of access: 21.03.2021).

3. *Mironova M. V., Kirillova A.* Social networks as a tool of communication of NGOs with the external environment in modern conditions. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44579507_17550027.pdf (date of access: 21.03.2021).

4. *Volodina O. I.* Tools for promoting non-commercial projects on the Internet: modern trends. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-prodvizheniya-nekommercheskih-proektov-v-seti-internet-sovremennyye-trendy> (date of access: 21.03.2021).

5. Virtual life of NGOs: who passed the test online. URL: <https://www.asi.org.ru/2020/11/09/virtualnye-nko/> (date of access: 21.03.2021).

6. Crowdfunding platforms for financing cultural initiatives. URL: <https://www.culturepartnership.eu/en/article/10-crowdfunding-platforms> (date of access: 21.03.2021).

7. 8 Russian NGOs that successfully work in fundraising. URL: <https://te-st.ru/2014/05/15/successful-fundraising/> (date of access: 21.03.2021).

В. С. Кулакова,

студент кафедры теории и технологии социальной работы,

им. академика С. П. Королева,

e-mail: lera.kulakova01@gmail.com

Научный руководитель: канд. пед. наук, доцент Стрельникова В. Н.

Самарский национальный исследовательский университет,

Самара

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ОСОБАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье анализируется роль ювенальной юстиции в системе предоставления социальной помощи населению и подчеркивается ее важность для улучшения предоставления социальных услуг несовершеннолетним. Автор рассматривает несколько определений понятия «ювенальная юстиция», предлагаемых отечественными теоретиками и практиками, делает акцент на важнейших функциях ювенальной юстиции, а также описывает направления деятельности некоторых элементов системы ювенальной юстиции, оказывающих помощь столкнувшимся с проблемами несовершеннолетним.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, система ювенальной юстиции, несовершеннолетние.

V. S. Kulakova,

student of the Department of Theory and Technology of Social Work,

e-mail: lera.kulakova01@gmail.com

Supervisor: PhD, Associate Professor V. N. Strelnikova

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,

Samara

JUVENILE JUSTICE AS A SPECIAL MODEL OF SOCIAL SERVICE DELIVERY

Abstract. The article analyzes the role of juvenile justice in the system of social assistance to the population and emphasizes its importance for improvement of social services for minors. The author considers some definitions of “juvenile justice” proposed by Russian theorists and practitioners, focuses on the most im-

portant functions of juvenile justice, and also describes the directions of activities of some elements of juvenile justice system that provide assistance to the minors who faced problems.

Keywords: juvenile justice, juvenile justice system, minors.

Современная социальная политика Российской Федерации демонстрирует направленность как на улучшение условий функционирования всего общества в целом, так и на создание возможностей для гармоничного развития каждой отдельной личности. В связи с чем одним из приоритетных направлений деятельности государства является предоставление населению различных видов социальных услуг, повышающих качество их жизни. Центральное место в данном вопросе занимают дети как наиболее незащищенная категория граждан. Они нуждаются в повышенной заботе и внимании, в том числе и со стороны представителей власти, закона.

Приоритетность оказания социальной помощи несовершеннолетним объясняется их особым статусом. В силу возрастных особенностей развития дети больше всех подвержены влиянию криминогенной среды, на них также особо сильно сказывается и пагубное поведение взрослых (родителей и родственников), а самое главное — они не в состоянии полноценно защищать свои права и свободы перед законом. Поэтому перед государством стоит задача создания и реализации такой системы предоставления социальных услуг несовершеннолетним, которая будет максимально качественно и объективно решать вопросы гармоничного развития, правовой защиты и профилактики отклоняющегося поведения данной категории населения и обеспечивать при этом безопасность всего общества. Неотъемлемой частью такой системы, определенной организационной моделью, является система ювенальной юстиции.

Прежде чем говорить о пользе данной системы для регуляции общественных отношений с участием несовершеннолетних, следует разобраться с тем, что вообще означают эти два слова. Сразу же отметим, что на данный момент в российской науке и практике нет четко закрепленного определения понятия «ювенальная юстиция». Различные ученые трактуют его с разных позиций и придают ему свои специфические оттенки. Например, Э. Б. Мельникова

и Г. Н. Ветрова понимают под ювенальной юстицией «судебную систему, осуществляющую правосудие по делам несовершеннолетних и имеющую задачи судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних», делая акцент именно на деятельность специализированных судебных органов по осуществлению правосудия [1]. Профессор В. В. Панкратов, напротив, не считает ювенальную юстицию нормативным институтом, принимающим решения и осуществляющим правосудие на основании жестких норм. По его мнению, «это не суд по делам несовершеннолетних, а одно из звеньев системы профилактики, причем важнейшее» [2].

Бывший директор Департамента государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей Министерства образования и науки России Апатенко С. Н. под ювенальной юстицией понимает специальную систему взаимодействующих институтов, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних, профилактикой детской беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [3]. Однако мы не можем согласиться с данным определением, так как считаем его более подходящим для описания понятия «система ювенальной юстиции».

Наиболее же развернутое и, на наш взгляд, точное определение ювенальной юстиции было сформулировано еще в 1999 году группой авторов во главе с профессором В. Д. Ермаковым, занимавшимся разработкой проекта закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции в РФ». В первой статье данного документа было указано, что ювенальная юстиция — «это совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций» [4]. Данный взгляд на содержание понятия довольно грамотно характеризует ювенальную юстицию — одновременно и как специализированную правовую основу для решения вопросов по делам

несовершеннолетних, затрагивающую проблемы осуществления правосудия в отношении данной категории граждан, и как социальную основу, в которую заложены идеи обеспечения здорового взаимодействия несовершеннолетних и общества.

Как отмечалось ранее, ювенальная юстиция как часть системы предоставления социальных услуг направлена на обеспечение благополучия несовершеннолетних, сохранение или же реабилитацию их личности. Решение столь трудной и ответственной задачи осуществляется через функции ювенальной юстиции: предупредительную, восстановительную, охранительную и воспитательную. Предупредительная функция предполагает выявление и устранение причин и условий, способствующих социальной дезадаптации, безнадзорности, беспризорности и преступности среди несовершеннолетних. Она развивается в двух основных направлениях: 1) раннее предупреждение (профилактическая работа с детьми «группы риска»); 2) непосредственное предупреждение (предупреждение рецидива, ресоциализация несовершеннолетних) [5].

Восстановительная функция ювенальной юстиции имеет два аспекта: восстанавливающий и реабилитирующий. В начале развития ювенальной юстиции на первый план выступил именно реабилитирующий аспект, заключавшийся в направленности исключительно на восстановление социального благополучия несовершеннолетних и их нормальное функционирование в обществе. При такой модели ювенальной юстиции, получившей название реабилитационной, несовершеннолетние фактически освобождались от ответственности за свои правонарушения и были наравне с жертвами.

В противовес описанной выше концепции возникла идея восстановительного правосудия, или восстановительная модель ювенальной юстиции. Ответственность несовершеннолетних в данном случае никуда не исчезает, но выражается не в наказании, а в необходимости осознания собственной вины и примирении с жертвой либо возмещении причиненного вреда. Таким образом, общая концепция восстановительного правосудия дает ответ на ситуацию кризиса ювенальной юстиции — она совмещает в себе две противоположные ориентации в реагировании на правонарушающее

поведение несовершеннолетних — заботу о детях и защиту общества от детской преступности [6].

Охранительная функция ювенальной юстиции обусловлена необходимостью поддержания особой охраны прав и интересов несовершеннолетних. Специальный охранительный правовой режим для несовершеннолетних может быть выражен в различных формах: прямой протекционизм (уменьшение размера наказания по факту несовершеннолетия); двойное представительство (привлечение к защите прав несовершеннолетних не только защитника и законного представителя, но и специалистов в области психологии, педагогики или социальной работы), проведение закрытых, «неофициальных» судебных заседаний и так далее.

Воспитательная функция ювенальной юстиции прослеживается во всех элементах и направлениях ее деятельности. Именно специфика данной функции обуславливает разработку и законодательное закрепление специальной системы принудительных мер воспитательного характера, формирует особые методы и формы обращения с несовершеннолетними — создание инфраструктуры коррекционно-реабилитационного пространства и ресоциализации несовершеннолетних, порядок упрощенного судопроизводства по данной категории дел [7].

Необходимо отметить, что все описанные нами функции ювенальной юстиции достаточно тесно взаимосвязаны, практически вытекают одна из другой и направлены на максимально качественное предоставление социальных услуг несовершеннолетним. Этот факт обусловлен одной из специфических черт отправления правосудия по делам данной категории граждан — наличием прочной социальной основы, социальной насыщенностью, характерной для деятельности всех элементов ювенальной системы.

Согласно проекту ФЗ «Об основах системы ювенальной юстиции», под ювенальной системой (системой ювенальной юстиции) обычно понимают совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, а также неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию

и обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Органы, входящие в состав системы ювенальной юстиции, функционируют на основании таких основных принципов, как: 1) приоритет прав, свобод и законных интересов ребенка; 2) приоритет профилактического подхода в деятельности; 3) доступность для несовершеннолетних социально-правовой помощи; 4) создание условий для всесторонней социализации несовершеннолетних и так далее, что еще раз подчеркивает право ювенальной юстиции считаться одной из важнейших моделей предоставления социальных услуг населению (несовершеннолетним и их родителям/опекунам) [8].

Особо стоит отметить некоторые элементы системы ювенальной юстиции, деятельность которых направлена непосредственно на оказание помощи несовершеннолетним. Так, ювенальные суды — центральное звено ювенальной системы — в качестве суда первой и второй инстанции, а также в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам рассматривают дела, в которых хотя бы одним из участников является несовершеннолетний. В компетенцию этих органов входит судебная защита прав и законных интересов несовершеннолетнего и судебное разбирательство дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних [9]. Помощь судам в отправлении правосудия по делам несовершеннолетних оказывают органы прокуратуры. Они осуществляют надзор за соблюдением законов, регламентирующих деятельность различных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; надзор за соблюдением законности в процессе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних и при исполнении наказания; надзор за соблюдением законов по защите семьи, материнства, отцовства, прав и законных интересов несовершеннолетних и многое другое. Координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних возложена на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В работе этих комиссий также принимают участие прокуроры.

Что касается стороны защиты несовершеннолетних, здесь необходимо выделить адвокатов и специалистов социальной работы. Первые защищают несовершеннолетнего на всех стадиях уголовного процесса, начиная с первого допроса и заканчивая обжалованием судебного приговора [10], а вторые являются помощниками судьи и осуществляют сбор информации о несовершеннолетних, ее анализ и обобщение; связываются со специалистами и структурами, ранее работавшими с несовершеннолетними; сопровождают подростка в судебном процессе и в процессе реабилитации. Более социально направленная деятельность данных специалистов отражает суть ювенальной юстиции и ее необходимость для полноценной защиты прав и свобод несовершеннолетних.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что ювенальная юстиция является одной из самых важных и потому необходимых моделей предоставления социальных услуг населению. В рамках системы ювенальной юстиции могут осуществляться программы, проекты и мероприятия различного характера (юридического, социального, педагогического, психологического и т. д.), направленные на профилактику правонарушающего поведения несовершеннолетних, их социализацию и здоровое функционирование в обществе.

Литература

1. *Ветрова Г. Н., Мельникова Э. Б.* Закон о ювенальной юстиции в Российской Федерации. Проект // Правозащитник. 1996. № 2. С. 42–58.
2. *Ткаченко А. В.* Ювенальная юстиция в России: за и против // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1 (7). С. 130–140.
3. *Апатенко С. Н.* Ювенальная юстиция в системе государственной молодежной политики // Материалы «круглого стола» Государственной думы ФС РФ «Становление ювенальной юстиции в России: опыт, проблемы и перспективы», 20 марта 2006 г.
4. *Ермаков В. Д.* Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 22–23.
5. *Марковичева Е. В.* Функции ювенального уголовного судопроизводства // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 88–94.

6. Карнозова Л. М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда : метод. пособие. М. : ООО «Информполиграф», 2009. 108 с.

7. Гуськова А. П., Юрченко Л. В. Функции ювенального судопроизводства // Вестник ОГУ. 2010. № 3 (109). С. 43–47.

8. Проект Федерального закона от 14.02.2005 «Об основах системы ювенальной юстиции». URL: <http://www.detirossii.ru/12973.php> (дата обращения: 13.03.2021).

9. О проекте федерального Конституционного закона № 38948–3 «О внесении дополнений в федеральный Конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» : Постановление ГД ФС РФ от 15.02.2002 г. № 2473-III ГД/СЗ РФ от 25.02.2002. № 8. Ст. 789.

10. Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. М. : Юркompани, 2009. 432 с.

References

1. Vetrova G. N., Melnikova E. B. The law on juvenile justice in the Russian Federation. Project // Human rights Defender. 1996. No. 2. P. 42–58.

2. Tkachenko A. V. Juvenile justice in Russia: for and against // Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2018. № 1 (7). P. 130–140.

3. Apatenko S. N. Juvenile justice in the system of state youth policy // Materials of the “round table” of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation “The formation of juvenile justice in Russia: experience, problems and prospects”, March 20, 2006.

4. Ermakov V. D. The justice is obliged to protect the rights and legitimate interests of minors // Russian Justice. 2000. No. 10. P. 22–23.

5. Markovicheva E. V. Functions of juvenile criminal justice // OSU Bulletin. 2011. № 3 (122). P. 88–94.

6. Karnozova L. M. Inclusion of programs of restorative juvenile justice in the work of the court: A methodological guide. M. : ООО “Informpoligraf”, 2009. 108 p.

7. Guskova A. P., Yurchenko L. V. Functions of juvenile justice // OSU Bulletin. 2010. № 3 (109). P. 43–47.

8. Draft Federal Law of 14.02.2005 “On the basics of the juvenile justice system”. URL: <http://www.detirossii.ru/12973.php> (date of access: 13.03.2021).

9. The draft Federal constitutional law No. 38948–3 “On amending the Federal constitutional law ‘On the judicial system of the Russian Federation’” : Resolution of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 15.02.2002, No. 2473-III GD/Sz the Russian Federation from 25.02.2002. No. 8. St. 789.

10. Kucherena A. G. The Bar in terms of judicial reform in Russia. М. : Yurkompani, 2009. 432 p.

К. В. Луканина,

студентка кафедры теории и технологии социальной работы,

e-mail: lukaninac@yandex.ru

Научный руководитель: канд. соц. наук доцент Е. А. Миронова,

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева,

Самара

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО И СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Аннотация. В данной статье раскрывается сущность социального портрета несовершеннолетнего и семей, находящихся в социально опасном положении, рассмотрены основные критерии отнесения их к социально опасному положению. Автор выявляет разницу между понятиями социально опасное положение и трудная жизненная ситуация, а также конкретизирует эти понятия с точки зрения различных источников. В статье выделены основные признаки, свидетельствующие о социально опасном положении несовершеннолетних и семей, а также определена роль участия семьи в жизни несовершеннолетнего.

Ключевые слова: социальный портрет, социально опасное положение, трудная жизненная ситуация, семья в социально опасном положении, несовершеннолетние в социально опасном положении.

K. V. Lukanina,

student of the Department of Theory and Technology of Social Work,

e-mail: lukaninac@yandex.ru

Supervisor: Candidate of Science, Associate Professor E. A. Mironova,

Samara National Research University

named after Academician S. P. Korolev,

Samara

SOCIAL PORTRAIT OF A MINOR AND FAMILIES IN A SOCIALLY DANGEROUS SITUATION

Abstract. This article reveals the essence of the social portrait of a minor and families in a socially dangerous situation, and considers the main criteria for classifying them as socially dangerous. The author reveals the difference between the concepts of a socially dangerous situation and a difficult life situation, and also concretizes these concepts from the point of view of various sources. The article highlights the main signs that indicate the socially dangerous situation of minors and families, and also defines the role of family participation in the life of a minor.

Keywords: social profile, socially dangerous situation, difficult life situation, family in a socially dangerous situation, minors in a socially dangerous situation.

В современной России по данным статистики за 2017 год, более 67 тысяч семей находятся в социально опасном положении, в общей сложности это составляет около 202 тысячи человек, из них 60 % — это дети. И с каждым годом количество семей, находящихся в социально опасном положении, увеличивается. Объективными факторами этого являются изменение социально-экономического положения населения, низкий уровень жизни, утрата нравственных и семейных устоев и т. д. Психологическая составляющая микросоциума семьи на фоне этого разрушается, изменяются отношение родителей к детям, деформируется важная функция семьи — воспитательная, дети бегут из дома, пополняя ряды безнадзорных и беспризорных, объединяясь в асоциальные группы. Все это ведет постепенно к моральной и социальной деградации семьи в целом. Зачастую в семьях социально-психологические девиации повторяются из поколения в поколение, дети из таких семей оказываются

психологически не готовыми к самостоятельному решению своих проблем и нуждаются в услугах специализированных учреждений. Словосочетание «социально опасное положение» (СОП) все чаще можно услышать из уст специалистов разного профиля, нередко употребляется в СМИ.

Безусловно, в настоящее время семья занимает ведущую позицию в социализации несовершеннолетнего. Семья — это сообщество, основанное на браке супругов, помимо которых включает и их холостых детей (собственных и усыновленных), связанных духовно, общностью быта и взаимной моральной ответственностью. Семья создается на основе брака, кровного родства, усыновления и удочерения, а также на других основаниях, не запрещенных законом и таких, которые не противоречат моральным основам общества [1].

Роль семьи в обществе имеет огромное значение и не сравнима по своей важности ни с какими другими социальными институтами. Семья должна сопровождать несовершеннолетнего и занимать активную позицию в его жизни, так как именно в семье закладывается фундамент основных жизненно важных ценностей, формируются нормы поведения, раскрывается внутренний мир и индивидуальные качества личности.

Общеизвестно, что на развитие личности влияют как биологические, так и социальные факторы. Семья, безусловно, является важным социальным фактором, влияющим на становление личности. Семьи бывают очень разными, отличающимися друг от друга. Какова структура семьи, состав семьи, каковы отношения внутри семьи между ее членами и семьи с окружающим социумом, все это оказывает влияние на мироощущение человека, как он смотрит на мир положительно или отрицательно. Эти особенности сказываются и на формировании взглядов, будущих отношениях с окружающими. Семья дает подрастающему человеку первый жизненный опыт, поэтому, в какой семье воспитывается ребенок — в благополучной или не благополучной, — становится жизненно важным для становления гармоничной личности. Всегда существовали и существуют сейчас семьи, которые находятся в социально опасном положении [2].

Для ребенка семья — это среда, в которой должны складываться благоприятные условия для его физического, психического, эмоцио-

нального и интеллектуального развития [3]. Но порой недостаточное воспитание, вовлеченность и заинтересованность жизнью несовершеннолетнего может послужить причиной асоциального поведения подростка, и в конечном итоге несовершеннолетний может оказаться в социально опасном положении.

Согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении, — лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия [4].

Сложно сказать, что материальное благополучие семьи, опрятный внешний вид ребенка свидетельствуют об эмоционально благоприятной обстановке в семье. С одной стороны, семья может служить фактором того, что несовершеннолетний попадает в социально опасное положение. Это вполне можно объяснить следующими факторами:

- отсутствие внимания со стороны родителей и близких родственников. Родители сильно вовлечены в профессиональную деятельность, допоздна задерживаются на работе и практически не видят своего ребенка;

- родителей мало волнует жизнь своего ребенка, они не пытаются найти с ним общий язык, поговорить на разные, в том числе и личные темы, чтобы дать ребенку понять, что они всегда его поддержат и дадут советы, если это необходимо;

- ребенок принадлежит сам себе, то есть он может попасть в неблагоприятную обстановку, подружиться с плохой компанией и прочее.

С другой стороны, семья сама находится в социально опасном положении. Семья, находящаяся в социально опасном положении, — это семья, имеющая детей, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют обязанности по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними.

Кроме того, возможны ситуации, когда родители нормально относятся к ребенку, удовлетворяют его основные потребности, но все время конфликтуют между собой, применяя насилие друг к другу, при этом допуская серьезные ошибки в процессе воспитания. Это вносит дисбаланс в жизнь несовершеннолетнего, вызывая у него эмоциональные расстройства [5].

Такие проблемные семьи можно разделить на две категории:

- с видимыми проблемами: когда родители имеют низкий социальный статус, употребляют спиртное, имеют доход ниже прожиточного минимума;

- со скрытыми проблемами: внешне такие семьи не вызывают вопросов, производят хорошее впечатление, у них отсутствуют финансовые трудности. Но внутри их отношения между собой противоречат нормам поведения в обществе. Выявить такие случаи гораздо сложнее. Немаловажное значение имеет составление социального портрета для полного понимания особенностей личностей и присущих ей характеристик. Социальный портрет — это комплекс обобщенных характеристик социальной группы, т. е. выявление общих и устойчивых характеристик портретируемой группы, которых можно достигнуть при помощи математических и компьютерных методов, а также это важнейший элемент любого социологического исследования, так как именно с его помощью определяют состояние человека и его отношение к внешнему миру. Он позволяет осмыслить жизнедеятельность личности несовершеннолетнего, проведение свободного времени, дать оценку личности, исходя из характеристики среды, в которой он живет. Рассмотрим ниже социальный портрет наших объектов исследований [6].

Социальный портрет семьи, находящейся в социально опасном положении, выглядит следующим образом: это неполная семья, в которой воспитываются преимущественно 1–2 ребенка. Родители находятся в возрасте от 30 до 39 лет. Говоря об их образовании, следует отметить, что родители имеют неполное среднее образование. В семье существуют проблемы алкогольной зависимости, родительской некомпетентности, проблемы в детско-родительских отношениях, материальные проблемы, проблемы, связанные с трудоустройством родителей. Также такой семье присуще:

1. Неисполнение родителями своих обязанностей по жизнеобеспечению детей (отсутствие у детей необходимой одежды, регулярного питания, несоблюдение санитарно-гигиенических условий).

2. Отсутствие условий для воспитания детей (отсутствие у родителей жилья и т. д.).

3. Отсутствие личного примера в воспитании детей со стороны родителей (пьянство, употребление наркотических средств, аморальный образ жизни).

4. Вовлечение детей в противоправные действия (попрошайничество, воровство, проституция и т. д.).

5. Отсутствие контроля за воспитанием и обучением детей (отсутствие связи со школой, невнимание родителей к успеваемости и свободному времяпрепровождению ребенка).

6. Наличие в семьях детей, совершивших преступление или правонарушение или состоящих в органах милиции и наркологических учреждениях (даже если несовершеннолетний проживает во внешне благополучной семье, но совершил преступление или систематически совершает правонарушения, то данная семья относится к категории находящихся в социально-опасном положении) [7].

Выделяют три основных фактора, способствующих попаданию семьи в категорию семей, находящихся в социально опасном положении, это: фактор наследственно-демографического характера; фактор, обусловленный жилищно-бытовыми условиями жизни семьи; фактор, связанный с нарушением межличностных семейных связей, нарушений детскородительских отношений.

Социально опасное положение несовершеннолетнего (СОП) — обстановка в семье ребенка, подростка, представляющая опасность для его жизни или здоровья, либо не отвечающая требованиям к его воспитанию или содержанию, например вследствие тяжелого заболевания родителей, их алкоголизма, отсутствия заботы с их стороны о питании, одежде ребенка и пр. [8].

Социальный портрет несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении:

1. Не владеет средствами общения и способами взаимодействия с окружающими.

2. Социальная напряженность, конфликты в семье, отсутствие доверительных отношений с родителями.

3. Наличие негативных по своей социальной сущности потребностей и интересов к употреблению алкогольных и других веществ.

4. Находится в обстановке, представляющей опасность для жизни и здоровья в связи с жестоким обращением, домашним насилием.

5. Деформации нравственных и правовых ценностных ориентаций.

6. Трудности с адаптацией к новым условиям жизнедеятельности.

7. Неблагополучные условия семейного воспитания, выражающиеся в том числе наличием у родителей различных нервно-психических заболеваний, злоупотребление алкоголизмом, противоправном образе жизни, жестокости в семьях.

8. Пониженный уровень интеллектуального развития, создающий трудности в общении со сверстниками, в учебе и прочих увлечениях, затрудняющий приобретение необходимой информации и социального опыта.

Итак, к несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, относятся несовершеннолетние, которые:

— воспитываются в семье, где родители или другие их законные представители не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетних детей, либо отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними, вовлекают в преступную деятельность, приобщают к спиртным напиткам, немедицинскому употреблению наркотических, токсических, психотропных и других сильнодействующих, одурманивающих веществ, принуждают к занятию проституцией, попрошайничеством, азартными играми;

— вследствие безнадзорности или беспризорности находятся в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к их воспитанию или содержанию, либо совершают правонарушения или иные антиобщественные действия;

— являются жертвами физического, психического или иного вида насилия;

- пострадали в результате военных действий, природных или техногенных аварий, бедствий, катастроф;
- оказались в других неблагоприятных условиях, экстремальных ситуациях.

Помимо социально опасного положения, семья может находиться в трудной жизненной ситуации, а также в критической жизненной ситуации. Следует отличать семью в СОП от семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации. Для полного представления данных ситуаций, обратимся к определениям (табл. 1).

Трудная жизненная ситуация (в отличие от социально опасного положения) — ситуация, которая субъективно воспринимается человеком как трудная лично для него или является объективно нарушающей его нормальную жизнедеятельность. Такая ситуация обычно кратковременна, имеет выход. Порой достаточно разового вмешательства и разовой помощи. Но из нерешенных трудных ситуаций складывается социально опасное положение, которое требует комплекса мер, межведомственную координацию по преодолению проблем.

На что обращать внимание при анализе психодиагностических материалов маркерами СОП, по мнению Н. А. Сакович:

- отставание в развитии (социальном, эмоциональном, интеллектуальном и личностном);
- наличие «набора» хронических заболеваний, причем некоторые из них характерны для взрослых и пожилых людей;
- высокая тревожность, страхи;
- эмоциональная неадекватность;
- проявления депрессии (темы серости, конечности жизни, «все плохо», отсутствие цветности в описаниях или рисунках и пр.);
- наличие невротических состояний (грызет ногти, качается, есть тики, заикание, наматывает волосы на палец во время диагностики и т. п.);
- неудовлетворенность базовых потребностей: ребенок голодный (в ответах все сводится к еде), уставший (в ответах много астении, многие вопросы пропускаются, нет сил), запущенный внешний вид (ребенок грязный, одежда не соответствует сезону, размеру и пр.);

Таблица 1

Подходы к определению неблагоприятных жизненных условий

Название	Определение	Источник
Социально опасное положение	Это совокупность факторов и условий, вызывающих неблагоприятное социальное положение семьи или гражданина, внутрисемейные конфликты, противоправное поведение родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, неисполнение ими своих обязанностей по воспитанию детей, их обучению и (или) содержанию, жестокое обращение с детьми	Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»
Трудная жизненная ситуация	Это ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнь, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно	Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
Критическая жизненная ситуация	Это эмоционально переживаемые жизненные обстоятельства, которые в восприятии человека представляют сложную психологическую проблему, трудность, требующую своего решения или преодоления	Савина Е. А. Введение в психологию: курс лекций / гл. ред. А. П. Олейникова. М. : «Прометей» МПГУ, 1998. 252 с.

- проявления агрессии (аутоагрессии);
- проявление в ответах темы насилия (психического, физического, сексуального) и др. [9].

Таким образом, в современном мире все больше возрастает понимание семьи как института, определяющего не только развитие ребенка, но и развитие общества в целом. Однако в условиях материального и социального расслоения общества происходит трансформация семьи. Кризисные явления в обществе порождают не только конфликты поколений, но и ведут к дезорганизации социальной жизни, распаду общества и его социальных институтов. Все негативные последствия социального неблагополучия проецируются на семью — самый уязвимый социальный институт. Сегодня в России отсутствует единый порядок определения семьи к категории «семья в социально опасном положении».

Социально опасное положение — это неблагоприятное социальное положение семьи или гражданина, вызванное стечением обстоятельств, детерминированных совокупностью факторов (объективных и субъективных) и условий и проявляющиеся в внутрисемейных конфликтах, противоправном поведении родителей или законных представителей несовершеннолетних, неисполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей, их обучению и (или) содержанию, жестоком обращении в отношении детей.

Литература

1. *Кравченко А. И.* Семья и брак // Социология. М. : Проспект, 2010. 544 с.
2. *Пугачев А. С.* Влияние семьи на личность // Молодой ученый. 2012. № 7 (42). С. 310–313. URL: <https://moluch.ru/archive/42/5051/> (дата обращения: 14.03.2021).
3. *Афанасьева Т. М.* Семья. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1988. 284 с.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями).
5. Ювенологический словарь : 300 терминов / сост. И. В. Скомарцева и др. СПб. : БИС-принт, 2002. 131 с.

6. Криминология / под ред. В. Д. Малкова. М., 2006. С. 85.
7. Жилина Е. Н. Критерии социально опасного положения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2020. № 13 (303). С. 154–157. URL: <https://moluch.ru/archive/303/68419/> (дата обращения: 10.03.2021).
8. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М. : Академия, 2007. 340 с.
9. Ключева Н. В., Касаткина Ю. В. Учим детей общению. Характер. Коммуникабельность : популярное пособие для родителей и педагогов. М. : Академия развития, 1997. 240 с. (Серия: «Вместе учимся, играем»).

References

1. Kravchenko A. I. Family and marriage // Sotsiologiya. M. : Prospekt, 2010. 544 p.
2. Pugachev A. S. The influence of the family on the personality // Young scientist. 2012. № 7 (42). P. 310–313. URL: <https://moluch.ru/archive/42/5051/> (date of access: 14.03.2021).
3. Afanasyeva T. M. Family. 2nd edition, reprint. and add. M. : Prosveshchenie, 1988. 284 p.
4. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 “On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile Delinquency” (as amended).
5. Juvenile dictionary : 300 terms / comp. I. V. Skomartseva et al. St. Petersburg : BIS-print, 2002. 131 p.
6. Criminology / ed. by V. D. Malkov. M., 2006. P. 85
7. Zhilina E. N. Criteria for the socially dangerous situation of minors // Young scientist. 2020. № 13 (303). P. 154–157. URL: <https://moluch.ru/archive/303/68419/> (date of access: 10.03.2021).
8. Mudrik A. V. Introduction to social pedagogy. M. : Academy, 2007. 340 p.
9. Klyueva N. V., Kasatkina Yu. V. Teach children to communicate. Personality. Sociability : popular manual for parents and teachers. M. : Academy of Development, 1997. 240 p. (Series: “Together we learn, we play”).

С. Д. Малевич,

*студент кафедры теории и технологии социальной работы,
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева,
Самара*

e-mail: snezhana_malevich@mail.ru

МОЛОДЫЕ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена роли молодой семьи в современных социально-экономических условиях российского государства. Подчеркивается степень заинтересованности общества и государства в создании благоприятных условий для функционирования молодой семьи как социального института. Выявлены основные проблемы такой категории получателей социальных услуг, как молодые семьи. Анализируется государственная помощь молодым семьям. Намечено направление развития и успешного функционирования молодой семьи в обществе. Проанализирована помощь молодым семьям со стороны государства. Намечено направление для развития и успешного функционирования молодой семьи в обществе.

Ключевые слова: семья, молодая семья, статус молодой семьи, социальная политика, социальная работа.

S. D. Malevich,

*student of the Department of Theory and Technology of Social Work,
Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,
Samara*

e-mail: snezhana_malevich@mail.ru

YOUNG FAMILIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE STATE AND CHANGES IN THE SPHERE OF SOCIAL SERVICES

Abstract. The article is devoted to the role of the young family in the modern socio-economic conditions of the Russian state. The degree of interest of society and the state in creating favorable conditions for the functioning of the young

family as a social institution is highlighted. The main problems of such a category of recipients of social services as young families are identified. The state's assistance to young families is analyzed. The direction for the development and successful functioning of a young family in society is outlined.

Keywords: family, young family, young family status, social policy, social work.

Семья — это малая социально-психологическая группа, которая основана на браке или кровном родстве, члены которой связаны взаимной помощью, общностью быта и моральной ответственностью. Одновременно это социальный институт, удовлетворяющий потребности общества в воспроизводстве населения, организации воспитательной работы, осуществлении общественного потребления, передаче культурного наследия и т. д. [1]. В настоящее время «семья» как небольшая социально-психологическая группа и особый социальный институт меняется и модернизируется. Его структура трансформируется, функции становятся все более сложными, усиливаются деструктивные процессы, появляются новые ориентации и мотивы для брака, меняется его типология, формируется современная семейная политика.

Актуальность выбранной темы исследования определяется глубоким демографическим кризисом, который Россия переживает в последние десятилетия, а также важностью для нашей страны воспитания как можно большего количества здоровых, полноценных семей. Трудности в развитии и укреплении молодой семьи в настоящее время усугубляются мировым финансовым кризисом, который затронул и нашу страну. Сочетание социально-экономических проблем, стоящих вне семьи в нашей стране, с глобальными институциональными и семейными проблемами ставит российскую семью в такие тяжелые условия, что у нее нет собственных защитных сил. Интересы государства и общества, потребности социального благополучия личности требуют внедрения стабильной системы социальной помощи семье.

В категории семей, нуждающихся в особой помощи, на первое место выходит молодая семья. Молодая семья — одна из самых уязвимых групп населения. Критерии, позволяющие отнести супругов к молодой семье:

1. Опыт семейной жизни. В наиболее активной поддержке молодые супруги нуждаются в первые три года семейной жизни.

2. Возрастной критерий. Учитывая возрастные особенности членов молодой семьи, мы считаем правильным обозначить максимальный возрастной критерий для обоих супругов (при неполной семье — один молодой родитель) до 35 лет. Именно эта категория семей сталкивается с наибольшими трудностями на пути к достижению уровня благосостояния, так как молодые супруги получают образование или делают только первые шаги в профессиональной сфере, но при этом имеют большие потребности, в том числе необходимость иметь детей. Без государственной поддержки некоторые из них откладывают брак или рождение желанного ребенка.

3. Демографический критерий. Исходя из сложной демографической ситуации, сложившейся в нашей стране в последние годы, проблема низкой рождаемости приобретает все большее значение. Статистика показывает, что деторождение, а значит, и будущее нации в основном связано с молодой семьей ($\frac{2}{3}$ от общего числа детей рождаются от родителей до 35 лет) [2].

Рассматривая статус молодой семьи в современном российском обществе, можно выделить следующее

2. В семейно-брачных отношениях сформировались новые статусные и ролевые позиции личности женщины: растущее разнообразие профессиональных занятий; материальная и социальная самодостаточность; образование равное или более высокое, чем у мужчины.

3. Произошли объективные изменения в брачном и семейном положении молодежи: прогрессирующее снижение роли физического отцовства и возрастание роли социального отцовства в разнообразии его специфических модификаций, значительное снижение социализационного влияния отцов; нарастающая утрата у мужчин функции главного «кормильца» семьи и, соответственно, функции «главы семьи»; утрата мужчинами приоритета в выборе брачного партнера.

4. Изменились структурные характеристики семейно-брачных отношений: произошло объединение семейных и домашних ролей; стал обоюдным вклад членов молодой семьи в материальную базу

семьи и ее социальный статус; функция «главы семьи» нивелировалась государственным патернализмом.

5. Произошла трансформация супружеских функций в молодой среде: в связи с массовым переходом от больших семей к малочисленным или бездетным наметилось постепенное снижение социализирующей роли материнства; женщины стали играть решающую роль в инициировании развода [3].

В настоящее время молодые семьи сталкиваются с рядом проблем, основными из которых можно считать проблемы трудоустройства, жилья, а также различные психологические проблемы, которые необходимо рассматривать с точки зрения не только настоящего, но и будущего во всех сферах жизни общества. Решить их можно только с помощью государственных социальных программ и проектов.

Современная молодая семья концентрирует в себе всю совокупность социальных проблем, которые присущи современному обществу и образу жизни. Среди них можно выделить сами семейные проблемы. Это распределение семейных ролей между супругами и борьба за лидерство; отсутствие познавательных потребностей (например, в знаниях и навыках для воспитания детей и т. д.) у отдельных членов семьи или в семейной системе в целом, неадекватность оценок поведения детей, грубое вмешательство в их внутренний мир, эмоциональное неприятие вплоть до депривации и насилия, способствующее развитию у них девиантного поведения, если у детей и подростков разные акцентуации характера; необходимость общения между отдельными членами семьи и невозможность его реализации в семье по разным причинам (отсутствие культуры общения, нежелание одного из членов семьи и т. д.); наличие в семье негативной морально-психологической атмосферы; неудовлетворительные материальные потребности семьи и многие другие [4]. Трансформируются и сами семейные союзы. На смену традиционному браку часто приходит так называемый гражданский и другие виды неформальных союзов, в первую очередь среди молодых людей, которые не спешат брать ответственность за свои семьи на себя. Все это меняет характер проблем и способы их реализации в современной молодой семье.

Профилактика и устранение отмеченных негативных явлений в семье возможны при организации системной целенаправленной социальной работы. Многие молодые семьи отказываются от второго и третьего ребенка из-за финансовых трудностей. Сложное материальное положение в целом во многом препятствует дальнейшему гармоничному развитию и становлению молодой семьи. Наличие/отсутствие собственного жилья, качество жилищных условий, раздельное/совместное проживание с другими родственниками образуют совокупность индикаторов социальной адаптации молодой семьи [5].

Экономическая поддержка семьи должна осуществляться путем создания условий для приобретения ею недвижимого имущества, а также получения иных источников дохода, не запрещенных законом. В этом случае в семье будут созданы предпосылки для рождения здоровых детей.

Оказание социально-психологической помощи молодежи, подготовка юношей и девушек к браку, поддержка молодой семьи, продвижение семейных ценностей и традиций — одно из важных направлений реализации государственной социальной политики в России. Однако это направление развито слабо и особо не поддерживается государством, поэтому необходимо обратить на это внимание и начать развивать это направление.

В современных социально-экономических условиях реальной стратегической целью государственной политики в отношении молодой семьи должна стать ориентация на тип благополучной молодой семьи. Под благополучной молодой семьей понимается семья, которая осуществляет свою деятельность в зарегистрированном браке, ориентирована на рождение двух и более детей, имеет их, занимается их воспитанием и развитием на основе взаимодействия пространств семейного, общественного и государственного образования; это семья способная самостоятельно решать все проблемы и полноценно выполнять социальные функции на основе реализации своего внутреннего потенциала с использованием мер законодательно определенной поддержки [6].

На наш взгляд, социально-демографическая политика страны должна быть ориентирована на молодые семьи. Проблема органи-

зации социальной поддержки молодых семей на федеральном и региональном уровнях свидетельствует о необходимости относиться к молодой семье как к особой социальной категории с особыми интересами и потребностями. Укрепление молодой семьи должно способствовать сокращению количества разводов и уменьшению количества неполных семей, решить проблему поведенческих отклонений у детей и подростков и бездомности. Стабилизация молодой семьи снизит уровень социального сиротства, количество отказов от новорожденных среди молодых родителей и количество детей, рожденных вне брака.

Молодая семья принадлежит к особому слою общества. Это и социальная группа, и социальный институт. Молодая семья — это некая модель общества, всех его социальных связей и отношений. Основные проблемы молодой семьи усугубляются отсутствием системы согласованной поддержки со стороны государства, а также отсутствием системы подготовки молодежи к семейной жизни.

Важнейшая роль в социальной реорганизации общества принадлежит молодой семье. Молодая семья оказывается в обществе, характеризующемся социально-экономической нестабильностью и радикальной переоценкой ценностей, что сопровождается перестройкой социально-психологических основ семейного образа жизни, отсутствием четких способов реализации индивидуальных жизненных стратегий. Стабильная благополучная семья может функционировать только при определенной подготовке молодых людей к совместной семейной жизни. Решение социальных проблем, которые возникают в молодой семье, невозможно без организации социальной работы, государственной помощи и внедрения социальных услуг для молодежи. Чем тщательнее мы изучим современную молодую семью и присущие ей проблемы, тем точнее мы сможем спрогнозировать вероятные сценарии дальнейшего развития семьи в России. Таким образом, для успешного существования молодой семьи необходима социальная защита и социальная работа с ними: оказание психологической и моральной помощи, создание центров поддержки на государственном уровне, организация программ помощи молодым семьям, принятие соответствующих законов, а также всесторонняя комплексная материальная и психологическая помощь.

Литература

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М. : Изд-во МГУ ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления. 1996. 304 с.
2. Ростовская Т. К. Статус молодой семьи в современном Российском обществе // Человек в мире культуры. 2014. С. 74–79.
3. Ижаева Д. С. Молодая семья как объект социальной работы // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1054–1056.
4. Шуман С. Г., Шуман В. П. Конфликты в молодой семье: причины, пути устранения. Минск : Университетское, 2002. 78 с.
5. Кострова Ю. А. Жилищные проблемы молодых семей: стратегии преодоления и социэкономические практики // Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики. Самара : ООО «САМАРАМА», 2019. С. 57–62.
6. Цинченко Г. М. Социальная политика в отношении молодой семьи // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 180–187.

References

1. Antonov A. I., Medkov V. M. Sotsiologiya semey. M. : Izd-vo MSU ; Izd-vo International University of Business and Management. 1996. 304 p.
2. Rostovskaya T. K. The status of a young family in modern Russian society // Man in the world of culture. 2014. P. 74–79.
3. Izhaeva D. S. The young family as an object of social work // Young scientist. 2015. № 10 (90). P. 1054–1056.
4. Shuman S. G., Shuman V. P. Conflicts in a young family: causes, ways of elimination. Minsk : Universitetskoe, 2002. 78 p.
5. Kostrova Yu. A. Housing problems of young families: strategies of overcoming and socioeconomic practices // Sociology and social work: modern educational and research practices. Samara : LLC “SAMARAMA”, 2019. P. 57–62.
6. Tsinchenko G. M. Social policy in relation to a young family // Managerial consulting. 2010. No. 3. P. 180–187.

Т. Н. Мартынова,
канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры социологических наук
e-mail: martt2007@inbox.ru

Д. Е. Лончакова,
магистрант
e-mail: lonchakova.d@inbox.ru
Кемеровский государственный университет,
Краснодар

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация. В статье раскрываются социальные и психологические детерминанты, провоцирующие формирование отклоняющегося поведения несовершеннолетних; освещаются организационные аспекты деятельности по социальной реабилитации данной категорией детей в социально-реабилитационных организациях.

Ключевые слова: несовершеннолетние с отклоняющимся поведением, социальная реабилитация, организационная модель социальной реабилитации.

T. N. Martynova,
PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences
e-mail: martt2007@inbox.ru

D. E. Lonchakova,
Master's student
e-mail: lonchakova.d@inbox.ru
Kemerovo State University,
Krasnodar

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF SOCIAL REHABILITATION OF MINORS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Abstract. The article reveals the social and psychological determinants that provoke the formation of deviant behavior of minors; highlights the organizational

aspects of social rehabilitation activities for this category of children in social rehabilitation organizations.

Keywords: minors with deviant behavior, social rehabilitation, organizational model of social rehabilitation.

Социально-экономическое, социокультурные преобразования, происходящие в жизни российского общества, затрагивают практически все системы, в которые вовлечена современная личность: государство, общество, семья. Наряду с позитивными переменами наблюдаются и негативные изменения в образе жизни, поведении граждан, в том числе у несовершеннолетних. На фоне этих процессов у подрастающего поколения возникают проблемы личностного развития, что, в свою очередь, становится причиной отклоняющегося (девиантного) поведения. Проявления различных видов отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних представляет собой одну из острых социальных проблем российского общества, которая тесно связанная с проблемой социальной безопасности, несет угрозу деградации несовершеннолетних граждан страны.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации количество несовершеннолетних с расстройствами поведения в возрасте до 14 лет составило 186 341 в 2015 г. и 185 549 в 2019 г.; в возрасте 15–17 лет составило 64 036 в 2015 г. и 65 376 в 2019 г. [1].

Рост исследовательского интереса к проблеме организации социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением вызван неполнотой изученности отдельных аспектов данной проблематики; государственным заказом на исследование отклоняющегося (девиантного) поведения несовершеннолетних, сформулированного, в частности в «Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года»; обусловлен необходимостью совершенствования данного вида деятельности в социально-реабилитационных организациях (учреждений) для несовершеннолетних.

Различные аспекты отклоняющегося поведения несовершеннолетних исследовалось О. Б. Белых, Т. Г. Евдокимовой, О. В. Евдошенко, О. А. Зигмунт, О. В. Липуновой, Т. А. Пономаревой и др. Факторы,

провоцирующие отклоняющееся поведение в подростковой среде, рассматриваются в работах Л. В. Макшанцевой, М. В. Зотовой, М. В. Салтыковой-Волкович, И. В. Даньковой, Т. В. Уласень и др.

Вопросы, посвященные управлению социальной реабилитацией несовершеннолетних с отклоняющимся поведением, исследуются в работах отечественных исследователей О. Б. Белых, Е. В. Москвиной и др. Региональный аспект управления социальной реабилитацией несовершеннолетних и организация социально-реабилитационной деятельности в социально-реабилитационных организациях для несовершеннолетних анализируется в исследованиях Л. О. Хаджимба, А. В. Сутула, Х. Я. Мавлютовой, Д. К. Гайфуллиным, С. Н. Кошман, И. Д. Кызласовым, Е. М. Галкиной, Н. Р. Барышевой и др.

Несмотря на то, что вопросы социальной и психологической детерминации отклоняющегося поведения несовершеннолетних активно разрабатываются, а социальной реабилитации этой группы детей и подростков сложилась в отечественной практике социальной работы, ряд вопросов, в частности организационные аспекты этой деятельности, остаются недостаточно исследованными.

Отличительным признаком отклоняющегося поведения несовершеннолетних является несоответствие общепринятым нормам, характеризующееся отклонениями разной интенсивности. А. Ю. Егоров рассматривает отклоняющееся поведение как устойчивое поведение личности, которое противоречит наиболее важным социальным нормам и может причинить реальный ущерб обществу или самой личности [2].

Среди социальных детерминант данного явления выступает дестабилизация института семьи и, как следствие, снижение личностного потенциала несовершеннолетних, отсутствие у них ценностных и нравственных ориентиров, планов и перспектив дальнейшей жизни.

Анализируя причины и условия формирования отклоняющегося поведения детей и подростков, исследователи, как правило, связывают их с нарушением процесса социализации и наличием ряда факторов (внешних и внутренних). Наиболее значимыми внешними факторами возникновения отклоняющегося поведения

подростков являются социальные, экономические, институциональные процессы [3, с. 153–158]. Эти процессы могут детерминировать неадекватное взаимодействие личности и воспитательной среды, которая традиционно включает в себя такие социальные институты, как семья, школьный коллектив и среда неформального общения. Семья является важнейшим институтом социализации несовершеннолетнего. Неблагополучная семья не обеспечивает приспособление ребенка к условиям общественной жизни. В результате происходит нарушение формирования социально одобряемого поведения. Семейное неблагополучие, как правило, приводит к недостаточности учебной мотивации подростков, школьной дезадаптацией, которая проявляется в низком познавательном интересе, враждебности по отношению к учителям и одноклассникам, пропусках уроков, низкой успеваемости, равнодушию к общественной и досуговой деятельности. В результате этого несовершеннолетний не может реализовать свои социальные потребности в школьной среде. Референтной группой для несовершеннолетнего становится его уличная компания. Как правило, ее представители имеют примерно одинаковый уровень развития, бюджет времени и неудовлетворенность основных потребностей (в защите, понимании, признании) [4, с. 135–148].

Следствием структурной деформации семьи, разрушения межпоколенных связей, низкого уровня жизни и образования родителей, социальной изоляции становится переход большого количества семей в разряд асоциальных. В результате наблюдается рост безнадзорности и беспризорности детей и подростков, длительная психическая депривация и в дальнейшем формирование у них отклоняющегося поведения [5].

Среди психологических детерминант отклоняющегося поведения несовершеннолетних исследователи выделяют личностные, индивидуальные характеристики — тревожность, завышенная или, наоборот, низкая самооценка, повышенная возбудимость, расторможенность влечений, нарушения эмоционально-волевой сферы [6]; инфантилизм, низкий интеллектуальный уровень, потребностно-мотивационные деформации, отсутствие самоконтроля [7] и т. д.

Как показывают исследования и практика социальной работы с несовершеннолетними, внешние и внутренние факторы возникновения отклоняющегося поведения несовершеннолетних взаимосвязаны. Так, в результате психической депривации, возникающей вследствие родительского пренебрежения, у ребенка могут проявляться неуравновешенность, вспыльчивость, самоуверенность сменяется сомнениями в себе. На фоне этих процессов возникают ложные формы самоутверждения: развязность, нарушение дисциплины и т. д. Происходит отчуждение от школьных сверстников. Неадекватная самооценка может снизить учебную мотивацию. Низкая самооценка ведет к неверию в свои силы, а завышенная может не соответствовать уровню развития интеллекта несовершеннолетнего. Таким образом, происходит снижение ценности получения образования [8].

Социальную реабилитацию несовершеннолетних с отклоняющимся поведением принято рассматривать как процесс, результат, деятельность и одну из технологий социальной работы [9, с. 24].

Социальная реабилитация несовершеннолетних с отклоняющимся поведением как процесс представляет собой систему последовательной реализации реабилитационных задач, нацеленную как на восстановление индивидом способности социального функционирования, так и на восстановление той социальной среды, которая была нарушена ухудшением условий жизнедеятельности реабилитируемого.

Результатом социальной реабилитации этой группы несовершеннолетних является достижение поставленных целей, когда ребенок, имеющий социальную проблему или проблемы, прекращает испытывать ощущение неполноценности и отчуждения от социума.

Социальная реабилитация как деятельность представляет собой целенаправленное воздействие на объект. Деятельность по социальной реабилитации предполагает ее отношение и к личности работника социальной службы как организатора деятельности, и к личности реабилитанта (несовершеннолетнего с отклоняющимся поведением), который включен в процесс как субъект реабилитационной деятельности. Субъект-субъектное взаимодействие специалиста по социальной работе и несовершеннолетнего с откло-

няющимся поведением позволяет лицу, проходящему социальную реабилитацию, ощущать себя источником решения своих проблем и организатором позитивных изменений в жизни.

Для обеспечения эффективности социальной реабилитации несовершеннолетних важна этапность этой работы, ее дифференцированность, комплексность, последовательность выполняемых процедур и операций, возможность многократного воспроизводства данного процесса [10]. Наличие всех этих признаков позволяет говорить о социальной реабилитации как об одной из технологий социальной работы. В ходе применения технологии социальной реабилитации создаются специальные условия, используются различные методы и приемы воздействия на взаимосвязанные с ней процессы.

В ходе проведения исследования нами было уточнено содержание понятия «социальная реабилитация несовершеннолетних с отклоняющимся поведением», которое понимается как процесс обеспечивающий восстановление разрушенных социальных связей несовершеннолетних с социумом (семья, сверстники, воспитатели, учителя и т. д.) и развитие у них способности противостоять факторам, приводящим к отклоняющемуся поведению, формирование у них социально одобряемого поведения; выявлены возможности усовершенствования организации деятельности по социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением в социально-реабилитационных учреждениях (организационные, управленческие, материально-технические, социально-педагогические, психолого-педагогические и т. д.).

Разработанная нами организационная модель социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением включает систему элементов, объединенных отношениями и функциями управления данным процессом (рис. 1). В организационной модели в качестве элементов представлены принципы, на которых строится деятельности социально-реабилитационных организаций для несовершеннолетних; цель и задачи деятельности; ресурсы и условия, обеспечивающие данную деятельность. Модель отражает интеграционные связи между этими элементами.

Основной целью деятельности социально-реабилитационных центров является оказание несовершеннолетним с отклоняющимся поведением социально-педагогической, психологической помощи и т. д., направленной на обеспечение максимально полной и своевременной социальной реабилитации данной группы детей и подростков.

Рис. 1. Организационная модель деятельности по социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением в социально-реабилитационных учреждениях

Организационной формой социальной работы с несовершеннолетними с отклоняющимся поведением в организациях социальной реабилитации для семей и детей является индивидуальная программа социальной реабилитации несовершеннолетних.

Разработка и реализация индивидуальной программы социальной реабилитации несовершеннолетних основывается на следующих принципах: своевременности проведения реабилитационных мероприятий; непрерывность реабилитационного процесса; преемственности в проведении комплекса мероприятий; межведомственное взаимодействие в решении вопросов социальной реабилитации

и т. д. Деятельность специалистов по социальной работе с несовершеннолетними с отклоняющимся поведением строится на основе индивидуальных программ социальной реабилитации.

Организация социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением включает следующие этапы этого процесса.

1. Выделение причин и факторов, повлиявших на формирование отклоняющегося поведения, наиболее выраженных и значимых для жизнедеятельности несовершеннолетнего потребностей. Это позволит определить приоритетность и направленность социально-реабилитационных мероприятий, последовательность их реализации и объем помощи.

2. Реализация индивидуальной программы социальной реабилитации, включая социально-педагогическую, психологическую и педагогическую коррекцию, социальную адаптацию, профориентационную и профилактическую работу с несовершеннолетними и т. д.

3. Оценка эффективности социально-реабилитационной деятельности в организации, а в случае необходимости — коррективировка индивидуальной программы социальной реабилитации.

Ведущая роль в социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением при этом принадлежит разработке, апробации и внедрению индивидуальных реабилитационных программ, которые способствуют расширению реабилитационного пространства и оптимизации реабилитационной среды детей.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики.
2. Егоров А. Ю. Нейропсихология девиантного поведения. СПб. : Речь, 2006. 224 с.
3. Макишанцева Л. В., Зотова М. В. К вопросу изучения внешних и внутренних факторов девиантного поведения подростков // Человеческий капитал. 2019. № 1 (121). С. 116–127.
4. Данькова И. В. Социальные и личностные факторы, способствующие формированию отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. Могилев, 2017. С. 153–158.

5. *Липунова О. В.* Взаимосвязь дезадаптации и отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Социальное поведение личности: оценки и стратегии : кол. монография. Ульяновск, 2016. 276 с.

6. *Салтыкова-Волкович М. В.* Причины и особенности девиантного поведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. Новополоцк. 2016. № 15. С. 24–28.

7. *Данькова И. В.* Роль социальных и психологических факторов в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего в Республике Беларусь // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-i-psihologicheskikh-faktorov-v-formirovani-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnego-v-respublike-belarus/viewer> (дата обращения: 14.02.2021).

8. *Амбалова С. А.* Психологические причины отклоняющегося поведения подростков: профилактика и коррекция // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 317–319. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41122322> (дата обращения: 14.02.2021).

9. *Белых О. Б.* Особенности управления социальной реабилитацией несовершеннолетних с отклоняющимся поведением : дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. 222 с.

10. *Воронина В. А.* Социальная реабилитация как универсальная технология социальной работы // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества : материалы V Международ. соц.-пед. чтений им. Б. И. Лившица. Екатеринбург, 2013. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24003523> (дата обращения: 14.02.2021).

References

1. Federal State Statistics Service.
2. *Egorov A. Yu.* Neuropsychology of deviate behavior. St. Petersburg : Rech, 2006. 224 p.
3. *Makshantseva L. V., Zotova M. V.* On the question of studying external and internal factors of deviant behavior of adolescents // Human capital. 2019. No. 1 (121). P. 116–127.
4. *Dankova I. V.* Social and personal factors contributing to the formation of deviant behavior of minors // Topical issues of law, education and psychology : collection of scientific papers. Mogilev, 2017. P. 153–158.

5. *Lipunova O. V.* The relationship of maladaptation and deviant behavior of minors // Social behavior of the individual: assessments and strategies : collective monograph. Ulyanovsk, 2016. 276 p.

6. *Saltykova-Volkovich M. V.* Reasons and features of deviant behavior // Vestnik Polotsk State University. Series E. Pedagogical sciences. Novopolotsk. 2016. No. 15. P. 24–28.

7. *Dankova I. V.* The role of social and psychological factors in the formation of asocial behavior of minors in the Republic of Belarus // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-i-psihologicheskikh-faktorov-v-formirovani-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnego-v-respublike-belarus/viewer> (date of access: 14.02.2021).

8. *Ambalova S. A.* Psychological causes of deviant behavior of adolescents: prevention and correction. // Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2019. Vol. 8. No. 3 (28). P. 317–319.

9. *Belykh O. B.* Features of management of social rehabilitation of minors with deviant behavior : dis. ... cand. of soc. sciences. M., 2009. 222 p.

10. *Voronina V. A.* Social rehabilitation as a universal technology of social work. // Socio-cultural environment and its development in the context of the globalization of modern society : materials of the V International Social and Pedagogical Readings named after B. I. Livshits. Yekaterinburg, 2013. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24003523> (date of access: 14.02.2021).

Е. В. Мартынова,

канд. соц. наук,

доцент кафедры социальной работы и педагогического образования,

филиал Южного Федерального университета,

Новошахтинск,

e-mail: evmartynova@sfnedu.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕМЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Статья посвящена проблемам семей в условиях самоизоляции, вызванными пандемией COVID-19. В основу работы положено социологическое исследование, проведенное в 2020 году в г. Новошахтинске Ростовской области. Выборка составила 200 человек, респондентами стали лица, имеющие, по их определению, семью. Также в работе поднимается вопрос о необходимости изменений в структуре социальных услуг разным категориям семей.

Ключевые слова: семья, самоизоляция, пандемия, социальные проблемы семей.

E. V. Martynova,

Candidate of Social Sciences, Associate

Professor of the Department of Social Work and Teacher Education,

branch of the Southern Federal University,

Novoshakhtinsk

e-mail: evmartynova@sfnedu.ru

FEATURES OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF FAMILIES IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. The article is devoted to the problems of families in self-isolation caused by the COVID-19 pandemic. The work is based on a sociological study conducted in 2020 in Novoshakhtinsk, Rostov region. The sample consisted of 200 people, the respondents were people who, by their definition, have a family.

The work also raises the question of the need for changes in the structure of social services for different categories of families.

Keywords: family, self-isolation, pandemic, social problems of families.

Кризис, вызванный вспышкой COVID-19, затронул практически все сферы жизни общества и все слои населения: обостряются проблемы насилия в семьях, в первую очередь затрагивающие женщин и детей; увеличивается число безработных, которые также могут потерять свое жилье из-за невыплаты кредита; малоимущие люди несут несоразмерную нагрузку от воздействия кризиса на здоровье и финансовое положение; растет число лиц, склонных к девиантному поведению и т. п.

Коронавирус, помимо опасности для жизни и здоровья, поставил всех в довольно сложные психологические условия. Уже сейчас мы можем сказать, что режим самоизоляции серьезно повлиял на нашу привычную жизнь, а также выявил социально-психологическую неустойчивость, но массовые последствия психического характера ученым только предстоит проанализировать.

Современная пандемия COVID-19 развилась в относительно благополучном материальном мире, тем не менее мы оказались не готовы к вызовам «цифрового» сообщества, которые требуют рациональных объяснений происходящего. Одним из важных критериев оценки социального благополучия и безопасности становится социально-психологическое здоровье, которое, безусловно, влияет на формирование социально-психологического портрета современного человека, его мотивации пребывания в этом мире, самооценки и поиска смысла жизни.

На данный момент обращения и запросы на социально-психологическую помощь граждан можно их разделить на три категории:

- а) соматические проявления «болезни»;
- б) нахождение у себя «симптомов» болезни;
- в) желание осмыслить свою жизнь, переоценка ценностей.

Все три категории являются системными, т. е. продиктованы тем алгоритмом бытия, который продиктован внутренними установками субъекта, направленными на собственную индивидуализацию. Первые две категории запросов, как правило, ведут к дезинтеграции,

еще большей изоляции, если своевременно не будут предоставлены социально-психологические услуги.

Отдельно следует обратить внимание на соблюдение психогигиены. СМИ подогревают высокую степень тревоги в обществе, манипулируя массовым сознанием. От состояния психоэмоциональной сферы зависит иммунитет, от тревожности он понижается, как следствие, человек становится более уязвим к заражению.

В. Франкл назвал три пути, благодаря которым человек может сделать свою жизнь более осмысленной: созидание, получение нового опыта и, собственно, нахождение смысла в самой жизни, в том числе и в страданиях [1]. Проявляя заботу о других людях, мы привносим в нашу жизнь определенный смысл, но это совсем необязательно делает нас счастливыми, это просто дает возможность обрести ощущение нужности, осмысленности существования. В то же время именно в обретении такого смысла психологи видят путь к исцелению от соматических проявлений. Именно близкие люди в первую очередь дают нам возможность обрести этот смысл, заботясь о них.

Режим самоизоляции вынудил большинство людей проводить много времени в окружении домочадцев. В публичном поле ведутся дискуссии о том, как это сказалось на семейных отношениях. Одни делают акцент на всплеске рождаемости, другие считают, что сосуществование в замкнутом пространстве привело к резкому росту домашнего насилия.

Опрос, проведенный в 2020 году в г. Новошахтинске Ростовской области, демонстрирует преобладание пессимистичных настроений в этом вопросе: 42 % граждан г. Новошахтинска уверены, что режим самоизоляции привел к ухудшению отношений в российских семьях, об обратном говорят заметно меньше людей — 28 %. Мужчины более скептичны по сравнению с женщинами. А меньше всего верит в позитивное влияние самоизоляции на молодые семьи города: среди людей моложе 30 лет соответствующее распределение 54 к 29 %.

Поясняя свою позицию в ответах на открытый вопрос, часть респондентов рассуждают так: больше совместного времяпрепровождения — больше общения — лучше отношения (15 %). Это иллюстрируют следующие ответы: «больше времени друг с другом

проводишь, больше общаешься», «больше времени поговорить, обсуждать», «больше времени провожу с семьей, это приятно», «друг друга видят больше», «люди хотя бы поговорят, а не эсэмэски писать будут с работы», «народ куда-то спешит, некогда общаться», «потому что вся жизнь на бегу, а это время пообщаться получше». У семьи появляется больше совместных дел и интересов (3 %), люди лучше узнают друг друга: «больше возможности узнать друг друга», «хоть знакомятся, а то живут так постоянно на работе» (2 %).

Некоторые респонденты считают, что семьи сплотились в период самоизоляции «как всякая опасность, спланирует», «люди становятся ближе друг к другу», «мне кажется, как-то ближе люди станут, сплоченнее», «начнут ладить друг с другом», «семья должна сплотиться» (6 %). А кто-то полагает, что люди в семьях станут заботливее по отношению друг к другу: «бережнее будут друг к другу относиться», «больше заботятся друг о друге», «больше заботы от детей», «потому что дети — они больше жалеют стариков, больше внимания уделяют», «больше заботы» (3 %).

Но среди респондентов есть и те, которые считают, что в самоизоляции члены семьи проводят слишком много времени вместе и успевают надоесть друг другу: «24 часа в сутки тяжело дома вместе», «усталость, много этих отношений», «все друг другу надоедают и будут ссориться чаще», «долго находятся вместе на одной территории», «должны отдыхать друг от друга, когда целый день смотрят друг на друга, уже тошно», «потому что больше времени смотришь в глаза друг другу» (18 %).

На людей может давить замкнутое пространство: «пребывание в четырех стенах может любого человека свести с ума», «люди искусственно лишены свободы», «потому что люди устали сидеть дома», «потому что люди заперты в ограниченном пространстве», «люди не выходят гулять, надоедает сидеть на одном месте, людей начинает это бесить, и они срываются на своих близких» (7 %).

Проблемы в семейных отношениях могут вызвать отсутствие личного пространства из-за маленькой площади жилья: «большинство российских семей живут в отвратительных условиях, на маленькой жилплощади», «в основном из-за тесных условий проживания», «все толкуются в тесноте, на одном месте», «маленькая

жилплощадь, все публично, невозможно изолироваться», «многие семьи живут в маленьких квартирах, нет возможности уединиться», «должно быть личное пространство между людьми», «психологически необходимо быть одному» (4 %) и стресс от самоизоляции: «накапливается напряжение», «люди становятся нервные, напряжены», «одни стрессовые ситуации», «самоизоляция сказывается отрицательно на психике», «депрессия может возникнуть» (4 %). К тому же сказываются экономические последствия пандемии и карантина, в частности социально-экономические проблемы (9 %) и потеря работы (4 %).

Несмотря на преобладание негативных прогнозов, новошахтинцы в своих отношениях с родными и близкими, как правило, никаких изменений не замечают. Необходимо отметить, что тема семейных отношений, особенно в условиях самоизоляции, когда очень велик шанс, что человек отвечает на вопросы в присутствии других членов семьи, чрезвычайно сензитивна, а потому, скорее всего, опросы несколько «лакируют» влияние самоизоляции на семейные отношения, однако помогают обнаружить некоторые корреляции и взаимосвязи.

С мужем или женой живут половина граждан г. Новошахтинска, при этом только вдвоем лишь 38 % супружеских пар. В остальных семьях есть проживающие вместе с родителями дети. Как мы уже отметили, большинство респондентов не замечают никаких изменений в своих отношениях с мужем или женой. Среди данной категории респондентов 18 % заметили улучшение в отношениях с супругом, а 15 % отметили ухудшение внутрисемейной ситуации.

Семейные пары, которые проживают с родителями (своими или супруга), также оказываются в зоне риска: среди них супружеские отношения ухудшились у 21 % (улучшились у 17 %, не изменились у 60 %). В целом с родителями проживают 15 % горожан (в выборке — 200 человек). В 35 % случаев это люди в возрасте от 18 до 30 лет. И, судя по данным опроса, именно молодежь, живущая с родителями, пострадала от режима самоизоляции сильнее всего. Лишь 14 % молодых людей сказали, что их отношения с родителями в режиме самоизоляции улучшились, тогда как у 22 % они ухудшились (64 % сообщили, что отношения не изменились).

При коронавирусной инфекции появилось много факторов для формирования расстройств адаптации у совершенно здоровых, не инфицированных людей, которым было предписано жить в режиме самоизоляции, находиться в своей квартире с семьей неопределенное по длительности время. В первые дни это нравилось. Плюсы есть — объем нагрузок уменьшился, не надо тратить силы, время и деньги на проезд; вся семья дома, легче организовать питание и отдых и т. д. Но определились и «минусы». Стиль поведения дома проще. Он более интимный, мягкий, комфортный. Дома требования к одежде, внешнему виду, к речи — подбору тем для разговоров, слов, интонаций, громкости и др. — традиционно отличаются. Эти психологические атрибуты дома в режиме самоизоляции никто не отменял [2]. Вся семья дома бывает только в выходные дни, в праздники, во время отпуска. Этот нормальный стереотип самочувствия и поведения дома всегда был противоположностью стереотипа самопредъявления и поведения на работе и на учебе.

Перевод большинства работающих и учащихся на выполнение производственных и учебных обязанностей в условиях дома, при наличии в нем семьи, создал конфликт интересов и потребностей. Стереотипы домашнего и производственного поведения столкнулись, деформировались, частично разрушились и перестроились. Работать и учиться дистанционно, многим оказалось намного сложнее, потребовалось дольше сидеть за компьютером, больше разговаривать по телефону, чаще звонить и отвечать на звонки. У большинства семей дома один компьютер, который стал нужен одновременно всем членам семьи. Между детьми и родителями возникла борьба за «рабочее» место и время с соответствующими высказываниями, эмоциями, упреками, претензиями, воспитательными и «организационными» мерами.

Резкое ограничение свободы передвижения до ближайшего магазина, аптеки, закрытие фитнес-центров, бассейнов, бань, парков, рынков, через несколько дней стали ощущаться как социальная и двигательная депривация, принудительное нарушение привычных стереотипов бытового и трудового поведения, психического и физического самочувствия. Уменьшение количества впечатлений, физической активности, мышечных нагрузок стали ощущаться как

физическая слабость, детренированность, усталость. Необходимость длительного пребывания в стенах квартиры всех членов семьи с ограничениями личного пространства, стали вызывать утомление и раздражение, возникновение конфликтов и ссор [3].

Лучше всего режим самоизоляции повлиял на отношения респондентов с детьми (прежде всего с несовершеннолетними). Объяснение здесь довольно тривиальное: у родителей появилось на них больше времени. При этом отцы чаще матерей отмечают положительные перемены (51 против 37 %). В большинстве новосахтинских семей именно на матерей ложится основная нагрузка по воспитанию, а потому самоизоляция в меньшей степени повлияла на режим их общения с детьми, тогда как у отцов, особенно у тех, кто перешел на удаленный режим работы или ушел в вынужденный отпуск, высвободилось время на детей.

Меньше всего режим самоизоляции повлиял на отношения тех, кто живет без детей, сильнее всего и наиболее неоднозначно — на семьи с одним ребенком; на семьи с двумя детьми — уже в меньшей степени. Возможно, в случае с одноподетными семьями влияют два фактора одновременно: «молодость» семьи (чем меньше детей, тем, как правило, моложе родители) и наличие ребенка. Иными словами, самоизоляция могла обострить проблему недостатка опыта совместного проживания и воспитания детей.

Невозможно не согласиться с тем, что жизнь в режиме самоизоляции накладывает определенные ограничения и диктует свои правила. С одной стороны, действительно дает возможность наладить отношения и провести время вместе, с другой — этого времени может быть слишком много, а учитывая, что это не личный выбор, а вынужденная мера, которая сопровождается экономическими рисками, существующие в семьях проблемы могут обостряться [4].

В области социальных услуг семье благодаря пандемии обнажилась необходимость структурных изменений. Для многих учреждений социального обслуживания в период до режима самоизоляции приоритет отдавался развитию социально-бытовых услуг, сейчас специалисты центров помощи семье и детям отмечают нарастающую потребность в социально-психологических услугах, в том числе осуществляемых на дому. Назрела также необходимость пересмо-

треть нормативы времени, которые отводятся на психологическую поддержку при обслуживании на дому [5]. В условиях, когда получатели социальных услуг ограничены в социальных контактах, социально-психологической помощи необходимо уделить более пристальное внимание. В данном контексте встает также вопрос о квалификации социальных работников, осуществляющих данную помощь, — наряду с обязательной подготовкой по оказанию первой помощи они должны пройти повышение квалификации и в области кризисной социально-психологической помощи.

Литература

1. *Франкл В.* Воля к смыслу. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/06/11/1083312702/Volya%20k%20smislu.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).
2. Социальная поддержка во время пандемии: гражданам не хватает защиты. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (дата обращения: 03.03.2021).
3. *Шурыгина Д. Д., Чечерина О. Б.* Социальная работа в условиях пандемии COVID-19 // Электронный журнал «Практика социальной работы. Открытый методический ресурс»: сетевое издание. 2020. № 3. URL: http://центрсемя.рф/system/files/tmp/Шурыгина_Чечерина_Социальная работа в условиях пандемии COVID-19.pdf (дата обращения: 03.03.2021).
4. Меры реагирования социальной защиты ЮНИСЕФ на COVID-19. URL: <https://www.unicef.org/media/88711/file/RUSSIAN-UNICEF's-social-protection-response-to-COVID-19-2020.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).
5. Как изменилась работа с детьми и подростками в семейном центре «Семья» в период пандемии. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/5330> (дата обращения: 03.03.2021).

References

1. *Frankl V.* Volya k smyslu. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/06/11/1083312702/Volya%20k%20smislu.pdf> (date of access: 03.03.2021).
2. Social support during the pandemic: citizens lack protection. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (date of access: 03.03.2021).
3. *Shurygina D. D., Checherina O. B.* Social work in the context of the COVID-19 pandemic // Electronic journal “Practice of social work. Open methodological resource” : online publication. 2020. № 3. URL: <http://>

центрсемя.рф/system/files/tmp/Шурыгина_Чечерина_Социальная работа в условиях пандемии COVID-19.pdf (date of access: 03.03.2021).

4. UNICEF Social Protection response to COVID-19. URL: <https://www.unicef.org/media/88711/file/RUSSIAN-UNICEF's-social-protection-response-to-COVID-19-2020.pdf> (date of access: 03.03.2021).

5. How the work with children and adolescents in the family center “Family” has changed during the pandemic. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/5330> Литература (date of access: 03.03.2021).

М. В. Миронова,

доцент кафедры социальной работы

кандидат социологических наук

e-mail: 279113@e1.ru

А. Е. Кириллова,

магистр 2-го курса обучения

e-mail: n-87@yandex.ru

Уральский гуманитарный институт,

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования в форме полуструктурированного интервью, проведенного со специалистами некоммерческих организаций крупных городов РФ. Анализируется развитие коммуникаций некоммерческих организаций в интернет-пространстве: от сайтов организаций до аккаунтов в социальных сетях. Делаются выводы о необходимости освоения некоммерческими организациями новых форм коммуникации в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, НКО, коммуникация, коммуникация некоммерческих организаций, цифровое общество.

M. V. Mironova,

Associate Professor of the Department of Social Work,

Candidate of Sociological Sciences,

e-mail: 279113@e1.ru

A. E. Kirillova,

Master of the 2nd year of study

e-mail: n-87@yandex.ru

Ural Humanitarian Institute

Ural Federal University named after the First President Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg

TRANSFORMING THE COMMUNICATION OF NONPROFIT ORGANIZATIONS IN THE DIGITAL SOCIETY

Abstract. The study presents data collected from semistructured interviews with specialists from nonprofit organizations in large cities of the Russian Federation. The communication development of nonprofit organizations in the Internet space is analyzed: from websites of organizations to accounts in social networks. The findings from this study suggested that nonprofit organizations need to master new forms of communication in social networks.

Keywords: social networks, nonprofit organizations, communication, communication of nonprofit organizations, digital society.

Конец прошлого столетия для России ознаменовался не только сменой политического и экономического уклада, но и появлением некоммерческого сектора, вызванного к жизни необходимостью решения множества социальных проблем, возникших на фоне происходящих в стране разноплановых изменений. Первый закон о некоммерческих организациях был принят в 1996 году. Принятие закона было обусловлено отнюдь не появлением массовых общественных инициатив и развитием гражданского общества. Скорее это было продиктовано необходимостью вступления России в европейское экономическое сообщество. Низкий уровень участия населения в общественной жизни поставил перед некоммерческим

сектором очевидные задачи — просвещение и вовлечение людей в гражданские инициативы через различные формы коммуникации.

На начальном этапе развития некоммерческого сектора коммуникация с обществом была существенно затруднена, поскольку единственным способом НКО заявить о себе являлись СМИ. Далеко не каждая организация могла позволить себе использовать данный канал коммуникации в силу его высокой стоимости [1].

Новые возможности открыло появление интернет-пространства. В конце 90-х годов некоммерческие организации начали использовать новый для России канал коммуникации — сайты — виртуальные визитки, которые выполняли функцию самопрезентации [2]. Дальнейшее развитие интернет-индустрии породило новый уровень сайтов, которые отличались более высокой стоимостью и были недоступны для большинства некоммерческих организаций.

В новом тысячелетии Интернет 2.0 создал основу для глобальной цифровизации общества. Самым распространенным явлением этой эпохи стали социальные сети. Расцвет социальных сетей пришелся на 2003–2004 годы, когда в США появляются LinkedIn, MySpace и Facebook. В России эта волна началась с 2006 года и связана с возникновением социальной сети «ВКонтакте» [3].

По итогам 2020 года, по данным компании Mediascope «ВКонтакте» остается лидирующей социальной сетью (63,5 % населения РФ), на втором месте Instagram (53,6 %), на третьем — «Одноклассники» (35 %) [4]. Социальные сети демонстрируют высокую вовлеченность общества в виртуальное взаимодействие, стирая временные и географические границы. Именно социальные сети стали бесплатным, доступным инструментом коммуникации для некоммерческих организаций, выполняя в основном информационную функцию.

Новый шаг в развитии интернет-коммуникации был сделан в период пандемии 2020 года. Вынужденная остановка всех офлайн-мероприятий и проектов потребовала в максимально короткие сроки перевести все взаимодействие в онлайн-плоскость, сильно продвинув общество в цифровую среду. Влияние ковид-кризиса на некоммерческий сектор однозначно транслирует потребность в усилении каналов коммуникации с заинтересованными сторо-

нами в социальных сетях. Именно регулярная поддержка в виде необходимых ресурсов для некоммерческих организаций со стороны привлеченных подписчиков позволит более уверенно выстоять любой кризис [5].

Обращение к зарубежным исследованиям позволяет подчеркнуть, что проблемное поле коммуникации НКО достаточно широко представлено в научной литературе работами таких авторов, как Taylor, Kent, White, 2001 [6]; Ingenhoff, Koelling, 2009 [7]; Lovejoy, Saxton, 2012 [8]; Waters, 2011 [9]; Guo, Saxton, 2014 [10]; Kanter, Fine, Zuckerberg, 2010. P. 62 [11]; Rybalko, Seltzer, 2010 [12]; Greenberg, MacAulay, 2009 [13]. Отечественная гуманитарная наука пока не изобилует источниками, связанными с изучением данной проблематики. В основном исследовательские точки зрения на коммуникацию некоммерческого сектора сосредоточены на социальном маркетинге, что, на наш взгляд, существенно сужает исследовательское поле. Хорошим знаком является то, что в последние годы появляются новые научные и образовательные направления, способствующие развитию данной темы. Так, Высшая школа экономики начала подготовку специалистов в сфере коммуникаций НКО по программе «Коммуникации в государственных структурах и НКО» [14].

Наше эмпирическое исследование является одной из попыток минимизировать существующие в отечественной научной литературе пробелы в изучении проблематики коммуникации НКО. Респондентами выступили руководители и smm-специалисты некоммерческих организаций г. Екатеринбурга и Москвы. В процессе погружения в исследование проблемы методом экспертного интервью мы выясняли вопросы развития и характера изменений коммуникации некоммерческих организаций.

Некоммерческие организации созданы для решения проблем различных социальных групп: клиентов, которым они призваны помогать — доноров (спонсоров), добровольцев (волонтеров). В то же время деятельность некоммерческого сектора направлена на все российское сообщество с целью формирования гражданской активности, ответственности и инициативы. Используя интернет-ресурсы для коммуникации, НКО получают возможность более

эффективного осуществления своей деятельности. Вместе с тем эта возможность не должна отменять всего наработанного ранее инструментария и налаженной системы работы. Напротив, социальные сети — это дополнительные возможности для работы как с уже устоявшейся, так и с новой аудиторией, которая ранее не была вовлечена в деятельность организации.

Специалисты по ведению социальных сетей отмечают, что на сегодняшний день сайты есть не у всех НКО, поскольку до сих пор стоимость хороших сайтов весьма высока. Немногие организации из некоммерческого сектора могут позволить себе профессионально сделанный современный сайт. Понятный и удобный сайт увеличивает процент завершенных действий, например внесение пожертвований или заполнение анкеты волонтера, поэтому НКО заинтересованы в наличии сайта. В случае неудобных или устаревших сайтов именно соцсети как доступный и современный инструмент позволяют выстроить коммуникацию с комьюнити: *Да, если не будет соцсетей, у нас будет сайт, который морально устарел и собственно все. А из соцсетей более теплая аудитория. Они уже какое-то время наблюдали, что-то там смотрели. (Специалист благотворительного фонда, г. Москва.)*

Ситуация с пандемией сократила «цифровой разрыв», так как в результате лишения привычных условий деятельности НКО предпринимают попытки выстраивать коммуникацию с помощью цифровых технологий. Это необходимо как для сохранения отношений с благополучателями, а значит, выполнения миссии организации, так и для того, чтобы не потерять наработанный капитал в виде стейкхолдеров. Спустя почти год специалисты фондов оценивают такое стечение обстоятельств, как необходимое для развития НКО и отмечают положительные сдвиги, в том числе в коммуникации между самими НКО: *...у нас отменились все выставки, все офлайн-мероприятия, мы были лишены волонтеров. Но, возможно, это позволило как-то объединиться... Если ты дружишь с кем-то из другого фонда, то у вас с большей вероятностью будут совместные проекты. Вот в пандемию как-то все объединились, и стало больше помощи, ну взаимопомощи. С донорами практически отношения не изменились... (Специалист благотворительного фонда, г. Москва.)*

Вместе с тем респонденты отмечают, что в новых условиях некоммерческий сектор столкнулся с необходимостью поиска новых, инновационных форматов для взаимодействия с благополучателями. Привычные формы коммуникации НКО с получателями социальных услуг, которые успешно работали до изоляции, стали недоступны. Большинство НКО перевели свою деятельность в онлайн-режим, подбирая наиболее понятные и доступные инструменты как для специалистов, так и для благополучателей: *Что точно у нас добавилось — это мы начали чаще выходить в прямые эфиры и проводить онлайн-занятия. Причем посредством социальных сетей, кстати, а именно в Instagram. Мы проводили в пандемию мероприятия для наших подопечных: встречи офлайн были невозможны, поэтому мы переходили в Instagram. Это одна из немногих удобных площадок оказалась, даже удобнее, чем Zoom, потому что не у всех наших подопечных мам был Zoom и не все смогли разобраться, это сложно. Instagram тут спас.* (Специалист благотворительной организации, г. Екатеринбург.)

Некоторые НКО планируют частичный или полный переход в цифровой формат работы, что казалось недоступным до периода пандемии: *Мы вообще полностью все свои проекты перевели «на дистант». Из-за ковида у нас вообще никаких проектов не осталось обычных, ну то есть офлайновых. Но мы не расстроились. Нам даже так удобнее. Мы ни с кем не пересекаемся практически, только в соцсетях... И соцсети помогают нам, раз мы все делаем через Интернет: мы оповещаем пользователей, рассказываем про проекты, рассказываем про себя, про свою работу, про свои услуги — все это делаем через соцсети, через мессенджеры.* (Специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург.)

Специалисты некоммерческих организаций фиксируют очевидно сложившуюся потребность и понимание необходимости более профессионального подхода к организации коммуникаций в цифровом пространстве: *И по-хорошему исследования проводить, настоящие маркетинговые исследования, как проводят крупные компании, и мы должны заниматься тем же самым, потому что фонду самое главное — отслеживать социальный эффект, который они делают. Мы сейчас стали все это отслеживать, и мы даже думаем*

начать проводить профессиональные маркетинговые исследования. (Специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург.)

Новая плоскость интернет-коммуникаций, которую продолжают развивать и оптимизировать в своих приложениях социальные сети, открывает новые возможности для взаимодействия некоммерческого сектора с потенциальными заинтересованными сторонами. Однако социальные сети как динамично развивающаяся сфера цифровизации требуют большой вовлеченности и внимания к себе. По этой причине необходимо закреплять подобный функционал за отдельным специалистом, который профессиональными действиями будет подкреплять интерес пользователей к организации, расширяя границы влияния. От того, насколько будет выстроена коммуникация в сообществах социальных сетей, во многом зависит развитие организации в целом.

Литература

1. Андреев М. Г. Роль средств массовой информации в формировании позитивного образа некоммерческих организаций в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2011. 24 с.

2. Белянцев А. Е., Лымар А. В. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6–1. С. 284–288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-prostranstvo-kak-faktor-modernizatsii-institutov-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 21.02.2021).

3. Зиновьева А. История социальных сетей: появление и развитие // Sciencepop.ru : [сайт]. 2018. 30 июля. URL: <https://sciencepop.ru/istoriya-sotsialnyh-setej-poyavlenie-i-razvitie/> (дата обращения: 25.11.2020).

4. ТОП-10 Ресурсов: отчет за декабрь 2020 года // Mediascope WEB-Index. URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (дата обращения: 02.03.2021).

5. Зарубежный опыт трансформации некоммерческого сектора под влиянием ковид-кризиса // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 4 февраля. URL: <https://grans.hse.ru/news/442033453.html> (дата обращения: 26.02.2021).

6. *Taylor M., Kent M.L., White W.J.* How activist organizations are using the internet to build relationships // *Public Relations Review*. 2001. № 27. P. 263–284. doi: 10.1016/S0363-8111(01)00086-8.

7. *Ingenhoff D., Koelling A.M.* The potential of Web sites as a relationship building tool for charitable fundraising NPOs // *Public Relations Review*. 2009. № 35. P. 66–73. doi: 10.1016/j.pubrev.2008.09.023.

8. *Lovejoy K., Saxton G.D.* Information, community, and action: how non-profit organizations use social media // *Journal of Computer Mediated Communication*. 2012. № 17 (3). P. 337–353. doi: 10.1111/j.1083-6101.2012.01576.x.

9. *Waters R.D.* Increasing fundraising efficiency through evaluation: applying communication theory to the nonprofit organization-donor relationship // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2011. № 40 (3). P. 458–475. doi: 10.1177/0899764009354322.

10. *Guo C., Saxton G.D.* Tweeting social change: how social media are changing nonprofit advocacy // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2014. № 43 (1). P. 57–79. doi: 10.1177/0899764012471585.

11. *Kanter B., Fine A., Zuckerberg R.* The networked nonprofit connecting with social media to drive change. San Francisco : Jossey-Bass. 2010. 193 p.

12. *Rybalko S., Seltzer T.* Dialogic communication in 140 characters or less: how fortune 500 companies engage stakeholders using Twitter // *Public Relations Review*. 2010. № 36. P. 336–341. doi: 10.1016/j.pubrev.2010.08.004.

13. *Greenberg J., MacAulay M.* NPO 2.0? Exploring the Web presence of environmental nonprofit organizations in Canada // *Global Media Journal: Canadian Edition*. 2009. № 2 (1). P. 63–88.

14. Магистерская программа «Коммуникации в государственных структурах и НКО» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/ma/communicate/> (дата обращения: 26.02.2021).

15. *Миронова М. В., Кириллова А.* Социальные сети как инструмент коммуникации НКО с внешней средой в современных условиях // Новые контуры социальной реальности : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (IX Северо-Кавказские социологические чтения, 16 ноября 2020 года, г. Ставрополь, СКФУ). Ставрополь, 2020. С. 156–159.

References

1. *Andreev M. G.* The role of mass media in the formation of a positive image of non-profit organizations in modern Russia : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Saratov, 2011. 24 p.
2. *Belyantsev A. E., Lymar A. V.* Internet space as a factor of modernization of civil society institutions // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod 2012. No. 6–1. P. 284–288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-prostranstvo-kak-faktor-modernizatsii-institutov-grazhdanskogo-obshchestva> (date of access: 21.02.2021).
3. *Zinovieva A.* The history of social networks: the emergence and development / A. Zinovieva // Sciencepop.ru : [website]. 2018. July 30. URL: <https://sciencepop.ru/istoriya-sotsialnyh-setej-poyavlenie-i-razvitie/> (date of access: 25.11.2020).
4. TOP-10 Resources: report for December 2020 // Mediascope WEB-Index. URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (date of access: 02.03.2021).
5. Foreign experience of transformation of the non-profit sector under the influence of the covid-crisis // Center for Research of Civil Society and the Non-profit Sector-National Research University “Higher School of Economics”, 2021. February 4. URL: <https://grans.hse.ru/news/442033453.html> (date of access: 26.02.2021).
6. *Taylor M., Kent M. L., White W. J.* How activist organizations are using the internet to build relationships // Public Relations Review. 2001. No. 27. P. 263–284. doi: 10.1016/S0363–8111(01)00086–8.
7. *Ingenhoff D., Koelling A. M.* The potential of Web sites as a relationship building tool for charitable fundraising NPOs // Public Relations Review. 2009. No. 35. P. 66–73. doi: 10.1016/j.pubrev.2008.09.023.
8. *Lovejoy K., Saxton G. D.* Information, community, and action: how non-profit organizations use social media // Journal of Computer Mediated Communication. 2012. No. 17 (3). P. 337–353. doi: 10.1111/j.1083–6101.2012.01576.x.
9. *Waters R. D.* Increasing fundraising efficiency through evaluation: applying communication theory to the nonprofit organization-donor relationship // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2011. No. 40 (3). P. 458–475. doi: 10.1177/0899764009354322.
10. *Guo C., Saxton G. D.* Tweeting social change: how social media are changing nonprofit advocacy // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2014. No. 43 (1). P. 57–79. doi: 10.1177/0899764012471585.

11. *Kanter B., Fine A., Zuckerberg R.* The networked nonprofit connecting with social media to drive change. San Francisco : Jossey-Bass. 2010. 193 p.
12. *Rybalko S., Seltzer T.* Dialogic communication in 140 characters or less: how fortune 500 companies engage stakeholders using Twitter // *Public Relations Review*. 2010. No. 36. P. 336–341. doi: 10.1016/j.pubrev.2010.08.004.
13. *Greenberg J., MacAulay M.* NPO 2.0? Exploring the Web presence of environmental nonprofit organizations in Canada // *Global Media Journal: Canadian Edition*. 2009. No. 2 (1). P. 63–88.
14. Master's program "Communications in state structures and NGOs" // National Research University "Higher School of Economics". URL: <https://www.hse.ru/ma/communicate/> (date of access: 26.02.2021).
15. *Mironova M. V., Kirillova A.* Social networks as a tool of communication of NGOs with the external environment in modern conditions // *New contours of social reality : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (IX North-Caucasian Sociological readings, November 16, 2020, Stavropol, NCFU)*. Stavropol, 2020. P. 156–159.

А. С. Немыткина,

студент,

e-mail: alinanenemytkina@yandex.ru

Е. А. Заболотская,

студент,

e-mail: zabolotskaya.katia@yandex.ru

А. В. Исаев,

кандидат политических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения

e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

Среднерусский институт управления-филиал

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Москва

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНВАЛИДОВ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НУЖДАЮЩИХСЯ

Аннотация. В статье авторы делают акцент на институте приемной семьи для пожилых граждан и инвалидов как инновационной форме оказания социальной помощи нуждающимся. Приемная семья для пожилого человека рассматривается как альтернатива стационарным учреждениям, позволяющая преодолеть одиночество и обеспечить ему все условия для комфортной жизни. Авторы определяют алгоритм действий для вступления в программу, обращают внимание на институциональные и личностные мотивы и проблемы. Развитие приемной семьи для пожилых граждан и инвалидов видится в необходимости совершенствования законодательства, информирования населения и непосредственных участников о данной форме социального обслуживания, а также в проведении обучающих курсов.

Ключевые слова: социальная поддержка, пожилые граждане, инвалид, приемная семья, инновационные технологии, социальный проект.

A. S. Nemytkina,

student,

e-mail: alinanenemytkina@yandex.ru

E. A. Zabolotskaya,

student

e-mail: zabolotskaya.katia@yandex.ru

A. V. Isaev,

Candidate of Political Sciences,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Social Security

e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

Central Russian Institute of Management-branch

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

FOSTER FAMILY FOR ELDERLY AND DISABLED PERSONS AS AN INNOVATIVE KIND OF SOCIAL SUPPORT FOR THE NEEDED

Abstract. In the article, the authors focus on the institution of a foster family for senior citizens and disabled people as an innovative form of providing social assistance to those in need. A foster family for an elderly person is considered as an alternative to stationary institutions, allowing them to overcome loneliness and provide him with all the conditions for a comfortable life. The authors define the algorithm of actions for joining the program, pay attention to institutional and personal motives and problems. The development of a foster family for senior citizens and disabled people is seen in the need to improve legislation, inform the population and direct participants about this form of social service, as well as in the conduct of training courses.

Keywords: social support, senior citizens, people with disabilities, foster family, innovative technologies, social project.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в современном мировом пространстве с каждым годом возрастает численность пожилых граждан и инвалидов.

Так, по мнению экспертов, «к 2050 году доля лиц пожилого возраста в мире составит 22 % от численности всего населения» [1]. Аналитики ВОЗ отмечают, «при том, что в странах мира более

миллиарда человек живут с какой-либо формой инвалидности, в предстоящие годы инвалидность будет вызывать все большую озабоченность, поскольку ее распространенность увеличивается в результате старения населения» [2].

В Российской Федерации, по данным Росстата, «в 2019 году из 146,7 млн человек каждый четвертый находился в возрасте старше трудоспособного (36,6 млн человек), что составляет 25 % населения страны. Прогнозируемая численность населения старше трудоспособного возраста к 2024 году увеличится до 40,8 млн человек (27,6 %), а к 2030 году — до 43,7 млн человек. Лица старшего поколения будут составлять более 29 % населения страны» [3]. При том что численность инвалидов старше трудоспособного возраста уменьшилась с 8184 человек в 2016 году до 7732 человек в 2020 году [4], им уделяется все большее внимание со стороны государства и социальных учреждений.

Так, в России активная социальная политика по отношению к пожилым гражданам и инвалидам, меры их социальной поддержки неоднократно выдвигались в качестве государственного приоритета. В настоящее время программными документами в данной сфере являются Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года, федеральный проект «Старшее поколение» национального проекта «Демография», а также государственная программа «Доступная среда». При этом основная задача государства — максимальное сохранение физической и умственной деятельности, улучшение (или, по крайней мере, не ухудшение) качества жизни и оказание поддержки указанной категории граждан [5, с. 145–154].

Решение такой государственной задачи обеспечивается в том числе учреждениями, занимающимися социальным обслуживанием населения, различными домами-интернатами для пожилых людей и инвалидов, центрами социальной помощи.

Кроме того, проблемы данной категории граждан входят в круг интересов волонтеров и негосударственного сектора, в том числе религиозных организаций.

Обратим внимание на то, что воспитание детей в приемных семьях является сложившейся парадигмой их (детей) эффективной социализации и жизнедеятельности, а вот создание приемных семей

для пожилых людей и инвалидов — определенная «новелла» научного и общественного дискурса в области социальной поддержки.

По мнению В. М. Васильчикова, такие семьи — это «новая форма оказания социальной помощи, состоящая в совместном проживании лица, нуждающегося в социальной поддержке, и лица, осуществляющего такую поддержку на основании совместно заключенного договора» [6, с. 19–26].

Стоит отметить, что данная форма ухода за людьми старшего поколения и инвалидами предусмотрена в рамках механизма реализации Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года.

Цель такого проекта состоит в том, чтобы дать возможность пожилым людям и людям с инвалидностью почувствовать себя полноценными членами семьи, о которых заботятся, за которыми ухаживают. Социальный проект преследует следующую задачу — удовлетворить потребности обеих сторон. Та семья, которая оказывает помощь нуждающимся, стремится материально улучшить свою жизнь, а также принести пользу обществу. Пожилые люди и лица с ограниченными возможностями здоровья смогут провести свои последние годы с добрыми и заботливыми людьми, в комфорте и спокойствии. В приемных семьях нуждающимся окажут помощь в бытовых делах, которые они уже не в силах выполнить: сходить за лекарствами, продуктами, приготовить обед, провести уборку и так далее.

Следовательно, суть такой формы социальной поддержки состоит в том, чтобы нуждающиеся нашли себе дом, в котором они не будут чувствовать себя лишними, где их будут уважать, помогать им.

Институт приемной семьи помогает людям не только избавиться от одиночества и обрести новую семью, но и облегчает задачу государства по оказанию им поддержки и обеспечения их всеми необходимыми благами, в определенной степени снижает нагрузку с социального учреждения.

За рубежом такая форма зарекомендовала себя с положительной стороны, однако в России социальный проект приемной семьи распространение нашел лишь в отдельных субъектах РФ. Сейчас данная технология действует, например, в Курганской, Самарской,

Новосибирской областях, на Алтае, а также в ряде других регионов [7, с. 38–43].

В качестве нуждающихся в социальной поддержке выступают следующие категории граждан:

- одинокие люди пенсионного возраста;
- граждане, которые в скором времени будут помещены в дома престарелых или инвалидов;
- инвалиды 1 и 2 группы, лишенные попечения своих близких родственников;
- гражданин пенсионного возраста с полной или частичной утратой трудоспособности, навыков самообслуживания; испытывающий трудности с самостоятельным передвижением, обеспечением потребностей;
- одиноко проживающие пожилые супруги [6, с. 19–26].

Помощь пожилым и инвалидам в приемных семьях реализуется в двух направлениях. В первом случае, когда один из дееспособных членов семьи, располагающий свободным временем и не имеющим постоянной работы, принимает в свою семью пожилого гражданина или инвалида, оказывает ему необходимую помощь, заботится. Данный уход приравнивается к деятельности социальных работников. Гражданин, осуществляющий уход, в праве претендовать на учет трудового стажа, а также на получение специально установленных выплат [8, с. 151–180].

Второй вариант, когда приемная семья берет на себя обязанность ухода за нуждающимися людьми на их жилплощади. Один из членов семьи переезжает к ним и проживает там на постоянной основе. В данном случае приемная семья может претендовать на получение квартиры или дома в случае смерти гражданина, за которым она осуществляла уход [8, с. 151–180].

Уделим внимание процессу вступления в программу, а именно алгоритму действий.

Так, после того как члены семьи осознанно решили стать приемной семьей для пожилых людей или инвалидов, им необходимо пройти оформление в качестве таковой. Заинтересованная в этой программе семья должна обратиться прежде всего в территориальный орган социальной защиты населения, чтобы получить не-

обходимую консультацию, которая сможет разъяснить будущей приемной семье, какой перечень документов она должна предоставить. Следует отметить, что к будущим приемным семьям для пожилых и инвалидов предъявляются определенные требования. Так, например, семья должна состоять не более чем из 2 человек, все члены семьи должны быть здоровыми. При этом запрещается организация приемной семьи между близкими родственниками, а также супругами; между усыновителями и усыновленными; в случае несогласия одного члена семьи в принятии пожилого гражданина или инвалида; в случае, если жилплощадь не позволяет принять в семью нового члена семьи.

Следующим этапом является сбор и подача необходимых документов потенциальными участниками программы. Пакет документов содержит как желание заявителя о приеме под опеку пожилого человека или инвалида, так и возможности его содержания в должных условиях, касающихся не только имущественного содержания, но и состояния здоровья. После этого будет осуществляться процесс внесения данных кандидатов в Реестр лиц, которые желают осуществлять уход. Далее будущая приемная семья должна создать все условия, обязательные для осуществления ухода, а именно предоставить соответствующим органам жилое помещение на обследование бытовых и социальных условий.

Достаточно сложным, но в то же время важным этапом является прохождение специальной психологической подготовки как членов семьи, так и самого пожилого человека или инвалида, а также прохождения собеседования будущей приемной семьи. После данной процедуры начинается процесс проверки документов территориальными органами защиты населения, органами опеки и попечительства для вынесения в течение 30 дней после рассмотрения разрешения или отказа в организации приемной семьи.

Следующий этап с точки зрения правового оформления является значимым. Он представляет собой подписание трехстороннего договора о создании приемной семьи между пожилым человеком или инвалидом, заинтересованной в его уходе семье, а также соответствующим органом власти, который отвечает за социальное обеспечение граждан в регионе. При этом договор в обязательном

порядке должен содержать срок действия, права сторон, которыми они располагают, а также обязанности, которые каждая из сторон должна будет выполнять. Однако такой договор может содержать и дополнительные условия, необходимые для регулирования конкретных моментов, возникающих в процессе опекуинства.

Приемные семьи «принимают на себя все обязанности по содержанию и обеспечению пожилого человека или инвалида всеми необходимыми лекарствами, питанием, предметами повседневного использования, а также соответствующим уходом, который должен сопровождаться созданием комфортной психологической обстановки и общего досуга на основе взаимоуважения и согласия» [9, с. 1–13].

Хотелось бы также обратить внимание на процедуру оформления и подачи заявления пожилого человека или инвалида, поскольку приемная семья создается исключительно в зависимости от порядка очередности по дате подачи заявления, а также сопутствующих этому заявлению документов. Необходимо отметить, что и для этого правила есть исключения, а именно для тех граждан, которые нуждаются в постоянном стационарном уходе. Такие граждане смогут получить право вне очереди стать членом приемной семьи.

Заявление, как правило, пишется с помощью органов опеки по определенному образцу, а если человек имеет какие-то физические отклонения, из-за которых не сможет заполнить заявление, достаточно будет его подписи под уже напечатанным документом. Однако есть случаи, когда у пожилого гражданина или инвалида нет возможности поставить подпись, именно здесь должны действовать законные его представители.

Несмотря на положительный опыт реализации института приемной семьи, существует ряд факторов, препятствующих его развитию. Одной из главных проблем является отсутствие правового регулирования данного института на уровне федерального законодательства. Органы власти субъектов РФ приняли подзаконные акты, регулирующие правоотношения в данной сфере. Так, на региональном уровне выплата на содержание и уход пожилых граждан и инвалидов зависит от самого органа исполнительной власти субъекта, который определяет размер выплат самостоятельно, что

может повлиять на уровень доверия со стороны пожилых граждан [8, с. 151–180].

Следующей немаловажной проблемой является проблема психологической совместимости пожилого человека или инвалида и семьи, куда он будет определен. Именно от этого зависит, будет ли приемная семья крепкой или она будет предрасположена к распаду. Поэтому «особенно важно именно для этой формы социального обслуживания проводить необходимые мероприятия для тщательного подбора кандидата, а также для наблюдения периода адаптации данной семьи» [10, с. 793–795].

Также для предупреждения распада такой семьи необходимо проводить различные тренинги, курсы, программы, направления которых включают медицинскую и социальную адаптацию, а также психологические приемы создания комфортной благоприятной психологической среды.

Развитию данной формы стационарозамещающих технологий иногда препятствуют мотивы участников, который зачастую носят корыстный характер. Немало семей становятся участниками программы в целях получения как выплат на содержание пенсионера или инвалида, выплат от самого нуждающегося в помощи лиц, так и ради получения права на жилую площадь, если приемная семья располагается на территории подопечного. Тут же можно отметить проблему отсутствия контроля над сохранностью имущества пожилого человека или инвалида, поскольку предполагается, что данная семья не имеет возможности для осуществления соответствующего ухода, так как она собирается проживать на жилой площади лица, нуждающегося в постоянном уходе.

Таким образом, проблемы реализации указанной формы социального обслуживания можно классифицировать на институциональные, в том числе законодательного характера, и личностные (внутрисемейные), включающие в себя как психологическую обстановку между членами приемной семьи, так и мотивы вступления семьи в реализацию данной программы.

Несмотря на имеющиеся проблемы реализации анализируемого института, существует спектр вопросов, которые данная программа решает. Перспектива развития данной программы обусловлена

решением этой формой социального обслуживания проблем, связанных с поддержанием традиций заботы семьи о старшем поколении, создание для пожилых людей и инвалидов привычного образа жизни, а также улучшения психологического состояния граждан, создание комфортной обстановки. Помимо этого, как уже отмечалось, с реализацией данной программы сокращается нагрузка на учреждения социального обслуживания и решаются проблемы с устройством жизни инвалидов и пожилых граждан, а также проблемы с уходом за ними.

Развитие данной формы социального обслуживания требует прежде всего развития законодательства, регулирующего данный институт, в том числе конкретизации в рамках нацпроектов. На уровне федеральных подзаконных актов возможно более детальное регулирование отдельных вопросов данной программы. Например, утверждение порядка получения паспорта приемной семьи. Также возможно создание общей базы данных как о семьях, желающих принять инвалидов или пожилых людей, так и о лицах, нуждающихся в заботе [8, с. 151–180].

Особое внимание стоит уделять информированию населения о данной форме социального обслуживания: проводить информационные кампании, мероприятия по разъяснению пожилым гражданам и инвалидам порядка оказания помощи приемными семьями, в том числе по средствам СМИ и силами волонтерских организаций.

В рамках реализации данного института возможно проведение обучающих курсов для будущих приемных семей, на которых лица, желающие взять под опеку пожилого человека или инвалида, получают основы по юридическим, социально-психологическим, а возможно, некоторым медицинским вопросам, касающимся существования такой семьи.

Большое влияние данная форма устройства пожилых людей и инвалидов оказывает именно на эмоциональный компонент таких людей. Отмечается чувство благодарности, радости за оказанную заботу и поддержку [11, с. 19–32]. Именно поэтому, на наш взгляд, стоит проводить стимулирующие мероприятия по вовлечению большего числа семей в данную программу.

Данная программа имеет немало положительных результатов, но требует совершенствования и дальнейшего развития.

Литература

1. Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203/msword> (дата обращения: 10.03.2021).

2. Всемирный доклад об инвалидности. URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/ (дата обращения: 10.03.2021).

3. Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2019 году. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203/msword> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Положение инвалидов. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 10.03.2021).

5. Косенко О. Ю. Теория и практика развития системы предоставления социальных услуг лицам пожилого возраста // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. № 2 (22). С. 145–154.

6. Васильчиков В. М. Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов // Современное общество и власть. 2018. № 1 (15). С. 19–26.

7. Морозова Р. З. Социальное сопровождение приемной семьи для пожилого гражданина // Работник социальной службы. 2016. № 11. С. 38–43.

8. Дивеева Н. И., Кузьменко А. В., Ногайлиева Ф. К., Филиппова М. В. Перспективы института приемной семьи для пожилых граждан и инвалидов: зарубежные доктрины и опыт российского законодателя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 151–180.

9. Седых О. Г., Аранчин Д. О. Приемная семья для граждан пожилого возраста как инновационная технология социальной работы // Baikal Research Journal. 2019. № 10 (3). С. 1–13.

10. Сиушкина Н. В. Реализация технологии приемной семьи для граждан пожилого возраста в Республике Карелия: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 793–797.

11. Карпикова И. С., Канунникова А. А. Развитие социальных технологий для пожилых граждан: проблемы внедрения и оценки (на примере стационарозамещающей технологии «Приемная семья для пожилого человека») // Социодинамика. 2020. № 6. С. 19–32.

References

1. Strategy of actions in the interests of elderly citizens until 2025. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203/msword> (date of access: 10.03.2021).
2. World Report on Disability. URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/ (date of access: 10.03.2021).
3. Report on the results of comprehensive monitoring of the socio-economic situation of older persons in 2019. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203/msword> (date of access: 10.03.2021).
4. The situation of the disabled. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (date of access: 10.03.2021).
5. *Kosenko O. Y.* Theory and practice of development of the system of social services for the elderly // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2010. № 2 (22). P. 145–154.
6. *Vasil'chikov V. M.* Foster homes for the elderly and disabled // Modern society and government. 2018. № 1(15). P. 19–26.
7. *Morozova R. Z.* Social support of a foster family for an elderly citizen // Social service worker. 2016. No. 11. P. 38–43.
8. *Diveeva N. I., Kuzmenko A. V., Nogailieva F. K., Filippova M. V.* Prospects of the Institute of foster family for senior citizens and disabled people: foreign doctrines and experience of the Russian legislator // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 4. P. 151–180.
9. *Sedykh O. G., Aranchyn D. O.* Foster family for elderly citizens as an innovative technology of social work // Baikal Research Journal. 2019. № 10 (3). P. 1–13.
10. *Siushkina N. V.* Implementation of the technology of a foster family for elderly citizens in the Republic of Karelia: problems and prospects. 2016. № 21 (125). P. 793–797.
11. *Karpikova I. S., Kanunnikova A. A.* Development of social technologies for senior citizens: problems of implementation and evaluation (on the example of a hospital-substituting technology “Foster family for an elderly person”). 2020. No. 6. P. 19–32.

М. Г. Омельченко,

магистрантка направления подготовки «Социальная работа»,

e-mail: om.marishka@gmail.com

С. В. Егорова,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры теории и технологии социальной работы,

e-mail: Svetego@yandex.ru

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева, Самара

ГРАЖДАНЕ ПРЕПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ЛЬГОТЫ И ГАРАНТИИ

Аннотация. Настоящая статья носит обзорный характер. Авторы ставят перед собой задачу — представить новую категорию получателей социальных услуг — граждан предпенсионного возраста и, проанализировав нормативно-законодательные акты федерального и регионального уровней, рассмотреть основные льготы и гарантии для данной категории граждан.

Ключевые слова: пенсионная реформа, предпенсионный возраст, граждане предпенсионного возраста, льготы, гарантии.

M. G. Omelchenko,

Master's student of the Social Work field of study,

e-mail: om.marishka@gmail.com

S. V. Egorova,

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the

Department of Theory and Technology of Social Work

e-mail: Svetego@yandex.ru

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara

CITIZENS APPROACHING RETIREMENT AGE: BENEFITS AND PROTECTION

Abstract. The content of this article includes an overview of the matter. The Authors' objective is to introduce a definition of the citizens approaching retirement age as a new category of the social services recipients. And finally,

to review the main benefits and the security guarantees for this specific category of the citizens by analysing the state regulatory legislation on both federal and regional level.

Keywords: the retirement reformation, the pre — retirement age, the citizens approaching retirement age, benefits, protection.

До 2018 года в обиходе редко звучали выражения «предпенсионный возраст» и граждане «предпенсионного возраста». В житейском понимании такими словами описывали людей, которым до выхода на пенсию оставалось несколько лет, но официально данный статус практически ничего не давал. Лишь в редких случаях человек, которому оставалось до выхода на пенсию два года, мог рассчитывать на некоторые привилегии и льготы по пенсионному обеспечению. После того как в стране прошла пенсионная реформа и повышение пенсионного возраста, данные выражения обрели иной смысл. В российском обществе появилась новая категория — «граждане предпенсионного возраста».

Граждане предпенсионного возраста — это лица, которым до наступления возраста, дающего право выхода на пенсию, в том числе назначаемую досрочно, остается 5 лет и менее.

Пенсионный Фонд на постоянной основе проводит заблаговременную работу в отношении данных граждан, тем самым реализует задачу по повышению эффективности предоставления государственных услуг гражданам предпенсионного возраста и созданию для них наиболее удобных условий реализации права на пенсионное обеспечение.

Согласно данным отделения Пенсионного фонда по Самарской области, в регионе на 1 января 2021 года насчитывается 91 980 граждан предпенсионного возраста. Среди них 17 830 человек, что составляет 19,4 % граждан, в 2021 году смогут оформить страховую пенсию по старости. В целях своевременного и правильного назначения пенсии, а также формирования макетов пенсионных дел, с 11 889 гражданами Самарского региона Пенсионный фонд провел работу по уточнению их приобретенных пенсионных прав [1].

С 2019 года список льгот и гарантий для граждан предпенсионного возраста заметно увеличился. Очевидно, что эти привилегии

полностью не компенсируют того простого факта, что люди лишаются своей пенсии сроком от полугода до пяти лет (в зависимости от года рождения), но возникает актуальность и значимость их анализа.

С учетом изменений в законодательных актах, внесенных в ходе пенсионной реформы, Пенсионный фонд Российской Федерации расширил перечень условий действующих льгот по уходу на пенсию на два года раньше общеустановленного в России пенсионного возраста. Ранее такая льгота предоставлялась только по предложению службы занятости в соответствии с Законом РФ от 19.04.1991 № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации» [2].

В настоящее время стать пенсионером по возрасту на два года раньше могут далеко не все. Данная льгота предоставляется безработным гражданам, которым до выхода на пенсию остается менее двух лет. Обязательным условием является постановка на учет в центре занятости и отсутствие у них возможности трудоустройства по ряду причин. Как правило, рассчитывать на досрочную пенсию в таких обстоятельствах можно лишь гражданам, уволенным по сокращению штата или по причине ликвидации предприятия.

С 1 января 2019 года в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 г. (ред. от 08.12.2020 г.) № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» граждане с длительным стажем имеют право выйти на пенсию досрочно [3]. Стать получателем страховой пенсии по старости на два года раньше общеустановленного пенсионного возраста могут женщины при наличии 37 лет, и мужчины при наличии 42 лет страхового стажа.

Согласно пенсионному законодательству Российской Федерации, в 2021 году по общему правилу право на страховую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие возраста 61,5 года, и женщины в возрасте 56,5 лет. Соответственно, в 2021 году гражданами предпенсионного возраста являются мужчины 1960, 1961, 1962 и 1963 года рождения и женщины 1965, 1966, 1967 и 1968 года рождения соответственно. Что касается граждан, претендующих на досрочное назначение страховой пенсии, то указанным лицам для получения статуса «гражданин предпенсионного возраста»

необходимо наличие требуемой продолжительности стажа на соответствующих видах работ.

Льготы и гарантии гражданам предпенсионного возраста предусмотрены различными нормативно-законодательными актами как федерального, так и регионального уровня.

Как показал анализ законодательных актов, к федеральным льготам и гарантиям указанной категории относятся:

- уголовная ответственность работодателя за необоснованное увольнение либо отказ в приеме на работу граждан предпенсионного возраста (статья 144.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [4];

- ежегодно два выходных дня с сохранением среднего заработка для прохождения диспансеризации, которые работодатель обязан предоставить по заявлению гражданина предпенсионного возраста (статья 185.1 Трудового кодекса Российской Федерации) [5];

- увеличенный суммарный период выплаты пособия по безработице и повышенный размер пособия по безработице (статья 34.2 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации») [2];

- бесплатное переобучение и повышение квалификации для граждан предпенсионного возраста [6];

- возможность безработным гражданам предпенсионного возраста выйти на пенсию на 2 года раньше по решению Центра занятости населения (статья 32 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации») [2];

- налоговые льготы при уплате земельного налога в виде налогового вычета на величину кадастровой стоимости 6 соток (статья 391 Налогового кодекса Российской Федерации) и налога на имущество физических лиц в виде освобождения от уплаты налога в отношении одного объекта налогообложения каждого вида (статья 407 Налогового кодекса Российской Федерации) [7];

- право мужчин, достигших 60 лет, и женщин, достигших 55 лет, и нуждающихся в помощи, на получение алиментов от совершеннолетних детей (статья 169 Семейного кодекса Российской Федерации) [8];

- распространение правил о наследовании нетрудоспособными лицами на мужчин, достигших 60 лет, и женщин, достигших 55 лет [9].

Анализ регионального законодательства позволил выделить льготы и гарантии для граждан предпенсионного возраста в Самарской области. Так, граждане Самарской области за многолетний плодотворный труд и активную общественную деятельность на благо Самарской области имеют право получить звание «Ветеран труда Самарской области», и по достижении мужчинами возраста 60 лет, женщинами возраста 55 лет получать ежемесячную денежную выплату [10].

В Самарской области наиболее распространенной является льгота на проезд в общественном транспорте, которая предоставляется гражданам по достижении возраста ухода на пенсию, предусмотренного законом до внесения изменений по увеличению пенсионного возраста. Для этого гражданам необходимо получить социальную карту, обратившись в районное Управление социальной защиты и поддержки населения Самарской области. К примеру, в одном из многочисленных районов города Самара (Кировский район) за 2020 год социальные карты получили 649 человек [11].

Таким образом, начиная с 2019 года, для граждан предпенсионного возраста на федеральном и региональном уровнях разработан перечень льгот и гарантий, способствующий повышению благополучия данной категории получателей социальных услуг.

Литература

1. Статистические данные МИЦ Пенсионного фонда России на 01.01.2021 года. URL: https://pfr.gov.ru/about/mic_pfr/ (дата обращения: 10.03.2021).
2. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 14.02.2021).
3. Федеральный закон от 28.12.2013 г. (ред. от 08.12.2020 г.) № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 14.02.2021).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.02.2021).

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 14.02.2021).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.03.2020 № 742-р «Об утверждении специальной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц в возрасте 50-ти лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста на период до 2024 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348773/ (дата обращения: 14.02.2021).

7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 14.02.2021).

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 14.02.2021).

9. Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34148/ (дата обращения: 14.02.2021)

10. Закон Самарской области от 06.12.02006 № 155-ГД «О ветеранах труда Самарской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/945014682> (дата обращения: 10.03.2021).

11. Статистические данные управления социальной поддержки и защиты населения Кировского района города Самары на 01.01.2021 г. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/glavnye-upravleniya-socialnoy-zashchity-naseleniya-samarskoy-oblasti> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Statistics MITS the Pension Fund of Russia on 01.01.2021 years. URL: https://pfr.gov.ru/about/mic_pfr/ (date of access: 10.03.2021).

2. Law of the Russian Federation from 19.04.1991 No. 1032-1 “On employment in the Russian Federation”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (date of access: 14.02.2021).

3. Federal law of 28.12.2013 G. (ed. by G. 08.12.2020) No. 400-FZ “On insurance pensions”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (date of access: 14.02.2021).

4. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. from 30.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 14.02.2021).

5. Labor code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 29.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 14.02.2021).

6. The government of the Russian Federation dated 26.03.2020 No. 742-R “On approval of the special programme of vocational training and additional professional education of persons aged 50 years and older and persons of pre-retirement age for the period up to 2024”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348773/ (date of access: 14.02.2021).

7. Tax code of the Russian Federation of 31 July 1998 No. 146-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (date of access: 14.02.2021).

8. Family code of the Russian Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ (ed. from 04.02.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of access: 14.02.2021).

9. Federal law dated 26.11.2001 No. 147-FZ “On the introduction of part three of the Civil code of the Russian Federation” (latest edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34148/ (date of access: 14.02.2021)

10. The law of the Samara region from 06.12.2006 No. 155-GD “On labor veterans of the Samara region”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/945014682> (date of access: 10.03.2021).

11. Statistics Department of social support and protection of the population of the Kirov district of the city of Samara on 01.01.2021 g. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/glavnye-upravleniya-socialnoy-zashchity-naseleniya-samar-skoj-oblasti> (date of access: 10.03.2021).

Л. Э. Панкратова,

канд. филос. наук,

доцент кафедры социологии и социальной работы,

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург

e-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru

О КОНЦЕПТАХ «СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ» И «СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Аннотация. В статье анализируются понятия «социальная эксклюзия» и «социальная инклюзия» с точки зрения основных социологических подходов. Рассматривается перспектива включения этих понятий в арсенал теории социальной работы. Введение парадигмы социальной инклюзии в социальную работу открывает перспективы для формирования инклюзивной организационной культуры в учреждениях социальной сферы и для формирования инклюзивной культуры в социуме.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, социальная работа, социология.

L. E. Pankratova,

PhD, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work,

Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg

e-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru

ABOUT THE CONCEPTS OF “SOCIAL INCLUSION” AND “SOCIAL EXCLUSION” IN SOCIAL WORK

Abstract. The article analyzes the concepts of “social exclusion” and “social inclusion” from the point of view of the main sociological approaches. The prospect of including these concepts in the arsenal of the theory of social work is considered. The introduction of the paradigm of social inclusion in social work opens up prospects for the formation of an inclusive organizational culture in social institutions and for the formation of an inclusive culture in society.

Keywords: social exclusion, social inclusion, social work, sociology.

Появившееся с 70-х годов XX века во Франции понятие «социальная эксклюзия» постепенно находит свое распространение в западной социологической мысли. Достаточно высокая степень социальной защиты социально уязвимых слоев населения в социальных государствах Западной Европы и переосмысление многих аспектов в социальной динамике привели практически к отказу от понятия «бедность» и «бедные» как в научной литературе, так и основных документах Совета Европы. Бедность — это экономическая категория, характеризующее состояние человека (или группы), не позволяющая удовлетворить основные потребности индивида и, как правило, в России доходы которого ниже прожиточного минимума. В изучении социального неравенства сделан акцент на смещение с экономических ресурсов «в сторону многообразия факторов и истоков неравенства» [1, с. 87]. Кроме того, социальная эксклюзия рассматривается как процесс, бедность как статическое состояние. Феномен социальной эксклюзии позволяет учитывать и изучать культурный и психологический контекст этого процесса. Например, индивид может находиться в состоянии самоэксклюзии при отказе от поиска работы, заработка, сознательной социальной изоляции [2, с. 7].

Неопределенность, трансформация, мобильность и избыточное многообразие современной социальной реальности позволяют отнести к категории социально исключенных (социальной эксклюзии) людей, подвергшихся физическому и психологическому насилию и травмам, наркозависимых, склонных к суицидальному поведению, бездомных, людей с инвалидностью и ОВЗ, мигрантов и беженцев, цыган, преступников, матерей и отцов-одиночек, асоциальных и маргинальных лиц и др. В России список можно добавить сельским населением, ВИЧ-инфицированными, трудовыми мигрантами и т. д. В условиях пандемии многие пожилые люди, не находящиеся на социальном обслуживании, оказались в состоянии вынужденной изоляции и депривации, что позволяет их также отнести к категории социальной эксклюзии. «Социально исключенные», «новые бедные» (социально эксклюзивированные) полностью или частично лишены доступа к социальным услугам, рынку труда, образованию, медицине, культурно-досуговой деятельности и объектам, информа-

ционными услугам, а зачастую и к средствам существования. Люди, входящие в эту категорию, всегда были объектом деятельности социального работника. В ФЗ 1995 года «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» было понятие «трудная жизненная ситуация» во многом близкое понятию «социальная эксклюзия». ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» 2013 года вместо понятия «человек, в трудной жизненной ситуации» появилось понятие «получатель социальных услуг», т. е. гражданин, признанный нуждающимся в социальном обслуживании [3]. Нормативно-правовые документы в РФ в последнее десятилетие зачастую сужают сферу деятельности специалиста по социальной работе до социального обслуживания граждан. Но спектр социальных проблем, которые может решать специалист по социальной работе, значительно шире. В стратегической перспективе и для реализации концепции социального государства социальная работа должна предполагать более широкий спектр деятельности по решению проблем граждан, находящихся в социальной эксклюзии. Пока в парадигме социального обслуживания акцент сделан на помощь нуждающимся, продолжая традиции российского патернализма, а в парадигме социальной инклюзии акцент делается на правах человека и реализации через социальную работу механизма по их защите.

Несмотря на то, что современная социология широко применяет понятие «социальная эксклюзия», такие авторы, как Астоянц М. С., Россихина И. Г., считают, что это скорее не научный, а социально-политический термин, описывающий проблемы современной бедности. Тем не менее авторы понимают под «социальной эксклюзией» многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующих их участию в жизни общества [4, с. 53]. Можно констатировать, что данное понятие сегодня переосмысливается в различных научных социологических школах и становится предметом научного анализа. Социальная работа как наука, базирующаяся во многом на социологии, в теоретическом плане также должна водить в свой категориально-понятийный аппарат данный термин для изучения процессов эксклюзии, чтобы через практическую деятельность социального работника

создавать условия для формирования социальной инклюзии и подбирать более эффективные способы, технологии работы с социально исключенными.

Проблема интеграции современного общества, с учетом дифференциации и многообразия современного мира, ставит во главу угла проблему социальной инклюзии. В российской практике инклюзия ассоциируется в основном с инклюзивным образованием, хотя это только малая часть процесса общей инклюзии. Большинство авторов рассматривают инклюзию как процесс, ведущий к социальной интеграции и являющейся принципом социального государства [1, 2, 4, 5].

В. Ярская определяет социальную инклюзию как «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество, общие темпоральности образовательного и трудового процесса, преодоления географических неудобств, субкультурных различий и сегрегаций с целью приобщения к определенному социальному или культурному действию» [6, с. 243]. По поводу соотношения понятий «социальная инклюзия» и «социальная интеграция» ряд авторов считают, что понятие интеграции шире инклюзии. Асто-янц М.С.: «Социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция — как результат этого процесса» [4, с. 53]. Но в изданном при поддержке Совета Европы в 2017 году сборнике «Межкультурные компетенции в социальных службах. Формирование инклюзивной организационной культуры: методологическое руководство» под общей редакцией Елены Ярской-Смирновой указывается, что инклюзия шире интеграции, так как не сводится к интеграции отдельных людей или групп, а предполагает всесторонние и систематические действия, включающие каждого, покрывающие все сферы деятельности, ведущие к структурному изменению, а не коррекционным действиям [7, с. 22]. Обязательным условием работы социальных сервисов авторы данного пособия считают формирование инклюзивной организационной культуры. Приоритетом для социальных учреждений должны стать уважение личности и открытость многообразию, отсутствие дискриминации, культура партнерства и межкультурный диалог. В пособии акцент сделан на этнокультурной инклюзии наиболее

актуальной в мультикультурном пространстве Европы. Тем не менее оно представляется интересным и важным для российских реалий, так как сближение индивидов и групп, соблюдение прав всех категорий является основой как социальной работы, так и социальной политики. В педагогике также разводят понятия инклюзивное и интегрированное образование. Инклюзивное образование считается более гуманистическим и соответствующим социальной модели инвалидности, обеспечивающий двухсторонний процесс принятия ребенка в образовательную систему через ее перестройку. Тогда как интегративное или интегрированное образование требует простой адаптации ребенка к уже существующей системе образования.

Если приоритетным в Западной Европе становится обеспечение социальной инклюзии мигрантов и беженцев, то в отечественной научной литературе и описании опыта организаций акцент сделан на социальную инклюзию пожилых людей и людей с инвалидностью традиционных объектов деятельности социальных организаций. Такие авторы, как Боровикова И. В., Благирева Е. Н., Калачикова О. Н., Кантемирова И. Б., Козловская О. В., Леонидова Г. В., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Попов А. В., Петров В. Н., Смолева Е. О., Шабунова А. А., Шаповал И. А., рассматривают экономические, правовые, социологические и психологические аспекты социальной инклюзии и эксклюзии, отождествляя последнюю с «социально уязвимыми категориями населения». Социальная работа как наука сегодня в меньшей степени обновила свой терминологический арсенал понятиями «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия», хотя эти понятия отражают основные тенденции трансформации социальных процессов в современном мире и позволяют переосмыслить традиционные подходы в социальной работе. На повестке дня сегодня стоит вопрос о формировании инклюзивной культуры социальных организации, инклюзивной компетентности социальных работников и в, целом, инклюзивной культуры общества.

Литература

1. Мартыненко Т. С. Основные подходы к концептуализации социальной эксклюзии в современной западной социологии // XXI Международная

конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : УрФУ, 2018. С. 83–92.

2. *Бородкин Ф. М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5–16.

3. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 18.02.2021).

4. *Астоянц М. С., Россихина И. Г.* Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализация понятия // Изв. Юж. федер. ун-та. Пед. науки. 2009. № 12. С. 51–58.

5. *Антонова В.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 2. С. 151–170.

6. *Ярская В.* Противоречия городского социального времени: дискурсы инклюзии и деинституализации (постановка проблемы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 242–249.

7. Межкультурные компетенции в социальных службах. Формирование инклюзивной организационной культуры : методолог. руководство / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. Ярской-Смирновой. М. : Совет Европы, 2017. 136 с.

References

1. *Martynenko T. S.* The main approaches to conceptualizing social exclusion in modern Western sociology // XXI international conference in memory of Professor L. N. Kogan's "Culture, identity and society in the modern world: methodology, empirical studies". March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg : UrFU, 2018. P. 83–92.

2. *Borodkin F. M.* Social exclusion // Sociological journal. 2000. No. 3/4. P. 5–16.

3. Federal Law "On the Basics of Social Services for Citizens of the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (date of access: 18.02.2021).

4. *Astoyants M. S., Rossikhina I. G.* Social inclusion: an attempt to conceptualize and operationalize the concept // Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences. 2009. No. 12. P. 51–58.

5. *Antonov V.* The concepts of social inclusion and exclusion in a global society: drift through social institutions, actors and practices // Journal of social policy studies. 2013. Vol. 11. No. 2. P. 151–170.

6. *Yarskaya V.* Contradictions of urban social time: the discourses of inclusion and deinstitutionalization (problem statement) // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. 2018. Vol. 18, iss. 3. P. 242–249.

7. Cross-cultural competencies in social services. Formation of an inclusive organizational culture : methodological guidance / under the general editorship of E. Yarskaya-Smirnova. M. : Council of Europe, 2017. 136 p.

О. О. Полякова,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры социологии

МГУ им. Н. П. Огарева,

Саранск

СЧАСТЬЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА САРАНСКА

Аннотация. В статье анализируется исследование счастья как социокультурного феномена. Автор приводит итоги опроса жителей Саранска и сравнивает представления о счастье молодежи (20–30 лет) и взрослых жителей (31–44 лет) города Саранска. Исследование показало, что население Саранска менее счастливо, чем в целом по России (в сравнении с данными ВЦИОМ 2019 года) и молодежь более счастлива, чем население после 31 года.

Ключевые слова: счастье, молодежь, взрослое население, Саранск, социальные представления.

O. O. Polyakova,
*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology
Ogarev Moscow State University,
Saransk*

HAPPINESS IN THE RESIDENTS' VIEWS OF THE CITY OF SARANSK

Abstract. The article analyzes the study of happiness as a socio-cultural phenomenon. The author presents the results of a survey of Saransk residents and compares the ideas about the happiness of young people (20–30 years old) and adults (31–44 years old) of the city of Saransk. The study showed that the population of Saransk is less happy than in Russia as a whole (in comparison with the data of VTsIOM in 2019) and young people are happier than the population after 31 years.

Keywords: happiness, youth, adult population, Saransk, social representations.

Счастье является главной целью человека, способствует активизации всех его жизненных сил, заставляет раскрывать физический и духовный потенциал личности. Однако до сих пор понятие счастья с трудом поддается строгому научному описанию. Данное понятие имеет множество определений и, соответственно, эмпирических подходов в современной науке.

Переживание чувства счастья, удовлетворенность жизнью в целом, явление субъективного благополучия привлекают внимание исследователей разных областей науки уже достаточно долгое время. Изучение представлений людей о счастье позволяет выявить трансформирующиеся нравственные императивы, актуальные для нашего общества. Одной из перспективных парадигм в современной социологии является социальный конструктивизм, согласно которому люди существуют в мире, порожденном их типическими действиями, в которые они вкладывают единый смысл и сами конструируют социальную реальность. Применение теории социальных представлений позволяет раскрыть, каким образом индивидуальное

понимание счастья каждым человеком детерминирует существующую социальную действительность.

С точки зрения социальной работы и социальной политики, счастье является показателем социального самочувствия, это субъективная оценка качества жизни. С. В. Степашин отмечает: «Удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом» [1].

При оценке качества жизни изучение уровня счастья является одним из субъективных критериев, который дополняет ряд экономических показателей (ВВП, уровень безработицы, продолжительность жизни и проч.).

С одной стороны, в обществе существуют имплицитные представления о счастье — это понятие широко используется в повседневных коммуникациях, художественной и научно-популярной литературе. С другой — это понятие не отражено в социологических словарях, а содержание социальных феноменов, которые оно объединяет, недостаточно раскрыто в исследованиях данной науки.

Как отмечает исследователь счастья М. Н. Ковалева, «Счастье является социокультурным феноменом, объединяющим множество аспектов социальной реальности, каждый из которых важен как для отдельного человека так и для общества в целом» [2]. В данный момент в мире формируется мощное интеллектуальное движение, связанное с попытками исследования счастья научными методами.

Методологическим основанием для изучения счастья являются теория коллективных представлений Э. Дюркгейма, теория социальных представлений С. Московичи, теория социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, интракционизм Г. Мида и Г. Блума, позитивная психология А. Маслоу, М. Аргайла, М. Селигмана, М. Чиксентмихайи [3].

Теоретический анализ социологических и социально-психологических теорий позволяет сделать вывод, что представление о счастье является внутренней многогранной характеристикой, но всегда социокультурно детерминировано. Счастье — социокультурный феномен.

В мире к проблеме счастья наблюдается повышенное внимание с 2006 года, когда ООН впервые предложила измерять не только экономический показатель «Индекс человеческого потенциала», но и социальный индекс «Индекс счастья». Проводятся масштабные всемирные исследования для определения рейтинга «счастливых» стран на основе различных многомерных индексов: «Индекс человеческого потенциала», «Индекса счастья» (“The Happy Planet Index”) (ООН), “OECD Better life index” (проводится “Gallup World Poll”, Organisation for Economic Co-operation and Development). В России социологические исследования счастья проводит ВЦИОМ.

Анализ социологических исследований счастья как в мире, так и в России, позволяет говорить о том, что счастье определяется не только экономически положительными показателями (уровнем дохода, ВВП и другими), но определяется большим количеством социальных факторов.

Весной 2020 года на базе кафедры социологии НИ МГУ им. Н. П. Огарева проводился опрос, посвященный современным представлениям жителей города Саранска о счастье. Опрос охватил 200 человек (выборка стихийная) в возрасте от 20 до 44 лет, из них молодежь 20–30 лет — 115 чел., в возрасте 31–44 лет — 85 чел. (примерно равное соотношение возрастных групп и соотношение мужчин и женщин).

Анкета «Что такое счастье?» включает в себя вопросы из опросов ВЦИОМ для определения «Индекса счастья» и «Социального индекса счастья», а также открытые вопросы: «Что для Вас счастье?» и «Без чего Вы будете несчастными?». Открытые вопросы раскрывают представления респондентов о счастье.

«Индекс счастья» — показывает, насколько счастливыми чувствуют себя россияне. «Индекс счастья» строится на основе вопроса: «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?» (ВЦИОМ). Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («определенно да», «скорее да») и отрицательных ответов («скорее нет», «определенно нет»). Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в диапазоне от –100 до 100. Чем выше значение индекса, тем счастливее россияне себя ощущают [4].

Следуя методике ВЦИОМ, мы объединили крайние ответы, получив, таким образом, получили распределение респондентов по ощущению себя счастливыми и несчастливыми. 66,5 % (133 чел.) опрошенных чувствуют себя счастливыми, на этот вопрос они ответили «определенно да» и «скорее да». 31 % (62 чел.) респондентов ответили «скорее нет» и «определенно нет». То есть счастливых респондентов в 2,1 раза больше, чем несчастных.

Однако, по данным опроса ВЦИОМ, на этот вопрос утвердительно ответили 81 % россиян: 34 % ответили «определенно да» и 47 % — «скорее да» [4].

При этом счастливые респонденты в 2,25 раза чаще считают счастливыми окружающих и в 2,8 раза реже склонны считать окружающих несчастными.

Можно предположить, что уровень счастья жителей Саранска несколько ниже, чем у жителей России в целом (при сравнении с результатами опроса ВЦИОМ).

32 % опрошенных жителей Саранска отметили, что вокруг них больше счастливых людей, немного меньше (22 %) читают, что вокруг них больше несчастных людей; 43,5 % считают, что счастливых и несчастливых людей вокруг них примерно одинаково.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в городе Саранске молодежь 20–30 лет чувствует себя гораздо счастливее, чем те, кому 31–44 года.

Открытые вопросы позволили собрать мнения респондентов о счастье. Контент-анализ позволил выявить смысловые категории в ответах и построить рейтинги категорий по частоте встречаемости в ответах. Значимых различий в группах молодежи 20–22 и 23–30 не выявлено, поэтому мы объединили эти выборки в одну — молодежь (115 человек). Повторный статистический анализ полученных данных по этим двум выборкам показал наличие достоверно значимых различий в ответах молодежи и взрослых (на уровне $p \leq 5$).

Молодежь в возрасте 20–30 года представляет счастье в достаточно широком диапазоне: в среднем в одном ответе было 4,3 смысловых категорий, всего смысловых категорий в этой выборке зафиксировано 16. Во взрослой выборке зафиксировано 9 смысловых

категорий-представлений о счастье и почти в 2 раза меньше представлений в одном ответе (2,4).

Для молодежи города Саранска (20–30 лет) счастье — это чаще всего радостное состояние души, крепкая, хорошая семья, любовь и сама жизнь. Для взрослых людей (31–44 лет) счастье — это прежде всего крепкая семья, радостное состояние души, благоприятные условия жизни.

Представления о счастье молодежи 20–35 лет и людей старшего возраста 36–44 лет статистически значимо различаются (на уровне $p \leq 5$). Различия в представлениях о счастье состоят в следующем:

- молодежь гораздо больше смыслов вкладывает в понятие счастье: в ответах молодых респондентов в среднем 4,3 ответа, а в ответах респондентов среднего возраста — 2,4;

- молодежь чаще, чем люди среднего возраста, со счастьем связывают хорошую крепкую семью, любовь, счастье как сама жизнь, счастье как радостное состояние души. Молодежь немного чаще со счастьем связывает материальное благополучие;

- респонденты среднего возраста со счастьем чаще, чем молодежь, связывают благоприятные условия жизни, любимую работу, здоровье.

Вопреки ожиданиям материальное благополучие не заняло первые позиции в представлениях молодежи о счастье. Также не подтвердились ожидания о значимости для молодежи творческой реализации и любимой работы.

И не подтвердились ожидания о высокой значимости здоровья для людей старше 30 лет: в рейтинге счастья здоровье расположено на 6 месте; любимая работа, любовь, благоприятные условия жизни в рейтинге счастья стоят выше здоровья.

Неожиданно большая часть опрошенных — 11 % — затруднились ответить на вопрос: «Что такое для Вас счастье?» Возможно, этот вопрос был для этих респондентов слишком личным, а возможно, они вообще никогда не задумывались об этом. При этом мы видим, что в молодежной выборке затруднившихся с ответом в 2 раза больше. Интересно, но среди затруднившихся с ответом на этот вопрос подавляющее большинство людей, которые не считают себя счастливыми — 83 %. Эти респонденты несчастливы сейчас и не знают,

что же для них счастье. И их несчастье закономерно, ведь счастье мы испытываем, когда реализуются мечты, а если они не имеют представления.

Поскольку опрос не претендует на репрезентативность, мы делаем лишь предположения, которые требуют дальнейшей проверки.

Изучение социальных представлений о различных социальных феноменах позволяет получить не просто интересные, но важные для социальной практики результаты. Сошлемся на наше исследование представлений молодежи об идеальном муже и идеальной жене, волонтерстве и террористической угрозе [5–8]. Изучение социальных аспектов региональной молодежи является важнейшей задачей для социологии и социальной работы, поскольку без объективных научных данных невозможно построение эффективной социальной политики. К примеру, социальный портрет молодежи Республики Мордовия, по исследованиям 2017 года, по некоторым аспектам оказывается весьма пессимистичным [9].

Представляется актуальным дальнейшее исследование представлений о счастье, в том числе в сравнительном возрастном и демографическом аспектах.

Литература

1. Саксельцева Л. Я., Тарский Ю. И. Качество жизни молодежи: социологическое измерение. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-molodezhi-sotsiologicheskoe-izmerenie> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/564/191/1217/013-Kovaleva_Ax2c1.pdf (дата обращения: 21.03.2021).
3. Качур Н. В. Молодежное восприятие счастья (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского университета. Серия социология, политология. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-vospriyatie-schastya-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-oprosa/viewer> (дата обращения: 21.03.2021).
4. Счастье в России : мониторинг. № 3942. 25 Апреля 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9673> (дата обращения: 21.03.2021).

5. Полякова О. О. Идеальные муж и жена в обыденных представлениях городской молодежи // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65–3. С. 113–116.

6. Полякова О. О. Молодежное волонтерство в Республике Мордовия // Наука. Исследования. Практика : материалы международной научной конференции. СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 26–30.

7. Полякова О. О. Основные семейные установки молодежи города Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. № 4 (40). С. 104–114.

8. Полякова О. О. Переживание и понимание молодежью Саранска террористической угрозы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1 (13). С. 82–89.

9. Полутин С. В., Шумкова Н. В., Самойлова Е. А., Помелова Н. А. Социальный портрет молодежи Республики Мордовия: результаты социологического исследования. Саранск, 2017.

References

1. Saksel'tseva L. Ya., Tarsky Yu. I. Quality of life of youth: a sociological dimension. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-molodezhi-sotsiologicheskoe-izmerenie> (date of access: 21.03..2021).

2. Kovaleva A. I. The concept of youth socialization: norms, deviations, socialization trajectory // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. No. 1. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/564/191/1217/013-Kovaleva_Ax2cI.pdf (date of access: 21.03..2021).

3. Kachur N. V. Molodezhnoe vospriyatiye schastya (po rezultaty sotsiologicheskogo oprosa) [Youth perception of happiness (based on the results of a sociological survey)] // Series sociology, political science. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-vospriyatie-schastya-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-oprosa/viewer> (date of access: 21.03..2021).

4. Happiness in Russia: monitoring. No. 3942. April 25, 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9673> (date of access: 21.03..2021).

5. Polyakova O. O. Ideal husband and wife in everyday representations of urban youth // Trends in the development of science and education. 2020. No. 65–3. P. 113–116.

6. Polyakova O. O. Youth volunteerism in the Republic of Mordovia // Nauka. Researches. Practice: proceedings of the international scientific conference. St. Petersburg : GNII "Natsrazvitie", 2019. P. 26–30.

7. Polyakova O. O. Basic family attitudes of the youth of the city of Saransk // Humanitariy: actual problems of humanitarian science and education. 2017. No. 4 (40). P. 104–114.

8. Polyakova O. O. Experience and understanding of the terrorist threat by the youth of Saransk // Humanitariy: actual problems of humanitarian science and education. 2011. No. 1 (13). P. 82–89.

9. Polutin S. V., Shumkova N. V., Samoiloova E. A., Pomelova N. A. Social portrait of the youth of the Republic of Mordovia: results of a sociological study. Saransk, 2017.

Г. Ю. Попкова,

студент,

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург

e-mail: galina.vlnt.zr@gmail.com

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние процесса цифровизации на оказание социальных услуг населению, описаны функционирующие в настоящее время порталы по предоставлению данных услуг и информирующие о возможных льготах и выплатах, предназначенных для различных категорий населения. Перечислены возможные риски внедрения государственных цифровых систем, трудности пользования данными порталами пользователями, возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: цифровизация социальной сферы, порталы социальных услуг.

G. Y. Popkova,

student,

Russian State vocational pedagogical university,

Yekaterinburg

e-mail: galina.vlnt.zr@gmail.com

RISKS OF DIGITALIZATION OF THE SOCIAL SPHERE

Abstract. This article examines the impact of the digitalization process on the provision of social services to the population, describes the currently functioning portals for the provision of these services and informs the population about possible benefits and payments intended for various categories of the population. The possible risks of implementing state digital systems, the difficulties of using these portals by users, and possible ways to overcome them are described.

Keywords: digitalization of the social sphere, social service portals.

На современном этапе развития общества преобразования происходят во всех сферах жизнедеятельности. Влияние прогресса коснулось и форм оказания социальных услуг. Актуальность темы исследования обусловлена быстрыми темпами цифровизации многих отраслей социальной сферы. Однако данный процесс неизбежно влечет за собой определенные риски и последствия, связанные с ответственностью негосударственных учреждений за качество предоставляемых социальных услуг.

Под цифровизацией понимается следующий этап автоматизации и информатизации в сфере государственного управления, процесс приобщения цифровых технологий в реализации отношений между государством и получателями социальных услуг [1].

Сейчас Россия находится на этапе формирования цифровой системы оказания услуг, поэтому оценка возможных рисков является важной на ранних этапах, возможность которой представляется благодаря прогнозированию проблемных ситуаций и сравнению возможных изменений по отношению к текущей ситуации.

Процесс начисления и получения льгот для человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, представляется сложным,

нескоординированным. Помимо этого, большая часть населения зачастую мало информирована о возможных формах социальной поддержки в конкретной ситуации. Распространенной проблемой в данной сфере является низкое качество оказания указанных услуг из-за профессиональной некомпетентности госслужащих, нарушающих тем самым этические нормы и требования, обозначенные профессиональным кодексом.

Для обеспечения эффективности работы системы социальной поддержки в современном обществе происходит ее реформирование, заключающееся в создании единой системы для всех регионов [2]. Создание такой системы позволит существенно облегчить процесс предоставления услуг. В настоящее время таким требованиям отвечают созданные Портал государственных услуг Российской Федерации и АИС «МФЦ», обеспечивающие автоматизацию сложного процесса предоставления социальных услуг.

Также создана Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), которая позволяет гражданам получить актуальную информацию об оказываемых мерах социальной поддержки. Такой информационный портал позволит повысить информированность населения о своих правах на предоставление социальной помощи: в личном кабинете пользователь может посмотреть информацию как о возможных, так и об уже получаемых социальных выплатах. В настоящее время ЕГИССО работает в тестовом формате, однако к 2022 году платформа уже сможет автоматически определять жизненную ситуацию, в которой находится получатель социальных услуг [3].

Меры существующей системы социальной поддержки носят заявительный характер, предусматривающий личное письменное заявление нуждающегося, помимо чего требуется предоставление большого количества документов, собранных в разных инстанциях. Развитие и цифровизация, характерные для современного общества, требуют пересмотра сложившихся мер поддержки для различных категорий населения.

Создание цифровой системы позволит решить такие характерные проблемы для территориальных учреждений, занимающихся начислением различных льгот и пособий, как некомпетентное от-

ношение сотрудников к клиентам, трудности личного обращения в связи с удаленностью расположения учреждения или физических ограничений гражданина и др. Проведение реформирования системы предоставления социальной поддержки осуществляется благодаря процессу цифровизации и созданию суперсервисов, то есть забота о документах гражданина лежит на самом государстве, причем данные услуги дифференцированы по различным трудным ситуациям. В настоящее время планируется создание 25 суперсервисов, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности населения [4].

Однако такие процессы, несомненно, влекут за собой определенные проблемы и последствия. На данном этапе развития сервисов предоставления социальной поддержки точный прогноз данных рисков невозможен, трудности могут возникнуть на любой из стадий реализации, при этом особое опасение вызывает принцип хранения личных данных и работы с ними.

Исключить проблемы в данной области поможет качественно сформированная система правового контроля. Осложняет данную задачу постоянное увеличение числа участников информационной системы: все проводимые действия содержат конфиденциальную персональную информацию. Некоторые зарубежные страны более длительный период предоставляют цифровые государственные услуги, поэтому при реализации данной системы в России необходимо опираться на существующий опыт для избегания возможных трудностей. Например, правительство Великобритании стремится сделать цифровое предоставление услуг постоянным и привычным, уже в 2016 году став лидером цифровизации [5].

Также цифровизация затрагивает этические и технические аспекты жизнедеятельности населения. Система должна автоматически определять уровень благосостояния гражданина, что ставит под сомнение права человека при внедрении искусственного интеллекта. Например, автоматическая система взыскания задолженностей, применяемая в Великобритании и США, может привести население, находящееся за чертой бедности, к еще более сложному материальному положению. При модернизации и разработке такой системы необходимо уделять внимание множеству различных аспектов.

При электронном обращении в органы социального обеспечения становится явной проблемой обратная связь с клиентом [6]. Назначенные выплаты будет трудно оспорить или получить дополнительную интересующую информацию. В таком случае существует риск осуществления приоритета права человека, решение будет зависеть от автоматической системы, запрограммированной отвечать и действовать в соответствии с установленной программой. Также при допущении ошибки при заполнении какого-либо документа становится затруднительным ее исправление или отмена неправильного решения.

Главной задачей создания и усовершенствования цифровых сервисов является оптимизация, облегчение взаимодействия пользователя и государственных учреждений. Создание таких платформ должно в значительной степени облегчить населению доступ к различным льготам, пособиям и выплатам. Однако население, более остро нуждающееся в оказании помощи, зачастую не владеет навыками пользования цифровыми источниками, имеют ограниченные возможности здоровья. Поэтому для них требуется либо специальные сервисы, либо специальные возможности, облегчающие пользование цифровой государственной поддержкой. Полный переход на цифровое обеспечение может как облегчить предоставление и получение помощи, так и, наоборот, может привести к появлению сложно решаемых проблем, дискриминации, зависящей от заложенных в систему социальной поддержки этических норм и принципов.

Таким образом, в настоящее время созданы все возможности для дальнейшего процесса цифровизации предоставляемых социальных услуг. Также будет увеличиваться количество направлений работы и самих цифровых платформ предоставления услуг в социальной сфере. Несомненно, данный процесс влечет за собой определенные риски, избежать которые возможно, опираясь на опыт работы зарубежных стран и учитывая все особенности различных категорий населения, нуждающихся в помощи.

Литература

1. Толковый словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации. URL: <https://library.bsuir.by/ru/tolkovyy-slovar-terminov-i-ponyatiy-po-voprosam-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 14.03.2021).

2. Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/83> (дата обращения: 14.03.2021).

3. Единая государственная информационная система социального обеспечения. URL: <http://egisso.ru/site/client/#/> (дата обращения: 13.03.2021).

4. Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в органы. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (дата обращения: 13.03.2021).

5. *Alston P.* How Britain's welfare state has been taken over by shadowy tech consultant // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2019/jun/27/britain-welfare-state-shadowy-tech-consultants-universal-credit> (дата обращения: 11.03.2021).

6. *Booth R.* Benefits system automation could plunge claimants deeper into poverty // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/14/fears-rise-in-benefits-system-automation-could-plunge-claimants-deeper-into-poverty> (дата обращения: 12.03.2021).

References

1. Explanatory dictionary of terms and concepts on digital transformation. URL: <https://library.bsuir.by/ru/tolkovyy-slovar-terminov-i-ponyatiy-po-vopro-sam-tsifrovoy-transformatsii> (date of access: 14.03.2021).

2. Ministry of Labor of Russia. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/83> (date of access: 14.03.2021).

3. Unified State information system of Social security. URL: <http://egisso.ru/site/client/#/> (date of access: 13.03.2021).

4. Super Services: public services without paper documents and visits to government agencies. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (date of access: 13.03.2021).

5. *Alston P.* How the British welfare state was taken over by a shadowy tech consultant // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2019/jun/27/britain-welfare-state-shadowy-tech-consultants-universal-credit> (date of access: 11.03.2021).

6. *Booth R.* Automation of the benefits system can plunge applicants even deeper into poverty. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/14/fears-rise-in-benefits-system-automation-could-plunge-claimants-deeper-into-poverty> (date of access: 12.03.2021).

Т. В. Рогачева,

д-р психол. наук, доцент

ГАОУ «Областной центр реабилитации инвалидов»,

Екатеринбург

e-mail: TVRog@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИНВАЛИДОВ

Аннотация. В статье представлен анализ методологических оснований оказания социальных услуг по реабилитации и абилитации людей с ограничениями жизнедеятельности. Показаны принципиальные отличия Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ), от Международной классификации нарушений, ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности (МКН), которая базировалась на медицинской модели здоровья — болезни. Описаны структура, основные понятия МКФ, что позволяет специалисту, участвующему в реабилитационном процессе, комплексно подойти к организации и оказанию социальных услуг в реабилитации.

Ключевые слова: социальная реабилитация; функционирование; активность; участие.

T.V. Rogacheva,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

GAU "Regional Center for Rehabilitation of Disabled People",

Yekaterinburg

e-mail: TVRog@yandex.ru

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL REHABILITATION AS AN OPPORTUNITY TO TRANSFORM SOCIAL SERVICES FOR DISABLED PEOPLE

Abstract. The article presents an analysis of the methodological foundations for the provision of social services for the rehabilitation and habilitation of people

ple with disabilities. The article shows the fundamental differences between the International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF) and the International Classification of Disorders, Disability and Social Insufficiency (ICN), which was based on the medical model of health — disease. The article describes the structure and basic concepts of the ICF, which allows a specialist involved in the rehabilitation process to comprehensively approach the organization and provision of social services in rehabilitation.

Keywords: social rehabilitation; functioning; activity; participation.

Современная общественная ситуация, изменение отношения общества к людям, имеющим ограничения физического, психического или социального характера, побудили совершить пересмотр принятых научным сообществом методологических принципов исследования реабилитации.

Первоначально реабилитологи ориентировались на Международную классификацию нарушений, ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности (МКН) — International Classification of Impairments, Disabilities and Handicaps (ICIDH), утвержденной Всемирной организацией здравоохранения в 1980 г. [1]. МКН, являясь дополнением к МКБ 10 (Десятый пересмотр Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем), выступила своеобразным инструментом анализа и решения проблем жизнеобеспечения людей, связанных с состоянием их здоровья. Классификация опирается на определение здоровья, данное ВОЗ в 1946 году в своем Уставе (Конституции). Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Поэтому в данной классификации под нарушением понимается любая утрата или нарушение анатомической, физиологической или психологической структуры или функции. Нарушение может относиться как к аномалии структуры и вида тела или функционирования органа, так и к системе органов по любой причине. Термин «инвалидность» в системе МКН предполагает, что в результате нарушения человек не может выполнять деятельность способом и в пределах, которые принято считать нормальными, и отражает последствия нарушения в терминах функциональных

возможностей и активности индивида. Невозможность осуществлять деятельность привычным для человека способом вызывает, в свою очередь, ограничения жизнедеятельности, что приводит к социальной недостаточности. Социальная недостаточность — это ограничение для индивида возможности выполнять нормальную социальную роль, соответствующую возрасту, полу, общественной и культурной деятельности человека в результате нарушения или инвалидности. Данный термин отражает расстройство адаптации человека к окружающему миру и взаимодействия с ним. Другими словами, это расстройство адаптации человека к окружающему миру и взаимодействия с ним.

Весь процесс можно описать в схеме (рис. 1).

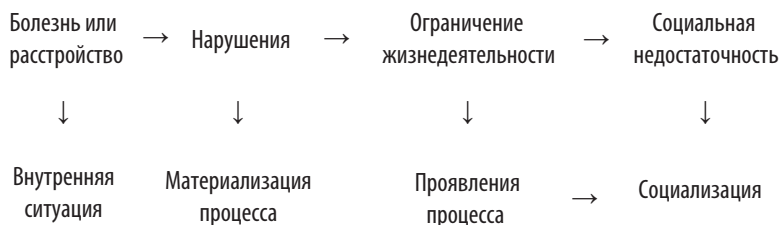

Рис. 1. Схема социализации болезни

Следовательно, в данном документе внимание сосредоточено на негативных изменениях, которые произошли как с организмом человека, так и в различных сферах его жизнедеятельности вследствие заболевания или травмы. По словам Э.И. Аухадеева, «...в данном документе сформулировано понятие последствий заболеваний как основного предмета науки и практики реабилитации» [2, с. 5]. МКН базируется на «медицинской» модели инвалидности, поэтому на первом месте — персональные нарушения здоровья, вызванные различными клиническими факторами (болезнью, травмой и пр.), что определяет очередность оказания помощи инвалиду. Сначала требуется медицинская помощь как ориентация на негативных изменениях и поиск выхода из сложившегося положения, которые осуществляет профессиональный медицинский работник. Различные социальные службы присоединяются к решению проблемы

конкретного человека по мере необходимости и находятся как бы на вторых ролях.

После отработки основных положений МКН специалистам стало понятно, что в данном документе существуют определенные недостатки. Так, не была раскрыта роль социальной и физической окружающей среды как в формировании определенных клинико-психологических состояний, вызванных болезнью или травмой, так и при преодолении последствий заболеваний. Во-вторых, данный документ ориентирует специалиста на оценивание главным образом последствий нарушений, не заостряя внимание на резервах восстановления или компенсации и реабилитационном потенциале инвалида. Фактически отсутствие или минимизация вышеперечисленных факторов, влияющих на реабилитационный процесс, не позволяют разработать индивидуальную программу реабилитации или абилитации инвалида. Поэтому потребовался другой документ, учитывающий эти факторы. Именно МКН послужила отправной точкой для разработки современного технологического инструмента, обеспечивающего решение широкого круга проблем современной реабилитологии.

МНК, логично сочетаясь с МКБ 10, стала международно-признанным единым языком, с помощью которого все нозологические формы унифицированы и признаются представителями любых медицинских направлений. Но МКБ и МНК ограничены только болезнью и ее последствиями, достаточно сложно прояснить, какие сопутствующие функциональные проблемы сопровождают человека в жизни. К таким проблемам можно отнести ограничения в самообслуживании, мобильности, общения и пр. Другим недостатком МКН выступает ориентация только на инвалида, неприменимость к любому человеку, имеющему сложности или проблемы со здоровьем, т. е. данная классификация не универсальна.

Поэтому в 2001 году на смену МКН приходит Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) [3] (International Classification of Functioning, Disability and Health, ICF), которая опирается на интеграцию «медицинской» и «социальной» моделей инвалидности и базируется на биопсихосоциальной модели «здоровье — болезни». Данный

документ отходит от классификации «последствий» нарушений функционирования и на первые позиции ставит «составляющие здоровья». Если последствия заболевания ориентируют специалиста на изменения здоровья, которые могут возникнуть у индивида, то составляющие здоровья ориентируют на ресурсы личности.

Во всемирном докладе об инвалидности ВОЗ сказано, что «...инвалидность — одна из составляющих человеческого существования. Почти каждый человек в течение жизни может иметь временные или постоянные нарушения, а те, кто доживут до старшего возраста, могут испытывать все большие трудности с функционированием. Инвалидность — это сложное явление, а меры вмешательства по преодолению ущерба, обусловленного инвалидностью, носят комплексный и системный характер и варьируются в зависимости от конкретных условий», поэтому МКФ определяет инвалидность как «зонтичный термин для обозначения нарушений, ограничений в действиях и ограничений в участии» [4, с. 6].

Первым принципиальным отличием МКФ от МКН явился отказ от признанного в медицине причинно-следственного критерия, смысл которого в том, что между всеми компонентами последствий болезни есть связь. В МКБ 10 нарушения описаны диагнозом как констатацией факта наличия у конкретного индивида набора симптомов и синдромов, т. е. МКБ описывает состояние болеющего человека на данный момент. МКН ориентирует специалиста на минимизацию выявленных нарушений.

МКФ дополняется информацией о функционировании, активности и участии конкретного индивида, а также анализом различных факторов окружающей среды, помогающих или мешающих этому индивиду справиться со своим состоянием. Такая информация позволяет получить всестороннюю картину ситуации инвалида, которая и является основанием для принятия решения специалистами при разработке реабилитационного маршрута.

В МКФ введен новый термин — «функционирование», который помогает описывать положительные или нейтральные аспекты функций организма, активности и возможностей участия индивида в различных видах деятельности. Второй термин МКФ — «ограничения жизнедеятельности» — также относится ко всем нарушениям,

ограничениям активности и участия. Таким образом, отличием МКФ от МКН было введение критериев влияния личностных и контекстных факторов (факторов окружающей среды) во всех их проявлениях на реабилитационный процесс. Таким образом, еще одним принципиальным отличием МКФ от МКН выступает возможность описания ситуации индивида, исходя из тех нарушений, которые у него имеются, а также из контекстных факторов, к которым относятся личностные особенности и факторы окружающей среды, т. е. введение термина «функционирование» подчеркивает процессуальный, а не статичный характер МКФ.

Можно сказать, что МКФ описывает функциональное здоровье любого человека. Функциональное здоровье с учетом условий физической и социальной среды для конкретного индивида в контексте МКФ состоит из следующих компонентов:

- соответствующие общепринятым в данном обществе нормам функции и структуры организма (включая психическую сферу);
- соответствующие общепринятым нормам возможности и способности человека;
- обеспечение своего существования во всех важных для конкретного индивида сферах без ограничений функций и структур организма, его активности.

Таким образом, в понятие «функционирование» включены и его функциональные способности, которые отражены в понятии «функциональное здоровье» в дополнение к биомедицинским показателям. Ограничение функционального здоровья с позиции МКФ есть результат негативного взаимодействия между проблемой здоровья (нарушениями) и контекстными факторами индивида. Такое нарушение функционального здоровья и есть инвалидность. Поэтому подход, представленный в МКФ, имеет серьезные перспективы для проведения реабилитационных и абилитационных мероприятий.

Третьим важным отличием МКФ от МКН является четкая ориентация на конкретного индивида по всем показателям и диалектический характер описания. Так, в МКФ указывается, что «у двух индивидов с одинаковыми заболеваниями могут быть различные уровни функционирования, и два индивида с равным уровнем функционирования не обязательно имеют одинаковое измене-

ние здоровья» [3, с. 5]. Поэтому если МКН предлагает «линейную» схему определения инвалидности (рис. 1), то МКФ охватывает все сферы жизнедеятельности индивида в виде своеобразного «зонтика», оценивая составные части функционирования (активность, участие, функции и структуры организма), факторы окружающей среды и личностные факторы. Например, два человека, перенесшие острое нарушение мозгового кровообращения (I 69.3 — по МКБ 10), могут принципиально отличаться по вовлеченности в социальную среду, т. е. по домену «Активность и участие» в МКФ. Так, один человек большую часть времени находится дома в пассивном состоянии, т. к. боится повторения инсульта, второй продолжает активно, в силу своих возможностей, например, помогать взрослым детям в воспитании внуков, ходит в магазин, на прогулку, общается с друзьями и пр.

Как подчеркивают Е. В. Мельникова с коллегами, «... важно понимать отличие терминов МКФ от бытовых смыслов слов “активность” и “участие”. Активность — это термин для описания составляющих здоровья, а не любая активность врача или активность вокруг индивида. Это активность пациента в отношении выполнения задач, возникающих по ходу жизни. <...> Так, к активности или участию с позиции МКФ не будет относиться приготовление пищи, если сам пациент в этом процессе не участвует» [4, с. 8]. Таким образом, отличие заключается в актуальности любой деятельности для индивида (активность) и направленности этой деятельности (участие), т. е. понятие «активность» связано с любой активной деятельностью человека, снижающей ограничения его жизнедеятельности для себя, а «участие» — во взаимодействии этого же индивида с другими людьми.

Таким образом, МКФ позволяет определять рамки для описания в первую очередь состояния здоровья и различных факторов, влияющих на это здоровье, предлагая интегративную оценку ситуации человека. МКФ является классификацией здоровья в том смысле, что в ней представлены все аспекты человеческого функционирования и инвалидности, которые должны рассматриваться в контексте здоровья, когда оно может быть нарушено вследствие болезни, нарушения, увечья или травмы. И с этой точки зрения МКФ является

языком для статистики здоровья, то есть отражает данные, которые характеризуют здоровье индивидуумов и населения.

Основными **целями** МКФ выступают:

- обеспечение научной основы для понимания и изучения показателей здоровья и показателей, связанных со здоровьем, результатов вмешательств и определяющих их факторов;
- формирование общего языка для описания показателей здоровья и показателей, связанных со здоровьем, с целью улучшения взаимопонимания между различными пользователями: работниками здравоохранения, исследователями, администраторами и обществом, включая людей с ограничениями жизнедеятельности;
- возможность сравнения информации в разных странах, сферах здравоохранения, службах и во времени;
- обеспечение систематизированной схемы кодирования для информационных систем здоровья [3, с. 6].

МКФ имеет свою структуру, представленную в табл. 1.

Рассмотрим основные термины МКФ. Для определения рамок с целью описания показателей здоровья и показателей, связанных со здоровьем, в МКФ введены домены как «практический и значимый набор взаимосвязанных физиологических функций, анатомических структур, действий, задач и сфер жизнедеятельности индивида» [3, с. 3]. МКФ разделена на две части: функционирование и ограничения жизнедеятельности (часть, относящаяся к составляющей «здоровье») и контекстовые факторы (часть, относящаяся к составляющей «факторы, связанные со здоровьем»). Эти составляющие состоят из доменов, поэтому структура МКФ раскрывается с помощью 4 взаимосвязанных параметров:

- функции и структуры организма: изменения анатомических структур; изменения физиологических структур;
- активность и участие: потенциальная способность; реализация;
- факторы окружающей среды: внешнее влияние на функционирование и ограничения жизнедеятельности;
- личностные факторы: внутреннее влияние на функционирование и ограничения жизнедеятельности.

Структура МКФ

Показатель	Часть 1. Функционирование и ограничения жизнедеятельности		Часть 2. Контекстовые факторы	
	Функции и структуры организма	Активность и участие	Факторы окружающей среды	Личностные факторы
Домены	Функции организма Структуры организма	Сферы жизнедеятельности (задачи, действия)	Внешнее влияние на функционирование и ограничения жизнедеятельности	Внутреннее влияние на функционирование и ограничения жизнедеятельности
Параметры	Изменение функций организма (физиологическое) Изменение структур организма (анатомическое)	Потенциальная способность Выполнение задачи в стандартных условиях Реализация Выполнение задачи в реальной жизненной ситуации	Облегчающее или затрудняющее влияние физической, социальной среды, миротеншений и установок	Влияние личностных свойств
Позитивный аспект	Функциональная и структурная целостность	Активность и участие	Облегчающие факторы	Неприменимо
Негативный аспект	Нарушение	Ограничение активности Ограничение возможности участия	Препятствующие факторы/барьеры	Неприменимо

Примечание: составлено по: [3, с. 12].

МКФ начинается с раздела «Функционирование и ограничения жизнедеятельности». В отличие от МКН, где ограничение жизнедеятельности трактуется как изменение, возникающее в результате нарушений либо структур, либо функций организма, в МКФ ограничение жизнедеятельности — это дефицит физических и социальных действий. «Как классификация, МКФ не моделирует “процесс” функционирования и ограничений жизнедеятельности. Однако, она может быть использована для описания этих процессов, предлагая средства отображения различных параметров и доменов. МКФ обеспечивает многоцелевые подходы к классификации функционирования и ограничений жизнедеятельности как взаимодействующих и развивающихся процессов», — указано в МКФ [3, с. 21]. Таким образом, в МКФ под ограничением жизнедеятельности рассматривается общий термин для нарушений, ограничений активности и возможности участия. Этот термин указывает на все возможные негативные аспекты взаимодействия между индивидом, имеющим проблемы со здоровьем, факторами окружающей среды и личностными факторами.

Другими словами, под ограничением в МКФ, во-первых, понимается любое нарушение функционального здоровья, что может приводить к инвалидности. Согласно модели МКФ, инвалидность является понижением функционирования тела, личности или социальной активности. Следовательно, совокупность функционирования частично совпадает с совокупностью здоровья. Вот почему нарушения на личностном уровне, например депрессивные состояния или личностная тревожность, являются понижением уровня здоровья.

Именно поэтому медико-социальная экспертиза определяет инвалидность, исходя из ограничений жизнедеятельности: способности к самообслуживанию, способности к передвижению, способности к общению, способности к ориентации, способности контролировать свое поведение, способности к обучению и способности к трудовой деятельности. Трактовка понятия «ограничение» в МКФ включает как последствия, так и результат взаимодействия между изменениями здоровья индивида и социальными факторами, включающими условия жизнедеятельности этого человека.

К таким социальным факторам могут относиться государственные и общественные структуры, окружающая среда в виде зданий, транспорта, общественных мест и пр., квартира, в которой проживает человек, отношения к нему окружающих и др., которые помогают либо мешают функционированию конкретного человека. Кроме того, понятие «ограничение» может распространяться на факторы окружающей среды, которая может выступить непреодолимым барьером для инвалида.

Анализ нарушений с позиции процессуального подхода позволяет пользователям МКФ рассматривать их как определенные проблемы, возникшие в функциях или структурах организма, а не сводить их только к патологическому процессу. В первую очередь, нарушения — это отклонения от определенных общепринятых стандартов биомедицинского статуса организма и его функций и не зависят от этиологии конкретной нозологической формы. Как указывают Ф. А. Юнусов, Г. Гайгер, Э. Микус, «...нарушение может быть частью или проявлением изменения здоровья, но оно не является обязательным признаком болезни и не означает, что индивид должен считаться больным. Например, утрата конечности — это нарушение структуры организма, а не расстройство и не болезнь» [5, с. 22].

Следовательно, понятия «функционирование» и «ограничение жизнедеятельности» в МКФ позволяют разработать профиль функционирования и ограничений жизнедеятельности конкретного индивида как динамическое взаимодействие между различными изменениями здоровья и факторами, способствующими или мешающими процессу реабилитации и, если возможно, выздоровлению индивида.

Следующими понятиями МКФ выступают «активность» и «участие». Под активностью в МКФ понимается «выполнение задачи или действия индивидом» [3, с. 11]. Как указано в МКФ, «домены для составляющей: активность и участие, даны в одном перечне, охватывающем все сферы жизни (от базисных навыков обучения, использования зрения до более сложных сфер, таких как межличностные взаимодействия или трудовая занятость). Составляющая может использоваться как для обозначения активности или участия, так и для того и другого вместе» [3, с. 16]. Именно понятие «активность» имеет существенное значение для проведения реабилита-

ционной диагностики, мониторинга и оценки результативности реабилитационных услуг.

Домены этой составляющей квалифицируются двумя определителями: реализация и потенциальная способность (сaracity). Определитель «реализация» позволяет установить, что конкретно делает индивид в условиях его реальной среды, т. к. для реабилитационной диагностики важно, как человек вовлечен в социальный контекст и как он применяет свой жизненный опыт. Классификатор активности и участия включает в себя характеристики различных сфер жизни, которые либо выступают/могут выступать видами деятельности человека (активность), либо обеспечивают жизнь человека в различных сообществах (участие). Поэтому данный термин прямо связан с результативностью. Например, результат двигательной активности человека с ограничением к передвижению улучшается с применением технических средств (ортезов, роллаторов и пр.). Кроме того, результат конкретной деятельности можно наблюдать непосредственно.

Понятие «потенциальная способность» (сaracity), трактуемая разработчиками МКФ в рамках западной гуманистической традиции, позволяет показать, насколько индивид способен справляться с определенной задачей или действием и каков адекватный уровень функционирования для этого индивида в данный момент.

Отношение между понятиями «потенциальная способность» и «реализация» (результат) характеризуется следующими признаками:

- во-первых, из выявленной потенциальной способности сложно сделать вывод о результате. Необходима информация о контекстовых факторах (индивидуально-личностных особенностях индивида, его окружении и др.), в которых эта способность либо активизируется, что приведет к положительному результату, либо так и останется потенциальной;

- во-вторых, чтобы выявленная способность была превращена в выполненное действие (решенную задачу), необходимо сопровождать индивида в этом действии (проверять возможности и готовность индивида для осуществления поставленной задачи);

- в-третьих, не стоит путать потенциальные способности индивида, к которым привыкли его окружающие (например, близ-

кие обучаются понимать искаженную речь человека, перенесшего инсульт) и результат (когда при реабилитационной диагностике выявлены тяжелые нарушения речи у этого же индивида).

Одна только информация по нарушениям активности и возможностей участия не дает полной картины инвалидности, будь это человек или население в целом. Если сказать о ком-то, что этот человек слепой, глухой, имеет умственную отсталость или трудности с передвижением, то это ничего не говорит о том, как эти нарушения негативно отражаются на возможностях этого человека выполнять ежедневные действия. И без информации, в каких условиях этот человек проживает (средовые факторы), сложно предположить, что фактически делает человек в своей жизни, т. е. есть ли у него семья, учится ли такой человек успешно в школе, работает ли. Именно эти факторы позволяют составить полную картину инвалидности, без которой не было бы никакого представления о том, какие ресурсы или услуги могут потребоваться таким людям. Поэтому в МКФ введен еще один раздел «Контекстовые факторы», представляющий собой совокупность обстоятельств жизни индивида. Контекстовые факторы включают факторы окружающей среды, которые «...создают физическую и социальную обстановку, среду отношений и установок, в которой люди живут и проводят свое время» [3, с. 199] и личностные факторы, т. е. данные о личности индивида и «о людях или животных, которые обеспечивают практическую физическую или эмоциональную поддержку, заботу, защиту и помощь во взаимоотношениях с другими людьми» [3, с. 218].

Контекстовые факторы представлены в МКФ таким образом, чтобы диагностировать ситуацию индивида на двух уровнях: на уровне индивида с целью анализа внутреннего влияния (индивидуально-личностные особенности, отношение к болезни, ресурсы, реабилитационный потенциал, воздействие непосредственного окружения на ситуацию индивида и пр.) и на уровне общества с целью определения внешних воздействий на функционирование и ограничения жизнедеятельности (формальные и неформальные структуры, различные службы, установки социума относительно людей с инвалидностью, связь, транспорт, коммуникационные системы, а также официальные и неофициальные регламентирую-

щие документы и пр.). Таким образом, контекстовые факторы дают полное представление о жизненной ситуации индивида.

Факторы окружающей среды описывают ту физическую и социальную обстановку, в которой индивид проживает и проводит свое время. Отметим, что в МКФ понятие «факторы окружающей среды» сформулированы с точки зрения обеспечения не только физической, но и социальной и социально-психологической обстановки. Так, в МКФ четко указано, что факторы окружающей среды «...создают физическую и социальную обстановку, включая среду отношений и установок, где люди живут и проводят свое время» [3, с. 22]. На уровне общества это формальные и неформальные социальные структуры, службы, общие установки и системы в сообществе или сфере культуры, которые оказывают влияние на людей. Этот уровень включает организации и службы, относящиеся к труду, деятельности в сообществах, к правительственным учреждениям, транспортным и коммуникационным службам, негосударственным социальным структурам, а также законы, постановления, официальные и неофициальные правила, связи и идеологии.

Эти факторы могут выступать как барьеры либо как помощь. Следовательно, факторы окружающей среды оказывают непосредственное воздействие на структуры и функции организма, потенциальные способности и возможности реализации индивида. Включение контекстовых факторов в классификацию позволяет ответить на вопрос о положительном или негативном воздействии на человека как его самого, так и его окружения.

После внедрения МКФ в практику постепенно происходит переход от понимания реабилитации как только устранения последствий заболеваний, травм или любых других нарушений функционирования, к комплексной биопсихосоциальной модели здоровья — болезни, на основе которой реабилитация приобретает комплексный и мультимодальный характер. Целью реабилитации выступает восстановление либо компенсация за счет развития других определенных функций для социальной адаптации, включая достижение человеком материальной независимости (активность) и интеграцию в общество (участие), а также формирование соответствующей окружающей среды, состоящей из контекстовых факторов.

Литература

1. Международная номенклатура нарушений, ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности : руководство по классификации болезней и причин инвалидности. М. РАМН: НИИ социальной гигиены, экономики. М., 1994. 106 с.
2. Аухадеев Э.И. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, рекомендованная ВОЗ, — новый этап в развитии реабилитологии // Казанский медицинский журнал. 2007. Т. 88, № 2. С. 5–9.
3. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). Женева : Всемирная Организация Здравоохранения ; СПб. : Институт усовершенствования врачей-экспертов, 2001. 346 с.
4. Использование МКФ в амбулаторной и стационарной медицинской реабилитации: инструкция для специалистов / Е. В. Мельникова, Т. В. Буйлова, Р. А. Бодрова, А. А. Шмонин и др. // Вестник восстановительной медицины. 2017. № 6. С. 7–20.
5. Юнусов Ф.А, Гайгер Г., Микус Э., Манувальд В. Организация медико-социальной реабилитации за рубежом. М. : Общероссийский общественный фонд «Социальное развитие России», 2017. 332 с.

References

1. International nomenclature of disorders, life restrictions and social insufficiency: a guide to the classification of diseases and causes of disability. M. : RAMS: Research Institute of Social Hygiene, Economics. M., 1994. 106 p.
2. Aukhadeev E. I. International classification of functioning, limitations of life and health, recommended by WHO, — a new stage in the development of rehabilitation // Kazan Medical Journal. 2007. Vol. 88, no. 2. P. 5–9.
3. International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF). Geneva: World Health Organization; St. Petersburg: Institute for Advanced Training of Medical Experts, 2001. 346 p.
4. The use of ICF in outpatient and inpatient medical rehabilitation: instructions for specialists / E. V. Melnikova, T. V. Buylova, R. A. Bodrova, A. A. Shmoninet et al. // Bulletin of Restorative Medicine. 2017. No. 6. P. 7–20.

5. Yunusov F. A., Gaiger G., Mikus E., Manuvald V. Organization of medical and social rehabilitation abroad. M. : All-Russian Public Fund "Social Development of Russia", 2017. 332 p.

М. В. Романова,

студент,

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург

e-mail: maria00srvv96@gmail.com

РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Аннотация. В статье раскрывается роль специалиста по социальной работе в период пандемии, приводятся статистические данные Роспотребнадзора по заражению COVID-19 в России, описаны этические принципы, на которые опираются специалисты. Говорится о мерах, которые предусмотрены в социальных учреждениях для предупреждения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: специалист по социальной работе, пандемия COVID-19.

M. V. Romanova,

student,

Russian State Vocational Pedagogical University,

Yekaterinburg

e-mail: maria00srvv96@gmail.com

THE ROLE OF A SOCIAL WORK SPECIALIST IN THE CONTEXT OF COVID-19

Abstract. The article reveals the role of a specialist in social work during the pandemic, provides statistical data of Rospotrebnadzor on COVID-19 infection in Russia, and describes the ethical principles on which specialists rely. It refers to the measures that are provided in social institutions to prevent coronavirus infection.

Keywords: social work specialist, COVID-19 pandemic.

На современном этапе развития весь мир охвачен пандемией COVID-19. Специалисты по социальной работе играют важную роль в оказании помощи различным категориям населения, которые столкнулись с трудностями в период коронавирусной инфекции. В отличие от медицинских работников, которые имеют определенный алгоритм при оказании помощи, у специалистов социальных учреждений нет единого принципа и четкой инструкции как действовать в период пандемии.

По данным Роспотребнадзора, на 26 февраля 2021 г. в России было зарегистрировано около 4,2 млн случаев заражения новой коронавирусной инфекцией. В активной фазе болезни находятся около 350 тысяч человек, из них 2 300 в критической ситуации. Уровень летальности составляет 2 %. Можно сказать, что, несмотря на введенные карантинные меры, соблюдение масочного режима, а также на начавшейся период вакцинации, число инфицированных остается на достаточно высоком уровне. В период пандемии большая ответственность легла на специалистов по социальной работе, которые вынуждены оптимизировать свои силы и направить их на оказание помощи нуждающейся категории населения [1].

Важно отметить, что в период коронавирусной инфекции, а также в период самоизоляции среди населения возникла потребность в социальных работниках, которые могут оказывать социальные услуги в домашних условиях. В первую очередь такая помощь необходима пожилым и инвалидам, а также многодетным семьям, которые по очевидным причинам вынуждены оставаться дома, соблюдая коронавирусные ограничения. Помощь заключалась в доставлении продуктов питания, товаров первой необходимости, лекарственных препаратов [2].

Специалисты по социальной работе в период пандемии продолжали выполнять свои профессиональные обязанности, несмотря на нехватку средств индивидуальной защиты и ресурсов. Они вынуждены были действовать профессионально, оказывать психологическую и иную помощь, вступая в контакт с клиентами. Руководствуясь моральными и этическими принципами, толерантностью специалисты смогли справиться с возросшей напряженностью в обществе и ответственно выполнить свой долг.

Можно выделить несколько этических принципов, на которые опираются специалисты по социальной работе:

- принцип гуманизма, который включает себя не только милосердие, но и рациональность в организации помощи населению, оказание конкретной помощи. Принцип основан на принятии прав человека как высшей ценности, несмотря на религиозный состав, пол, возраст и других особенностей;

- принцип личностного подхода, который акцентирует внимание на индивидуальность каждого человека. Важно понять и направить человека на верный путь, не навязывая личное мнение, привлечь его к совместному сотрудничеству, сберечь его личностное достоинство;

- принцип модальности предполагает гибкий подход к различным категориям населения;

- принцип перманентности направлен на недопущение прекращения оказания различных социальных услуг, которые были задействованы в работу с клиентом и др. [3, с. 25–26].

Так, в отдельных регионах РФ специалисты по социальной работе оказались на передовой в получении прививки от COVID-19, т. к. вакцинация является одним из важных методов защиты себя и своего здоровья. После вакцинации специалисты в полной мере могут оказывать необходимую помощь лицам, которые болеют коронавирусной инфекцией, помощь оказывается преимущественно на дому. При этом соблюдаются все необходимые меры безопасности.

В период пандемии большая ответственность легла на специалистов по социальной работе, работающих в многофункциональных центрах, центрах занятости и других учреждениях, оказывающих социальные услуги, т. к. возник спрос среди населения на получение различных льгот и пособий на детей, пособий по безработице. Они вынуждены были оказывать социальные услуги в пик коронавирусной инфекции, консультировать население по возникающим вопросам, оказывать помощь в оформлении документов.

Следует сказать о мерах, благодаря которым социальные учреждения смогли справиться с возросшей нагрузкой, которая возникла в период коронавирусной инфекции и сдержать ее распространение среди лиц, проживающих в стационарных учреждениях. Речь идет

о временной опеке. Добровольцы, волонтеры, а также сотрудники как государственных, так и негосударственных учреждений по собственной инициативе могли взять под опеку ту категорию населения, которая находится в группе риска, к ним относятся пожилые, инвалиды, дети-сироты и др. Данная мера облегчила функционирование социальных учреждений, но при этом выплачивались денежные средства лицам, которые смогли взять под опеку определенную категорию населения. В среднем сумма ежемесячной выплаты составляла 12 130 рублей за каждого человека, оказавшегося под опекой [4].

Для лиц, проживающих в организациях социального обслуживания и для сотрудников были выработаны профилактические меры, которые включают:

- 1) измерение температуры тела сотрудникам и лицам, которые контактируют с проживающими в центре;
- 2) гигиенические меры для сотрудников: мытье рук, отдельное хранение личных вещей;
- 3) использование сотрудниками сменной одежды;
- 4) использование средств индивидуальной защиты [5].

На законодательном уровне в ноябре месяце были внесены изменения в постановление, которое гласит так: «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг». Благодаря изменениям появилась возможность оказать срочную социальную услугу на время пандемии, которая заключалась в сопровождении социальным работником клиентов при госпитализации в учреждения здравоохранения и оказание необходимой уходовой помощи (раннее необходимо было оформить служебную командировку, которая занимает достаточно много времени в ее оформлении).

Таким образом можно сказать, что первая и одна из главных задач в деятельности социальных учреждений и специалистов по социальной работе была направлена на оказание помощи людям, которые оказались в «группе риска». Важно было минимизировать социальные контакты, снизить напряжение в обществе и оказать необходимую помощь различным категориям населения. Важно отметить, что не только специалисты по социальной работе оптимизировали свои силы и достойно справились с возложенными

обязанностями, но также волонтеры, общественные организации и государственные меры помогли справиться с народными волнениями, уменьшить социальное и психологическое напряжение в обществе.

Литература

1. Коронавирус в России. URL: <https://coronavirusstat.ru/country/russia/1590089/> (дата обращения: 27.02.2021).
2. Как соцработники помогают людям во время пандемии. URL: <https://rg.ru/2020/06/07/reg-sibfo/kak-socrabotniki-pomogaiut-liudiam-vo-vremia-pandemii.html> (дата обращения: 27.02.2021).
3. *Фирсов М. В., Студенова Е. Г., Наместникова И. В.* Введение в профессию «Социальная работа». М. : КноРус, 2017. 224 с.
4. Практика социальной работы. Открытый методический ресурс : сетевое издание. 2020. № 3 // СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр “Семья”». URL: <http://центрсемья.рф/> (дата обращения: 27.02.2021).
5. Министерство труда и социальной защиты РФ письмо от 21 апреля 2020 года № 26–4/10/В-3076 «О направлении методических рекомендаций “О временном порядке работы стационарных организаций социального обслуживания в период распространения COVID-19 и проведении мероприятий по профилактике и снижению рисков”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/564778980> (дата обращения: 27.02.2021).

References

1. Coronavirus in Russia. URL: <https://coronavirusstat.ru/country/russia/1590089/> (date of access: 27.02.2021).
2. How social workers help people during a pandemic. URL: <https://rg.ru/2020/06/07/reg-sibfo/kak-socrabotniki-pomogaiut-liudiam-vo-vremia-pandemii.html> (date of access: 27.02.2021).
3. *Firsov M. V., Studenova E. G., Namestnikova I. V.* Introduction to the profession “Social work”. M. : KnoRus, 2017. 224 p.
4. Practice of social work. Open methodological resource : online publication. 2020. No. 3 // St. Petersburg State Budgetary Institution “City Information and Methodological Center ‘Semya’”. URL: <http://центрсемья.рф/> (date of access: 27.02.2021).

5. The Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation letter No. 26–4/10/B-3076 of April 21, 2020 “On the direction of methodological recommendations ‘On the temporary order of work of stationary social service organizations during the spread of COVID-19 and the implementation of measures to prevent and reduce risks’”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/564778980> (date of access: 27.02.2021).

И. А. Савенкова,

студентка кафедры общей социологии и социальной работы,

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,

Нижний Новгород

e-mail: irinasavenkova017@gmail.com

РАБОТА НКО В УСЛОВИЯХ COVID-19

Аннотация. Пандемия коронавирусной инфекции неожиданно обрушилась на мир, в результате чего на некоторое время все сферы деятельности оказались в уязвимом положении, что продемонстрировало неготовность стран к подобным явлениям. Организованная собственными силами руководителей организаций адаптация под новые условия жизни в виде переноса общения, работы, встреч в онлайн-пространство позволила бизнесу, государственным структурам и некоммерческому сектору вернуться к своей деятельности и продолжить оказывать услуги клиентам. В данной работе был проанализирован опыт некоммерческих организаций Приволжского федерального округа и на основе мнений руководителей СО НКО выявлены плюсы и минусы работы в пандемию.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, СО НКО, пандемия, коронавирус, COVID-19.

I. A. Savenkova,

*student of the Department of General Sociology and Social Work,
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,*

Nizhny Novgorod

e-mail: irinasavenkova017@gmail.com

NPO WORK IN THE CIRCUMSTANCES OF COVID-19

Abstract. The coronavirus pandemic suddenly hit the world, as a result of which for some time all spheres of activity were in a vulnerable position, which demonstrated the countries' unpreparedness for such phenomena. The adaptation to the new living conditions, organized by the heads of organizations themselves, in the form of transferring communication, work, and meetings to the on-line space, allowed businesses, government agencies, and the non-profit sector to return to their activities and continue to provide services to customers. In this work, the experience of non-profit organizations of the Volga Federal District was analyzed and the disadvantages and advantages of working in the pandemic were identified, according to the heads of SO NPOs.

Keywords: socially oriented non-profit organizations, SO NPOs, pandemic, coronavirus, COVID-19.

В условиях постоянно развивающегося инновационного общества, в России некоммерческий сектор рынка социальных услуг постепенно стал занимать конкурирующую позицию с государственным и коммерческим сектором. Преимущество социально ориентированных некоммерческих организаций (далее СО НКО) заключается в том, что клиенты в этих организациях могут получить помощь бесплатно с меньшими временными затратами и без бюрократических «проволочек».

Неожиданно обрушившаяся на весь мир пандемия коронавируса не только обострила имеющиеся проблемы в социальной сфере в России, в том числе недостаточное финансирование, что негативно отразилось на здравоохранении, но и открыла новые — например, неподготовленность в вопросе управления во многих частных, государственных и некоммерческих организаций к подобным потрясениям: потребовался срочный переход всех сотрудников

в онлайн-пространство, было необходимо адаптироваться к новым вариантам взаимодействия с клиентами учреждений, к чему многие сотрудники организаций были неподготовлены.

Многими исследователями уже рассматривался актуальный вопрос, касающийся проблем в работе некоммерческих организаций в период пандемии. Например, Кулькова В. Ю. рассмотрела вопрос с точки зрения государственного управления и помощи НКО в период кризисной ситуации 2020 года из-за пандемии коронавирусной инфекции [1]. Грошева Е. К., Начаркин М. А., Чуприна А. Д. изучили вопрос работы НКО в период пандемии и процесс осуществления социальных проектов в это время [2].

По данным интернет-газеты РБК, фонд «КАФ» в начале пандемии провел опрос 232 некоммерческих организаций 48 регионов относительно того, как коронавирус повлиял на их работу. Результаты данного исследования свидетельствуют, что, несмотря на многочисленные сложности, только 5 % организаций полностью приостановили деятельность, 75 % НКО работали в том же объеме или сократили его незначительно. Это можно объяснить стремлением достигать цель деятельности НКО — оказать помощь клиентам, которые оказались в еще большем уязвимом положении в сложившейся эпидемиологической ситуации, чем в обычное время [3].

Проанализируем мнение руководителей СО НКО ПФО, в том числе НКО города Нижнего Новгорода.

Огромным минусом, по признанию всех общественников, стала невозможность продолжать работу в привычном ритме, напрямую взаимодействовать с клиентами, а именно, проводить занятия, помогать в реабилитации и социализации взрослых людей и детей с инвалидностью, организовывать встречи и другие виды активностей с пожилыми. «Я раньше изо всех сил старалась социализировать своих подопечных, организовывала различные выезды, встречи, все проекты были направлены на то, чтобы вытащить ребят из дома. Общение, общение и еще раз общение и непосредственное взаимодействие с окружающим социумом — вот самое правильное считала я», — говорит директор Фонда «Солнце внутри» Ахметзянова Юлия Наильевна [4]. В целом пришлось ограничить все встречи, в том числе конкурсы, тренинги, которые пользуются

популярностью у клиентов и сотрудников НКО, «...снизились спрос на различные “красивые” концерты и фестивали, на которые раньше делался акцент и с точки зрения государственной поддержки» [5].

Второй минус связан с трудностями работы в сельской местности. В крупных городах существуют не только НКО, но и ресурсные центры, которые занимаются развитием потенциала НКО, в том числе профессиональным развитием сотрудников, что говорит о достаточном уровне развития некоммерческого сектора в городах, о более высокой сознательности членов гражданского общества, которые устанавливают прочные связи с целью развития, взаимопомощи, поддержки в трудных ситуациях. У НКО в сельской местности проблема заключается в том, что они могут взаимодействовать с какими-то организациями в своей области, но эти отношения непрочные, так как поселки и малочисленные города прилично отдалены друг от друга и поддерживать постоянное сотрудничество не получается. В результате НКО в сельской области остаются наедине со своими проблемами и вынуждены самостоятельно их решать. Кроме того, председатель Правления Саратовского регионального общественного фонда поддержки гражданских инициатив «Общество и право» Царенкова Елена Геннадьевна отмечает бездействие муниципальных властей в ответ на просьбы НКО помочь им, «...не обращали внимание на то, что у них остановилась деятельность. <...> В результате многие местные небольшие НКО просто прекратили свою деятельность» [6]. Такой исход недопустим — в сельских поселениях НКО часто выступают не только как помощники в работе с семьями, людьми с ОВЗ, но и обеспечивают возможность активного отдыха, общения, в том числе пожилым жителям, особенно часто нуждающимся не только в решении своих проблем, но и просто во внимании, в обучении чему-то новому.

Еще один выявленный недостаток, отразившийся на работе НКО — недостаточное финансирование и малая поддержка со стороны государства. Многие социальные проекты реализуются с помощью грантов от различных фондов и связаны с проведением очных мероприятий и встреч, что в период пандемии коронавирусной инфекции было неосуществимо. Для возможности успешно реализовать проект, не потерять грантовые средства, провести

намеченные встречи онлайн и обеспечить должное качество результата, руководителям СО НКО пришлось срочно искать выход из сложившейся ситуации. Также стоит упомянуть и тот факт, что НКО, оказывающие коммерческие услуги, потеряли часть доходов из-за отсутствия клиентов.

В некоторых регионах местные власти были готовы поддерживать часть НКО с помощью субсидий, но не все из них смогли бы их получить, поскольку прежде нужно успешно пройти конкурс. Государство предложило несколько вариантов поддержки НКО: в виде безвозвратных целевых единоразовых выплат, льготного кредитования, введения отсрочек на предоставление отчетности и административных регламентов и др. [7, с. 8–9]. Общественная палата в регионах в период пандемии выступала в роли консультантов, связующего звена между представителями НКО, государственной властью и экспертами в той или иной области, участвовала в обсуждении насущных вопросов, касающихся и финансирования. Например, в августе 2020 года в Общественной палате Кировской области обсуждался порядок и условия включения НКО в реестр СО НКО для получения помощи от государства, поднимались вопросы предоставления отсрочки по оплате арендной платы за использование помещений и оплате коммунальных услуг, получения льготного кредитования. «Основная проблема, с которой столкнулись организации, включенные в реестр СО НКО, заключается в отказе предоставления кредита из-за отсутствия у НКО ОКВЭД пострадавших отраслей, наличие которого является основанием подачи документов для предоставления льготного кредита» [8]. Подобные встречи позволяли лично задать интересующие вопросы, разяснить спорные моменты, в результате чего НКО удавалось разрешить проблемы финансирования.

Следующий минус — утомляемость от большого количества дистанционной работы. Переход в онлайн-пространство для оказания помощи и консультаций, более активное использование современных цифровых технологий, перестройка самой структуры деятельности для дистанционного формата, безусловно, обеспечили возможность безопасной и активной деятельности НКО без приостановки функционирования [9, с. 48]. Однако под конец карантина

сотрудники ощутили накопившуюся усталость [10]. С течением времени не только работа, но и учеба, самообразование, занятия спортом и общение с близкими перешли в онлайн-пространство. Уже не было возможности полноценно отвлечься от дел, например, сходить прогуляться, на тренировку в фитнес-зал, поэтому то, что поначалу было в новинку и казалось удобным, одновременно стало утомлять абсолютно всех.

В разговоре с руководителями НРООРДИЗ «Перспектива» и НРООПДиМ «Верас» — организациями, которые оказывают услуги людям с нарушением зрения и отставанием в развитии, была затронута тема выхода из ситуации при невозможности очного проведения занятий с детьми. Работники СО НКО были вынуждены все занятия перенести в онлайн-формат. Такая новая возможность позволила родителям подопечных полностью включиться в процесс реабилитации, объединить семьи, дополнительно мотивируя детей заниматься. До сих пор, даже в отсутствие карантина, освоенный онлайн-формат занятий применяется к находящимся на дому подопечным и к тем, кто по какой-либо другой причине не может приехать на очные занятия.

Еще один плюс — это появившаяся возможность повышения профессионализма сотрудников, не выезжая за пределы региона. Освоение формата онлайн-занятий дало возможность успешно проводить вебинары с сотрудниками НКО других регионов, привлекать специалистов из разных городов. Сейчас для нас всех онлайн-встречи остаются привычными и удобными, и многие НКО до сих пор ведут работу в смешанном формате — часть консультаций и вебинаров проводится онлайн, а часть — очно, с соблюдением всех мер безопасности в сложившейся эпидемиологической обстановке. Так, НАННО «Служение» организовало несколько очных фокус-групп в рамках проекта «Инициатива реализуема. Выбор регионов ПФО», осуществляемого при поддержке фонда Потанина, что позволило эффективно обсудить с участниками необходимые темы для дальнейшей реализации проекта.

Несмотря на имеющиеся плюсы, минусов больше, и они пока весомее, так как серьезно сказываются на эффективности работы НКО, в некоторых случаях сохраняя угрозу прекращения ими

своей деятельности. В случае повторения прошлогодней ситуации и вынужденного ухода на карантин, НКО будут уже более подготовлены, но, как и многим другим организациям, им потребуется государственная поддержка. В этой связи целесообразно вводить государственные программы по предоставлению субсидий или материальной поддержки НКО, позволяющие поддержать данную сферу оказания социальных услуг и с минимальными потерями пережить экономические последствия сложного периода.

Литература

1. *Кулькова В. Ю.* Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года / Государственное управление. Электронный вестник // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-i-gosudarstvennaya-podderzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda> (дата обращения: 10.03.2021).

2. *Грошева Е. К., Начаркин М. А., Чуприна А. Д.* Социальные проекты в условиях кризиса и механизмы их адаптации / Бизнес-образование в экономике знаний // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-v-usloviyah-krizisa-i-mehanizmy-ih-adaptatsii> (дата обращения: 10.03.2021).

3. РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5e9a14649a79472a10597f01> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Портал СО НКО ПФО : [сайт]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/o-plyusah-novyh-realiy-sdelaem-iz-limona-limonad> (дата обращения: 10.03.2021).

5. Портал СО НКО ПФО : [сайт]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/novaya-realnost-dlya-nko> (дата обращения: 10.03.2021).

6. Портал СО НКО ПФО : [сайт]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/god-2020-kak-my-preodoleli-vyzovy> (дата обращения: 10.03.2021).

7. *Кулькова В. Ю.* Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года / Государственное управление. Электронный вестник. 2020. С. 8–9 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-i-gosudarstvennaya-podderzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda>

derzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda (дата обращения: 10.03.2021).

8. Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2618/newsitem/54448 (дата обращения: 10.03.2021).

9. *Грошева Е. К., Начаркин М. А., Чуприна А. Д.* Социальные проекты в условиях кризиса и механизмы их адаптации / Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. С. 48 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-v-usloviyah-krizisa-i-mehanizmy-ih-adaptatsii> (дата обращения: 10.03.2021).

10. Портал СО НКО ПФО : [сайт]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/onlayn-nashe-vsyo> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. *Kulkova V. Yu.* Non-commercial sector and state support for non-profit organizations in the service sector in the Russian Federation in the conditions of the crisis of 2020. Electronic Bulletin // 2020-Scientific electronic Library “CyberLeninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-i-gosudarstvennaya-podderzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda> (date of access: 10.03.2021).

2. *Grosheva E. K., Nacharkin M. A., Chuprina A. D.* Social projects in the conditions of crisis and mechanisms of their adaptation / Business education in the knowledge economy. 2020 // Scientific electronic library “CyberLeninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-v-usloviyah-krizisa-i-mehanizmy-ih-adaptatsii> (date of access: 10.03.2021).

3. RBC : [website]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5e9a14649a79472a10597f01> (date of access: 10.03.2021).

4. Portal of SO NPOs of the Volga Federal District : [website]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/o-plyusah-novyh-realiy-sdelaem-iz-limona-limonad> (date of access: 10.03.2021).

5. Portal of SO NPOs of the Volga Federal District : [site]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/novaya-realnost-dlya-nko> (date of access: 10.03.2021).

6. Portal of SO NPOs of the Volga Federal District : [site]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/god-2020-kak-my-preодолеli-vyzovy> (date of access: 10.03.2021).

7. *Kulkova V. Yu.* Non-commercial sector and state support for non-profit organizations in the service sector in the Russian Federation in the conditions of the crisis of 2020. Electronic Bulletin. 2020. P. 8–9 // Scientific electronic Library “CyberLeninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-i-gosudarstvennaya-podderzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda> (date of access: 10.03.2021).

8. The public chamber of the Russian Federation : [website]. URL: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2618/newsitem/54448 (date of access: 10.03.2021).

9. *Grosheva E. K., Nazarkin M. A., Chuprina, A. D.* Social projects in crisis and the mechanisms of their adaptation / Business education in the knowledge economy. 2020. P. 48 // Scientific electronic library “Cyberleninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-v-usloviyah-krizisa-i-mehanizmy-ih-adaptatsii> (date of access: 10.03.2021).

10. Portal of SO NPOs of the Volga Federal District : [site]. URL: <https://nko-pfo.ru/viewpoint/onlayn-nashe-vsyo> (date of access: 10.03.2021).

С. И. Сазонова,

студент,

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева,

Самара

e-mail: ssi25@mail.ru

ПРИЕМНЫЕ СЕМЬИ В ФОКУСЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу влияния изменений в сфере социального обслуживания на практики поддержки приемных семей. Социальное обслуживание представляет собой деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам. Приемные семьи являются получателями социальных услуг, следовательно, развитие социального обслуживания оказывает прямое влияние на их функционирование. В статье анализируются

особенности приемных семей как получателей социальных услуг, характеризуются этапы социального сопровождения приемных семей.

Ключевые слова: социальное обслуживание, приемные семьи, социальные услуги, получатель социальных услуг.

S. I. Sasonova,

student,

Samara National Research University

named after Academician S. P. Korolev,

Samara

e-mail: ssi25@mail.ru

FOSTER FAMILIES IN FOCUS OF SOCIAL SERVICE CHANGES

Abstract. This article is devoted to the question of the impact of changes in the field of social services on the practice of supporting foster families. Social service is the activity of providing social services to citizens. Foster families are recipients of social services; therefore, the development of social services has a direct impact on their functioning. The article analyzes the features of foster families as recipients of social services, characterizes the stages of social support for foster families.

Keywords: social services, foster families, social services, recipient of social services, statistics.

Приемные семьи являются одними из основных получателей социальных услуг. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, относятся к определенной группе риска из-за отсутствия или недостаточного развития способности адаптации к условиям окружающей среды. Задача государства и специалистов социальной работы — в оказании помощи в устройстве детей указанной категории в семьи, которые смогут формировать необходимые для адаптации ребенка в обществе качества, знания, умения и навыки.

На данный момент число детей, оставшихся без попечения родителей, остается высоким (табл. 1). Однако заметны тенденции к снижению количества таких детей вследствие роста доли детей,

находящихся на воспитании в семье (табл. 2). Подтверждением служат данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 1

Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
(по данным Минпросвещения России)

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россий- ская Феде- рация	80,4	78,3	81,9	85,1	87,1	88,6	89,1	89,5

Таблица 2

Темп роста (снижения) числа приемных семей на конец года, за год
(по данным Минпросвещения России)

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россий- ская Фе- дерация	111,2	114,8	112,9	109,7	104,7	102,6	100,9	100,2

В целях обеспечения статистической сопоставимости показатель рассчитан без учета данных по Республике Крым и г. Севастополя.

Данные статистики показывают, что возрастает численность приемных детей, а следовательно и приемных родителей в Российской Федерации. Социальное обслуживание приемных семей становится неотъемлемой частью деятельности специалиста по социальной работе.

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации приемной семьей признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре [1]. Безусловно, если нет возможности сохранить для ребенка кровную семью, необходима система замещающих семей, благодаря которой дети, оставшиеся без попечения родителей,

смогут более успешно осваивать культурные ценности, семейные традиции, нормы семейной жизни.

Приемные семьи относятся к семьям социального риска, потому что адаптация детей происходит непросто, и часто родители сами оказываются в сложной жизненной ситуации. Супружеские пары, берущие ребенка в семью, могут иметь проблемы, усложняющие процесс вхождения ребенка в новую среду. Такие семьи сталкиваются с материальными, бытовыми, педагогическими трудностями, справиться с которыми помогает соответствующая подготовка и помощь специалистов в этом вопросе [2]. Самостоятельно решить данные проблемы приемная семья не может, поэтому требуется помощь квалифицированных специалистов.

Социальное обслуживание граждан — это деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам. В то время как социальная услуга — это действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. Получатель социальных услуг — гражданин, который признан нуждающимся в социальном обслуживании и которому предоставляются социальная услуга или социальные услуги. Поставщик социальных услуг — юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание [3].

Объектом социальном сопровождения являются граждане, в том числе родители (законные представители), опекуны, признанные нуждающимися в социальном обслуживании и сопровождении. Профессиональное сопровождение замещающих семей — один из важнейших этапов во взаимодействии специалистов по работе с ребенком, помещенным в семью, и членами данной семьи. Сопровождение определяется сотрудничеством специалистов службы и семьи, оказанием помощи в условиях изменяющихся потребностей, как процесс, ограниченный во времени (имеющий завершенность).

Целью сопровождения является создание набора условий, способствующих удовлетворению изменяющихся потребностей семьи

в реализации эффективного замещающего семейного ухода, предотвращение неэффективного ухода, который мешает приемному ребенку обеспечивать семейные эмоционально богатые безопасные отношения привязанности, помощь в разрешении кризисов и восстановление нормального функционирования [4].

Технология сопровождения подразумевает несколько этапов.

1. Подготовительный этап. На данном этапе происходит формирование группы семей, нуждающихся в сопровождении.

2. Диагностический этап. Предполагает исследование специалистами семейной ситуации, оценку случая.

3. Коррекционный. Сопровождение семьи в различные периоды развития.

4. Мониторинг.

Поддержка приемной семьи осуществляется в разные периоды ее развития и обязывает специалистов знать историю ребенка и его судьбы, его эмоционально-психологическое состояние.

Трудности, с которыми сталкиваются приемные родители, могут быть самыми разнообразными: незнание возрастных и психологических особенностей развития детей-сирот; сложности в установлении доверительных отношений с ребенком; проблемы, связанные с образованием ребенка; изменения в сложившемся семейном укладе и стиля жизни всех членов семьи с появлением в ней приемного ребенка; трудности в психологической совместимости. Для успешной работы с каждым конкретным случаем нужна команда специалистов, в которую входят педагог-психолог, дефектолог, социальный педагог, логопед, детский психиатр, все в зависимости от проблемы, с которой сталкиваются граждане. Эта работа предполагает комплексный подход, в рамках которого, опираясь на личные ресурсы, ресурсы социальной сети, приемная семья получает услуги социально-психологического, социально-педагогического, профессионально-трудового, медико-социального и организационно-управленческого характера для сохранения, восстановления или расширения сферы жизнедеятельности, преодоление (предупреждение) ситуации социальной дезадаптации, максимально возможная интеграция детей в общество [5].

Кандидаты в приемные родители проходят обучение. Также, кроме этого, органами попечительства и опеки учитываются здоровье, материальное положение, понимание, насколько большая ответственность возлагается на них за ребенка. На первом этапе образования такой семьи помощь специалистов особенно необходима. Специалисты устанавливают контакт с семьей, ближе знакомятся, оценивают условия проживания и быта и приглашают на прием к психологам для осуществления диагностики, а также реализуют коррекционные занятия. Таким образом, с развитием социальной сферы происходит совершенствование института семьи, с помощью социального обслуживания.

Появляются и изменяются различные организации, предоставляющие социальные услуги нуждающимся гражданам [6]. В случае приемных семей создаются Школы приемных родителей. Так, на территории Самарской области с 2012 года ведется работа с кандидатами в замещающие родители в Школе кандидатов в приемные родители. Только за 2018 год в школах кандидатов прошли обучение 879 человек. В результате возможность взаимодействия специалистов с будущими приемными родителями значительно повышает уровень эффективности работы с приемной семьей, так как еще до принятия ребенка в семью определяются основные зоны риска, и устанавливается тесный эмоциональный контакт [6].

Безусловно, важным аспектом изменения в социальном обслуживании приемных семей являются вознаграждения приемным родителям. Постановлением Правительством Самарской области от 17.12.2020 № 1038 закрепляется осуществление с 1 января 2021 года индексации с коэффициентом 1,036 [7]. Это подтверждает факт положительного влияния развития социального обслуживания на приемные семьи. Так как такие семьи могут иметь сложности не только в эмоционально-психологическом состоянии, но и в материальном.

Резюмируя проведенный анализ социальной поддержки приемных семей в контексте социального обслуживания, можно сделать вывод, что изменения в социальной сфере оказывают огромное влияние на граждан. Благополучие приемной семьи зависит от поддержки государства и помощи социальных учреждений. С помо-

щью специалистов по социальной работе приемные семьи могут рассчитывать на социальную защиту и качественное социальное обеспечение. Таким образом, благодаря развитию в сфере социального обслуживания, будет увеличиваться количество семей, желающих взять ребенка-сироту и предоставить ему комфортную и безопасную жизнь в семье.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации. М. : Эксмо-Пресс, 2021. 96 с.
2. Забелина Н. В., Алюшина Д. С. Технология социального сопровождения в практике социальной работы с приемной семьей // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2018. № 2. С. 86–91.
3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 15.03.2021).
4. Ослон В. Н. Основные подходы к организации деятельности по сопровождению замещающих семей, принявших на воспитание детей-сирот сложной категории. Модельные программы сопровождения // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 2. С. 178–179.
5. Приемная семья — полноценная «ячейка общества» // Министерство социально-демографической и семейной политики Самарской области. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/priyomnaya-semya-polnocennaya-yacheyka-obshchestva> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Кострова Ю. А. Ресурсы социальной работы в обеспечении социальной безопасности детей школьного возраста // Социальные процессы современной России / под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой : в 2 т. Нижний Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2020. Т. 2. С. 579–581.
7. Постановление Правительства Самарской области от 17.12.2020 № 1038 «Об индексации ежемесячных выплат на содержание детей в семьях опекунов (попечителей), в том числе приемных семьях, и устроенных на патронатное воспитание, и об индексации вознаграждения, причитающегося приемному родителю, патронатному воспитателю, в 2021 году».

URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW256; n=138484#047183098444326577> (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. The Family Code of the Russian Federation. M. : Eksmo-Press, 2021. 96 p.
2. Zabelina N. V., Alyushina D. S. Technology of social support in the practice of social work with a foster family // Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal. 2018. No. 2. P. 86–91.
3. Federal Law No. 442-FZ of 28.12.2013 (as amended on 13.07.2020) “On the basics of Social services for citizens in the Russian Federation”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (date of access: 15.03.2021).
4. Oslon V. N. The main approaches to the organization of activities for the support of substitute families who have adopted orphans of a complex category. Model programs of support // Questions of mental health of children and adolescents. 2017. No. 2. P. 178–179.
5. Foster family — a full-fledged “cell of society” // Ministry of Socio-Demographic and Family Policy of the Samara Region. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/priyomnaya-semya-polnocennaya-yacheyka-obshchestva> (date of access: 15.03.2021).
6. Kostrova Yu. A. Resources of social work in ensuring the social safety of school-age children // Social processes of modern Russia / under the general editorship of prof. Z. H. Saralieva : in 2 vols. Nizhny Novgorod : Izd-vo NISOTS, 2020. Vol. 2. P. 579–581.
7. Resolution of the Government of the Samara Region of 17.12.2020 No. 1038 “On the indexation of monthly payments for the maintenance of children in families of guardians (trustees), including foster families, and arranged for foster care, and on the indexation of remuneration due to the foster parent, foster carer, in 2021”. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW256; n=138484#047183098444326577> (date of access: 21.03.2021).

Д. А. Севостьянов,

д-р филос. наук,

доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом,

Новосибирский государственный аграрный университет,

Новосибирск

e-mail: dimasev@ngs.ru

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается неформальная разновидность волонтерской деятельности, которая получила распространение уже много лет назад. Речь идет о добровольном обучении студентов-медиков у произвольно выбранного наставника из числа практикующих врачей. Данная форма освоения профессиональных навыков, как правило, сопровождается осуществлением лечебно-вспомогательной деятельности в качестве своеобразной платы за обучение, что приносит несомненную пользу пациентам клиники, на базе которой осуществляется данная волонтерская деятельность.

Ключевые слова: волонтерство, медицинское образование, наставничество.

D. A. Sevostyanov,

Doctor of Philosophy,

Associate Professor of the Department of Personnel Policy and Personnel Management,

Novosibirsk State Agrarian University,

Novosibirsk

e-mail: dimasev@ngs.ru

THE ROLE OF INFORMAL VOLUNTEERING IN THE TRAINING OF MEDICAL STUDENTS

Abstract. The article considers an informal type of volunteer activity that became widespread many years ago. We are talking about voluntary training of medical students with a randomly selected mentor from among practicing doctors. This form of mastering professional skills, as a rule, is accompanied by the implementation of medical and auxiliary activities as a kind of tuition fee,

which brings undoubted benefits to the patients of the clinic on the basis of which this volunteer activity is carried out.

Keywords: volunteering, medical education, mentoring.

Развитие волонтерского движения среди студентов-медиков в современной России связывают с реализацией идей, заложенных в Послании Президента РФ от 2013 года, в котором была обозначена необходимость возрождения традиций милосердия, а также было предложено создать добровольческое движение для оказания помощи в системе здравоохранения. В данном послании, в частности, ведется речь о том, чтобы волонтеры, на деле проработавшие несколько лет в учреждениях здравоохранения, имели бы преимущества при поступлении в медицинские вузы [1]. Реализации практики волонтерства посвящено Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г. [2]. Волонтерская деятельность на протяжении последних лет стала в нашей стране достаточно распространенным явлением. Особую роль такая деятельность приобретает в высшем медицинском образовании. О практике волонтерского движения на базе медицинских вузов свидетельствует ряд публикаций, в которых, в частности, описывается его развитие в различных регионах: в Республике Саха (Якутия) [3], в Красноярском крае [4], на Ставрополье [5]. Однако бывает и так, что волонтерское движение развивается спонтанно, безотносительно к решениям официальных лиц.

Привлечение студентов-медиков к волонтерской деятельности позволяет решить сразу несколько задач, среди которых (помимо той очевидной социальной пользы, которую приносит волонтерство в социальном плане), несомненно, присутствуют задачи и учебные, и воспитательные. Немаловажным представляется также и то, что участие в волонтерской деятельности облегчает обучающимся принятие адекватных решений в плане внутривузовской профориентации. Как известно, профориентация для медика отнюдь не исчерпывается решением поступить именно в данный вуз и именно на выбранное направление подготовки. Так, например, существует направление подготовки «Лечебное дело», профессии же такой

нет. Специалист, прошедший обучение по данному направлению подготовки, может в последующем (после ординатуры) работать хирургом, либо терапевтом, акушером-гинекологом, неврологом, дерматовенерологом и т. д. Нетрудно заметить, что основная профессиональная деятельность в этой обширной совокупности профессий сильно различается. В некоторых из них основу профессиональной деятельности составляют всевозможные мануальные действия (не исключающие, однако, необходимости широко и разносторонне мыслить) — таковы хирургические специальности. Терапевтические специальности, напротив, включают лишь относительно небольшой набор мануальных навыков, предъявляя не меньшие требования к врачебному мышлению. Мало того, это внушительное разнообразие включает в себя как профессии, непосредственно предусматривающие взаимодействие с пациентом, так и те, которые в основном направлены на работу с приборами и аппаратами (например, с компьютерным томографом). Нередко бывает так, что студент в процессе обучения несколько раз меняет свои намерения относительно будущей специализации, и это абсолютно нормально — лучше все колебания в принятии подобных решений претерпеть, что называется на университетской скамье, чем терять в последующем время и силы, пытаясь овладеть неудачно выбранной профессией. Разобраться в этом широчайшем спектре профессиональных возможностей можно только в результате пребывания в той или иной профессиональной среде, ибо, как известно, никто ничего не знает, пока сам не попробует; и именно волонтерская деятельность может оказаться здесь существенным подспорьем.

На медико-просветительскую и профориентационную функцию волонтерской деятельности указывают Н. М. Мирзоева, Д. М. Сатвалдинова и А. Ю. Самарина [6]. В современных публикациях речь идет и о привлечении студентов-волонтеров к участию в проведении конкурсов по оказанию первой медицинской помощи, по десмургии и т. п. [7]. Однако в данном случае речь идет об ином: о весьма давней негласной традиции, которая существует в медицинских вузах (вероятно, не только в них) с незапамятных времен. Эта традиция, как правило, не получает какой-либо официальной поддержки

со стороны администрации вузов, однако воспроизводится сама собой на протяжении многих лет.

Как известно, какие бы мы ни применяли образовательные технологии, педагогическое взаимодействие «учитель — ученик» ничем не может быть заменено. Особенно это касается практической медицины, которая, как известно, является одновременно и наукой, и искусством. Конечно, применение тех или иных современных образовательных технологий имеет определенное значение; однако если спросить любого сложившегося специалиста, что больше повлияло на его профессиональное становление — применение таких технологий в учебном процессе или наличие хорошего учителя (или многих учителей), то ответ, по-видимому, будет однозначным. Взаимодействие «учитель — ученик», прекрасно зарекомендовавшее себя еще со времен Сократа, не в меньшей мере востребовано и теперь.

Студенты, которые действительно мотивированы на овладение будущей профессиональной деятельностью, как правило, отдают себе отчет, что тот объем часов и учебных материалов, который включен непосредственно в образовательную программу, для приобретения необходимой квалификации совершенно недостаточен. Умение принимать решения в сложных ситуациях, значительная совокупность практических знаний, способность правильно интерпретировать визуальную информацию, владение рядом мануальных навыков и многое другое, без чего немыслима врачебная профессия, — все это в учебном процессе вуза откладывается в значительной степени «на потом», и без собственных усилий студента это «потом» никогда не наступит.

Почерпнуть владение всеми перечисленными навыками можно лишь из одного источника — перенять их у того, кто уже владеет ими. Обучение в медицинской профессии, как и в стародавние времена, неизбежно в большой мере происходит «с ручки на ручку». Иначе говоря, студенту для его профессионального становления требуется опекун или наставник. Это должен быть достаточно опытный практикующий врач, но не из тех, кто нехотя дорабатывает до пенсии. Врач этот должен быть достаточно коммуникабельным, чтобы подобные отношения неформального опекунства вообще были возможны, но при этом он вовсе не обязан сам быть препо-

давателем вуза. Гораздо выигрышнее в такой роли выглядит просто компетентный практик, пользующийся достаточно высоким авторитетом и у пациентов, и у своих коллег.

Взаимодействие неформального наставника и его учеников, как правило, происходит во время врачебных дежурств, то есть в ночное время, а также в выходные (праздничные) дни, когда сам студент свободен от посещения занятий, а у наставника больше возможностей для неформального общения. Целеустремленный и мотивированный студент, как правило, находит себе такого наставника и дежурит вместе с ним на добровольных началах; эта практика, по-видимому, существовала еще в те времена, когда ни о каком волонтерском движении (в современном его понимании) и речи еще не шло.

Разумеется, при таком добровольном и неформальном варианте профессионального обучения деятельность неформального педагога никак не оплачивается. Однако врач, осуществляющий такую образовательную деятельность, осознает, что готовит себе смену, а тот факт, что за наукой обратились именно к нему, повышает самооценку врача-наставника. В то же время своеобразной платой «за науку» становится выполнение студентом определенного объема различных работ в клинике, также на безвозмездной основе. Это и позволяет причислять такую добровольную учебную деятельность к волонтерскому движению, хотя бы и в неформальном ее варианте. Студент фактически проходит клиническую практику, однако она не отражается в каких-либо официальных документах, отчетах и дневниках; важнее всего, что эта практика находит реальное выражение в накопленном учебном опыте обучающегося. При этом у обучающегося расширяется зона ближайшего развития, он приобретает необходимый в клинике опыт профессиональной коммуникации, а возможности овладения не книжными, а практическими знаниями значительно увеличиваются.

В заключение хотелось бы отметить, что описанную в этой статье тенденцию необходимо продуктивно использовать. На нее можно и нужно опираться, но ее ни в коем случае не следует формализовать; будучи зарегулированной, эта благотворная тенденция может быть погублена, что называется, на корню. Как уже говорилось, та-

кая форма волонтерства основывается прежде всего на внутренней мотивации студентов к овладению врачебной профессией, а эта мотивация в медицинском образовании может и должна рассматриваться как величайшая ценность.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию: Послание Президента Российской Федерации. 12 декабря 2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 15.03.2021).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.». URL: http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HClCGR8_esYBYgq.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

3. Хомподоева М. В. Волонтерская деятельность в Республике Саха (Якутия) // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12–4 (102). С. 124–127.

4. Миронова А. А., Савчук П. О., Наркевич А. Н., Евминенко С. А. Итоги деятельности программы медицинского добровольчества в Красноярском крае (2014–2019 гг.) // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 6. С. 5–10.

5. Семенова О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2 (87). С. 24–27.

6. Мирзоева Н. М., Сатвалдинова Д. М., Самарина А. Ю. Особенности волонтерской медико-просветительской деятельности студентов СГМУ // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2019. № 10. С. 436–440.

7. Красильникова И. В., Маркова Т. С., Чукичев А. В., Пешиков О. В., Шлепотина Н. М. Участие студентов-волонтеров во II спортивном конкурсе «Первая медицинская помощь в условиях чрезвычайных ситуаций», проведенном в Южно-Уральском государственном медицинском университете // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. № 2 (17). С. 24–26.

References

1. Message Of the President of the Russian Federation Vladimir Putin To the Federal Assembly: Message Of the President of the Russian Federation. December 12, 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646 (date of access: 15.03.2021).
2. Order of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018 No. 2950-r “On approval of the Concept of the development of volunteerism (volunteerism) in the Russian Federation until 2025”. URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf> (date of access: 15.03.2021).
3. *Khompodoeva M. V.* Volunteer activity in the Republic of Sakha (Yakutia) // International Research Journal. 2020. No. 12–4 (102). P. 124–127.
4. *Mironova A. A., Savchuk P. O., Narkevich A. N., Evminenko S. A.* Results of the program of medical volunteerism in the Krasnoyarsk Territory (2014–2019) // Social aspects of population health. 2020. No. 6. P. 5–10.
5. *Semenova O. A.* Features of volunteer activity in the medical university // International Scientific Research Journal. 2019. No. 9–2 (87). P. 24–27.
6. *Mirzoeva N. M., Satvaldinova D. M., Samarina A. Yu.* Features of volunteer medical and educational activities of students of SSMU // Bulletin of medical Internet conferences. 2019. No. 10. P. 436–440.
7. *Krasil'nikova I. V., Markova T. S., Chukichev A. V., Peshikov O. V., Slatina N. M.* The participation of students and volunteers in the II contest “First aid in emergencies”, held at the South Ural state medical University // Bulletin of the Council of young scientists and specialists of the Chelyabinsk region. 2017. No. 2 (17). P. 24–26.

А. А. Сергунин,
*д-р полит. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
e-mail: sergunin60@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИКАТОРАХ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Аннотация. Основной целью данной работы является создание системы индикаторов корпоративной социальной и экологической ответственности для оценки деятельности компаний в Российской Арктике. Выделяются три группы индикаторов, соответствующих деятельности компаний в социальной и природоохраной сферах, а также прозрачности их отчетности. На их основе составлен индекс социальной и экологической ответственности компаний, работающих на российском Севере. Делается вывод о важности правильного определения индикаторов, отражающих социальные и экологические аспекты деятельности компаний в арктических регионах России, для принятия грамотных управленческих решений по обеспечению устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: индикаторы, корпоративная социальная и экологическая ответственность, устойчивое развитие, Арктическая зона Российской Федерации.

* Исследование выполнено в рамках проектов по линии Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция) № 20-514-22001 и стипендиальной программы фонда Конне в Коллегиуме передовых исследований Университета Хельсинки.

A. A. Sergunin,

Doctor of Political Science, Professor,

Saint-Petersburg State University,

Saint-Petersburg

e-mail: sergunin60@mail.ru

ON THE CORPORATE SOCIAL AND ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY INDICATORS IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The main purpose of this paper is to create a system of corporate social and environmental responsibility indicators for assessing the company activities in the Russian Arctic. There are three groups of indicators that correspond to the corporate activities in the social and environmental spheres as well as reflect the degree of companies' transparency. Based on them, the index of social and environmental responsibility of companies operating in the Russian North is compiled. It is concluded that it is important to correctly identify indicators that reflect the social and environmental aspects of companies' activities in the Arctic regions of Russia, in order to make competent management decisions to ensure the sustainable development of the Arctic Zone of the Russian Federation.

Keywords: indicators, corporate social and environmental responsibility, sustainable development, Arctic Zone of the Russian Federation.

Развитие системы корпоративной социальной и экологической ответственности (КСЭО) стала предметом самого пристального внимания как самого бизнеса, так и власти, общества и науки в России. Особое значение проблематика КСЭО имеет для Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), где хозяйственная деятельность (прежде всего крупных государственных и частных добывающих, обрабатывающих и транспортных компаний) имеет особенно чувствительные последствия для местного населения и хрупкой окружающей среды. По сути дела, поощрение крупного бизнеса к развитию КСЭО стало одним из важнейших направлений деятельности российского государства в области обеспечения устойчивого развития Российской Арктики [1; 2].

Одним из способов повышения эффективности управленческой политики в сфере развития КСЭО и в целом устойчивого развития АЗРФ является адекватная оценка деятельности компаний в социальной и экологической сферах, что можно сделать на основе системы индикаторов, сведенной в интегрированный индекс эффективности КСЭО.

Составление различных индексов и на их основе рейтингов — весьма развитое направление научных исследований в настоящее время. В этой области накоплено достаточное количество методик международного и российского уровней. В последнее время появились специальные индексы и рейтинги, отражающие КСЭО в АЗРФ [3–11].

Среди них особо выделяется «Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в Российской Арктике, или Полярный индекс» [12–14], созданный экспертным центром «ПОРА» совместно с экономический факультетом Московского государственного университета (МГУ) в 2018 г. и продолженный в 2019 г. Он является одним из наиболее адекватных и перспективных инструментов оценки социально-экологической деятельности крупных компаний в АЗРФ. В его основе лежит концептуальное понятие устойчивого развития, основанного на трех компонентах: устойчивое развитие понимается как баланс между экономической, экологической и социальной составляющими. В связи с этим критерии оценки компаний были сгруппированы в три блока, отражавшие эти ключевые измерения устойчивого развития. Тем самым достигался комплексный подход к оценке усилий по развитию Арктики.

Составление рейтинга происходило в три этапа.

На первом этапе расчета рейтинга по специальной методике высчитывался индекс устойчивого развития компаний. В нем учитывался целый ряд параметров, разделенных на три группы:

- экономические — рентабельность активов, динамика выручки, капитальные затраты и др.;

- социальные — условия труда работников организации, уровень их квалификации, благотворительная деятельность, развитие инфраструктуры, политика в отношении коренных малочисленных народов Севера и др.;

— экологические — показатели загрязнения, наличие аварий, инвестиции в природоохранные мероприятия, наличие ресурсосберегающих технологий, вторичной переработки сырья и др.

На втором этапе осуществлялся экспертный опрос в форме анкетирования. Специально подготовленная анкета содержала 9 вопросов, разбитых на три блока — экономический, социальный и экологический. В анкете была сделана попытка максимально учесть территориальную специфику — вопросы были посвящены работе компаний именно в арктических условиях. Эксперты выставляли оценки по десятибалльной шкале всем участвующим в рейтинге компаниям по трем указанным блокам вопросов.

На финальном этапе осуществлялся расчет интегрального индекса устойчивого развития компании, объединявший в себе результаты количественного и экспертного этапов. В результате расчета каждой из участвующей в рейтинге компаний присваивался интегральный индекс устойчивого развития в виде цифры от 0 до 1. Количественный индекс получил 80 % веса, а качественный — 20 %.

Несмотря на то, что он подвергается критике за то, что при составлении рейтинга во внимание были приняты во внимание далеко не все параметры экономической, социальной и экологической деятельности, а также за то, что в нем использовались экспертные мнения, верификация которых не всегда возможна другими исследователями [2], он все же остается непревзойденным среди себе подобных.

При этом, однако, следует помнить, что «Полярный индекс» разрабатывался для более глобальной цели — изучения соответствия компаний, действующих в АЗРФ, принципам устойчивого развития. В данной же работе речь идет об определении параметров КСЭО в Российской Арктике, что является более узкой задачей. По этой причине индикаторы из экономической группы, были исключены из данного исследования как не имеющие прямого отношения к КСЭО.

При создании собственного индекса КСЭО в АЗРФ методология «Полярного индекса» была дополнена рядом других методик. В частности, использовался теоретико-методологический подход коллектива ученых из Всемирного фонда природы и МГУ, предло-

женный ими для изучения деятельности российских нефтегазовых компаний. Так, в отличие от «Полярного индекса», была введена еще одна группа индикаторов по теме «Раскрытие информации (прозрачность)» [4, с. 55].

Наконец, во внимание были приняты требования недавно принятого Стандарта ответственности резидентов АЗРФ во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Севера (КМНС), который установил определенные правила взаимоотношений между бизнесом и этими народами, а также корпоративной отчетности в этой области [15].

Отобранные для составления индекса индикаторы представлены в виде таблицы табл. 1.

Таблица 1

**Индекс корпоративной
и социальной ответственности компаний, действующих в АЗРФ**

Группа индикаторов	Индикаторы
Социальные индикаторы	Показатели, характеризующие условия труда работников организации, в том числе:
	<p>1) <i>Физические и технические условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — уровень заболеваемости работников; — уровень травматизма работников; — обеспеченность работников предприятия; — санитарно-гигиеническими помещениями; — температурный режим в рабочих помещениях; — освещенность рабочих мест; — напряженность, интенсивность труда; — уровень шума, запыленности помещений; — рациональность режимов труда и отдыха; — уровень механизации и автоматизации труда
	<p>2) <i>Психологические условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — морально-психологический климат; — уровень конфликтности в коллективе предприятия; — удовлетворенность работников своим трудом; — нервно-эмоциональная нагрузка; — внутренняя культура на предприятии

Группа индикаторов	Индикаторы
	<p>Показатели, характеризующие бытовые условия работников организации:</p> <ul style="list-style-type: none"> — жилищные условия (обеспеченность жильем) работников; — обеспеченность детскими дошкольными учреждениями; — обеспеченность лечебными учреждениями; — обеспеченность культурно-просветительными учреждениями; — обеспеченность путевками в санаторно-оздоровительные учреждения; — уровень социальной активности работников
	<p>Показатели, характеризующие квалификацию работников:</p> <ul style="list-style-type: none"> — общеобразовательный уровень работников; — профессиональный уровень работников; — уровень квалификации кадров; — уровень общей культуры работников
	<p>Показатели, характеризующие мотивацию и организацию труда:</p> <ul style="list-style-type: none"> — дисциплина труда; — участие работников в управлении предприятием; — материальное и моральное стимулирование работников; — соотношение формальных и неформальных структур; — текучесть кадров
	<p>Благотворительная деятельность:</p> <ul style="list-style-type: none"> — количество благотворительных мероприятий; — объем средств, потраченных на благотворительность

Группа индикаторов	Индикаторы
	<p>Финансирование социальных мероприятий, развитие инфраструктуры:</p> <ul style="list-style-type: none"> — количество социальных проектов; — количество инфраструктурных проектов; — объем средств, потраченных на социальные мероприятия и развитие инфраструктуры <hr/> <p>Наличие политики компании по соблюдению прав КМНС:</p> <ul style="list-style-type: none"> — наличие плана по работе с КМНС; — наличие документов, определяющих выполнение стандарта ответственности резидентов Арктики перед КМНС, в числе которых — «Социальная политика резидента Арктической зоны по взаимодействию с коренными малочисленными народами», «Кодекс поведения сотрудников на территориях проживания коренных малочисленных народов», «Процедура рассмотрения жалоб»; — процедура участия КМНС в принятии решений компании по вопросам, затрагивающим их интересы; — количество мероприятий, проведенных с участием КМНС; — количество проектов по сотрудничеству с КМНС; — объем средств, потраченных на проекты по сотрудничеству с КМНС <hr/> <p>Наличие в руководящих органах компании подразделения и ответственных лиц за работу по линии КСЭО</p>
Экологические индикаторы	<p>Показатели загрязнения, в том числе:</p> <hr/> <p><i>1) Ресурсы атмосферы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — объемы выбросов (выше/ниже нормы); — наличие качественного очистного оборудования; — наличие особо опасных выбросов

Группа индикаторов	Индикаторы
	<p>2) <i>Ресурсы почвы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — объем сбросов (выше/ниже нормы); — наличие особо опасных сбросов; — наличие качественного очистного оборудования; — объемы рекультивированных земель в общем объеме земель, подлежащих восстановлению
	<p>3) <i>Водные ресурсы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — объемы выбросов сточных вод (выше/ниже нормы); — объемы тепловых выбросов (выше/ниже нормы); — объемы забора воды (выше/ниже нормы); — наличие очистных сооружений; — наличие особо опасных отходов
	<p>4) <i>Отходы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — объемы образования отходов (выше/ниже нормы); — наличие механизмов переработки и утилизации; — наличие особо опасных отходов (токсичных); — наличие радиоактивных отходов
	Техногенные и природные аварии (были/не были)
	Наличие инвестиций в природоохранные мероприятия
	Вторичная переработка сырья (есть/нет)
	Внедрение систем экологического менеджмента и сертификация СЭМ
	Наличие программ по сохранению биоразнообразия
	Наличие программ по сокращению выбросов (в частности, углерода)
	Наличие ресурсосберегающих технологий
Раскрытие информации (прозрачность)	наличие нефинансовой отчетности в соответствии с требованиями Руководства GRI (Global Reporting Initiative)

Группа индикаторов	Индикаторы
	внешнее подтверждение (заверение) нефинансовой отчетности в соответствии с требованиями Руководства GRI
	доступность оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) для общественности с обязательным размещением в сети Интернет (в том числе сохранение доступа к документам ОВОС после завершения общественного обсуждения)
	доступность Плана по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов (ПЛАРН), Плана ликвидации аварий (ПЛА) и Плана локализации и ликвидации аварийных ситуаций (ПЛАС) для общественности с обязательным размещением в сети Интернет в части минимизации воздействия на окружающую среду
	информирование общественности об авариях со значительным социально-экологическим ущербом, включая деятельность компаний-подрядчиков
	информирование общественности о наличии экологических конфликтов на территориях присутствия компании, включая деятельность компаний-подрядчиков
	наличие установленного порядка работы с обращениями граждан
	доступность на сайте или в открытых источниках информации сведений по категории «Социальные индикаторы»
	доступность на сайте или в открытых источниках информации сведений по категории «Экологические индикаторы»

Составлено по: [2–4; 12; 15].

Пока далеко не все компании, действующие в АЗРФ, готовы предоставлять информацию по указанным индикаторам, сделать

свою работу в регионе полностью прозрачной и организовать тесное взаимодействие с населением Российской Арктики, включая КМНС. Работа по внедрению и выполнению Стандарта ответственности резидентов АЗРФ перед КМНС, принятому в конце 2020 г., только начинается. Однако, как показывают недавно принятые государством стратегические документы, включая те, что определяют развитие АЗРФ на период до 2035 г. [16], задачи по налаживанию государственно-частного партнерства, повышению ответственности бизнеса перед населением АЗРФ и за охрану окружающей среды поставлены на самом высоком уровне. Это дает основания для уверенности в том, что государство всерьез рассчитывает на выполнение этих задач всеми «игроками» российской арктической политики.

Литература

1. *Коньшиев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В.* Государственный приоритет — устойчивое развитие Российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 3. С. 416–430.
2. *Бобылёв Н. Г., Гадаль С., Коновалова М. О., Сергунин А. А., Тронин А. А., Тюнкюнен В.-П.* Ранжирование регионов Арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 3 (69). С. 17–39.
3. Рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний России. М. : WWF России, Creon, Национальное рейтинговое агентство, 2014. 157 с.
4. *Шварц Е. А., Книжников А. Ю., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Оценка экологической ответственности нефтегазовых компаний, действующих в России: рейтинговый подход // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 5. С. 46–67.
5. *Henry L. A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M.* Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, № 8. P. 1340–1368.
6. *Petrov A. N., Tysiachniouk M. S.* Benefit Sharing in the Arctic: A Systematic View // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 7–22.
7. *Wilson E.* What is Benefit Sharing? Respecting Indigenous Rights and Addressing Inequities in Arctic Resource Projects // Benefit Sharing in the Arctic:

Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 23–46.

8. *Tulaeva S., Nysten-Haarala S.* Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 63–82.

9. *Gassiy V., Potravny I.* The Compensation for Losses to Indigenous Peoples Due to the Arctic Industrial Development in Benefit Sharing Paradigm // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 83–102.

10. *Tynkkynen V.-P., Hitztaler S.* What Do ISO Indicators Tell Us about Corporate Social Responsibility and Sustainability in Cities of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia? // Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities / ed. by R. W. Orttung. New York/Oxford : Berghahn Books, 2020. 250 p.

11. *Tysiachniouk M., Henry L. A., Lamers M., van Tatenhove J.* Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic // Society & Natural Resources. 2018. Vol. 31, № 5. P. 556–579.

12. Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в Российской Арктике. М. : Проектный офис развития Арктики, 2018. 80 с.

13. *Никоноров С. М., Папенков К. В., Кривичев А. И., Ситкина К. С.* Проблемы измерения устойчивости развития арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 107–121.

14. *Никоноров С. М., Папенков К. В., Ситкина К. С., Кривичев А. И., Лебедев А. В.* Концептуальные подходы к построению рейтинга устойчивого развития субъектов РФ и компаний Арктической зоны России // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее : сб. науч. тр. участников Международной научной конференции «XXVI Кондратьевские чтения» / под ред. В. М. Бондаренко. М. : МОСИПНН Н. Д. Кондратьева, 2019. С. 278–285.

15. Стандарт ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации : утвержден Приказом Минвостокразвития

России от 23 ноября 2020 г., № 181. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375974/d7d4740028f4f8ad17c1c76bfa5d96b0fa0129db/ (дата обращения: 21.03.2021).

16. Путин В. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. Konyshev V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. State priority sustainable development of the Russian Arctic // National interests: priorities and security, 2017. Vol. 13, no. 3. P. 416–430.

2. Bobylev N. G., Gagal S., Konovalov M. O., Sergunin A. A., Tronin A. A., Tuntunan V. P. The Ranking of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation for environmental protection index // The North and the Market: the formation of the Economic Order. 2020. No. 3 (69). P. 17–39.

3. Rating of environmental responsibility of oil and gas companies in Russia. Moscow: WWF of Russia, Creon, National Rating Agency, 2014. 157 p.

4. Shvarts E. A., Knizhnikov A. Yu., Pakhalov A. M., Sheresheva M. Yu. Assessment of environmental responsibility of oil and gas companies operating in Russia: rating approach. Series 6. Economy. 2015. No. 5. P. 46–67.

5. Henry L. A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M. Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, № 8. P. 1340–1368.

6. Petrov A. N., Tysiachniouk M. S. Benefit Sharing in the Arctic: A Systematic View // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 7–22.

7. Wilson E. What is Benefit Sharing? Respecting Indigenous Rights and Addressing Inequities in Arctic Resource Projects // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 23–46.

8. Tulaeva S., Nysten-Haarala S. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 63–82.

9. *Gassiy V., Potravny I.* The Compensation for Losses to Indigenous Peoples Due to the Arctic Industrial Development in Benefit Sharing Paradigm // Benefit Sharing in the Arctic: Extractive Industries and Arctic People / ed. by M. S. Tysiachniouk, A. N. Petrov, V. Gassiy. Basel : MDPI, 2020. P. 83–102.

10. *Tynkkynen V.-P., Hitztaler S.* What Do ISO Indicators Tell Us about Corporate Social Responsibility and Sustainability in Cities of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia? // Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities / ed. by R. W. Orttung. New York/Oxford : Berghahn Books, 2020.

11. *Tysiachniouk M., Henry L. A., Lamers M., van Tatenhove J.* Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic // Society & Natural Resources. 2018. Vol. 31, no. 5. P. 556–579.

12. Rating of sustainable development of companies operating in the Russian Arctic. M. : Project Office for Arctic Development, 2018. 80 p.

13. *Nikonorov S. M., Papenov K. V., Krivichev A. I., Sitkina K. S.* Problems of measuring the sustainability of the Arctic region // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economy. 2019. No. 4. P. 107–121.

14. *Nikonorov S. M., Papenov K. V., Sitkina K. S., Krivichev A. I., Lebedev A. V.* Koneptual approaches to building a rating of sustainable development of the subjects of the Russian Federation and companies of the Arctic zone of Russia.: lessons not learned and tasks for the future. Collection of scientific works of participants of the International Scientific Conference-XXVI Kondratiev readings / ed. by V. M. Bondarenko. M. : MOOSIPNN N. D. Kondratiev, 2019. P. 278–285.

15. The standard of responsibility of residents of the Arctic zone of the Russian Federation in relations with indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation living and (or) carrying out traditional economic activities in the Arctic zone of the Russian Federation. Approved by the order of the Ministry of Regional Development of Russia of November 23, 2020, No. 181. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375974/d7d4740028f4f8ad17c1c76bfa5d96b0fa0129db/ (date of access: 21.03.2021).

16. *Putin V.* Decree of the President of the Russian Federation No. 645 of October 26, 2020 “On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring national Security for the period up to 2035”. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfx-N6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> (date of access: 21.03.2021).

Д. Ф. Сираева,

студент кафедры социальной работы,

e-mail: di.siraeva2018@yandex.ru

Н. С. Смолина,

кандидат философских наук,

доцент кафедры социальной работы,

e-mail: n.s.smolina@urfu.ru

Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В современном обществе происходит трансформация социальной сферы и модели социального государства: социальные функции на основе принципа социального партнерства перераспределяются между государством, бизнес-сектором и некоммерческим сектором, в частности социально ориентированные некоммерческие организации становятся активными субъектами социальной политики, предлагая инновационные способы решения социальных проблем. В данной статье рассматривается проблема оценки социального воздействия социально ориентированных некоммерческих организаций: значение оценочной практики для развития СО НКО, повышения благополучия граждан, решения социальных проблем.

Ключевые слова: социальное государство, некоммерческий сектор, социально ориентированные некоммерческие организации, оценка, социальное воздействие.

D. F. Siraeva,

*student of the Department of Social Work,
e-mail: di.siraeva2018@yandex.ru*

N. S. Smolina,

*Candidate of Philosophy, Associate
Professor of the Department of Social Work,
e-mail: n.s.smolina@urfu.ru
Ural Humanitarian Institute
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg*

SOCIAL IMPACT ASSESSMENT AS A WAY OF MEASURING THE EFFECTIVENESS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Abstract. In modern society, there is a transformation of the social sphere and the model of the social state: social functions based on the principle of social partnership are redistributed between the state, the business sector and the non-profit sector, in particular, socially oriented non-profit organizations are becoming active subjects of social policy, offering innovative ways to solve social problems. This article examines the problem of assessing the social impact of socially oriented non-profit organizations: the importance of assessment practice for the development of SO NPOs, improving the well-being of citizens, and solving social problems.

Keywords: social state, non-profit sector, socially oriented non-profit organizations, assessment, social impact.

Современное социальное государство — это государство социального партнерства и социального инвестирования. В реализацию общественно значимых функций помимо государства вовлекаются новые участники: некоммерческие организации, бизнес-компании, активные граждане. Роль деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (далее — СО НКО) в помощи нуждающимся, уязвимым категориям населения становится все более значимой, востребованной.

Востребованность деятельности некоммерческих организаций во многом определяется запросом со стороны общества: государственный сектор не способен полностью реализовать потребности благополучателей в силу ограниченности ресурсов. Подобные ограничения, с одной стороны, и ориентация на запросы целевых групп, с другой — обуславливают актуальность развития и внедрения практик оценки социального воздействия некоммерческими организациями. Развитие оценочных практик в некоммерческом секторе также во многом связано с необходимостью привлечения средств на реализацию уставной деятельности, социальных программ и проектов, а для этого грантодателям, спонсорам, инвесторам, государству и прочим участникам, предоставляющим средства, требуется предоставить отчет, анализ эффективности действий организации, рациональности расходования средств, достижения положительных социальных изменений. В некоторых случаях такой анализ требуется и получателям услуг для понимания того, насколько действенными являются программы и проекты организации, насколько успешно они способны преодолеть ту или иную социальную проблему или трудную жизненную ситуацию получателя [1, с. 127].

В целом оценка социального воздействия во многом возникает в связи с несколькими причинами. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, оценка нужна для определения барьеров, затрудняющих функционирование данных субъектов (СО НКО): в ходе оценки выявляются те факторы, которые замедляют или в целом не позволяют достигать поставленных задач.

Во-вторых, оценку используют для определения направлений развития сектора: с помощью оценки специалисты, руководители могут выявить те направления, которые более всего востребованы среди целевой группы, определить необходимость их корректировки, какие из направлений имеют перспективы развития в дальнейшем, но требуют доработки.

В-третьих, оценивается уровень достижения установленных целей: каких показателей удалось достичь, отмечается характер полученных результатов (положительный, отрицательный, отсутствие существенных изменений), отмечается устойчивость результатов, происходит сравнение первоначального состояния ситуации,

до определенных действий со стороны организации, с текущим состоянием и пр.

И в-четвертых, оценка нужна для измерения социально-экономической эффективности данных организаций: при меньших расходах получение большего социального эффекта, оценивание рациональности расходования предложенных и внесенных государственных ресурсов, а также оценка необходима в связи с определением того, насколько эффективно и целенаправленно были расходованы средства инвесторов, доноров и пр.

Иными словами, подобные оценочные практики позволяют определить, насколько НКО успешно реализуют свою миссию, цели и задачи, способствуют положительным и долгосрочным изменениям в состоянии благополучателей, насколько удастся преодолеть те социальные проблемы, на решение которых они ориентированы. Оценка дает возможность увеличить эффективность организации, выявить степень удовлетворения интересов, нужд получателей услуг, при этом для СО НКО важно сформировать методологию оценивания (конкретные способы, показатели оценки) для понимания того, насколько организация выходит на решение заявленных социальных задач, к своей социальной миссии, цели [2, с. 82–83].

Отметим также, что оценка на сегодняшний день не является распространенной практикой среди российских СО НКО, поэтому возникает научный интерес в изучении данного вопроса, выявлении практических подходов, методик оценки социального воздействия, значения оценки для развития организаций.

К тому же некоммерческие организации зачастую не имеют четко сформулированную цель, степень достижения которой можно оценить конкретными показателями. К примеру, в коммерческих организациях оценку производить проще в виду наличия конкретных рыночных параметров: цены, рентабельность, товарооборот и пр., и соответственно в этом секторе действуют определенные рыночные методы измерения эффективности таких организаций. В свою очередь в некоммерческом секторе, не ориентированном на извлечение прибыли, влияние в основном определяется качественными, а не количественными показателями, поэтому зачастую измерение социального воздействия и его оценка затрудняются.

В связи с этим возникает необходимость изучения вопроса оценивания социального воздействия некоммерческих организаций: по каким критериям, показателям, в отношении чего и при помощи каких методов может быть реализовано измерение эффективности, воздействия в данном секторе [3, с. 1–5].

Актуальность исследования проблемы оценки результативности СО НКО подчеркивается многими исследователями: Боброва О. С., Богуславская С. Б., Борисова Е. И., Рождественская Н. В. [4, с. 120–125], Полищук Л. И. [5, с. 70], которые отмечают, что оценка позволяет получить информацию о состоянии развития организации, а также об особенностях воздействия на организацию внешних факторов: политических, экономических, правовых и пр., а также внутренних факторов: кадровые ресурсы, материально-техническое оснащение, уровень профессионализма сотрудников и пр. При этом в оценке участвуют все заинтересованные участники-стейкхолдеры: сотрудники и высшие руководящие органы организации, получатели социальных услуг, доноры, инвесторы, государственные структуры, бизнес компании и пр.

Подходы к измерению социального воздействия выделяют следующие зарубежные и отечественные исследователи: Барни Д. Б. [6, с. 90], Кинг В., Клиланд В. [7, с. 125–130], Мещерякова Л. А. [8, с. 45], Хайниш С. В. [9, с. 119] и др. В рамках исследования мы будем придерживаться системного подхода в оценке социального воздействия, так как, с нашей точки зрения, он является наиболее подходящим для оценивания некоммерческих организаций поскольку, рассматривает СО НКО как некую структуру, оказывающую определенное социальное воздействие как на отдельного индивида, группу людей, так и на общество в целом, позволяет оценить воздействие как по количественным, так и по качественным показателям, а также проследить развитие всех уровней результатов деятельности организации: от услуги до конкретного влияния на благополучателя и общество в целом [10, с. 250–253].

В данном контексте социальное воздействие можно трактовать как изменения и эффекты, которым подвержены благополучатели, социум, инициаторы действий в результате реализации тех или иных социальных проектов, программ и услуг, в том числе предо-

ставляемых отдельной некоммерческой организацией или группой организаций.

Оценка может рассматриваться по-разному: насколько эффективно расходуются, привлекаются материальные и нематериальные ресурсы, насколько эффективно выстроены процессы в организации деятельности СО НКО, насколько успешно СО НКО достигает социальных результатов и какое воздействие оказывает на стейкхолдеров, насколько востребованы проекты, программы и технологии в рамках организации и пр.

Оценка воздействия дает возможность выяснить, какие изменения произошли в жизни получателей услуг СО НКО, в рамках тех или иных проектов, программ, технологий и пр. Данный вид оценки также ставит целью определить масштаб воздействия той или иной программы и установить причинно-следственную взаимосвязь между деятельностью в рамках программы и ее результатами.

Важное отличие понятия «социальное воздействие» от ряда других схожих терминов — «эффективность», «социальный результат» — в том, что оно предполагает влияние или вложение организации в более глобальные, долгосрочные результаты, имеющие значимость для общества в целом. Акцент делается не только на изменениях отдельного индивида в момент получения услуги, но и отслеживается насколько полученные положительные изменения долговременны и влияют на сокращение/смягчение социальных проблем: например, социальным результатом проекта будет считаться получение приемными (замещающими) родителями знаний относительно возрастных особенностей развития детей, а социальным воздействием проекта в таком случае будет сокращение случаев повторных отказов от детей, вторичного сиротства [11, с. 200–220].

В целом результаты оценки организации отмечаются на трех основных уровнях (рассмотрим на примере программы ресоциализации бывших заключенных):

1) на уровне услуги — например, проведение серии практических занятий/семинаров/тренингов для бывших заключенных относительно постпенитенциарного трудоустройства;

2) на уровне результата в текущий момент времени, которые происходят сразу после получения услуги — например, участни-

ками занятий были освоены навыки составления резюме, поиска возможных вакансий и прохождения собеседования;

3) на уровне долгосрочных результатов, влияние на социальную проблему, результат проявляется с течением определенного времени после оказания услуги — например, сокращение рецидивов преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы/успешная ресоциализация бывших осужденных [12].

Результаты оценивания дают возможность понять, какие направления деятельности, применяемые технологии производят максимальный положительный социальный эффект для того, чтобы сконцентрировать и развивать ресурсы, усилия именно в данных направлениях. Оценка социального воздействия интересна не только самой некоммерческой организации, но и другим участникам социальной сферы:

1) спонсорам, партнерам: оценка позволяет определить рациональность использования предоставленных средств, полученные результаты;

2) сотрудникам, руководителям: оценка дает возможность измерить соответствие деятельности установленным целям и задачам, выявить эффективность применяемых методов/технологий, наиболее востребованные направления и пр.;

3) благополучателям: оценка позволяет понять возможность программ/проектов/услуг организации удовлетворить их потребности, преодолеть проблему и насколько успешно;

4) социуму: оценка позволит выявить влияние организации на преодоление социальных проблем, повышение благосостояния граждан.

Таким образом, оценка социального воздействия как способ измерения эффективности некоммерческих организаций имеет важное значение для некоммерческого сектора и предполагает вовлечение всех стейкхолдеров в данный процесс. Она требуется в связи с тем, что необходимо измерять качественные показатели, которых достигает организация в ходе своей деятельности: выявить динамику преодоления социальной проблемы, барьеры достижения поставленных целей, эффективность применяемых методов. Оценка позволяет понять, насколько СО НКО достигают своей

цели — обеспечение благосостояния человека, влияние на его жизненную ситуацию, на социальную проблему в целом. Информация, полученная в результате оценки воздействия, позволяет принимать стейкхолдерам важные управленческие, стратегические решения относительно развития эффективности, востребованности данных организаций, а также решения об изменении, расширении или закрытии тех или иных проектов/программ.

В рамках исследования на основе методики логической модели проведена оценка социального воздействия межрегиональной общественной организации по содействию семьям с детьми в трудной жизненной ситуации «Аистенок» в г. Екатеринбург (далее — МОО «Аистенок»). Методика предполагает измерение социального эффекта посредством изучения ресурсов, деятельности (проекты/программы/услуги организации), непосредственных результатов (например, количество клиентов, получивших услугу), социальных результатов (например, получение знаний/навыков/опыта клиентами после получения услуги) организации для благополучателей, общества в целом.

Сфера социального обслуживания семей с детьми в трудной жизненной ситуации сегодня насыщена большим количеством инновационных социальных практик, технологий. Однако нет единой системы, стратегии верификации, оценки для определения их результативности, целесообразности применения тех или иных действий в отношении данной целевой группы. Подобные организации, в том числе МОО «Аистенок», не всегда располагают надежными сведениями относительно того, к каким конкретным, положительным и устойчивым результатам приводит деятельность организации. Оценка данной организации, ее деятельности необходима для возможности получения аргументированных сведений, свидетельствующих о результативности организации в целом.

На примере МОО «Аистенок» планируется оценить не только социальные результаты, но и социальное воздействие деятельности организации в целом, то есть оценка влияния предпринимаемых организацией действий не только на благополучие отдельных граждан в момент получения услуг (социальный результат), но и опре-

деление устойчивости и долгосрочности результатов (социальное воздействие).

В период с 15 февраля по 15 марта 2021 года на базе МОО «Аистенок» было проведено эмпирическое исследование, направленное на оценку социального влияния деятельности организации. Основными методами сбора данных были интервью и анкетирование. В ходе исследования было проведено 10 глубинных интервью: пять — с сотрудниками для выявления экспертного мнения относительно оценки социального воздействия организации (специалисты по социальной работе, социальный педагог, руководитель и заместитель руководителя) и пять — с волонтерами организации, а также собрано 100 анкет среди благополучателей организации.

Полученные эмпирические данные позволили сделать (предварительные) выводы относительно оценки социального воздействия деятельности МОО «Аистенок». На основе данных анкетирования благополучателей были сделаны следующие выводы относительно влияния организации на изменение трудной жизненной ситуации клиентов:

1) чаще всего за помощью обращаются неполные семьи: мать с ребенком/детьми (63 %), на втором месте по частоте обращений в организацию находятся расширенные неполные семьи: мать, дети, родственники (13 %) (табл. 1).

Таблица 1

Укажите, пожалуйста, состав Вашей семьи

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от от- ветивших
Супружеская пара с детьми	12	12,0	12,0
Полная семья (мать, отец, дети, родственники)	7	7,0	7,0
Неполная семья с матерью (мать, дети)	63	63,0	63,0
Неполная семья с отцом (отец, дети)	2	2,0	2,0
Неполная семья с отцом (отец, дети, родственники)	0	0,0	0,0

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от от- ветивших
Неполная семья с матерью (мать, дети, родственники)	13	13,0	13,0
Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
Другое (укажите свой вариант ответа)	3	3,0	3,0
Итого ответивших	100	100,0	100,0

2) обращения в основном связаны со следующими проблемами: тяжелое материальное положение и потребность в натуральной помощи (86 %), необходимость получения психологической (28 %) и юридической (25 %) помощи (табл. 2).

Таблица 2

С какой проблемой(-ами) Вы обратились в МОО «Аистенок»

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от отве- тивших
Необходимость натуральной помощи (одежда, продукты питания, игрушки, канцтовары и пр.)	86	86,0	86,0
Необходимость психологической помощи	28	28,0	28,0
Необходимость юридической помощи	25	25,0	25,0
Ситуация насилия в семье (физическое, психологическое и пр.)	14	14,0	14,0
Необходимость материальной помощи (помощь в оформлении пособий, льгот и пр.)	13	13,0	13,0
Отсутствие/утрата постоянного места проживания	11	11,0	11,0
Необходимость помощи в воспитании ребенка/детей	11	11,0	11,0

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от отве- тивших
Задолженность по кредитам или задолженность по коммунальным услугам	11	11,0	11,0
Необходимость содействия в ме- дицинской помощи (организация лечения для ребенка/детей и пр.)	2	2,0	2,0
Затрудняюсь ответить	2	2,0	2,0
Другое (укажите свой вариант ответа)	2	2,0	2,0
Сумма	205	205,0	205,0
Итого ответивших	100	100,0	100,0

3) большая часть опрошенных отмечает изменения в своей си-
туации в лучшую сторону после обращения в организацию и по-
лучения услуг (87 %), отметили свою полную удовлетворенность
качеством оказанной помощи (90 %) — показатели положительного
воздействия услуг и помощи (табл. 3, 4).

Таблица 3

**Как изменилась ситуация, с которой Вы обратились в МОО
«Аистенок» после получения всех необходимых услуг?**

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от отве- тивших
Изменилась в лучшую сторону	87	87,0	87,0
Ситуация никак не изменилась	4	4,0	4,0
Ситуация изменилась в худшую сторону	0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	9	9,0	9,0
Итого ответивших	100	100,0	100,0

Таблица 4

**Удовлетворены ли Вы качеством оказанной помощи
(услуг, проводимых мероприятий) в МОО «Аистенок»?**

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от отве- тивших
Не удовлетворен (-а)	0	0,0	0,0
Скорее не удовлетворен (-а)	0	0,0	0,0
Частично удовлетворен (-а)	1	1,0	1,0
Скорее удовлетворен (-а)	9	9,0	9,0
Удовлетворен (-а)	90	90,0	90,0
Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
Итого ответивших	100	100,0	100,0

4) изменения в большинстве случаев касаются улучшения психологического состояния (39 %), повышения материального благополучия: появление постоянной заработной платы, оформление пособий, получение натуральной помощи (26 %). В меньшей мере изменения касаются улучшения жилищно-бытовых условий (9 %), а также устройства на постоянное место работы (13 %) (табл. 5).

Таблица 5

**Какие изменения произошли в Вашей ситуации
после обращения в МОО «Аистенок»?**

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от от- ветивших
Получили психологическую по- мощь	39	39,0	39,0
Затрудняюсь ответить	31	31,0	31,0
Преодолели материальные пробле- мы (оформлены все возможные пособия/льготы, появилась посто- янная заработная плата и пр.)	26	26,0	26,0
Нашел (-а) работу	13	13,0	13,0
Устроил (-а) ребенка/детей в дет- ский сад	13	13,0	13,0

Значения	Частота	% от опро- шенных	% от от- ветивших
Решили проблему с жильем	9	9,0	9,0
Другое (укажите свой вариант ответа)	8	8,0	8,0
Устроил (-а) ребенка/детей в школу	0	0,0	0,0
Сумма	139	139,0	139,0
Итого ответивших	100	100,0	100,0

На основе интервью были сделаны предварительные выводы относительно представлений специалистов и волонтеров о социальном воздействии организации: отмечено, что в работе организации преобладают случаи, когда клиенты после снятия с сопровождения выходят на самообеспечение и наблюдается устойчивость достигнутых результатов с постепенным самостоятельным наращиванием ресурсов бывшими подопечными: способны самостоятельно обустроить быт, устраиваются на работу, имеют постоянные источники дохода для обеспечения всем необходимым своей семьи. Налаживаются детско-родительские отношения: навыки воспитания ребенка, навыки по уходу за детьми, знания о возрастных особенностях развития детей, способах разрешения конфликтных ситуаций. Восстанавливается психоэмоциональное состояние, восстанавливается правовой статус: решение проблем с документами, расширяются социальные контакты, что в дальнейшем способствует полноценному самостоятельному функционированию человека (семьи) в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что организация достигает социальных результатов, а также способствует оказанию положительного социального воздействия на состояние благополучателей, а также на социальную проблему в целом (социальное сиротство). В табл. 6 представлены результаты исследования на основе логической модели.

Таблица 6

Оценка социального воздействия МОО «Аистенок» по логической модели

Критерии оценки	Оценка сотрудниками организации	Оценка волонтеров	Собственная оценка исследователя
Ресурсы	Волонтеры. Партнеры. СМИ. Субъекты профилактики. Грантодатели. Сотрудники. Материально-техническое оснащение. Ресурсов хватает на реализацию основных направлений деятельности организации	Волонтеры помогают расширить сферу деятельности организации. Компенсируют временные и человеческие/кадровые ресурсы организации (берут часть функционала на себя)	Волонтеры. Партнеры/спонсоры. Грантодатели. СМИ. Социальные сети. Официальный сайт организации. Межведомственное взаимодействие. Кадровый состав. Материально-техническое оснащение: помещение, специализированное оборудование

Критерии оценки	Оценка сотрудниками организации	Оценка волонтеров	Собственная оценка исследователя
Деятельность	<p>Предоставление услуг психолога, юриста, специалиста по социальной работе, логопеда, дефектолога, социального педагога. Проведение обучающих тренингов и семинаров для семей с детьми в кризисной ситуации. Предоставление натуральной помощи. Организация примотра за детьми в рамках группы дневного пребывания. Работа кризисного отделения.</p> <p>Организация деятельности благотворительного магазина «Аистенок» с целью привлечению ресурсов на основные проекты организации</p>	<p>Натуральная помощь. Консультации всех необходимых специалистов</p>	<p>Предоставление услуг специалистов: психолог, юрист, специалист по социальной работе, логопед-дефектолог, социальный педагог.</p> <p>Проведение тренингов/семинаров для кризисных семей: финансовая грамотность, детско-родительские отношения, школа приемных родителей, психолого-педагогическая экспертиза.</p> <p>Предоставление натуральной помощи.</p> <p>Организация трудоустройства женщин из кризисных семей в швейном производстве: работа в производстве продукции для благотворительного магазина.</p> <p>Предоставление временно-го проживания</p>

Критерии оценки	Оценка сотрудниками организации	Оценка волонтеров	Собственная оценка исследователя
Непосредственные результаты	<p>На сопровождении находится более 100 семей. 145 семей ежемесячно получают натуральную помощь.</p> <p>Количество женщин, прошедших обучение по уходу за детьми.</p> <p>Услугой временного проживания воспользовались 417 человек: 178 взрослых и 239 детей.</p> <p>Устроено в семью более 230 детей-сирот.</p> <p>Оборудовано 8 палат с сенсорно-игровым оборудованием на территории детских медицинских учреждений</p>	<p>Семьи, проживающие в социальных квартирах.</p> <p>Семьи, получающие натуральную помощь на социальном складе.</p> <p>Семьи, получающие юридическую и психологическую помощь.</p> <p>Дети, которые остались в родных семьях.</p> <p>Дети, устроенные в приемные семьи</p>	<p>151 мама аннулировала отказ от ребенка.</p> <p>518 детей-сирот обрели приемную семью.</p> <p>600 семей на постоянном сопровождении.</p> <p>293 ребенка остались в родной семье.</p> <p>1060 приемных родителей обучено в Школе приемных родителей.</p> <p>9700 оказанных услуг отказным детям.</p> <p>417 человек проживало в кризисном отделении [14]</p>

Критерии оценки	Оценка сотрудниками организации	Оценка волонтеров	Собственная оценка исследователя
Социальные результаты	<p>Родители получили необходимые компетенции в вопросах воспитания детей, возрастных особенностей детей.</p> <p>Семьями получены навыки разрешения конфликтных ситуаций в семье.</p> <p>Улучшено материальное положение семьи.</p> <p>Семьи проживают в кризисном жилье и находятся в безопасности</p>	<p>Семья расширяет социальные контакты.</p> <p>Дети восстанавливают эмоциональное состояние: перестают бояться окружающих, демонстрировать агрессивное поведение.</p> <p>Семьи решают вопросы с опекой: сохраняют родительские права</p>	<p>Приобретение взрослыми членами семей навыков ухода и общения с ребенком/детьми.</p> <p>Получены профессиональные навыки: в швейном производстве, ведения домашнего хозяйства.</p> <p>Получены навыки разрешения конфликтных ситуаций в семье.</p> <p>Налажены контакты с родственниками.</p> <p>Стабильное психоэмоциональное состояние</p>

Критерии оценки	Оценка сотрудниками организации	Оценка волонтеров	Собственная оценка исследователя
Социальное воздействие	<p>Семья выходит с сопровождения организации и самостоятельно способна устраивать быт.</p> <p>Семья самостоятельно способна себя обеспечить: есть постоянная работа, жилье, дети ходят в детский сад/школу).</p> <p>Сокращение количества отказов от детей в роддомах, в том числе на ранних этапах беременности.</p> <p>Гармонизированы детско-родительские отношения</p>	<p>Улучшение материального благополучия семей: есть жилье, работа, хобби.</p> <p>Повышение психологического состояния родителей, детей.</p> <p>Дети находятся в безопасной среде, в родных или приемных семьях.</p> <p>Семья выходит из постоянной опеки организации и начинает жить самостоятельно</p>	<p>Взрослые члены семьи трудоустроены.</p> <p>Восстановлены детско-родительские отношения.</p> <p>Улучшены жилищно-бытовые условия.</p> <p>Семьи расширили социальные контакты.</p> <p>Восстановлен правовой статус членов семьи.</p> <p>Снижено количество ежегодных отказов от детей в роддомах.</p> <p>Увеличение количества детей, оставшихся в родных семьях.</p> <p>Увеличение количества детей, которых были устроены в приемные семьи</p>

Литература

1. *Vanclay F.* Reflections on Social Impact Assessment in the 21st century // Impact Assessment and Project Appraisal. 2020. № 2. P. 127.
2. *Rawhouser H., Cummings M., Newbert S. L.* Social impact measurement: Current approaches and future directions for social entrepreneurship research // Entrepreneurship Theory and Practice. 2019. № 1. P. 82–83.
3. *Косыгина К. Е.* Особенности измерения эффективности некоммерческого сектора // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). С. 5–10.
4. *Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С.* Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. М., 2016. 138 с.
5. *Борисова Е. И., Полищук Л. И.* Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 1. С. 80–83.
6. *Barney J. B.* Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. № 17 (1). P. 110–116.
7. *Клиланд Д., Кинг В.* Системный анализ и целевое управление. М. : Советское радио, 1974. С. 280.
8. *Мещерякова Л. А.* Актуальные проблемы оценки эффективности социально ориентированных некоммерческих организаций // Символ науки. 2020. № 3. С. 43–48.
9. *Хайниш С. В.* Эффективность организационных систем. Из опыта управленческого консультирования. М. : МНИИПУ, 1997. 121 с.
10. *Захаров С. В.* Системный подход к повышению эффективности работы инновационных предприятий малого бизнеса // Вестн. ИрГТУ. 2015. № 3 (98). С. 250–253.
11. *Epstein M. J., Yuthas K.* Measuring and Improving Social Impacts: A Guide for Nonprofits, Companies, and Impact Investor. London : Routledge, 2014. 266 p.
12. Руководство по оценке результатов программ социальной направленности для специалистов социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <https://clck.ru/Se8TM> (дата обращения: 20.03.2021).
13. Межрегиональная общественная организация по содействию семьям с детьми в трудной жизненной ситуации «Аистенок». URL: <https://aistenok.org/> (дата обращения: 20.03.2021).

References

1. *Vanclay F.* Reflections on Social Impact Assessment in the 21st century // Impact Assessment and Project Appraisal. 2020. No. 2. P. 127–130.
2. *Rawhouser, H., Cummings, M., Newbert S. L.* Social impact measurement: Current approaches and future directions for social entrepreneurship research // Entrepreneurship Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 82–83.
3. *Kosygina K. E.* Features of measuring the effectiveness of the non-profit sector // Voprosy territorialnogo razvitiya. 2018. № 5 (45). P. 5–10.
4. *Rozhdestvenskaya N. V., Boguslavskaya S. B., Bobrova O. S.* Evaluation of the effectiveness of projects of non-profit organizations, social entrepreneurship and civil initiatives. 2016. 138 p.
5. *Borisova E. I., Polishchuk L. I.* Analysis of efficiency in the non-profit sector: problems and solutions // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2009. No. 1. P. 80–83.
6. *Barney J. B.* Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. № 17 (1). P. 110–116.
7. *Kleland D., King V.* System analysis and target management. Moscow: Sovetskoe radio. 1974. 280 p.
8. *Meshcheryakova L. A.* Actual problems of evaluating the effectiveness of socially oriented non-profit organizations // Science symbol. 2020. No. 3. P. 43–48.
9. *Hainish S. V.* Efficiency of organizational systems. From the experience of management consulting. M. : MNIIPU, 1997. 121 p.
10. *Zakharov S. V.* A systematic approach to improving the efficiency of innovative small business enterprises // Vestn. IrSTU. 2015. № 3 (98). P. 250–253.
11. *Epstein M. J., Yuthas K.* Measuring and Improving Social Impacts: A Guide for Nonprofits, Companies, and Impact Investors. London : Routledge, 2014. 266 p.
12. Guidelines for evaluating the results of social orientation programs for specialists of socially oriented non-profit organizations. URL: <https://clck.ru/Se8TM> (date of access: 20.03.2021).
13. Interregional public organization for assistance to families with children in difficult life situations “Aistenok”. URL: <https://aistenok.org/> (date of access: 20.03.2021).

А. С. Тимошук,

д-р филос. наук,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Владимирский юридический институт ФСИН России,

Владимир

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ЧТО ОСТАНЕТСЯ ОТ ДОРОГОСТОЯЩИХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ?

Аннотация. Советское общество способствовало росту социальных прав трудящихся. Право на жилье, право на бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание, право на отдых — все это дорогие социальные права, которые были установлены как социальный стандарт в СССР и содействовали улучшению положения человека труда во всем мире. Олигархический государственный капитализм означает замену дорогих социальных прав на «дешевые» политические права.

Ключевые слова: эволюция государства, социальные права, пределы развития, устойчивое развитие, технологический уклад, мальтузианская ловушка, прекариат, деиндустриализация.

A. S. Timoshchuk,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Vladimir

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

SOCIAL POLICY IN THE CHANGING ARCHITECTURE OF THE WELFARE STATE: WHAT WILL REMAIN OF COSTLY SOVIET SOCIAL RIGHTS?

Abstract. Soviet society contributed to the growth of workers' social rights. The right to housing, the right to free education and free medical care, the right to rest and leisure — all these are expensive social rights that were established

as a social standard in the USSR and contributed to the improvement of the position of the working man around the world. Oligarchic state capitalism means replacing expensive social rights with "cheap" political rights.

Keywords: evolution of the state, social rights, development limits; sustainable development, technological order, Malthusian trap, precariat, de-industrialization.

Социальные расходы дорого обходятся обществу. Пока фантасты размышляют о том, какие частные летательные аппараты будут в Москве 2047 года, экономисты-консерваторы обсуждают государственную модель в условиях мировой экономической депрессии, где голод станет каждодневной европейской реальностью, а машина — роскошью. Даже если отстраняться от кризисных прогнозов, очевидно, что высокий стандарт потребления стран «золотого» миллиарда, привычки к комфортному образу жизни входят в противоречие с растущим самосознанием остальной части человечества, деколонизацией и сопротивлением глобализации. Способность человечества снять эти контраверсы зависит от готовности добровольно усреднить потребление и принять более экологичный эгалитарный образ жизни. От этого зависит сохранение таких благ нашей цивилизации, как образование, медицина, государственные услуги, полиция, суды, гуманная система наказания, оплачиваемые отпуска, дотации, компенсации и прочие плоды социального прогресса. Средний класс в США и Европе не желает оплачивать социальные расходы бедных, и это становится главным сюжетом политической борьбы вокруг беженцев, нелегальных мигрантов и растущего класса прекариата.

Гуманизация властных технологий медленно осуществляется последние несколько тысяч лет благодаря адаптации открытий в области общественной мысли. Часто мы недооцениваем вклад гуманитарных преобразований или смысло-технологических революций (СТР) в развитие общества. У нас есть классификация трех НТР, однако для человека как для общественного существа не менее важна диалектика развития «хорошего общества» с гуманитарными инновациями.

Первая СТР относится к 7–5 тыс. до н.э. и состоит из таких ноу-хау, как город, государство, закон, собственность, которые стали возможны благодаря переходу от охоты на диких животных как основы хозяйствования к культивированию растений. Благодаря преимущественно растительной пище у человека выросла продолжительность жизни и высвободились силы для дальнейших гуманитарных преобразований. В этот период в развитых аграрных цивилизациях постепенно происходит отход от таких архаических форм наказания, как кровная месть и самосуд к дисциплинарно упорядоченным практикам: суд, публичная казнь, тюрьма. В античных цивилизациях формируются первые гражданские институты — полисная демократия и гражданское право.

Вторая СТР занимает период Нового времени Просвещения, когда были сформулированы идеи всеобщих прав человека и конституции, положивших в идейной сфере конец узаконенному до этого неравенству в зависимости от пола, собственности, нации, расы, религии. Происходит осуждение средневековых процедур государственно-церковного насилия (инквизиция, костер, пытка, каторга), вырабатываются объективировано-отчужденные технологии осуществления власти — расследование, сыщик, полицейский, арест, дознание, суд, прокурор, адвокат, судья, свидетель, приговор, наказание, гильотина, электрический стул. Конституциональная парадигма является, по сути, секуляризированным вкладом христианства в мировую цивилизацию. Реализуемая в России реформа УИС в области гуманизации условий отбывания наказаний, отбывание наказания без лишения свободы напрямую связана с христианской парадигмой в культуре. С этим этапом связаны первое и второе поколение прав, куда входят социальные и экономические права.

Сейчас мы стоим на пороге третьей СТР, идеи которой еще только формулируются в глобальном ноосферном котле современной цивилизации. Агентами формирования СТР-3 выступают: 1) наука и образование с идеями когнитивизма, синергетики, коэволюции, конвергенции; 2) глобальные тренды в экономике, осуществляющей ценностный переход от материального богатства к нематериальным активам (здоровье, долголетие, знание, счастье, человеческий капитал); 3) политические технологии и средства массовой коммуника-

ции, формирующие новые требования к власти как к ценностной элите; 4) экология, постулирующая ноосферизм и планетарное сознание; 5) религии, стоящие на позиции открытости, диалога, медиации и служения. Происходит выработка третьего поколения прав, связанных с коллективными потребностями в благоприятной экологической и социальной среде, праве на мир и информационную безопасность.

Вызов гуманитарной эволюции человечества брошен вечными противоречиями труда и капитала, несколько ослабленными в XX веке углеводородным профицитом и социальными достижениями левых партий. Принципиальное решение конфликта труда и капитала происходит благодаря переходу к новому технологическому укладу, что откладывается или даже отменяется, если принять тезис о достижении пределов роста [1].

Чтобы объяснить разрыв между классическими представлениями о социально-экономическом развитии и несоизмеримой паранепротиворечивой реальностью, использую новый термин — «новая нормальность», который должен помочь нам адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам нулевого роста, кризисам перепроизводства, ухудшению показателей мирового ВВП, сокращению количества надежных инструментов инвестирования, рискам, замедлению НТР, просроченным обещаниям инноваторов и политиков,

Телепортация, световые мечи, города с искусственным климатом, победа над раком, выходные на Луне, яблони на Марсе, атомные поезда, подземные машины-кроты, дармовая субатомная энергия — все эти обещанные в прошлом веке блага откладываются на неопределенное время, ибо виток технологий увеличивает свой шаг и сбрасывает скорость [2]. Потребовалось три миллиона лет, чтобы человек открыл за 200 лет основные технологии и достиг пределов развития. Мы по-прежнему живем в трендах Фрэнсиса Бэкона, А. С. Пушкин — наш современник, а наш технический уклад сформирован открытиями, сделанными в последние 100–200 лет. Ветер перемен достаточно слабый. Штиля нет, но и изменения происходят не в таком масштабе, как прогнозировали. Если сопоставить образы будущего фантастов XX века с современностью, то мы явно туда

не попадаем. Если же перенестись в прошлое на 50 лет, то визуально и технологично мы оказались бы в таком же потребительском обществе, разве что более медленном по коммуникации. Достижения связаны в основном с наращиваем известных технологий в области энергоэффективности, емкости аккумуляторов, количества транзисторов на кристалле. Человечество не только не вышло на космический уровень, но и нередко остается на уровне средневековых технологий, как это описывали Николай Бердяев и Умберто Эко: усобицы, заговоры, отравления, санкции, протекционизм, жесткая иерархия. Постапокалиптическая медийная продукция лишь красочно приближает этот сценарий [3].

Для описания этой стагнирующей ситуации борьбы за ресурсы и рынки сбыта используется термин «новая нормальность», означающий в том числе достижение инвестиционных пределов, связанных с пределами роста научных технологий. Из множества инвестиционных проектов реализуются лишь единицы, т. к. инвесторов и сбережений больше, чем осуществимых идей [4]. Предел емкости каждой формации приводит к тому, что она перестает удовлетворять потребности массы народонаселения. Границы емкости каждой формации называются мальтузианской ловушкой по имени британского политэконома XIX века Томаса Роберта Мальтуса, описавшего концептуальные противоречия демографии и продовольственной программы. Его тревожные прогнозы о преобладании темпов роста народонаселения над производительностью производства продуктов питания время от времени обсуждаются, когда человечество сталкивается с кризисом и не может преодолеть его на предыдущем уровне развития экономики. Антимальтузианцы говорят о том, что ресурсы Земли и/или НТП недооценены; что нужно перераспределить уровень потребления и тогда хватит на всех. Однако на практике человечество регулярно сталкивается с кризисом перепроизводства населения, что вызывает гигантские движения народов и конфликты; войны, разруху и голод; пауперизм, бродяжничество и огораживание; экономическую депрессию и безработицу. Учение Мальтуса существенно повлияло и на дарвинизм, и на марксизм, и на кейнсианство — все это концептуально важные антропные тренды Нового времени, которые до сих пор имеют

значение как с точки зрения объяснения происхождения человека, так и с точки зрения более «человечной экономики». Английский священник думал о стабильном развитии общества и государства, и он обратил внимание на такой очевидный, но очень клерикализированный в то время капитал, как народонаселение. Поэтому учение Мальтуса критиковали религиозные и квазирелигиозные (коммунистические) структуры. Сейчас же настало время недогматического прочтения Мальтуса и точки зрения стратегического развития человечества. Тезис «плодитесь и размножайтесь» нуждается в условиях перенаселения Земли в существенной правке: «сохраняйтесь и поддерживайте стабильность».

Человечество достигло потолка емкости для постиндустриальной цивилизации: промышленность размещена в странах с дешевой рабочей силой, которые производят значительную долю потребительских товаров. Развитые страны сохранили за собой рынок капитала, оружия, инвестиций и высоких технологий. Деиндустриализация приводит к тому, что машиностроение, станкостроение, легкая промышленность — все это переходит в страны с дешевыми трудовыми ресурсами. Россия сочетает негативные характеристики двух систем — развитых и развивающихся: у нее слабая промышленность, дорогая рабочая сила, но при этом нет самостоятельного финансового рынка. Развитость отдельных областей, таких как ракетостроение, атомная промышленность, оружейного комплекса, не позволяет записать нашу страну в страны третьего мира, а вакцина «Спутник Ви» была позиционирована как главный инструмент мягкой силы и *smart power*, как в 1957 году ее космический соименник. Развитость массового образования и медицины также не позволяет записать Россию в страны третьего мира, однако это достижение Советского Союза может постигнуть та же судьба, как в некоторых регионах Средней Азии, где уже произошел откат к досоветскому прошлому и потеря доступных социальных благ.

И, конечно, существуют показатели, по которым Россия прочно занимает положение развивающихся стран. Низкая позиция ВВП на душу населения резко контрастирует с амбициями международного лидера. С такими показателями, ниже Панамы, Аргентины и Румынии (2019), видимо, нужно ощущать себя гораздо скромнее.

Сырьевая экономика — это еще один параметр неустойчивости, делающей страну зависимой от мировых цен на сырье и импорта потребительских товаров. Анализ международного положения России — это образец новой нормальности, где сочетаются противоречивые тренды: претензии на мировое лидерство и системная коррупция, отдельные технологические прорывы и масса бедного населения, мировотворческие акции и международные санкции за присоединение (аннексию) Крыма.

Гибридность параметров позволяет поместить Россию в когорту стран «второго мира», наряду с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР. Одним из факторов новой нормальности является то, что развитые страны в условиях экономического спада оказывают порой более системное и долгосрочное влияние на мировой порядок, нежели индустриально развитые демократии мира. Развивающиеся страны не соглашались с тезисом, что «процветание Америки — это основа процветания и безопасности всего мира». Даже Китай, сохранивший после кризиса положительный прирост ВВП в 7 %, вынужден был приспособливаться к «новой нормальности», к всемирному экономическому спаду, искать аналогизирующие образы в традиционной культуре в виде «сяокан» (малая зажиточность), «датун» (великая гармония) [5].

Устойчивое развитие России и ее лидерство среди стран второго и третьего мира зависит от того, как быстро она сможет победить коррупцию, бедность и развить постиндустриальные технологии [6; 7]. Оптимизм внушают устойчивые позиции в нескольких областях, таких как развитость Рунета и доступность мобильного подключения, энергетика и транспортные сети, объемы производства зерновых и биоресурсы, военная промышленность и армия, запасы углеводородов и других полезных ископаемых. Эти факторы могут стать залогом успеха в условиях сильного и эффективного государства, где моральность и великодушие проявляются прежде всего по отношению к собственному населению, а не только к олигархам и странам третьего мира.

Кризис ипотечного кредитования 2008 года и кризис пандемии XXI века продемонстрировал самоуверенность человечества в области управления и планирования. Новая нормальность

после финансового кризиса означала неустойчивость, неопределенность, бережное отношение к деньгам. Новая нормальность пост-ковид означает «неприкасаемое», «дистантное» существование человечества: постоянный масочный режим и повышенные санитарно-гигиенические стандарты, пролонгированную самоизоляцию, цифровизацию образования, сокращение доковидных видов предпринимательства, уменьшение международных контактов, социальное дистанцирование, усиление иерархического контроля и отказ от массовых мероприятий.

Если возможна пост-постиндустриальная экономика, то это будет рациональная система смарт-экономики, основанной на логистике, энергоэффективности, экологии и устойчивом развитии [8]. Новая нормальность — это смена привычек потребления и коммуникации, это смена тренда на «донашивание», экономию, перераспределение ресурсов, разъединение владения и пользования (шеринг). Предел емкости технологического уклада 3.0 дает о себе знать через глобальные кризисы. Спады и депрессии XIX–XX веков удавалось преодолеть благодаря индустриализации колоний и аграрных государств. Однако после индустриализации Азии уже не осталось касты хранителей технологий. Более того, изначальные доноры индустриализации (Нидерланды, Великобритания, Франция, США) сами стали жертвой деиндустриализации.

Нас стало слишком много, чтобы оставаться доиндустриальными романтиками или даже промышленными утопистами. Демографический профицит — это диалектическая вилка: без такого количества населения мы никогда не смогли бы обеспечить рост благосостояния. Однако, помимо труда как источника богатства, масса населения Земли нуждается в ресурсах, скудость которых мы не смогли преодолеть благодаря космосу, как ожидалось. Поэтому технологический уклад 4.0. связан прежде всего с оптимизацией имеющихся ресурсов. Смысл цифровизации в том, чтобы создать еще какое-то количество рабочих мест, улучшить глобальную логистику, наладив обмен капиталов, трудовых ресурсов, товаров и информации. Большие данные, искусственный интеллект, нейросети, блокчейн, большие данные, облачные вычисления, 3D-печать позволяют экономить на производстве и распределении.

Говоря о парадоксальности состояния современной мировой цивилизации, иногда указывают на то, что она крайне неоднородна, состоит из трех исторически различных стадийальных типов: аграрно-традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Это естественный ответ на демографический вызов. Усложнение общества есть естественный ответ на количественный демографический вызов. Сегодня мы имеем дело с самым большим социумом за известную нам историю, которому уже тесно только в рамках аграрных, индустриальных и постиндустриальных технологий. Количество переходит в качество: народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному и от индустриального к постиндустриальному. Первый переход связан с ограниченностью земли как фактора производства, а второй — с ограниченностью рынков сбыта промышленных товаров.

Проблема не в переизбытке техники, а в ее недостаточном развитии для того, чтобы решить две глобальные проблемы растущего человечества: временный профицит углеводородов сделал нас энергозависимыми, однако мы до сих пор не нашли, как удовлетворить растущие потребности человечества ограниченными природными ресурсами. Государства западного типа стремятся восполнить демографическую убыль за счет мигрантов, и при этом на Земле слишком много стремящихся к антиэкосистемным благам индивидуальных коттеджей и персональной автомобилизации.

Острые прогресса проходит по самой кромке социального эволюционизма. Первая НТР создала условия для мануфактурного производства и глобального передвижения товаров. Во время второй НТР были изобретены средства массовой информации и коммуникации. Третья НТР была самой масштабной, затронув множество областей, от производства полимерных материалов до ракетных технологий. Вопрос о четвертой НТР является спорным. Прорывы, изобретения и инновации есть (клонирование, нанотехнологии, индивидуализированное производство), однако они не носят такой масштабный и социально-экономический характер. В прошлые НТР менялся сам тип общества благодаря внедрению технологий. С аграрного — к индустриальному и постиндустриальному. Какой тип общества создала четвертая НТР? Пока не ясно, можно ли назвать современ-

ное общество пост постиндустриальным. В глобальном масштабе представлено три экономических типа обществ и складываются предпосылки для формирования новой фазы постиндустриального общества. Россия не смогла сохранить статус индустриального локомотива, но и не приобрела постиндустриальное лидерство, что помещает целую страну в зону риска прекариата.

Индустриализация СССР в XX веке спасла страну от недружественного поглощения. Ленин и Сталин вырвали страну из мальтузианской ловушки, которая свойственна аграрным обществам, где демографические показатели превышают способность обеспечивать себя продуктами питания. Достижение потолка емкости ресурсной базы является основной причиной скудости питания, бедности, распространения инфекционных заболеваний, нехватки земли, маргинализации, миграции. Выйти из мальтузианской ловушки можно комплексом мер, которые включают, помимо механизации сельского хозяйства и повышения его производительности, развитие техники и технологий, практику индустриализации, ограничение рождаемости, повышение уровня образования, создание новых видов занятости [9].

Сегодня над Россией нависла угроза деиндустриализации, ослабления таких отраслей промышленности, как черная металлургия, машиностроение и металлообработка; уменьшения доли отечественного промышленного изготовления средств производства, предметов потребления. Масштабная индустриализация, напротив, идет в Китае, Индии, Бразилии, Мексике, Турции, Малайзии, Вьетнаме, ЮАР.

Россия импортирует из Китая машины и оборудование, электронику, автозапчасти и комплектующие, текстиль, одежду, обувь, товары для детей, сельскохозяйственную продукцию. Даже многие российские книги печатаются в Китае, а отечественные полиграфические мощности свертываются. Автомобилестроение и самолетостроение в РФ с трудом пробивает себе путь к рынку сбыта. Уменьшается парк сельхозтехники. Упрощается система производства, закрываются предприятия, сокращается население в промышленных моногородах, исчезают некоторые виды узких специалистов, имеет место деградация технического образования. Все это индикаторы

неустойчивой промышленной безопасности. Государство становится зависимым от импорта технологий и оборудования, потребительских товаров и лекарств. Деиндустриализация ставит вопрос о гарантированном доходе, без которого комплекс мероприятий по поддержке граждан и семей с детьми выглядит как стимулирование маргинализации и увеличение бедного населения. Убыль населения, низкий уровень доходов, бедность пенсионеров — все это побочные результаты деиндустриализации, т. к. в новейшей истории России именно промышленность была драйвером экономики.

Предел емкости индустриального общества заключается в перепроизводстве и в увеличении доли индустриально развитых стран. Идеальные условия капитализма времен Адама Смита, когда Великобритания открывала товарное производство в метрополии и заставляла приобретать эти товары свои колонии, уже закончились. В клуб индустриально развитых государств вступили с тех пор Франция, США, Германия, Япония, СССР, Китай, Индия и десятки других государств. Выходом для стран первичного капитализма стала переориентация на такие сферы деятельности, как информация, развлечения, финансы, образование.

Порождением кризиса индустриальной занятости стало постиндустриальное общество с его занятостью в сфере услуг (доставка, быстрое питание, транспорт, СММ маркетинг, блогинг). Новая нормальность постиндустриального типа общества заключается в нарушении структуры занятости: значительно людей на полной занятости перерабатывают, чтобы не потерять работу, а еще большее количество работников не могут найти полноценную работу и вынуждены искать подработки. Антиномии сверхзанятости и недозанятости также выступают фактором неустойчивости новой нормальности. Самозанятость позиционируется как гордость фриланса, но на самом деле является стыдливым прикрытием прекариата как основной социальной проблемы современности.

Новый стандарт постиндустриального рабства: непостоянный доход, отсутствие социальных гарантий, лимитирование трудовых прав. Все это потому, что мы выработали промышленную емкость, но так и не преодолели третью космическую скорость и углеродную зависимость. Искусственный интеллект, нейросети, роботехника,

блокчейн, стандарт 5G, большие данные, интернет вещей, облачные вычисления, 3D-печать, дополненная реальность — это не технологии-монстры, агенты трансгуманизма, а то, что может дать перспективную занятость миллионам людей. Проблема безработицы постиндустриального общества становится уже глобальной, т. к. человечество достигло пределов развития. Быстрая прекаризация населения, падение благосостояния и увеличение рабочего времени тому доказательство. Масса людей на планете не может найти нормальную занятость с социальными гарантиями. Для экономии фонда заработной платы используются схемы лизинга персонала, аутстаффинга, сезонного трудоустройства.

Глобализация обесценивает малые духовные скрепы. Отсюда опасная динамика самоубийств и экстремальных видов времяпровождения в технократических обществах. Менее конфликтной формой эскапизма следует признать сектантство и историческую реконструкцию. Ну а наибольшую угрозу правопорядку представляет борьба за идеалы хорошего справедливого общества в виде радикализма и терроризма.

Еще в 2008 году мы с коллегой ставили вопрос о грядущем увеличении необходимого рабочего времени вопреки модным трендам «работать 3–4 часа в день», «четырехдневная рабочая неделя» и т. п. [10]. Реальная тенденция во всем мире — это увеличение рабочего времени, сверхурочные, переработка, выгорание, сочетание 2 или 3 работ, посвящение свободного времени приработку. Причины весьма простые — бедность, амбиции, стремление повысить качество жизни, конкуренция. Новая нормальность — это работать всегда, как в Японии и Китае, делая перерывы на сон, еду и переключения на иные обязанности [11]. Формулируются законопроекты 60-часовой рабочей недели, ставится вопрос о «работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени» [12]. Идеи, что человек будет заниматься творчеством, а машины — выполнять за него все рутинные действия, оказались утопией. Даже при современном высоком уровне механизации, автоматизации и цифровизации человек остается самым дешевым биороботом и программистом одновременно.

Коммунизм — иногда — как крипто-христианство с идеей рая на Земле [13; 14]. Они родственны своими историософскими линейными масштабами, социальным активизмом СССР на международной арене активно продвигал социально-экономические права: равноправие мужчин и женщин; право на труд; право на отдых; право на охрану здоровья; право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности; право на жилище; право на пользование достижениями культуры; право на детство. Экономические права обходятся дороже государству, поэтому западные страны сопротивлялись этой позиции и защищали политические права первого поколения, которые были ограничены в СССР. Сейчас мы тоже следуем западной концепции и отказались от приоритета социальных прав, гарантированных государством. Победили права, защищающие личность, они дешевле обходятся государству, хотя, несомненно, они не менее важные, чем второе поколение прав [15].

Второе поколение прав, сформированное в результате II и III НТР, относятся к категории социальных и экономических (право на жилище, право на труд, право на приемлемый уровень жизни, право на предпринимательство, право на частную собственность, право на образование, медицинское обслуживание и многие другие социальные гарантии: пособия по случаю полной, частичной или временной утраты трудоспособности, право на пенсию, пособие по безработице и т. д.). Эти общественные блага имеют двойственное значение в борьбе с терроризмом. С одной стороны, законопослушные граждане, естественно, достойны пользоваться этими социально-экономическими достижениями. Вызывает негодование, что пособники терроризма, выступающие зачастую с лозунгами уничтожения ненавистных государств, при этом успешно пользуются государственными пособиями, бесплатной медицинской помощью и образованием.

Второе поколение прав — это расширение прав первого поколения, гражданских и политических возможностей человека, которые были сформулированы в ходе буржуазно-демократических революций и борьбы за независимость США. Это главным образом негативные права, «свобода от» принуждения церкви, несправедливого

суда, произвола монарха. Эти права были еще названы личными, неотчуждаемыми политическими правами и свободами (свобода слова, собраний, мысли, равенство всех перед законом и судом, свобода передвижения).

Третье поколение связывают также с международными процессами XX века, требованиями коллективной безопасности (*братство*). Это коллективные, гуманитарные и экологические права. К солидарным правам всех жителей Земли относятся право на мир, право на сохранение природы, право на безопасность. Коллективное право на безопасность требует ограничения ряда индивидуальных прав прошлых поколений в связи с резким ухудшением защищенности городов и жизненно важных технологических объектов.

Третья сборка прав человека нравится развивающимся государствам, которые устанавливают приоритет общности над личностью, и они относят сюда право наций на самоопределение, право на социальное и экономическое развитие, право на распоряжение природными ресурсами, право на культурное наследие, право на невмешательство.

Концепция трех поколений прав человека была сформулирована чешско-французским юристом по имени Карел Васак, который развивал лозунг французской революции (*свобода, равенство, братство*) [16]. Параллельно идут процессы проблематизации концепции прав человека в связи с достижением экономических пределов емкости среды.

Еще одна тенденция — декларация четвертого поколения прав, связанных с открытиями в области биологии; информационные права [17], а также духовные права [18]. Общая эволюция государства и права, общественных отношений демонстрирует последовательную негоциацию института прав и свобод, историческую связь становления социального государства с его функциями безопасности и благосостояния и института гражданского общества, родившегося в античном полисе и христианских коммунах.

Права человека в обществе экономических пределов — это негоциация, выторговывание смыслов. Рынок становится абсолютным знаменателем и универсальным модусом коммуникации. Мир подстраивается под рыночный резонанс. Вопрос о сохранении внеры-

ночных институтов, которые бы служили подушкой безопасности человечества в случае жесткой посадки, — это риторический модус. Однако если все признать товаром, это ставит под угрозу неторговые ценности — религиозные, научные, эстетические, гуманитарные.

Вероятно, в будущем человечество действительно сформулирует фактически четвертое поколение прав и свобод или, даже более корректно можно сказать, четвертую сборку прав и свобод, которые включают все гуманитарные достижения предыдущих поколений, рассматриваемых в свете глобальных угроз терроризма и экстремизма. Разработка современного понимания прав и свобод проходит в контексте приоритетной темы международного контроля организованной преступности, терроризма и экстремизма. Правовой ответ угрозам XXI века дается с учетом дальнейшего выживания человечества как биологического вида, а также защиты его места проживания, планеты Земля, что требует обеспечения безопасности атмосферы, мирового океана, переработки мусора, развития неуглеродной энергетики.

Литература

1. Тимощук А. С. Пределы роста и актуальные проблемы глобальной устойчивости // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 2 (73). С. 148–158.
2. Тимощук А. С. Программа устойчивости мира. Рецензия на книгу: Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб. : Алетей, 2018. 526 с.
3. Панфилов Ф. Телемедиализм: «средневековые» сериалы конца XX — начала XXI века // Логос. 2014. № 6. С. 193–207.
4. Гуковская А. А. «Новая нормальность» и трансформация рисков // Прорывные научные исследования : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. 2016. С. 82–90.
5. Борох О. Н. «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 68–80.
6. Тимощук А. С. Национальная философия устойчивого развития России // Современные Евразийские исследования. 2018. № 3 (18). С. 97–104.
7. Тимощук А. С. Программа устойчивости мира // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов

(Владимир, 5–6 декабря 2019 г.) ; редкол. О. Д. Третьякова и др. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. С. 113–118.

8. Тимошук А. С. От аграрного к умному обществу // Центр и регионы, этносоциальный аспект истории России нового времени : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию юбилею заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, профессора, доктора исторических наук Ирека Гайсеевича Акманова (г. Уфа, 19 апреля 2019 г.) / отв. ред. А. И. Акманов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 135–145.

9. Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S. Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1–9.

10. Ляпанов А. В., Тимошук А. С. НТП и сокращение необходимого труда // Региональная экономика: проблемы и перспективы : межвузовский сборник научных трудов. Владимир : РАГС, 2008. С. 62–64.

11. Kawanishi Y. On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? // International Journal of Mental Health. 2008. Vol. 37, Iss. 1. P. 61–74.

12. Герасимова Е. С. Увеличение продолжительности рабочего времени: шаг к современным трудовым отношениям или движение в прошлое? // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ). М., 2011. С. 318–324.

13. Чернов А. В. Русское православие как социокультурная основа коммунизма // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2016. № 1. С. 79–82.

14. Чернов А. В. К вопросу о культурно-исторической связи христианства и тоталитаризма // Философские и исторические исследования : сб. науч. ст. ; сост. С. Б. Борисов, Н. Ф. Чипинова. Шадринск, 2019. С. 50–58.

15. Тимошук А. С. Участие христианства в укреплении гражданского самосознания // Участие гражданского общества в укреплении правопорядка : материалы междунаро. науч.-практ. конф. Владимир: РАНХиГС, 2019. С. 200–207.

16. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. 30 (11). P. 29–32.

17. *Семерикова П. В.* Быть ли четвертому поколению прав человека? // Синергия наук. 2018. № 28. С. 914–918.

18. *Ивентьев С. И.* Четвертое и пятое поколения прав человека как основа духовного и нравственного возрождения человечества // V Забайкальские рождественские образовательные чтения «Традиция и новации: культура, общество, личность» (региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений) : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. К. А. Стародубцева, Н. Н. Волнина. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 120–122.

References

1. *Timoshchuk A. S.* Limits of growth and actual problems of global sustainability // Actual problems of humanities and socio-economic sciences. 2020. No. 2 (73). P. 148–158.

2. *Timoshchuk A. S.* Program of world stability. Book review: Minerva's Owl flies into the Twilight. St. Petersburg : Aleteia, 2018. 526 p.

3. *Panfilov F.* Telemedievalism: “medieval” TV series of the late XX — early XXI century // Logos. 2014. No. 6. P. 193–207.

4. *Gukovskaya A. A.* “New normality” and transformation of risks // Breakthrough scientific research : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2016. P. 82–90.

5. *Borokh O. N.* “New normality” with Chinese specifics // Problems of the Far East. 2015. No. 3. P. 68–80.

6. *Timoshchuk A. S.* National philosophy of sustainable development of Russia // Modern Eurasian Studies. 2018. No. 3 (18). P. 97–104.

7. *Timoshchuk A. S.* Program of stability of the world // Actual problems of international law and foreign economic activity : materials of the XI International Scientific and Practical Conference of teachers and students (Vladimir, December 5–6, 2019) ; ed.: O.D. Tretyakova et al. Vladimir : VISU Publishing House, 2020. P. 113–118.

8. *Timoshchuk A. S.* From agrarian to smart society // Center and regions, ethnosocial aspect of the history of Russia of the new time: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of Historical Sciences Irek Gaiseevich Akmanov (Ufa, April 19, 2019) / ed. Ufa : RIC Bashgu, 2019. P. 135–145.

9. Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S. Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1–9.

10. Lyapanov A. V., Timoshchuk A. S. NTP and reduction of necessary labor // Regional Economy: problems and Prospects : Interuniversity collection of scientific papers. Vladimir : RAGS, 2008. P. 62–64.

11. Kawanishi Y. On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? // International Journal of Mental Health. 2008. Vol. 37, Iss. 1. P. 61–74.

12. Gerasimova E. S. Increasing the working time: a step towards modern labor relations or a movement into the past? // International, Russian and foreign legislation on labor and social security: current state (comparative analysis). M., 2011. P. 318–324.

13. Chernov A. V. Russian Orthodoxy as a socio-cultural basis of communism // Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 2016. No. 1. P. 79–82.

14. Chernov A. V. On the question of the cultural and historical connection of Christianity and totalitarianism // Philosophical and historical research collection of scientific articles ; compiled by S. B. Borisov, N. F. Chipinova. Shadrinsk, 2019. P. 50–58.

15. Timoshchuk A. S. Participation of Christianity in strengthening of civil self-consciousness // Participation of civil society in strengthening of the rule of law : materials of the international scientific and practical conference. Vladimir : RANEPa, 2019. P. 200–207.

16. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. 30 (11). P. 29–32.

17. Semerikova P. V. Whether to be the fourth generation of human rights? // Synergy of Sciences. 2018. No. 28. P. 914–918.

18. Iventiev S. I. The fourth and fifth generations of human rights as the basis of the spiritual and moral revival of humanity // V Zabaykalskie rozhdestvennye obrazovatelnye chteniya “Traditsiya i novatsii: kultura, obshchestvo, lichnost” (regional stage of International Rozhdestvenskikh obrazovatel’nykh chteniy) : materials of the scientific and practical conference / ed. by K. A. Starodubtsev, N. N. Volnin. Chita : ZabGU, 2016. P. 120–122.

В. О. Титова,
*студентка кафедры социальной работы,
Институт социальных наук, Иркутский государственный университет,
Иркутск
e-mail: vladatitova86@gmail.com*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ДЕТЯМ, ПОДВЕРГШИМСЯ СЕМЕЙНОМУ НАСИЛИЮ

Аннотация. В статье подробно освещается опыт работы нескольких некоммерческих организаций по профилактике жестокого обращения с детьми в семье в России и Иркутской области. В начале статьи дается общая характеристика проблемы и последствия насилия. Жестокие действия родителей к детям в семье представлены в качестве ведущей социальной проблемы. Эффективное применение методов профилактики окажет существенное влияние на взаимодействие родителей с детьми, снизит частоту конфликтных ситуаций. В заключении делается вывод о важности деятельности и развитии потенциала некоммерческих организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, жестокое обращение с детьми, благотворительный фонд, профилактика.

V. O. Titova,
*student of the Department of Social Work,
Institute of Social Sciences, Irkutsk State University,
Irkutsk
e-mail: vladatitova86@gmail.com*

ACTIVITIES OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS TO ASSIST CHILDREN WHO HAVE BEEN SUBJECTED TO DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. The article describes in detail the experience of several non-profit organizations in the prevention of child abuse in the family in Russia and the Irkutsk region. At the beginning of the article, a general description of the problem and the consequences of violence is given. Violent actions of parents towards

children in the family are presented as a leading social problem. Effective use of prevention methods will have a significant impact on the interaction of parents with children, reduce the frequency of conflict situations. In conclusion, it is concluded about the importance of the activities and development of the potential of non-profit organizations.

Keywords: non-profit organizations, child abuse, charitable foundation, prevention.

Профилактика жестокого обращения с детьми в семье является одной из главных задач государственных и негосударственных социальных служб. Сопровождение и поддержка очень важны, так как семьи не справляются самостоятельно. Какие бы жестокие действия ни оказали воздействия на личность ребенка, они всегда наносят вред и являются причиной беспризорности, безнадзорности, отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Данная проблема требует незамедлительного вмешательства и решения, поскольку она приводит к дестабилизации общества и оказывает отрицательное влияние на его благополучие. Насилие можно предотвратить. Первым шагом в предотвращении насилия во всем мире является понимание того, как часто оно происходит, где оно происходит и как оно влияет на здоровье и благополучие детей и молодежи. Высококачественные, своевременные данные о насилии обеспечивают важнейшую информацию для разработки превентивных стратегий, основанных на наилучших имеющихся фактических данных. Что касается приведенной выше информации, то различные организации, сопровождающие детей — жертв насилия, осуществляют совместную деятельность с государственными и некоммерческими организациями. Рассмотрим их деятельность по оказанию помощи жертвам насилия.

Каждая структура выполняет свои функции. К ним мы можем отнести и организации некоммерческого типа. Они занимаются благотворительностью, помогают людям справедливо пользоваться предусмотренными благами. Существуют разные формы таких организаций. Можно выделить такую форму, как фонды, которые оказывают благотворительную помощь населению, в том числе активно помогают справиться с негативной обстановкой в семье.

Благотворительная деятельность включает в себе анализ сложившейся обстановки. Далее специалисты консультируются с другими структурными подразделениями, и принимают решения.

Многим детям и их семьям была оказана помощь в фонде «Защита детей от насилия». Благодаря долголетней деятельности, постоянной помощи нуждающимся, он стал самым значимым на территории РФ. Не только информационные материалы о факторах насилия, но и всесторонняя помощь оказывается детям специалистами, они разрабатывают такие приемы работы, чтобы жертвы насилия не выросли агрессивными людьми, устраняют виктимное поведение. Известно, что «фонд разрабатывает различные проекты: “Психологическая, социальная, медицинская помощь детям, пострадавшим от жестокого обращения и насилия”, “Им нужна ваша помощь” и т. д.» [1, с. 194–198].

Разные виды помощи осуществляет Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, созданный в 2004 г. Его назначение — защита прав детей через повышение качества помощи детям, достойные условия для становления личности. Специалисты готовят к реализации проекты по профилактике домашнего насилия. На базе фонда создана программа «На пути к объединению семьи», уделяется особое внимание своевременному предупреждению таких проблем в детском саду [2].

«Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» реализует программы, обеспечивающие развитие эффективных взаимоотношений между родителями и детьми. Одним из важных проектов является «Защитим детей от насилия», который формирует нетерпимое отношение общества к насилию, призван привлекать родителей за жестокие действия, а также сопровождает детей [3]. В Иркутской области функционирует благотворительный фонд «Оберег», созданный в 2007 г. Он фокусируется на улучшении юридических, психологических и социальных услуг для матерей с детьми, испытавших агрессию членов семьи. Был создан проект «Мама со мной!» Его особенностью является помещение мамы с ребенком в убежище (безопасную среду). В фонде также можно получить материальную и моральную поддержку. Проводится индивидуальная работа узкопрофильных специалистов с каждой

женщиной. Особое внимание уделяется оказанию помощи детям. Проводится ряд мероприятий, цель которых — сохранить психическое и физическое здоровье. Кроме того, ответственность матери остается, и ее погружают как можно дальше в решение всех вопросов. Миссия благотворительного фонда «Оберег» — в защите детей от каких-либо посягательств их жизни в семье. Фонд «Оберег» поддерживает основные принципы лучших международных практик и строит на них свою работу [4]. Помогает также кризисный центр «Мария». В нем они получают не только консультации юриста, психолога, дом, одежду, помощь в восстановлении документов, но и поддержку от других женщин, оказавшихся в подобной ситуации [5]. На данный момент социально ориентированных некоммерческих организаций в регионе небольшое количество. Для успешного социального развития общества необходимо развивать и расширять некоммерческий сектор, это возможно достичь благодаря помощи со стороны региональных органов государственной власти и увеличения направлений, программ работы уже имеющих организаций.

В итоге можно утверждать, что некоммерческие организации обладают значительным потенциалом и занимают значительное место в системе государственной и региональной политики. Они готовят и внедряют в практику собственные проекты и программы и тем самым позволяют оперативно и эффективно решать социальные проблемы, оказывать целенаправленную помощь. Очень важно поддерживать их инициативу, желание развиваться. Слишком часто вмешательство происходит только после сообщения о злоупотреблениях. Необходимы большие инвестиции в программы, которые, как было доказано, останавливают насилие до того, как оно происходит.

Литература

1. Возмилкина Е. Н. Домашнее насилие над детьми как актуальная проблема современного российского общества // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 194–198.
2. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения // Информационный проект Национального фонда защиты детей от жестокого

обращения. URL: <http://www.sirotstvo.ru/rus/organization/document5196.shtml> (дата обращения: 18.03.2021).

3. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации // Благотворительный фонд. URL: <https://www.fond-detyam.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

4. «Оберег» // Благотворительный фонд. URL: <https://obereg38.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

5. «Мария» // Кризисный центр. URL: <http://maria-centr.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. *Vozmilkina E. N.* Domestic violence against children as an actual problem of modern Russian society // Socio-economic sciences and Humanitarian Studies. 2016. No. 10. P. 194–198.

2. National Fund for the protection of children from abuse // Information project of the National Fund for the Protection of Children from Abuse. URL: <http://www.sirotstvo.ru/rus/organization/document5196.shtml> (date of access: 18.03.2021).

3. Fund for support of children in difficult life situations [Electronic resource] // charity fund. URL: <https://www.fond-detyam.ru/> (date of access: 18.03.2021).

4. “Obereg” // Charity fund. URL: <https://obereg38.ru/> (date of access: 18.03.2021).

5. “Maria” // Crisis center. URL: <http://maria-centr.ru/> (date of access: 18.03.2021).

А. В. Томаров,

канд. социол. наук, доцент,

e-mail: cool.tomarova@mail.ru

В. Е. Янюк,

студент

e-mail: violetta_yanyuk@mail.ru

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,

Магнитогорск

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СЕМЬЯХ ГРУППЫ РИСКА

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к изучению семей группы риска. Предложены классификации семей группы риска по различным видам рисков и факторов. Проведен анализ качества жизни семей группы риска, по различным факторам влияния. В заключении определена роль специалистов социальной работы в решении проблем семей подобного типа, а также определены возможные тенденции изучения данной проблемы в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: семья, группа риска, социальная работа, девиация, социум.

A. V. Tomarov,

Candidate of Social Sciences, Associate Professor,

e-mail: cool.tomarova@mail.ru

V. E. Yanyuk,

student

e-mail: violetta_yanyuk@mail.ru

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov,

Magnitogorsk

FEATURES OF THE FORMATION OF THE QUALITY OF LIFE IN FAMILIES AT RISK

Abstract. The article discusses approaches to the study of families at risk. The classification of families of the risk group by different types of risks and

factors is proposed. The analysis of the quality of life of families at risk, according to various factors of influence, is carried out. In conclusion, the role of social work specialists in solving the problems of families of this type is determined, and possible trends in the study of this problem in further research are identified.

Keywords: family, risk group, social work, deviation, society.

В настоящее время проблема качества жизни выступает достаточно актуальной для всех социальных слоев общества. Актуальность заявленной проблемы постоянно растет и тесно взаимосвязана с процессами социально-экономической и политической трансформации социума. Одной из главных проблем, требующей серьезного внимания, выступает увеличение количества семей группы риска.

Данный тип семьи является тем типом семьи, который в данный момент имеет особые трудности различного характера, как правило, она не способна решать многочисленные задачи в социуме, такие как воспитание в духе традиционных семейных ценностей и успешной первичной социализации. В связи с высоким уровнем иждивенчества и девиации модель жизни подобных семей в значительной мере отличается от образа жизни других семей, и именно поэтому данный вопрос заслуживает глубокого изучения и научного осмысления. Для того чтобы количество семей группы риска значительно сократилось, следует особое внимание уделить социально-психологической, коррекционной и социально-правовой работе с подобным типом семей.

В современной педагогике и психологии семья группы риска понимается как особый тип семей, который при воздействии определенных обстоятельств подвержен негативным внешним воздействиям со стороны социума и его криминальных элементов, что является причиной дезадаптации родителей и детей.

М. А. Галагузовой определяет семьи группы риска наличием определенных отклонений от общепринятых семейных норм и ценностей, которые не позволяют определить их как благополучные, такие как неполная семья, малообеспеченная семья и т. п. Такие семьи крайне сложно справляются с задачами социализации ребенка. Именно поэтому социальному педагогу важно осуществлять

наблюдение за внутренним состоянием семьи, имеющимися в ней дезадаптирующими факторами, наблюдать, как они замещены позитивными характеристиками, и оказывать необходимую помощь [1].

Многие исследователи данной проблемы к семьям группы риска относят группы семей, которые под воздействием определенных обстоятельств подвержены негативным внешним воздействиям со стороны общества. В семье группы риска всегда существуют определенные проблемы, имеющие объективный или субъективный характер, которые вызваны внешними или внутренними условиями. Все это приводит как к благоприятным, так и неблагоприятным последствиям для членов этой семьи.

А. Г. Грицай предлагает комплексную классификацию семей группы риска на основе видов риска, которые создают определенную опасность для первичной социализации детей. В предложенной классификации представлены следующие группы рисков:

1) биологические риски (наследственность, врожденные свойства, нарушения в физическом и психическом развитии);

2) социально-экономические риски (малообеспеченные, многодетные и неполные семьи, несовершеннолетние родители, безработные семьи, семьи, ведущие девиантный образ жизни);

3) культурные риски (низкий уровень общей культуры, низкий уровень образования);

4) демографические риски;

5) психолого-социальные риски (неприятие социальной среды, невротия, регулярные депрессивные состояния, эмоциональная неустойчивость, проблемы в социальной адаптации);

6) педагогические риски [2, с. 43–45].

Следует заметить, что, описывая перечисленные определения понятия, семьи группы риска, исследователи основываются на понимании категории риска как ситуации возможного наступления негативного события в семье и воспитании несовершеннолетних детей. В некоторых работах данный термин рассматривается как неблагополучная семья, в которой присутствуют два фактора.

Первый фактор риска соотносят с опасностью для социума, такие семьи представляет опасность для общества своей девиацией и асоциальными ценностями. Второй фактор связан с проблемами

социализации членов данной семьи, особенно несовершеннолетних, которые не могут развиваться полноценно из-за отсутствия нормальных условий первичной социализации.

В данном случае работа специалистов чаще всего сводится к изъятию ребенка из семьи и применению к родителям санкций, установленных законом. При существовании одного фактора риска в семье и при своевременной помощи соответствующих специалистов возможно преодоление семейного неблагополучия, происходит нормализация процессов социализации [3].

Среди факторов риска семьи присутствуют характеристики, объясняющие суть неблагополучия и девиантного поведения членов семьи. Такое объяснение расширяет границы определения семья группы риска, придает ему исключительно отрицательное значение. Конечно, пребывание в неблагополучных семьях порождает высокие риски появления факторов неблагополучия у несовершеннолетних. Стоит отметить, что неблагополучие выступает важным и серьезным критерием, но не единственным риском возникновения неблагополучной социализации. Стоит отметить, что неправильно ставить в один ряд семьи группы риска и асоциальные семьи как равнозначные в вопросах социализации детей.

Следует подчеркнуть, что семьи группы риска, регулярно нарушающие выполнение социальных функций, даже имея желание решить возникшие проблемы, не могут самостоятельно справиться с существующими проблемами, что впоследствии приводит к ситуации стабильного неблагополучия. Именно поэтому важно отражать разницу понятий семья группы риска и неблагополучная семья [4].

Термин «качество жизни» — достаточно сложный и многофакторный социально-экономический феномен, имеющий достаточно много определений, в которых показана универсальность данного термина. Под качеством жизни понимают общие характеристики и условия жизнедеятельности различных социальных групп, выраженных в объективных показателях и мнениях представителей социума в качестве удовлетворения своих экономических, социальных и трудовых потребностей [5].

Это связано с адекватным восприятием индивидами своего социального и статусного положения в зависимости от психологиче-

ских особенностей, системы социально-экономических стандартов, принятых в современном обществе. На данный момент существует более нескольких десятков разнообразных методик изучения и оценки качества жизни различных социальных страт, в которых применяется большое количество показателей жизнедеятельности индивидов в различных сферах общества.

Особенность понятия «качество жизни» заключается в том, что вместе с объективными критериями оно включает в себя в том числе и субъективные составляющие. Одним из ключевых субъективных критериев качества жизни выступает ресурсность семьи. Данное понятие характеризует ресурсность семьи как целостное, интегративное понятие, систему ценностных категорий призванных сформировать и удовлетворить текущие потребности семьи.

Данное понятие включает в себя различные характерные особенности семьи на уровне структуры, выполняемых ролей, критериев и правил взаимодействия в семье, а также индивидуально-психологические особенности родителей и детей. Элементы внутрисемейного потенциала можно представить следующими внутрисемейными факторами:

- количество членов семьи;
- физическое и психическое здоровье членов семьи;
- чувственная составляющая (доверие, уважение, взаимопонимание);
- уровень родственных связей (старшее поколение родственников);
- социальные отношения и связи (коллеги, друзья, соседи, социальные группы);
- адаптивные процессы вне семьи;
- статусные социальные роли, связанные с социальной мобильностью;
- коммуникационные связи и форма общения;
- образовательный уровень членов семьи;
- материально-экономическое положение семьи [6].

В заключении стоит отметить, что при работе с семьями, у которых наблюдаются все перечисленные факторы риска, в практической социальной работе необходим превентивный подход. Значение этого

подхода заключается в своевременном и оперативном решении проблем семьи для решения семейного неблагополучия. Этот подход основан на мерах ранней профилактики. Именно своевременное выявление факторов неблагополучия и факторов снижения качества жизни позволит более четко и продуктивно организовать социальное сопровождение семьи группы риска. В случае обнаружения факторов семейного неблагополучия решение проблем возможно только с привлечением специалистов социальной работы.

Литература

1. Вафина Л. В. Межпоколенные конфликты в современной семье : монография. М. : Изд-во МГУ, 2017. 284 с.
2. Грищай А. Г. Семья группы риска в структуре типологии неблагополучных семей // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 3. С. 43–45.
3. Информационный бюллетень учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав по Ленинскому району. Магнитогорск. 2018. 58 с.
4. Психологическое сопровождение лиц, переживших насилие в семье : научно-методическое пособие / под ред. проф. А. П. Плотников. СПб. : Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы. 2019. 234 с.
5. Пашикова Т. К. Молодая семья в современном российском обществе. Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2015. 232 с.
6. Мирков Д. А. Методы социального управления: типы и функции // Теория и практика менеджмента. 2018. № 2. С. 153–154.

References

1. Vafina L. V. Intergenerational conflicts in the modern family : monografiya. M. : Izd-vo MSU, 2017. 284 p.
2. Gritsay A. G. The family of the risk group in the structure of the typology of dysfunctional families // Bulletin of the Adygeya State University. 2019. No. 3. P. 43–45.

3. Information bulletin for institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency. Commission for the Affairs of Minors and the Protection of their Rights in the Leninsky district. Magnitogorsk. 2018. 58 p.
4. Psychological support for survivors of domestic violence. // Scientific and methodological manual / ed. by prof. A. P. Plotnikov. St. Petersburg : St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 2019. 234 p.
5. *Pashkova T. K.* Young family in modern Russian society. Ivanovo : Publishing house of Ivan. gos. un-ta, 2015. 232 p.
6. *Mirkov D. A.* Methods of social management: types and functions // Theory and practice of management. 2018. No. 2. P. 153–154.

М. А. Фоменко,

*студент кафедры теории и технологии социальной работы,
социологический факультет,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева,
Самара
e-mail: grzmr45@gmail.com*

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. Данная статья затрагивает одну из самых актуальных социальных проблем современного общества — проблему семейного насилия. В статье представлены различные трактовки понятия «семейное насилие», выделены отличительные особенности семейного насилия. Анализируются виды семейного насилия: экономическое, сексуальное, психологическое, физическое и их характеристики. В ходе исследования криминологических данных выявлены причины возникновения семейного насилия.

Ключевые слова: семейное насилие, причины семейного насилия, сущность и виды насилия в семье.

M. A. Fomenko,

student of the Department of Theory and Technology of Social Work,

Faculty of Sociology, Samara National Research University

named after academician S. P. Korolev,

Samara

e-mail: grzmr45@gmail.com

DOMESTIC VIOLENCE IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SECURITY STATE

Abstract. This article touches upon one of the most pressing social problems of modern society — the problem of domestic violence. This article presents various interpretations of the concept of “family violence”, highlights the distinctive features of this form of violence. The article discusses in detail the types of domestic violence (economic, sexual, psychological, and physical) and their characteristics. This article also identifies the causes of domestic violence based on criminological research.

Keywords: domestic violence, causes of domestic violence, the nature and types of domestic violence.

Насилие в России, как и во многих других странах, на данный момент является самой скрытой и одновременно актуальной проблемой, ведь сегодня данный вопрос приходится решать обществу и практически всем государствам. Основной состав жертв семейного насилия составляют женщины и дети.

Важную роль в структуре преступности касательно насилия занимает такая форма, как семейное насилие. Уровень познания о сущности семейного насилия в современном мире мало изучен.

Ссылаясь на определение Национального центра по предотвращению насилия «Анна», семейное насилие — это повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, психологического и экономического оскорбления и давления по отношению к близким с целью обретения над ними власти и контроля [1, с. 472].

С точки зрения А. С. Пашенко, семейное насилие — «процесс, состоящий из противоправного, виновного, систематического, физического или психического воздействия на членов семьи, осуществляемого против их воли с целью вынудить совершить нежелательные для них действия путем причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угроза или наказание» [2, с. 66].

В. И. Шахов рассматривает бытовое насилие как «противоправное, общественно опасное физическое, психическое или сексуальное воздействие на человека, обладающее устойчивой тенденцией к эскалации и большой вероятностью повторения, одного члена семьи на другого, совершенное против или помимо воли потерпевшего, независимо от фактических последствий такого воздействия» [3, с. 217].

Данная форма насилия обладает отличительными особенностями. Во-первых, это повторяющиеся паттерны множественных видов насилия. Именно этот цикл является главным отличием семейного насилия от простой конфликтной ситуации в семье. Во-вторых, особенности отношений между объектом и субъектом насильственных действий. Насилие происходит внутри семьи, между близкими людьми, нежели чем преступление, совершенное незнакомым человеком. Третьей отличительной особенностью является «вторичная виктимизация». Насилие в семье может сказываться не только на жертве, но и на свидетелях данного преступления. Помимо жертвы, подвержены данному насилию, переживанию и близкие люди [4, с. 53].

Видами семейного насилия традиционно являются психологическое; физическое; экономическое; сексуальное.

Физическое насилие представляет собой прямое воздействие на потерпевшего, сопровождается регулярным нанесением побоев, синяков и травм; другой тяжести, вследствие чего страдают его физическое и психическое здоровье. Физическое насилие относится к одному из самых распространенных видов и имеет гендерную направленность. Многими мужчинами и женщинами физическое насилие воспринимается как признак «нормальной» жизни. Рукоприкладство считается нормой воспитания для многих родителей [5, с. 37].

Физическое насилие имеет прямую и косвенную форму. Прямая форма проявляется в телесном насилии: нанесение побоев, пощечин, неоказание первой медицинской помощи и лечение народными методами, лишение возможности удовлетворения физиологических потребностей, принуждение к выполнению физической или иной непосильной работы. Нанесение вреда другим членам семьи или животным с целью психологического воздействия на жертву относится к косвенной форме [6, с. 172].

Суть психологического (эмоционального) насилия заключается в поведении, вызывающем отрицательную эмоциональную реакцию и душевную боль.

Формами психологического насилия является унижение чести и достоинства; угрозы, грубость; отрицание прав и непризнание авторитета со стороны жертвы насилия; постоянная критика мыслей, чувств, мнений, убеждений, действий; допросы и шантаж [7, с. 31].

Данный способ насилия чаще всего используется для воздействия на женщин и детей, а также может присутствовать как самостоятельно, так и наряду с другим видом насилия в семье. Психологическое насилие наносит больше вреда, чем физическое. Повторяющееся насилие приводит к посттравматическому стрессу, значительным психологическим страданиям, а зачастую и к более плачевным последствиям — к попыткам самоубийства. Нанесенные психологические, эмоциональные травмы могут проявлять себя не только на момент травли, но и в будущем.

В отношении детей психологическое насилие — это регулярные оскорбления или унижение ребенка, высказывание угроз в его адрес, а также предъявляемые к ребенку требования, не соответствующие его возрастным возможностям, демонстрация негативного отношения или отвержение, которые приводят к возникновению эмоциональных или поведенческих нарушений, преднамеренное манипулирование ребенком, которое вызывает у него нарушение самооценки, утраты веры в себя, затрудняет его развитие и социализацию.

А. Б. Орлов выделяет 3 аспекта психологического насилия:

— активный аспект — психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, критика, ложь,

изоляция, запреты, негативное оценивание, фрустрация основных нужд и потребностей);

— пассивный аспект — психологические эффекты (утрата доверия к себе и миру, внешний локус контроля, тревожность, нарушения сна и аппетита, депрессия, агрессивность, уступчивость, низкая самооценка, суицидальные наклонности, задержки физического и психического развития, личностная психопатология различной этиологии, соматические и психосоматические заболевания);

— интерактивный аспект психологического насилия — психологические взаимодействия (доминантность, аффективность, непоследовательность, бесчувственность; безответственность, неуверенность, беспомощность, самоуничтожение со стороны жертв насилия) [8, с. 245].

Сексуальное насилие в семье в отношении женщин включает в себя сексуальные отношения без обоюдного согласия, против желания, иногда с применением физической силы, угроз, запугивания, насильственное совершение полового акта после побоев. Данный вид довольно часто присутствует в семье и обладает повышенной латентностью, а также объединяет в себе физическое и психологическое (эмоциональное) насилие. Это касается не только женщин, но и детей. По отношению к детям сексуальное насилие понимается как вовлечение ребенка с его согласия или без такового в прямые или косвенные действия сексуального характера со взрослыми с целью получения последними сексуального удовлетворения или выгоды. Сексуальное насилие всегда наносит вред физическому, психическому или психосексуальному здоровью ребенка [5, с. 38].

Экономическое насилие может заключаться в отказе от содержания членов семьи, в строжайшем контроле над расходами членов семьи, утаивании собственных доходов, трате насильником семейных денег только на собственные нужды, самостоятельном принятии большинства финансовых решений [5, с. 39].

Индикаторами данного вида насилия являются скупость; навязчивый контроль над домашними расходами; запрет работы вне дома; конфискация имущества и состояния жертвы или злоупотребление ими [9, с. 193].

Таким образом, семейное насилие может сочетать в себе несколько видов насилия одновременно.

На основе вышеперечисленных трактовок семейное насилие можно определить как повторяющийся цикл различных видов насилия по отношению близких людей в семье с целью контроля и власти над жертвой.

Анализ криминологических данных позволяет выделить следующие криминологические причины возникновения насилия в семье.

1. Нарастание социальной напряженности и девальвация традиционных нравственных ценностей. Социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе усилили негативные тенденции в развитии брачно-семейных отношений, что выразилось не только в ухудшении материальной и культурной составляющих, но и в увеличении числа неполных семей за счет разводов, роста внебрачной рождаемости и вдовства, семей с распространением сожительства. Как отмечают некоторые авторы, свыше 70 % населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост количества депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и психоматических расстройств, психических срывов, алкоголизма и наркомании. Такое положение порождает внутреннюю напряженность, создает предпосылки к повышенной конфликтности в бытовой сфере, где социальный контроль ослаблен. Причины семейного насилия следует искать также в нравственном состоянии общества, в наличии или отсутствии в нем тех или иных моральных ценностей и установок.

2. Низкая эффективность предупредительно-профилактической работы с такими негативными социальными явлениями, как пьянство, наркомания, токсикомания, проституция, детская безнадзорность и беспризорность. В отношении пьянства как одного из мощных неблагоприятных факторов, разрушающих не только семью, но и душевное равновесие ребенка, можно отметить, что в 38 % полных семей пьянствуют отцы. Выявлено, что около 60 % детей проживает в семьях с низким или отрицательным потенциалом, 35 % из которых — семьи с постоянно конфликтной или агрессивной атмосферой и родителями с алкогольной зависимостью.

3. Внедряемые средствами массовой информации негативные образцы поведения наряду с утратившими силу традиционными воспитательными методами приводят к снижению родительского авторитета. Таким образом, агрессивное насильственное поведение в семье связано с воздействием негативных микросоциальных факторов, утратой или нарушением ее основных функций, таких как воспитательная, эмоциональная, функция первичного социального контроля. Большинство родителей подростков, совершивших преступления, характеризуются педагогической безграмотностью, утратой чувства общественного долга. В таких семьях нередко применяют силовой метод воспитания [10].

4. Латентность и безнаказанность значительной части бытовых преступлений обусловлены излишней терпимостью жертв семейного насилия к агрессору, недостаточным контролем со стороны органов внутренних дел и общественности за их поведением, малоэффективной ранней профилактикой криминогенных семейно-бытовых ситуаций. Этому также способствует высокий уровень анонимности семейных отношений (конфликтующие стороны не спешат посвящать окружающих в семейные неурядицы), вакуум социального контроля и невозможность вмешательства в родственные конфликты, несвоевременное принятие предупредительно-профилактических мер в отношении виновных лиц, негативная правоприменительная и судебная практика разрешения конфликтов [9, с. 35].

Семейное насилие — серьезная социальная проблема, решение которой зависит во многом и от особенностей методов и технологий оказания своевременной помощи жертвам насилия в семье, и от разрабатываемых государством мер социальной политики.

Литература

1. Чердакова Т. Б., Кулакова В. А. Семейное насилие в России и Китае: понятие и виды // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. С. 470–476.
2. Акуленко В. А. Криминологический анализ понятия «домашнее насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 64–66.

3. Катущонок О. В. Понятие и сущность насилия в семье // Вестник Полоцкого государственного университета. 2016. № 5. С. 216–219.

4. Даренских С. С. Семейное насилие в отношении женщин // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–2. С. 52–55.

5. Попова В., Климова О. В. Насилие в семье как социальная проблема // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 36–40.

6. Гулевич Д. А., Климова О. В. Насилие в семье как одна из проблем современной России // Инновационное развитие современной юридической науки. Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 171–178.

7. Жилиева С. К., Красова А. А. Проблемные вопросы семейно-бытового насилия в отношении женщин и детей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2019. № 2. С. 30–33.

8. Адушкина К. В. Психологическое насилие в семейных отношениях // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54–5. С. 245–251.

9. Аббаси П. Распространенность и особенности семейно-бытового насилия в современном иранском обществе // Социологический альманах. 2018. С. 188–197.

10. Кострова Ю. А. Ресурсы социальной работы в обеспечении социальной безопасности детей школьного возраста // Социальные процессы современной России / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой : в 2 т. Нижний Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2020. Т. 2. С. 579–581.

References

1. Cherdakova T. B., Kulakova V. A. Family violence in Russia and China: concept and types // Russia and China: history and prospects of cooperation. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018. P. 470–476.

2. Akulenko V. A. Criminological analysis of the concept of “domestic violence” // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. P. 64–66.

3. Katushonok O. V. The concept and essence of violence in the family // Vestnik Polotsk State University. 2016. No. 5. P. 216–219.

4. Darenских S. S. Family violence against women // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2–2. P. 52–55.

5. *Popova V., Klimova O. V.* Violence in the family as a social problem // Actual issues of law, economics and management. Penza : Nauka i prosveshchenie, 2019. P. 36–40.

6. *Gulevich D. A., Klimova O. V.* Violence in the family as one of the problems of modern Russia // Innovative development of modern legal science. Khabarovsk : Pacific State University, 2018. P. 171–178.

7. *Zhilyaeva S. K., Krasova A. A.* Problematic issues of family and domestic violence against women and children // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2019. No. 2. P. 30–33.

8. *Adushkina K. V.* Psychological violence in family relations // Problems of modern pedagogical education. 2017. No. 54–5. P. 245–251.

9. *Abbasi P.* Prevalence and features of family and domestic violence in modern Iranian society // Sociological Almanac. 2018. P. 188–197.

10. *Kostrova Yu. A.* Resources of social work in ensuring the social safety of school-age children // Social processes of modern Russia / under the general editorship of prof. Z. Kh. Saralieva : in 2 vols. Nizhny Novgorod : Publishing House of NISOC, 2020. Vol. 2. P. 579–581.

Э. А. Хуснулина,

студент,

e-mail: khusnulina97@mail.ru

Научный руководитель: Н. Г. Супрун, канд. филос. наук, доцент,

e-mail: suprunnelli@yandex.ru

Институт гуманитарного образования,

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,

Магнитогорск

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ SOFT-SKILLS В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины возникновения навыков soft-skills, а также их характеристика. Определяются критерии получаемой информации на основе отбора предоставляемых сведений. Разгра-

ничиваются понятия навыков hard-skills и soft-skills, а также определено их ключевое воздействие на социальную сферу. Разработаны «тренер-вопросы», которые помогут молодым специалистам качественно пройти собеседование с потенциальным работодателем и предложены мобильные приложения для работы над собой.

Ключевые слова: социальная сфера, soft skills, навыки, тренировка навыков.

E. A. Khusnullina,

student,

e-mail: khusnullina97@mail.ru

Supervisor: N. G. Suprun, Candidate of Philosophy, Associate Professor,

e-mail: suprunnelli@yandex.ru

Institute of Humanitarian Education,

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov,

Magnitogorsk

FEATURES OF SOFT-SKILLS FORMATION IN THE SOCIAL SPHERE

Abstract. In this article, the reasons for the emergence of soft-skills skills, as well as their characteristics. The information provided is determined based on the selection of information. The concepts of hard-skills and soft-skills are distinguished, and their impact on the social sphere is determined. "Trainer-questions" have been developed that will help young professionals to pass an interview with a potential employer of high quality, and mobile applications have been proposed to work on themselves.

Keywords: social sphere, soft skills, skills, skills training.

Формирование социального пространства образует собой сложную личностную структуру, которую необходимо видоизменять на каждом периоде жизненного пути, и в современном динамическом обществе человеку свойственно принимать на себя множество социальных ролей: быть квалифицированным специалистом, прилежным студентом или же ответственным родителем. Для каждой социальной роли существуют свои квалиметрические подходы,

которые позволяют оценить степень исполнения функциональных обязанностей.

В социальной сфере квалиметрия рассматривается в синтезе теорий, определяющих систематизированную закономерность принципов и требований как основы качества, учитывающих исторические аспекты. Для каждого развивающегося государства свойственна инновационная направленность, которая влияет на процесс развития отдельно взятого гражданина [1].

Еще в начале XXI века считалось, что для благосостояния страны необходимо создать «образованное» государство, в котором будут работать по большей части квалифицированные специалисты. Молодые люди поступали в высшие учебные заведения, осваивали определенные курсы подготовки, но после выпуска, несмотря на высокий уровень теоретических знаний, было затруднительно найти подходящую работу в соответствии со своим образованием.

Это было связано с тем, что навыки и компетенции, которыми обладает любой специалист, принято делить на две категории: *hard-skills* и *soft-skills*. В начале XXI века ценились профессиональные навыки *hard-skills*, которые характеризуются определенными знаниями, инструкциями, и качество обучения можно проверить с помощью экзамена, теста или опроса [2]. Но с каждым годом работодатели все чаще обращают внимание на *soft-skills*, которым раньше не уделяли должного внимания. Универсальные компетенции, личные навыки взаимодействия, коммуникации, работа в команде — это и есть *soft-skills*. Другими словами, это те навыки, которые человек не может получить в специальном учебном заведении, а развивает на протяжении всей жизни. В настоящее время создаются тренинговые центры, где можно улучшить определенный навык и пройти необходимые для специалиста курсы [3, с. 157].

Основные причины востребованности навыков *soft-skills* [4]:

- 1) отсутствие гибкости и адаптации специалиста в новых условиях труда;
- 2) нехватка личностных ресурсов для образования бесконфликтного коллектива;
- 3) возникновение автоматизации и развитие современных технологий;

- 4) внедрение проектной составляющей на рынке труда;
- 5) привлечение замотивированного персонала для эффективной производительности.

Задумываясь о собственном саморазвитии, зачастую получаем необходимую информацию из разных источников, включая глобальную сеть Internet, но и здесь должен происходить тщательный отбор предоставляемых сведений. И для этого следует учесть несколько критериев получаемой информации:

- 1) актуальность — в текущий момент данная информация является важной;

- 2) системность — взаимосвязанные элементы и понятия, позволяющие сформировать четкую и логическую структуру информации;

- 3) объективность — информация является независимой от субъективной позиции отдельно взятого человека;

- 4) адекватность — полученная информация соответствует реальному образу, процессу и явлению.

Для социальной сферы ключевым моментом является подготовка конкурентоспособного населения в организации социально-трудовой деятельности государства. Учреждения социального обеспечения, образовательные и воспитательные организации, культурные элементы социальной сферы нацелены на создание программ по формированию необходимых навыков для будущих специалистов. Это способствует профессиональному развитию человека, его подготовке к динамически изменяющимся условиям жизни, а также к выработке мотивационного потенциала у молодого поколения. Основной категорией населения для переработки информации выступают студенты высших учебных заведений. Поэтому данные организации нацелены на разработку новых проектов, программ, которые будут способствовать улучшению человеческих ресурсов [5].

Директор специализированного центра занятости «Моя карьера» выделяет 3 самых востребованных soft-skills:

- 1) коммуникативный навык — умение налаживать отношения с окружающими, выстраивать долговременные партнерские отношения и умение договариваться;

2) способность адаптироваться — умение приспосабливаться к трансформирующемуся обществу;

3) эмоциональный интеллект — умение распознавать эмоции собеседника, а также способность управлять собственными эмоциями.

Для будущих специалистов важно развивать навыки soft-skills даже перед собеседованием с работодателем. Ответственный кандидат изучит необходимую информацию о потенциальном месте работы, выявит тонкости, а также предположительно сформирует важные вопросы, которые необходимо задать работодателю. Следует учитывать, что и кандидату поступит ряд задач личного и общего характера. В табл. 1 перечислены «тренер-вопросы», которые помогут молодым специалистам на собеседовании.

Таблица 1

«Тренер-вопросы» для собеседования

Навыки soft-skills	Тренировка навыков
1. Коммуникация	А) Как можно справиться с сердитым оппонентом? Б) Вы предпочитаете общаться лично, по телефону или по электронной почте? Почему? В) Приведите пример, когда Вам наилучшим образом пришлось задействовать свои коммуникативные навыки
2. Командообразование	А) Важны ли для Вас командные мероприятия? Почему? Б) Ваши действия, когда Вы узнаете, что коллега должным образом не выполняет свои трудовые обязанности? В) Как развить командный дух в коллективе?
3. Гибкость	А) Готовы ли Вы изменить свое привычное расписание, если произойдет что-то незапланированное? Б) Какие у Вас планы на будущее? В) Каким Вы видите себя через 5–10 лет?

Навыки soft-skills	Тренировка навыков
4. Креативность	<p>А) Если бы Ваша жизнь была фильмом, как бы она называлась?</p> <p>Б) Есть ли в Вашей практике пример, когда Вы смогли вдохновить человека? И наоборот, смогли ли вдохновить Вас?</p> <p>В) Как Вы считаете, лучше сделать идеально, но с опозданием или же вовремя, но неплохо?</p>
5. Мотивация	<p>А) Почему Вы находитесь в поиске работы?</p> <p>Б) Какие вакансии на данный момент Вы еще рассматриваете?</p> <p>В) Чего Вы планируете достичь в первые шесть месяцев работы?</p>
6. Стрессоустойчивость	<p>А) Как Вы справляетесь со стрессом?</p> <p>Б) Расскажите о наиболее стрессовом событии. Как Вы с ним справились?</p> <p>В) Какие ситуации вызывают у Вас напряжение?</p>
7. Принятие решений	<p>А) Нравится ли Вам брать ответственность за принятие решений или же Вы бы предпочли оставить это кому-то другому?</p> <p>Б) Ваши действия, если принятое Вами решение было неудачным?</p> <p>В) Приведите пример, когда Вам довелось принять трудное решение.</p>

Soft-skills, или по-другому «гибкие навыки», можно сформировать и самостоятельно на основе изучения различной литературы, обучающих видео, а также с помощью специально разработанных мобильных приложений:

1) “Notion” — помогает систематизировать личное время с помощью заметок, таблиц и списков дел. Данное приложение можно адаптировать под себя и создать личный рабочий график.

2) “Class Timetable” — специально разработанное приложение для учащихся, целью которого является организация учебного процесса. Данное приложение позволяет определить количество

дисциплин, выставить определенные напоминания и в целом прокачать навык самоорганизации.

3) «Полная Эврика» — приложение для развития логики и сообразительности.

4) «Replika» — на основе технологий искусственного интеллекта создается виртуальный персонаж. Доступен круглосуточно, оказывает эмоциональную поддержку пользователю. Приложение работает на английском языке.

5) «PicsArt» — позволяет раскрывать свои навыки и потенциал в дизайне, помогает получить новый опыт в сфере SMM.

Таким образом, развитие soft-skills определяется индивидуальной заинтересованностью каждого человека, и только от него зависит развитие личных качеств, которые помогут в дальнейшем усовершенствовать свой карьерный потенциал и быть конкурентоспособным на рынке труда.

Литература

1. *Абашикина О.* Soft skills: ключ к карьере. URL: <http://www.pro-personal.ru/article/7811-soft-skills-klyuch-k-karere> (дата обращения: 21.03.2021).

2. *Шипилов В.* Перечень навыков soft-skills и способы их развития. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (дата обращения: 21.03.2021).

3. *Кларин М. В.* Инновационные модели обучения. Исследование мирового опыта : монография. М. : Луч, 2016. 640 с.

4. *Гайдученко Е., Марушев А.* Эмоциональный интеллект. URL: <https://l-a-b-a.com/lecture/show/99> (дата обращения: 21.03.2021).

5. *Кочергина Н.* Планирование развития по компетенциям. Развиваемые и неразвиваемые компетенции. URL: www.trainings.ru (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. *Abashkina O.* Soft skills: the key to a career. URL: <http://www.pro-personal.ru/article/7811-soft-skills-klyuch-k-karere> (date of access: 21.03.2021).

2. *Shipilov V.* List of soft-skills and ways of their development. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (date of access: 21.03.2021).

3. *Klarin M. V. Innovative models of training. Research of the world experience : monograph. M. : Luch, 2016. 640 p.*

4. *Gaiduchenko E., Marushev A. Emotional intelligence. URL: <https://l-a-b-a.com/lecture/show/99> (date of access: 21.03.2021).*

5. *Kochergina N. Development planning by competencies. Developed and undeveloped competencies. URL: www.trainings.ru (date of access: 21.03.2021).*

Ю. А. Швецов,

*студент кафедры истории России,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург
e-mail: schwetsov.yury@yandex.ru*

ИЗУЧЕНИЕ САМОЗАНЯТОСТИ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: ИДЕИ, МЕТОДЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

Аннотация. В работе проводится исследование феномена самозанятости среди обучающихся российских вузов. Автором доказывается слабая изученность представленного вопроса и необходимости его активного изучения с целью принятия дополнительных мер в этой области органами власти. В ходе исследования было проведено небольшое социологическое исследование для подтверждения возможности осуществления представленного в тексте проекта масштабного социологического исследования в российских вузах.

Ключевые слова: самозанятость, самозанятые граждане, вуз, студент, социологическое исследование.

Yu. A. Shvetsov,
*student of the Department of Russian History,
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg
e-mail: schwetsov.yury@yandex.ru*

STUDY OF SELF-EMPLOYMENT AMONG STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES: IDEAS, METHODS AND WAYS OF IMPLEMENTATION IN PRACTICE

Abstract. The paper studies the phenomenon of self-employment among students of Russian universities. The author proves the lack of knowledge of the presented issue and the need for its active study in order to take additional measures in this area by the authorities. In the course of the study, a small sociological study was conducted to confirm the possibility of implementing the large-scale sociological research presented in the text of the project in Russian universities.

Keywords: self-employment, self-employed citizens, university, student, sociological research.

В последние годы в России сложилась довольно непредсказуемая ситуация на рынке труда. Причинами этого стали неустойчивая внешнеполитическая обстановка, санкции, стагнация производства, высокая безработица, демографический кризис, низкий уровень жизни, рост цен и многое другое. В связи с этим многие люди начинают искать дополнительный или даже основной источник дохода в сфере фриланса, оказывая услуги или продавая товары собственного производства. То есть переходят в разряд самозанятых граждан.

В последние годы самозанятость стала позиционироваться как новый способ организации трудовой деятельности экономически активного населения как в России, так и за рубежом. Одни исследователи считают данную форму одной из разновидностей предпринимательской деятельности, то есть понимают ее достаточно широко [1, с. 177; 2, с. 65]. Другие же рассматривают самозанятость в узкоспециальном смысле [3, с. 21–26]. Существует также точка

зрения, что самозанятость стала современной интерпретацией ремесленной и промысловой деятельности [4, с. 95–96].

Число самозанятых быстро растет, поэтому остро встает проблема регулирования и легализации их деятельности. Для этого в 2018 г. был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)», установивший льготное налогообложение для лиц, работающих на себя, без работодателя и наемных работников. Закон положил начало мерам по поддержке самозанятых [5]. Но работа еще не завершена. И здесь очень важно учитывать особенности самозанятости, которые могут проявляться в различных социальных категориях трудоспособного населения, в частности среди тех, кто обучается в российских вузах. Поэтому, на наш взгляд, стоит обратить пристальное внимание на масштабы деятельности студентов, относящихся к категории самозанятых граждан, и на то, насколько широким может быть поле их профессиональной деятельности.

Обозначенная выше проблема на сегодняшний день очень актуальна, поскольку при проведении социологических исследований (например, социологическое исследование Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС, проводившееся в 2019 г. [6]) разделения респондентов на социальные категории не производилось. В связи с этим получаемая при проведении исследований картина выглядит довольно общей, без необходимой детализации и дифференциации. А это, в свою очередь, не позволяет учесть интересы самозанятых среди обучающихся в российских вузах при формировании государственной политики в отношении этой категории трудящихся.

В литературе как академического, так и научно-популярного характера, а также в ресурсах сети Интернет внимание на студентах, которые числятся как самозанятые граждане и занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, практически не акцентировалось. Связано это во многом с новизной изучения феномена самозанятых в целом, с той масштабной дискуссией, которая развернулась вокруг проблемы легализации данной категории граждан

в академических кругах и органах власти. В работах Бурлак А. В. [1], Крюковой Е. С. и Рузановой В. Д. [3], Лесовской М. И. [4], а также Покиды А. Н. и Зыбуновской Н. В. [2] и ряда других исследователей основное внимание уделяется характеристике понятий «самозанятость» и «самозанятые граждане», формулированию критериев, на основании которых граждан можно отнести к самозанятым, а также проблемам, которые возникают в ходе попыток государства легализовать самозанятых. Безусловно, решение обозначенных выше проблем важно для дальнейшей корректировки политики государства в отношении самозанятых лиц. Но изучение феномена самозанятости в отдельных социальных группах, особенно в таких социально активных, как студенчество, также может помочь властям принять хорошо проработанный комплекс мер для упрочения позиций самозанятых граждан на рынке труда.

Для изучения феномена самозанятости среди обучающихся российских вузов можно попробовать организовать при университетах специальный мониторинг социально-экономической ситуации со студентами, работающими на себя и относящимися, таким образом, к самозанятым гражданам.

Цель мониторинга будет состоять в изучении особенностей деятельности студентов как самозанятых и выявление, таким образом, инструментов, которые могли бы способствовать легализации их профессиональной деятельности.

На основании поставленной цели можно сформулировать следующие задачи:

1. Выявить основные источники доходов российских студентов, выяснить, на что они тратят полученные средства.
2. Получить представление о занятости студентов в период обучения в вузе: наличие и характер их трудоустройства.
3. Выявить мотивы, подталкивающие студентов к работе на себя, а также сферу применения ими своих знаний, умений и навыков.
4. Разработать перечень рекомендаций, которые смогли бы улучшить положение самозанятых студентов на рынке труда.

Основным методом проведения исследования станет социологический опрос, поскольку он гарантирует принцип анонимности для респондентов. Кроме того, результаты опроса можно будет

представить в виде графиков и диаграмм для последующей демонстрации заинтересованным в них лицам.

Основная гипотеза предложенного выше исследования состоит в том, что студенты как довольно активная в социальном, экономическом и политическом плане категория населения очень заинтересованы в самозанятости как возможности получить дополнительный доход, но не готовы легализоваться из-за практически полной неразвитости этой сферы трудовой деятельности в России.

Реализовать данное исследование на первоначальном этапе можно на базе Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. В университете 13 институтов и около 36 000 студентов [7], что дает широкое поле для исследований в самых разнообразных направлениях. Выборку можно обозначить в 1 300 студентов, то есть по 100 студентов от каждого института. Это позволит добиться релевантных данных, вполне объективно отражающих ситуацию самозанятости среди студентов.

Чтобы оценить возможности реализации представленного исследования была подготовлена специальная анкета и проведен опрос 75 студентов Уральского федерального университета с целью выяснить, что им известно о самозанятых, дать им возможность объяснить, почему большинство самозанятых предпочитают работать «в тени», а также предложить им дать рекомендации относительно того, как можно переломить ситуацию в этой области. По результатам опроса выяснилось, что значительная часть респондентов (16,5 %) считает, что самозанятые могут реализовать себя практически в любой сфере, но некоторым сферам опрошенные отдали гораздо большее предпочтение: это оказание различных услуг, образование/репетиторство, а также творчество и бизнес. Среди причин значительной доли «теневого» самозанятости наибольшего внимания удостоились нежелание платить налоги (82,7 %), «Отсутствие реальных стимулов для перехода в легальное поле» (58,7 %) и откровенное недоверие к государственным структурам (57,3 %). В качестве первоочередной меры, которую государство должно предпринять для привлечения самозанятых в официальный сектор, значительная часть респондентов предложила ввести налоговые послабления для самозанятых и предоставить им социальную защиту. Большин-

ство опрошенных студентов не против сами стать самозанятыми (58,7 %), но при этом для 50 % опрошенных это была бы лишь дополнительная работа для решения своих материальных проблем. Примерно 36,2 % планируют перейти на новый налоговый режим для самозанятых граждан, но при этом 31 % опрошенных занимают по этому вопросу выжидательную позицию, не стремясь пока легализовать свою деятельность. Для себя лично студенты в качестве работы на себя видят в основном преподавание/репетиторство либо творчество и копирайтинг, что объясняется подавляющим большинством представителей гуманитарных специальностей среди опрошенных (78,7 %).

Ограничения полученных результатов во многом были связаны с тем, что не было дифференцированного подбора респондентов по институтам и факультетам, большинство опрошенных оказалось из Уральского гуманитарного института. Кроме того, наличие в некоторых вопросах анкеты варианта ответа «затрудняюсь ответить» привело к некоторому искажению общей картины ответов на эти вопросы, поскольку данный вариант ответа выбирало до трети опрошиваемых. В перспективе это может усложнить подсчет и анализ результатов. Но в целом социологический опрос показал определенную заинтересованность студентов в решении проблемы легализации самозанятых среди студентов российских вузов.

Дальнейшая работа над представленным исследованием может развиваться по следующему сценарию:

1. Налаживание контактов с руководством ведущих вузов (для начала г. Екатеринбурга).
2. Создание команды проекта (инициативной группы), поиск ресурсов для завершения работы над социологическим исследованием.
3. Усовершенствование анкеты, разработка специального вопросника для интервью.
4. Расширение деятельности инициативной группы и увеличение числа опрошенных респондентов для получения более адекватных и точных результатов.

Важно также отметить, что результаты проведенного исследования (особенно в его завершенном варианте) могут представлять определенный интерес для руководства высших учебных заведений,

потенциальных работодателей, налоговых органов, а также органов законодательной и исполнительной власти как федерального значения, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Анализ полученных данных может дать государственным органам необходимую информацию для доработки существующего законодательства в отношении самозанятых граждан, улучшению их положения, созданию системы для их правовой и социальной защиты.

Таким образом, проблема изучения феномена самозанятых граждан в целом и среди студентов российских вузов в частности довольно актуальна и требует грамотного к себе подхода при изучении и последующей интерпретации полученных результатов. Среди исследователей данная проблема самозанятых пока не получила большого внимания, что объясняется интересом пока к более общим вопросам этого явления. Но в перспективе широкомасштабные социологические исследования по этой теме вполне могут быть, что позволит глубже понять этот феномен и разработать адекватные меры по улучшению политики органов власти в этой сфере трудовых отношений.

Литература

1. Бурлак А. В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4 (49). С. 173–177.
2. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85.
3. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: Опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26.
4. Лесовская М. И. Дилемма легализации самозанятых // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 1 (11). С. 94–108.
5. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан) : Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43826> (дата обращения: 21.03.2021).

6. Особенности деятельности самозанятых граждан на современном рынке труда // Портал социологических данных РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa/issledovaniya/98-osobennosti-deyatelnosti-samozanyatykh-grazhdan-na-sovremennom-rynke-truda> (дата обращения: 21.03.2021).

7. Уральский федеральный — это мы. Об университете в цифрах // ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». URL: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. Burlak A. V. On the question of the concept of “self-employed citizens” // Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2016. № 4 (49). P. 173–177.

2. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Regulation of the activities of self-employed citizens // Issues of state and municipal administration. 2020. No. 1. P. 60–80.

3. Kryukova E. S., Ruzanova V. D. Individual entrepreneur and self-employed citizen: correlation of concepts // Laws of Russia: Experience, analysis, practice. 2018. No. 3. P. 21–26.

4. Lesovskaya M. I. Dilemma of legalizing the self-employed // Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. No. 1 (11). P. 94–108.

5. On conducting an experiment to establish a special tax regime “Tax on professional income” in the federal city of Moscow, in the Moscow and Kaluga regions, as well as in the Republic of Tatarstan (Tatarstan) : Federal Law No. 422-FZ of 27.11.2018 [adopted by the State Duma on November 15, 2018 // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43826> (date of access: 21.03.2021).

6. Features of the activity of self-employed citizens in the modern labor market // The RANEPa sociological Data Portal. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa/issledovaniya/98-osobennosti-deyatelnosti-samozanyatykh-grazhdan-na-sovremennom-rynke-truda> (date of access: 21.03.2021).

7. Ural Federal District — this is us. About the university in numbers [Electronic resource] // FSAOU VO “UrFU named after the first President of Russia B. N. Yeltsin”. URL: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (date of access: 21.03.2021).

М. Д. Якушев,

*студент кафедры теории и технологии социальной работы,
социологический факультет,*

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, Самара*

e-mail: macsi_98@bk.ru

Научный руководитель: канд. пед. наук, доцент В. Н. Стрельникова

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье анализируются понятия «человек с инвалидностью», «люди с ограниченными возможностями здоровья», рассматривается их связь и соответствующие разграничения. Автор конкретизирует понятие «правовой статус личности» с точки зрения различных исследователей и, соответственно, различных подходов к данному термину. В статье выделены актуальные проблемы людей с инвалидностью, а также представлен анализ ряда нормативно-правовых документов, которые отражают правовой статус людей с ограниченными возможностями в современных реалиях нашего общества.

Ключевые слова: правовой статус личности, люди с ограниченными возможностями здоровья, человек с инвалидностью.

M. D. Yakushev,

*student of the Department of Theory and Technology of Social Work,
Faculty of Sociology,*

*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,
Samara*

e-mail: macsi_98@bk.ru

*Supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor V. N. Strelnikova*

LEGAL STATUS OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RUSSIA

Abstract. This article analyzes the concepts of “people with disabilities”, “people with invalid”, considers their relationship and the corresponding distinctions. The author concretizes the concept of “legal status of a person” from the point

of view of various researchers and, accordingly, different approaches to this term. The article highlights the current problems of people with disabilities, as well as provides an analysis of a number of legal documents that reflect the legal status of people with disabilities in the modern realities of our society.

Keywords: legal status of the individual, people with disabilities, people with invalid.

Процесс гуманизации, который активно осуществляется в современных реалиях общества, раскрывает интерес к проблемам различных социальных слоев, которые являются наиболее уязвимыми. Безусловно, среди таковых и люди с ограниченными возможностями здоровья. Различные недуги ведут к потере здоровья и трудоспособности, что несомненно негативно отражается на мировоззрении и мироощущении людей с ОВЗ, порождая негативные и пессимистические отношения к жизни как у них самих, так и у окружающих. В связи с этим последнее время в законодательном пространстве Российской Федерации под особо пристальным вниманием находятся правовые нормы для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, основная цель которых — адаптация «особенных» членов общества в социальную жизнь граждан [1].

Для начала обратимся к статистическим показателям. По данным Федерального реестра инвалидов, по состоянию на 1 октября 2019 года, в Российской Федерации насчитывается 11,95 млн инвалидов, в том числе 679,9 тыс. детей-инвалидов. Среди взрослых женщин-инвалидов больше (57 %), чем мужчин (порядка 43 %).

Основные причины инвалидности — «общее заболевание» (85 %) и «инвалид с детства» (10,4 %). Трудовые увечья составляют 1,4 %, «заболевания в период военной службы» — 1,1 %, военные травмы — 0,5 %, остальное приходится на «прочие причины» [2].

От непосредственной статистики перейдем к терминологии и проанализируем понятия «лицо с ограниченными возможностями» и «инвалид» на примере двух законодательных актов Российской Федерации.

В Федеральном законе «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ от 29.12.2012 лицо с ограниченными возможностями здоровья определяется «как физическое лицо, имеющее недостатки в физическом

и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий» [3].

В свою очередь, в Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» под термином «инвалид» подразумевается лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [4].

Отметим, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла вариант трехзвенной шкалы ограниченных возможностей:

а) недуг — любая утрата или аномалия психологической, либо физиологической, либо анатомической структуры или функции;

б) ограниченные возможности — любое ограничение или потеря способности (вследствие наличия дефекта) выполнять какую-либо деятельность таким образом или в таких рамках, которые считаются нормальными для человека;

в) недееспособность (инвалидность) — любое следствие дефекта или ограниченных возможностей конкретного человека, препятствующее или ограничивающее выполнение им какой-либо нормативной роли (исходя из возрастных, половых и социокультурных факторов) [5].

Согласно исследованию О. Г. Грибуковой и Н. Э. Касаткиной, ограничение возможностей является более легкой формой отклонений, при которых человек не полностью ограничен в своей жизнедеятельности, а только нуждается в предоставлении особых условий. Если же у человека имеются серьезные заболевания и отклонения, но ему не была предоставлена инвалидность, он признается больным, имеющим ОВЗ. Люди, которым была установлена инвалидность, автоматически считаются имеющими ОВЗ. Поэтому не всегда данные понятия тождественны [6].

В зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

Итак, вновь обращаясь к Федеральному реестру инвалидов, отмечаем, что больше всего в стране инвалидов II группы (порядка 5,2 млн), III группа инвалидности установлена 4,5 млн человек, I группа — у порядка 1,4 млн человек. Почти 7 млн инвалидов относятся к возрастной группе свыше 60 лет, еще 1,8 млн входят в группу 51–60 лет, свыше 1 млн — в группу 41–50 лет [2].

Итак, на основании вышеизложенного текста следует отметить, что «люди с ограниченными возможностями» — понятие более широкое, чем «человек с инвалидностью». Иначе говоря, не каждый человек с ограниченными способностями является инвалидом, но каждый инвалид — человек с ограниченными возможностями. Человек с инвалидностью имеет специальный документ о присвоении вышеуказанного статуса, человек с ограниченными возможностями здоровья такого документа может не иметь.

Учитывая то, как подробно выражено и углубленно отражено само понятие «инвалидности» и «людей с ограниченными возможностями здоровья» на законодательном уровне, следует рассмотреть и нормативно-правовые аспекты, которые существуют для данной категории населения, так как, исходя из статистических исследований, наличие таковых аспектов является актуальным.

Однако прежде всего возникает вопрос о понятии «правовой статус», на который также необходимо ответить. В исследовании А. Ю. Верина отмечается, что чаще всего в современное время встречается понятие «правовой статус личности», и в научных кругах существует два основных подхода к определению данного понятия — в широком и узком смыслах [7].

В широком смысле правовой статус личности определяется как юридически закрепленное положение человека в обществе, его права и свободы, обязанности и ответственность, установленные законодательством и гарантируемые государством. В узком же смысле правовой статус личности — это права и свободы, которыми обладает человек — субъект права.

По мнению профессора В. К. Бабаева, правовой статус личности — это совокупность всех принадлежащих гражданину прав, свобод и обязанностей, определяющих и юридически закрепляющих его правовое положение в обществе [8].

С точки зрения ученого-правоведа Н. И. Матузова, правовой статус представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством [9].

В свою очередь профессор А. В. Малько трактует понятие правового статуса личности как юридически закрепленное положение субъекта в обществе [10].

Итак, вопрос защиты правового статуса людей с ОВЗ представлен в различных нормативно-правовых документах российского законодательства. В научном труде Е. Л. Зуевой и В. Д. Григорчука отмечается, что в настоящее время Правительство Российской Федерации уделяет особое внимание вопросам создания условий доступности для инвалидов объектов и услуг, в связи с тем что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, принятую ООН в 2006 году [11].

Основные положения Концепции предусматривают обеспечение для инвалидов равных возможностей для реализации ими своих прав и свобод во всех сферах жизнедеятельности.

В целях обеспечения реализации положений Конвенции принят Федеральный закон от 01 декабря 2014 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» (далее № 419-ФЗ). Закон внес изменения в 25 федеральных законов, которые вступили в силу с 01 января 2016 года. Требования закона распространяются на все органы и организации независимо от уровня и организационно-правовых форм.

Результаты многих исследований и реальная практика показывают, что жизнь людей с инвалидностью нельзя назвать независимой. Крайне низким остается уровень оборудования многоквартирных домов удобствами, облегчающими жизнь инвалидов. По данным Росстата за 2016 год, которые также представлены в исследовании Е. Л. Зуевой и В. Д. Григорчука, всего 17 % инвалидов проживают в домах, оборудованных пандусами, перила в домах и около них имеют лишь 44 % инвалидов, а лифт, пригодный для инвалидов колясок, есть только у 5 % инвалидов [12].

По данным опросов, представленных на сайте Росстата (2016), половина респондентов регулярно выходит из дома по делам, около 15 % выходят редко, а остальные 15 % не выходят из дома. Самые частые контакты у опрошенных с близкими, с друзьями и соседями, менее частые — с коллегами по работе и знакомыми. Большая часть опрошенных удовлетворена своими связями с обществом и окружающей средой, но вместе с тем для каждого четвертого из опрошенных внешний мир остается недоступным и недостижимым.

Статья 15 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» посвящена обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур. Так, органы государственной власти и местного самоуправления должны обеспечивать инвалидам условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, к общественным и производственным зданиям, местам культуры и отдыха и их услугам; условия для пользования железнодорожным, воздушным, водным, автомобильным, наземным электрическим транспортом; сопровождение инвалидов, имеющих стойкие расстройства функции зрения и самостоятельного передвижения; оказание помощи инвалидам в преодолении барьеров; дублирование необходимой для инвалидов звуковой и зрительной информации [4].

В ст. 19 181-ФЗ прописано, что государство поддерживает получение инвалидами образования и гарантирует создание необходимых условий [4]. Поддержка образования направлена на интеграцию инвалидов в общество, развитие личности и индивидуальных возможностей и осуществление прав и свобод наравне с другими. Если же нет возможности обучения в общеобразовательных организациях, то в этом случае организуется образование на дому. Доступность образования для всех гарантируется и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 ФЗ.

Исследователи Е. Л. Зуева и В. Д. Григорчук отмечают государственную программу «Доступная среда» на 2011–2020 гг. Цели программы заявлены как формирование условий для беспрепятственного доступа к приоритетным услугам и объектам в приоритетных

сферах жизнедеятельности людей с ОВЗ и других маломобильных групп населения; формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов; совершенствование механизма предоставления услуг в сфере получения образования и системе медико-социальной экспертизы [13].

Кроме того, исследователи сравнивают нормативную базу РФ, регулирующую положение инвалидов, с нормативной базой европейских государств. Особенность нормативной базы европейских государств заключается в наличии большого количества разнообразных законов и актов, посвященных интеграции инвалидам. В европейских странах, а также в Канаде, в Великобритании, существует и «Акт о слепых», и «Акт о профессиональной реабилитации инвалидов» и т. д. [14].

В Германии существует целый свод актов, направленных на интеграцию инвалидов в общество: есть закон «О труде лиц с пониженной физической способностью», «О содействии в трудоустройстве» и др. [15]. В Российской Федерации подобного свода актов нет.

Мы соглашались с позицией Е. Л. Зуевой и В. Д. Григорчука, в соответствии с которой они подчеркивают, что прошло уже более 20 лет с момента появления нормативных актов, гарантирующих права людей с ОВЗ на достойную жизнь, получение образования, занятость, однако фактически лишь малая доля людей с ОВЗ имеет возможность вести жизнь, максимально приближенную к жизни здоровых людей.

Стартом развития системы интеграции людей с ОВЗ является качественная разработка отечественной нормативной базы. Помимо этого, немаловажным условием развития системы социальной интеграции является соответствующая культура уважения и толерантности в обществе. До тех пор, пока в России отсутствуют необходимые условия для интеграции лиц с ОВЗ в общество, вопрос многогранного участия людей с ОВЗ в жизни общества остается открытым.

Литература

1. Карпова Т. П., Макарова Т. К. Исследование системы интеграции инвалидов в гражданское общество через общественную организацию // Вестник международного института рынка. 2016. № 1. С. 104–114.
2. Минтруд назвал число инвалидов в России (03.12.2019). URL: <https://www.interfax.ru/russia/686454> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.03.2021).
4. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 15.03.2021)
5. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья: психологические основы : учеб. пособие. М. : ВЛАДОС, 2004. 368 с.
6. Грибукова О. Г., Касаткина Н. Э. Модель подготовки студентов педагогического вуза к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4 (36). С. 93–100.
7. Верин А. Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 113–116.
8. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 270 с.
9. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 311 с.
10. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учебно-методическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2002. 54 с.
11. Зуева Е. Л., Григорчук В. Д. Методологические и правовые основы интеграции в общество людей с ограниченными возможностями здоровья // Саяпинские чтения. 2019. С. 295–308.
12. «Положение инвалидов». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 13.03.2021).
13. Государственная программа «Доступная среда». URL: <http://government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Bmijyqi6GWqpAoc6OmnC.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

14. Законодательство разных стран о правах инвалидов. URL: <http://город-надежды.рф/zakonodatelstvo-raznyh-stran-o-pravah-invalidov/> (дата обращения: 15.03.2021).

15. Обзор: права инвалидов. А как за границей? URL: <http://mioby.ru/novosti/obzor-prava-invalidov-a-kak-za-granicej/> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. *Karpova T. P., Makarova T. K.* Research of the system of integration of disabled people into civil society through a public organization // Bulletin of the International Institute of the Market. 2016. No. 1. P. 104–114.

2. The Ministry of Labor named the number of disabled people in Russia (03.12.2019). URL: <https://www.interfax.ru/russia/686454> (date of access: 15.03.2021).

3. Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012 No. 273-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 15.03.2021).

4. Federal Law “On Social Protection of Disabled persons in the Russian Federation” of 24.11.1995 No. 181-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (date of access: 15.03.2021).

5. *Akatov L. I.* Social rehabilitation of children with disabilities: psychological foundations : textbook. manual. M. : VLADOS, 2004. 368 p.

6. *Gribukova O. G., Kasatkina N. E.* Model of training students of a pedagogical university to work with children with disabilities // Professional education in Russia and abroad. 2019. № 4 (36). P. 93–100.

7. *Verin A. Yu.* On the question of the structure of the legal status of the individual // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2012. No. 2. P. 113–116.

8. Theory of State and law: Textbook for bachelors / ed. by V. K. Babaev. 3rd ed., reprint. and dop. M. : Yurayt Publishing House, 2014. 270 p.

9. *Matuzov N. I., Malko A. V.* Theory of state and law : textbook / 4th ed., ispr. i dop. M. : Publishing House “Delo” RANEPa, 2013. 311 p.

10. *Malko A. V.* Theory of State and law in questions and answers: An educational and methodological guide / 4th ed., reprint. and dop. M. : Yurist, 2002. 54 p.

11. *Zueva E. L., Grigorchuk V. D.* Methodological and legal bases of integration into the society of people with disabilities // Sayapinskie chteniya. 2019. P. 295–308.

12. The situation of the disabled. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (date of access: 13.03.2021).

13. State program “Accessible environment”. URL: <http://government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Bmijjyqi6GWqpAoc6OmnC.pdf> (date of access: 15.03.2021).

14. Legislation of different countries on the rights of persons with disabilities. URL: <http://город-надежды.рф/zakonodatelstvo-raznyh-stran-o-pravah-invalidov/> (date of access: 15.03.2021).

15. Overview: Rights of persons with disabilities. What about abroad? URL: <http://mioby.ru/novosti/obzor-prava-invalidov-a-kak-za-granicej/> (date of access: 15.03.2021).

Д. А. Повесина,

бакалавр 3-го курса департамента социологии и политологии

Уральского федерального университета

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург

e-mail: kope28@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В ИНТЕРНЕТЕ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье раскрыто понятие социальной рекламы, дано определение миссии социальной рекламы, рассмотрены примеры размещения социальной рекламы в интернет-пространстве. Отмечается, что социальная реклама превращается в новый инструмент реализации социальной политики, актуализированный в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Приведены преимущества использования социальной рекламы в Интернет-сети.

Ключевые слова: социальная реклама, интернет-реклама, социальная политика, некоммерческие организации, социальные сети, социальные проблемы.

D. A. Povesina,

Bachelor of Political Science and Sociology Department

Ural Federal University

named after First President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg

e-mail: kope28@rambler.ru

ONLINE SOCIAL ADVERTISING AS A NEW TOOL OF SOCIAL POLICY

Annotation. The article discloses the idea of social advertising, gives a definition to its aim, presents examples of social advertising in the Internet. It is pointed out that social advertising is becoming a new social politics tool, that has displayed itself as the most useful one in the current COVID pandemic. This article describes advantages of online social advertising.

Keywords: social advertising, online advertising, social policy, non-commercial organizations, social networks, social problems.

Социально-экономические преобразования, произошедшие в России в конце XX — начале XXI в., повлекли за собой радикальные перемены во всех сферах жизни общества и выявили большой комплекс проблем, тесно с ними связанных. Алкоголизм, наркомания, загрязнение окружающей среды, игнорирование правил личной и общественной безопасности — все это приводит не только к трагедиям личного характера, но и превращается в крупную общественную проблему, нарушающую фон социальной стабильности и отрицательно сказывающуюся на демографических показателях.

Одной из эффективных технологий профилактики общественных проблем является социальная реклама. В век активной цифровизации общества и клиповой культуры ее актуальность не угасает, поскольку она способна запустить полный цикл витальных процессов: привлечь внимание к актуальным проблемам общества, обозначить пути их решения, сформировать позитивные и социально одобряемые поведенческие модели у своей аудитории. В статье 3 Федерального закона № 38-ФЗ приводится определение: «Социальная реклама — информация, распространенная любым

способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства». В статье 10 Федерального закона № 38-ФЗ отмечается, что в социальной рекламе могут содержаться упоминания об органах государственной власти, иных государственных органах, органах местного самоуправления, о муниципальных органах, которые не входят в структуру органов местного самоуправления, о спонсорах, о социально ориентированных некоммерческих организациях (СО НКО), а также о физических лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в лечении, в целях оказания им благотворительной помощи. Дополнительно подчеркивается, что информация о социально ориентированных некоммерческих организациях может быть размещена в формате социальной рекламы, если содержание этой рекламы непосредственно связано с информацией о деятельности СО НКО, направленной на достижение благотворительных или иных общественно полезных целей [1].

Другими словами, социальная реклама может служить проводником государственной общественной и информационной политики, а также каналом связи между населением и некоммерческими организациями, играющими большую роль в социальной сфере. Последние по большей части используют ее как инструмент для привлечения внимания к разовым акциям, побуждая массовую аудиторию принять деятельное участие в разрешении какой-либо индивидуальной или общественной проблемы. В свою очередь государство использует социальную рекламу как инструмент достижения своих социально-политических целей через донесение до граждан информации о государственных социальных услугах, реализуемых органами власти проектах, программах, формировании престижного образа социальных институтов и т. д. Ряд исследователей разделяет подобную трактовку сущности социальной рекламы. Я. Перепечаева описывает социальную рекламу как «особый вид распространяемой некоммерческой информации, направленной на достижение государством или органами исполнительной власти определенных социальных целей» [2, с. 258]. О. О. Савельева говорит

о социальной рекламе как о рекламе, направленной «на распространение полезных, с точки зрения общества, социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках этого самого общества» [3, с. 24]. Тем не менее феномен социальной рекламы в целом остается малоизученным: отсутствует эффективный инструментарий оценки социального воздействия рекламы на аудиторию, не приведена классификация социальной рекламы, если мы говорим о ее содержании применительно к отдельным сферам общественной жизни [4].

Существует множество каналов распространения рекламы: посредством печатных изданий, радио, телевидения, уличных баннеров и билбордов. Но все перечисленные традиционные виды размещения информации уступают в эффективности интернет-площадкам, поскольку имеют небольшой охват и реже попадают в поле зрения именно целевой аудитории. В то же время постоянно возрастающий уровень цифровизации общества — 81 % населения в России пользуется Интернетом [5] — побуждает использовать виртуальное пространство, в том числе для распространения рекламной продукции.

Перед производителями социальной рекламы интернет-площадки открывают ряд преимуществ. Прежде всего цензурная политика в Интернет-сети является не такой жесткой и ограничивающей по сравнению с традиционными СМИ, что позволяет им использовать «шокирующий» и «злободневный» контент для привлечения внимания целевых аудиторий. Следующим преимуществом является возможность аудитории выступать не только в роли потребителя, но и становиться соучастником или создателем социальной рекламы — публиковать и распространять соответствующие посты, используя для этого личные и иные ресурсы (например, страницу пользователей и публичные страницы в социальных сетях), что приводит к количественному росту целевой аудитории, ознакомленной с рекламным контентом. Дополнительно визуальные и звуковые составляющие рекламы (звук, музыка, цветные изображения, анимационные эффекты, видео) увеличивают эмоциональное воздействие на аудиторию. В пользу размещения социальной рекламы в Интернете говорит и относительно низкая стоимость ее публикации

по сравнению с традиционными СМИ. Наконец, опционал онлайн-площадок позволяет настраивать показ рекламы определенным категориям пользователей, то есть социальная реклама в данном случае действует прицельно и избирательно.

На данный момент наиболее популярным каналом распространения видеорекламы является видеохостинг YouTube, чья аудитория насчитывает полтора миллиарда зрителей по всему миру. В России популярность YouTube также очень велика, российская аудитория составляет 62 миллиона уникальных пользователей, или 87 % от всей интернет-аудитории страны [6]. Социальной рекламы на просторах данного сервиса не так много, что, на наш взгляд, является упущением — эффективность рекламных кампаний, реализуемых через данный видеохостинг, составляет большую конкуренцию традиционным медиа. Тем не менее в рамках данного видеохостинга блогеры-активисты активно сотрудничают с производителями социальной рекламы, размещают ее в своих видео или же являются ее производителями. Например, популярная на просторах Интернета блогер Ника Водвуд, более известная как pixelpixel, обладает большой аудиторией (470 тыс. подписчиков) и освещает в своих роликах такие темы, как защита прав женщин, дискриминация людей по гендерному, расовому и национальному признаку и пр. В рамках своей интернет-деятельности Ника часто сотрудничает благотворительными организациями и НКО с целью распространения социальной рекламы. Также социальные ролики размещают на указанном видеохостинге МЧС («Поможет кто-то другой») [7], ГИБДД («Не спеши навстречу смерти») [8] благотворительные фонды («Помоги сразу всем», «Шанс», «Дом») [9–11] и др.

Не менее популярная социальная сеть Instagram («Инстаграм») также является эффективным каналом распространения коммерческой и некоммерческой рекламы в Интернете. Особенностью данной социальной сети является размещение фото- и видеоконтента, ориентированного на аудиторию. Некоммерческие организации создают аккаунты в Instagram, где размещают информацию о своей деятельности, анонсируют мероприятия, ведут сбор средств или просветительскую деятельность в рамках уставных целей и т. д. Instagram как платформа активно включается в благотворительную

деятельность: ежегодно 4 сентября на этой площадке под объединяющим хештегом #помогайфондам проходит флешмоб в поддержку благотворительных фондов, в котором может поучаствовать любой пользователь Сети.

В целом можно отметить, что государственную социальную рекламу в Интернет-пространстве можно встретить нечасто, поскольку данную практику в основном используют НКО и отдельные благотворители. Однако на сегодняшний момент пандемия коронавирусной инфекции привела к росту сегмента государственной рекламы в Интернет-сети. Например, Министерство социальной политики Свердловской области разместило на своем сайте баннер, призывающий обращаться за консультацией по поводу заболевания на специальную горячую линию: «Коронавирус COVID-19. Единая горячая линия: 8–800–200–3411» [12]. Справочно-информационный интернет-портал «Госуслуги», обеспечивающий информирование граждан о государственных услугах, также разместил на своем сайте баннер, вызывающий к социальной ответственности: «Защите себя и своих близких! Сделайте прививку от COVID-19» [13]. На главной странице сайта Министерства труда и социального развития Новосибирской области одно из рекламных сообщений информирует о мерах безопасности в период пандемии: «Гражданам 65 лет и старше рекомендовано соблюдать режим самоизоляции» [14]. Таким образом мы можем видеть, как в нынешних реалиях государственные органы, обеспечивающие социальную безопасность, использовали выгодную возможность своевременного и удобного информирования населения рекламными методами в Интернете.

Социальная реклама является важным инструментом социальной политики государства. В период пандемии коронавирусной инфекции и последовавшего за ним карантина число интернет-пользователей увеличилось, а тенденция к использованию интернет-технологий в свою очередь привела к возрастанию интереса к онлайн-контенту и его популяризации, поэтому Интернет является перспективной областью рекламной деятельности. Социальная интернет-реклама позволяет адресовать сообщение подходящей целевой аудитории, основываясь на информации о пользователях Сети: их интересах, привычках, демографических особенностях

и т. д. Данные преимущества должны привлечь и мотивировать производителей социальной рекламы к освоению данной сферы, поскольку в условиях нынешних реалий традиционные виды постепенно утрачивают свою актуальность.

Литература

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
2. *Перепечаева Я.* Психологические аспекты социальной рекламы. М., 2010. 37 с.
3. *Савельева О. О.* Введение в социальную рекламу. М., 2006. 109 с.
4. *Калмыков С. Б.* Социальная реклама в современном российском обществе // Человек и наука. 2015. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-reklama-v-sovremennomrossijskomobschestve#ixzz4b1A VJ5a3> (дата обращения: 18.03.2021).
5. Datareportal // Digital 2020: The Russian Federation. 2021. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Рекламные возможности YouTube в России // Творческое объединение Production Brothers. Съёмки и трансляции. Производство и продвижение видео. 2014. URL: <http://probros.ru/reklamnyie-vozmozhnosti-youtube-v-rossii/> (дата обращения: 15.03.2021).
7. Социальная реклама от МЧС «Поможет кто-то другой...» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DwVwy72PtLw> (дата обращения: 15.03.2021).
8. Не спеши навстречу смерти. Социальный ролик // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1BrNA7LG0sk> (дата обращения: 15.03.2021).
9. Помоги сразу всем // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a5p3sFqvYYY> (дата обращения: 15.03.2021).
10. Социальная реклама «Шанс» // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_4Zk3N4eixc (дата обращения: 15.03.2021).
11. Социальная реклама «Дом» // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bS6r_L7RqOU (дата обращения: 15.03.2021).

12. Коронавирус COVID-19 // Министерство Социальной политики Свердловской области : [офиц. сайт]. 2021. URL: <https://msp.midural.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

13. Защитите себя и своих близких // Госуслуги. 2021. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

14. Гражданам 65 лет и старше рекомендовано соблюдать режим самоизоляции // Министерство труда и социального развития Новосибирской области. 2021. URL: <http://mtsr.nso.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Federal'nyy zakon ot 13.03.2006 No. 38-FZ "O reklame" // SZ RF. 2006. № 12. St. 1232.

2. *Perepechayeva Y. A.* Psikhologicheskiye aspekty sotsial'noy reklamy. M., 2010. 37 p.

3. *Savel'yeva O. O.* Vvedeniye v sotsial'nuyu reklamu. M., 2006. 109 p.

4. *Kalmykov S. B.* Sotsial'naya reklama v sovremennom rossiyskom obshchestve // Chelovek i nauka. 2015. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-reklama-v-sovremennomrossiyskomobschestve#ixzz4b1A VJ5a3> (date of access: 18.03.2021)

5. Datareportal // Digital 2020: The Russian Federation. 2021. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (date of access: 15.03.2021).

6. Reklamnyye vozmozhnosti YouTube v Rossii // Tvorcheskoye ob'yedineniye Production Brothers. S'yemki i translyatsii. Proizvodstvo i prodvizheniye video. 2014. URL: <http://probros.ru/reklamnyie-vozmozhnosti-youtube-v-rossii/> (date of access: 15.03.2021).

7. Sotsial'naya reklama ot MCHS "Pomozhet kto-to drugoy..." // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DwVwy72PtLw> (date of access: 15.03.2021).

8. Ne speshi navstrechu smerti. Sotsial'nyy rolik // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1BrNA7LG0sk> (date of access: 15.03.2021).

9. Pomogi srazu vsem // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a5p3sFqvYYY> (date of access: 15.03.2021).

10. Sotsial'naya reklama "Shans" // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_4Zk3N4eixc (date of access: 15.03.2021).

11. Sotsial'naya reklama "Dom" // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bS6r_L7RqOU (date of access: 15.03.2021).

12. Koronavirus COVID-19 // Ministerstvo Sotsial'noy politiki Sverdlovskoy oblasti. Ofitsial'nyy sayt. 2021. URL: <https://msp.midural.ru/> (date of access: 15.03.2021).

13. Zashchitite sebya i svoikh blizkikh // Gosuslugi. 2021. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (date of access: 15.03.2021).

14. Grazhdanam 65 let i starshe rekomendovano soblyudat' rezhim samoizolyatsii // Ministerstvo truda i sotsial'nogo razvitiya Novosibirskoy oblasti. 2021. URL: <http://mtsr.nso.ru/> (date of access: 15.03.2021).

М. И. Касаткина,

старший преподаватель

кафедры философии, культурологи и социально-культурной деятельности,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,

Калуга

e-mail: miluchkass@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕОДОЛЕНИЮ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности подготовки студентов к социальной работе по формированию среды, способствующей активизации жизнедеятельности пожилых людей, оказания им содействия, помощи и поддержки в предупреждении и преодолении состояния одиночества. Анализ практической деятельности специалистов социальных служб позволил определить сущность, содержание компонентов организации ресурсоподдерживающей среды пожилых людей, обуславливающей эффективность их социализации и адаптации в социуме. Выделены и дана характеристика составляющим процесса профессионального обучения, обеспечивающего формирование у студентов необходимых компетенций для

организации социальной работы по профилактике и преодолению состояния одиночества пожилыми людьми.

Ключевые слова: социальная работа, пожилые люди, одиночество, профессиональное обучение.

M. I. Kasatkina,

senior lecturer,

Department of Philosophy, Culturology and Social-Cultural Activity,

Kaluga State university named after K. E. Tsiolkovsky,

Kaluga

e-mail miluchkass@gmail.com

PECULIARITIES OF PREPARING STUDENTS FOR SOCIAL WORK ON PREVENTION AND OVERCOMING THE STATE OF LONELINESS IN OLDER PEOPLE

Abstract. Features of training students for social work aimed at prevention and overcoming state of loneliness by aged people. In the article there are considered features of training students for the formation of the environment facilitating the activization of the life activity of the aged people, rendering them the assistance, help and support in prevention and overcoming the state of loneliness. The analysis of the social services specialists' practical activity allowed defining the essence, content of components in organizing the resource support environment among the aged people stipulating the effectiveness of their socialization and adaptation in the society. There are singled out and characterized the elements of the professional training process providing the formation among students of the competences necessary for the organization of the social work aimed at the prevention and overcoming of the state of loneliness by the aged people.

Keywords: social work, aged people, of loneliness, professional training.

Пожилые люди представляют особую социально-демографическую группу, нуждающуюся в повышенном внимании со стороны общества и государства. Часто положение пожилых людей тесно связано с понятием одиночества. Российские и зарубежные ученые используют различные подходы, критерии к определению понятия

«одиночество». Вместе с тем многие исследователи рассматривают одиночество как тяжелое эмоциональное переживание человека, связанное с отсутствием или разрывом социальных связей, оторванности его от исторической реальности, гармоничного природного мироздания [1, с. 8; 2, с. 493; 3].

Результаты многочисленных исследований показывают, что основными причинами, обостряющими проблему одиночества пожилых людей, являются изменение социального статуса, функций, образа жизни, трансформация семейных отношений и ценностей, ослабление межпоколенных связей, смена морально-этических норм, рост индивидуализма, повышение социальной мобильности молодого и зрелого возраста, материальные трудности, отсутствие эмоциональной привязанности, сужение коммуникативных связей. Переживание пожилым человеком состояния одиночества негативно отражается на его психологическом состоянии, имеет внутреннюю и внешнюю симптоматику проявления: беспокойство, негативизм, конфликтность, дефицит умений и навыков общения, замкнутость, отчужденность, раздражительность, снижение самооценки. Проблема одиночества в современном автоматизирующемся обществе приобретает все более острый характер [4, с. 57].

Многоаспектность состояния одиночества, современные реалии и вызовы времени активизируют процесс поиска специалистами социальных служб инновационных технологий, форм заботы, направленных на решение проблемных жизненных ситуаций пожилых людей. Создание системы поддержки пожилых людей по предупреждению и оказанию помощи в преодолении состояния одиночества является особым видом профессиональной деятельности социальных работников. Комплексный подход к решению проблемы одиночества способствует объединению ресурсных возможностей личности пожилого человека и окружающего пространства в целях содействия и помощи ему в восстановлении и расширении социальных связей, реализации творческого и профессионального потенциала, удовлетворении потребностей, определении жизненной стратегии. Целевым ориентиром является улучшение социального самочувствия пожилых людей, создание благоприятных условий для их активного долголетия. В связи с этим формиро-

вание ресурсоподдерживающей среды рассматриваем как одну из перспективных, отвечающей современным запросам общества, технологий социальной работы с пожилыми людьми по предупреждению и преодолению одиночества данной возрастной группой. Ресурсоподдерживающая среда определяется нами как совокупность условий (социальных, экономических, правовых, материальных), связей, отношений, взаимодействий, способствующих гармонизации жизнедеятельности пожилого человека в социуме. Основу данной деятельности составляет организация межведомственного и межпрофессионального взаимодействия специалистов различных ведомств и организаций разных форм собственности в обеспечении социализации, адаптации пожилых людей, активного их вовлечения в общественную жизнь с учетом индивидуальных возможностей и состояния здоровья.

Анализ работы специалистов организаций социального обслуживания по формированию ресурсоподдерживающей среды пожилых людей позволил выделить основные компоненты данной деятельности: диагностический, организационно-технологический, рефлексивно-аналитический. Каждый компонент организации работы по созданию ресурсной среды поддержки имеет конкретные цели, задачи, методы, способы, приемы, влияющие на достижение общего прогнозируемого результата — улучшение качества жизни пожилых людей. Все компоненты логично взаимосвязаны и взаимообусловлены, что способствует целенаправленной работе по оказанию помощи пожилому человеку в устранении личностных, духовных, социальных и иного характера затруднений, отражающихся на их социальном самочувствии.

Диагностический компонент является определяющим в выявлении характера причин, обстоятельств, которые негативно воздействуют и могут осложнить жизнь пожилого человека, стать причиной проблем его взаимодействия с окружающим миром. Следует отметить, что степень и формы переживания одиночества пожилым человеком зависят от таких социальных индикаторов, как возраст, образование, здоровье, способность к самообслуживанию, активности, которые необходимо учитывать при организации социальной работы. В процессе беседы использование ряда диагностических

методик помогают специалистам определить и изучить актуальность ситуации, индивидуально-личностные особенности, потребности, ресурсные возможности, желания, спектр интересов пожилого человека. В диагностический комплекс могут быть включены следующие методики: цветовой тест Люшера, смысловых ориентаций (А. Н. Леонтьев), «Склонность к одиночеству» (В. Б. Никишина, Т. Д. Василенко) и др. Результаты диагностики, особенности состояния здоровья пожилого человека, специфика и ресурсные возможности среды его проживания являются основополагающими для определения приоритетных направлений программы действий.

Организационно-технологический компонент включает проектирование комплекса мер, обеспечивающих эмоциональное и физиологическое активизирующее воздействие на жизнедеятельность пожилого человека, изменение его восприятия и отношения к происходящим событиям в окружающем пространстве. Предлагаемая пожилым людям программа действий определяется с учетом их когнитивных, физических, психоэмоциональных возможностей, этнических, конфессиональных факторов, уровня компетентности специалистов, участвующих в ее реализации, ресурсных возможностей привлекаемых организаций.

Разработанный комплекс мер эмоционального, физиологического активизирующего воздействия направлен на усиление позитивных и нейтрализацию негативных тенденций в жизни пожилого человека. Программные мероприятия предоставляют возможность пожилому человеку включиться в систему социальных связей, чувствовать себя нужным и востребованным [5, с. 194].

Эмоционально-активизирующее воздействие на улучшение социального самочувствия пожилого человека оказывает приобщение его к участию в жизни социума, посредством включения в разнообразные социокультурные мероприятия: досуговые, коррекционные, познавательные, образовательные, эмоционально-эстетические, социально значимую деятельность местного сообщества. Вариативность предлагаемых пожилым людям действий (консультант, наставник, волонтер и др.) и мероприятий (встреча, конкурс, экскурсия, тренинг и др.) создает благоприятные условия для их самовыражения, самореализации, самосовершенствования.

Насыщенность повседневной жизни позитивными событиями положительно влияет на решение психологических и личностных проблем пожилого человека. Способствует преодолению страхов, тревоги, травмирующих переживаний, выстраиванию конструктивного взаимодействия и взаимоотношений, восстановлению жизненных сил, развитию способностей, реализации потребностей, улучшению психоэмоционального состояния, повышению социальной активности данной возрастной группы. Физиологическое активизирующее воздействие на пожилого человека оказывает посильная двигательная активность и трудовая деятельность. Это могут быть занятия скандинавской ходьбой, лечебной гимнастикой, физические упражнения на спортивных тренажерах, участие в спортивных играх, соревнованиях, выращивание растений, уход за животными, познавательные экскурсии, психологический туризм. Различные виды трудотерапии, физические упражнения снимают напряжение, повышают общий тонус, укрепляют нервную систему, развивают физические возможности пожилого человека.

Рефлексивно-аналитический компонент включает проведение мониторинга эффективности влияния ресурсоподдерживающей среды на социальное самочувствие, удовлетворенность социальными услугами пожилых людей. Систематический анализ результативности мероприятий позволяет своевременно, при необходимости, вносить коррективы в организацию работы специалистов межведомственного и межпрофессионального взаимодействия.

Разработанная программа действий, ожидаемые результаты, особенности включения и возможности участия в ней обсуждаются и согласуются социальным работником с пожилым человеком, специалистами разных профессиональных сфер, организациями — партнерами по взаимодействию в выполнении программных мероприятий. Практика показывает, что степень осознанности пожилыми людьми влияния состояния одиночества на их образ жизни, состояние здоровья, стимулирует их стремление к изменению существующего положения, что является важным фактором успешности социальной работы в улучшении жизненной ситуации. Анализ работы специалистов по созданию ресурсоподдерживающей среды для предупреждения и преодоления одиночества пожилых

людей позволил выделить ряд основных функций и компетенций, уровень сформированности которых оказывает влияние на результативность организации данного вида деятельности.

Комплексность и прикладной характер работы по профилактике и преодолению одиночества пожилыми людьми определяет вектор практико-ориентированной подготовки студентов к ее организации в рамках будущей деятельности. Процесс профессионального обучения включает решение задач, направленных на формирование позитивной мотивации к оказанию помощи пожилым людям, приобретение теоретических знаний, практических умений и навыков, опыта взаимодействия, развитие личностных профессионально важных качеств, обеспечивающих эффективность организации социальной работы по профилактике и преодолению одиночества пожилыми людьми. Система необходимых знаний, навыков, умений и опыт их применения в социальной работе с пожилыми людьми обеспечивается в результате организации целенаправленного процесса обучения.

Теоретическая подготовка предусматривает изучение студентами ряда учебных дисциплин содержательно дополняющих друг друга и формирующих общее представление о работе с пожилыми людьми, например: «Опыт социальной работы с различными категориями населения», «Технология социальной работы», «Федеральные и региональные программы в области социальной защиты населения», «Социальная геронтология», «Организация социокультурной работы с различными категориями населения» и др. Существенное значение в профессиональной подготовке студента к социальной работе имеют дисциплины «Психология общения», «Конфликтология в социальной работе», «Социология социальной работы», «Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе» и др. Междисциплинарная интеграция содержания учебного материала развивает у обучающихся системное мышление, способность определять социальный характер проблем, их последствия, причины появления, меры по их предупреждению, вести активный поиск результативного решения. Вместе с тем изучение специфики оказания социальной помощи пожилым людям, технологий, методов, приемов, обуславливающих эффективность

их адаптации и социализации, предоставления спектра социальных услуг, формирует у студентов комплекс специализированных теоретических и технологических знаний для организации социальной работы с данной возрастной группой населения. Осознанности студентами феномена одиночества, пониманию специфики и последствий переживаний данного состояния пожилыми людьми способствует специальный подбор и использование педагогического инструментария. Проблемные лекции, информационные лекции с использованием видеосюжетов, фрагментов фильмов, презентаций, статистических данных, лекции-конференции, обсуждение учебного материала, лекции-беседы предполагают рассмотрение различных аспектов одиночества, воздействуя на эмоционально-чувственную сферу личности обучающихся, вызывая сочувствие и сострадание, потребность в оказании помощи пожилым людям в предупреждении и преодолении состояния одиночества.

Следует отметить, что совокупность общих и специализированных знаний, обуславливает развитие познавательно-профессионального интереса к социальной работе, формирование понимания студентами содержания и алгоритмов организации превентивной работы, значения оказания социальной помощи, роли и места данных видов деятельности в системе социальной защиты и социального обслуживания пожилых людей.

При организации практических занятий особое внимание уделяется формированию у студентов коммуникативных умений, навыков эффективного взаимодействия для оказания социальной помощи пожилым людям с учетом их возрастных особенностей и состояния здоровья. В процессе обучения преобладают современные образовательные технологии: метод проектов, портфолио, метод case-study, деловые и имитационные игры, тренинги, интерактивные практикумы и др. Использование активных и интерактивных методов обучения (дискуссионных, игровых, тренинговых) способствует созданию условий заинтересованного участия студентов в процессе познания, развитию инициативы, творчества, рефлексии, освоению навыков социального менеджмента. В процессе совместной работы студенты приобретают опыт продуктивного взаимодействия, общения, сотрудничества, моделирования, проектирования, прогнозирования,

диагностирования, что в дальнейшем обеспечивает успешность выполнения ими профессиональной деятельности, влияет на их саморазвитие, самосовершенствование. Вместе с тем формируется ряд навыков и умений, необходимых для организации создания ресурсоподдерживающей среды пожилых людей: умение слушать и слышать для комфортного и продуктивного взаимодействия, определять причины, глубину и длительность состояния одиночества, согласовывать план действий, расставлять приоритеты в решении задач, оценивать результаты деятельности, проявлять сочувствие, разрешать проблемы и принимать решения.

Участие студентов в различных типах практик на базе организаций социального обслуживания способствует приобретению ими практического опыта выполнения трудовых функций: коммуникативных, диагностических, организационных, предупредительно-профилактических, социально-психологических и др., необходимых для предупреждения и решения проблемных ситуаций пожилых людей. Включенность совместно с практическими социальными работниками в процесс оказания социальной помощи пожилым людям расширяет границы познания студентов в способах решения многообразных проблем получателей социальных услуг, учитывая их индивидуальные особенности и потребности, специфике взаимодействия в межведомственном пространстве и организации работы в междисциплинарной среде. Взаимодействие с представителями профессионального сообщества способствует лучшему пониманию и активному освоению студентами отдельных видов деятельности, форм и технологий социальной работы с пожилыми людьми. В процессе практической деятельности у студентов развиваются профессионально важные личностные качества, такие как отзывчивость, толерантность, доброта, милосердие, тактичность, ответственность, чуткость, наблюдательность, коммуникабельность, эмпатия, понимание, искренность, открытость, конгруэнтность (по терминологии К. Роджерса), умение видеть и оценивать проблемы и ситуации с разных сторон. Практика стимулирует развитие у студентов профессионального самосознания, поиск эффективных моделей поведения и способов общения, взаимодействия со специалистами разных сфер и получателями социальных услуг.

Таким образом, взаимосвязь теоретического обучения с практической деятельностью активизирует процесс формирования у студентов универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, профессионально-личностных качеств, которые необходимы для организации социальной работы с пожилыми людьми по предупреждению и преодолению состояния одиночества. Все составляющие процесса обучения мы рассматриваем как единую систему, где практика является системообразующей, определяющей ресурсный потенциал студента, отражающей уровень его подготовленности (мотивационный, технологический, деятельностный) к организации социальной работы с пожилыми людьми.

В заключении отметим, что особенность подготовки студентов к социальной работе по предупреждению и преодолению состояния одиночества пожилыми людьми определяется требованиями самого направления деятельности к установкам, мотивам, определенному набору знаний, умений и навыков, качествам и свойствам личности будущего социального работника; организацией целенаправленного практико-ориентированного профессионального обучения; поиском эффективных педагогических технологий.

Литература

1. Лабиринты одиночества / пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М., 1989. 624 с.
2. Российская энциклопедия социальной работы / под общ. ред. проф. Е. И. Холостовой. М. : Дашков и К, 2016. 1032 с.
3. Тихонов Г. М. Теоретические и эмпирические аспекты феномена одиночества // Отечественный журнал социальной работы. 2009. № 3. С. 23–34.
4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56–59.
5. Келасьев В. Н. Организация жизни в пожилом возрасте: активная старость // Актуальные проблемы социальной работы : сб. ст. и практ. рекомендации / под. ред. О. И. Бородкиной, И. А. Григорьевой. СПб. : Скифия, 2005. С. 193–207.

References

1. Labirinty odinochestva / transl. english, comp., gen. ed. and intr. by N.E. Pokrovsky. M., 1989. 624 p.
2. Rossiiskaya entsiklopediya sotsialnoi raboty / under ed. E.I. Kholostova. M. : Dashkov i K. 2016. 1032 p.
3. *Tikhonov G. M.* Teoreticheskiye i empiricheskiye aspekty fenomena odinochestva // Otechestvenny zhurnal sotsialnoi raboty. 2009. № 3. P. 23–34.
4. *Kozyreva P. M., Smirnov A. I.* Osobennosti vozrastnoi struktury odinochestva // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2020. № 9. P. 56–59.
5. *Kelasyev V. N.* Organizatsiya zhizni v pozhylom vozraste: aktinaya starost // Aktualnye problemy sotsialnoi raboty : sbornik statei i prakticheskiye rekomendatsii / under ed. O. I. Borodkina, I. A. Grigoryeva. SPb. : Skifiya, 2005. P. 193–207.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	3
<i>Акимов А. В.</i>	
Актуальность развития регионального опыта по патронатному воспитанию.....	4
<i>Гафарова Э. Р., Архипова Е. Б.</i>	
Применение онлайн-платформ интеллектуального волонтерства в деятельности некоммерческих организаций.....	11
<i>Баклагина Д. И., Архипова Е. Б.</i>	
Социальное предпринимательство: сущность, определения и ключевые характеристики.....	21
<i>Березовская Д. А.</i>	
Перспективы развития адаптивной физической культуры и спорта в современном обществе на примере Свердловской области.....	30
<i>Везиров Э. Н., Ефимова Д. Ю., Панина П. А.</i>	
Проблема занятости инвалидов в условиях современного государства.....	40
<i>Векишина А. О.</i>	
Социальный контракт как механизм преодоления бедности малоимущих семей.....	46
<i>Испулова С. Н., Олейник Е. В.</i>	
Особенности социального обслуживания граждан пожилого возраста в условиях благотворительной организации.....	50
<i>Карпов В. А.</i>	
Кидалтизм как новый вызов в сфере социальной работы.....	68
<i>Кирпиченко П. В.</i>	
Роль волонтерства в социально ориентированных некоммерческих организациях.....	76

<i>Киселева Я. А.</i>	
Суицидальное поведение как предмет деятельности специалиста социальной работы.....	82
<i>Козина Г. Ю., Якунина В. А.</i>	
Актуальность подготовки кадров для сферы социального обслуживания в регионе.....	89
<i>Коптева П. А.</i>	
Перспективы развития социального предпринимательства на примере анализа рынка социальных услуг Республики Карелия.....	97
<i>Кострова Ю. А.</i>	
Институционализация социальной работы в условиях формирования социально-сервисного государства.....	111
<i>Кривцова Е. В., Грабчук К. М.</i>	
Междисциплинарное ведение случая в организации социальной работы по профилактике семейного неблагополучия монородительских семей.....	121
<i>Крылов Е. Р.</i>	
Роль цифровых технологий в деятельности НКО.....	135
<i>Кулакова В. С.</i>	
Ювенальная юстиция как особая модель предоставления социальных услуг.....	140
<i>Луканина К. В.</i>	
Социальный портрет несовершеннолетнего и семей, находящихся в социально опасном положении.....	148
<i>Малевиц С. Д.</i>	
Молодые семьи в условиях трансформации государства и изменений в сфере социального обслуживания.....	159
<i>Мартынова Т. Н., Лончакова Д. Е.</i>	
Организационные аспекты социальной реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся поведением.....	166
<i>Мартынова Е. В.</i>	
Особенности социально-психологического самочувствия семей в условиях пандемии COVID-19.....	176

<i>Миронова М. В., Кириллова А. Е.</i>	
Трансформация коммуникации некоммерческих организаций в цифровом обществе.....	184
<i>Немыткина А. С., Заболотская Е. А., Исаев А. В.</i>	
Приемная семья для пожилых людей и инвалидов как инновационный вид социальной поддержки нуждающихся.....	194
<i>Омельченко М. Г., Егорова С. В.</i>	
Граждане предпенсионного возраста: льготы и гарантии.....	205
<i>Панкратова Л. Э.</i>	
О концептах «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия» в социальной работе.....	212
<i>Полякова О. О.</i>	
Счастье в представлениях жителей города Саранска.....	218
<i>Попкова Г. Ю.</i>	
Риски цифровизации социальной сферы.....	226
<i>Рогачева Т. В.</i>	
Методологические основания социальной реабилитации как возможность трансформации социального обслуживания инвалидов.....	232
<i>Романова М. В.</i>	
Роль специалиста по социальной работе в условиях COVID-19.....	247
<i>Савенкова И. А.</i>	
Работа НКО в условиях COVID-19.....	252
<i>Сазонова С. И.</i>	
Приемные семьи в фокусе изменений в сфере социального обслуживания.....	260
<i>Севостьянов Д. А.</i>	
Роль неформального волонтерства в обучении студентов-медиков.....	268
<i>Сергунин А. А.</i>	
К вопросу об индикаторах корпоративной социальной и экологической ответственности в Арктической зоне Российской Федерации.....	275

Сираева Д. Ф., Смолина Н. С.

Оценка социального воздействия как способ измерения
эффективности некоммерческих организаций.....288

Тимощук А. С.

Социальная политика в условиях меняющейся архитектуры
социального государства: что останется от дорогостоящих
советских социальных прав?.....308

Титова В. О.

Деятельность негосударственных организаций по оказанию
помощи детям, подвергшимся семейному насилию.....326

Томаров А. В., Янюк В. Е.

Особенности формирования качества жизни
в семьях группы риска.....331

Фоменко М. А.

Семейное насилие в условиях трансформации государства
социального обеспечения.....337

Хуснулина Э. А.

Особенности формирования soft-skills в социальной сфере.....345

Швецов Ю. А.

Изучение самозанятости среди обучающихся российских вузов:
идеи, методы и способы реализации на практике.....352

Якушев М. Д.

Правовой статус людей с ограниченными возможностями
здоровья в России.....360

Повесина Д. А.

Социальная реклама в Интернете
как новый инструмент социальной политики.....369

Касаткина М. И.

Особенности подготовки студентов к социальной работе
по профилактике и преодолению состояния одиночества
пожилыми людьми.....377

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ
АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА

Материалы Всероссийской конференции

6–7 апреля 2021 года

г. Екатеринбург

Редактор *Е. Е. Крамаревская*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Электронное сетевое издание

размещено в архиве УрФУ

<http://elar.urfu.ru>

Подписано 25.11.2021. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 20,47. Объем данных 3,6 Мб.

Гарнитура Minion Pro, Myriad Pro.

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

